

Н. Н. ЗВОРЫКИНЪ

Къ Возрожденію
Россіи

ПАРИЖЪ

1 9 2 9

Н. Н. Зворыкинъ

Къ Возрожденію Россіи

ПАРИЖЪ

1 9 2 9

Николай Николаевич Зворыкинъ

Кандидатъ Правъ Московск Университета, Предсѣдатель Сѣвернаго Сельско-Хозяйственнаго Об-ва, Членъ Учредительнаго Комитета и Совѣта Всероссійской Сельско - Хозяйственной Палаты, Членъ Французск Общества Economie Sociale, Общества Agriculteurs des France и Общества Economie Politique.

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящій трудъ Н. Н. Зворыкина является плодомъ болѣе, чѣмъ 30-лѣтняго изученія жизни и нравовъ русскихъ крестьянскихъ массъ, по методамъ знаменитаго французскаго изслѣдователя **Фредерика Леплэ**, между прочимъ изслѣдовавшаго и Россію.

Методы Ф. Леплэ въ свое время создали цѣлую научную, социологическую систему, опредѣлившую законы нормальнаго, мирнаго, послѣдовательнаго социальнаго - экономическаго развитія различныхъ народовъ и племенъ, въ зависимости отъ ихъ природнаго характера и отъ географическихъ условій населяемой ими страны.

Авторъ настоящаго труда въ законы нормальнаго, спокойнаго социальнаго - экономическаго развитія человѣчества глубоко вѣритъ, и всѣ извѣстные до сихъ поръ труды его, относящіеся къ жизни русскаго народа, имѣютъ въ своемъ основаніи методы Фредерика Леплэ.

Однако же, авторъ не просто теоретическій послѣдователь доктринъ Фредерика Леплэ. Къ своему сложному и отвѣтственному труду онъ хорошо подготовленъ личнымъ опытомъ и многолѣтними изслѣдованіями быта и нравовъ русскихъ крестьянъ, о чемъ свидѣлствуютъ слѣдующія черты его біографіи.

Съ 12-лѣтняго возраста и до окончанія курса въ Московскомъ Университетѣ по юридическому факультету, въ 1876 году, онъ занимался хозяйствомъ въ одномъ изъ имѣній своихъ родителей (Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи) и страстно полюбилъ природу и деревенскую жизнь.

На этомъ раннемъ опытѣ онъ уже убѣдился въ общемъ неумѣннн вести господскія хозяйства и въ ненормальности экономическихъ отношеній между крупными землевладѣльцами и крестьянами.

Въ цѣляхъ выясненія такого положенія вещей, онъ отправился за границу, гдѣ, въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ изучалъ исторію различныхъ формъ землепользованія и землевладѣнія другихъ народовъ, а также условія пережитыхъ ими періодовъ сельско-общиннаго быта и крѣпостного права. Богатыми источниками, для собиранія свѣдѣній по этимъ вопросамъ были для него, какъ прослушанныя имъ въ качествѣ вольнаго слушателя курсы по политической экономіи и сельскому хозяйству знаменитѣйшихъ ученыхъ, такъ и работы его въ публичныхъ библіотекахъ, обладающихъ неисчерпаемыми запасами для такихъ изслѣдованій.

Плодомъ этихъ работъ Н. Н. Зворыкина явилось изданіе нѣсколькихъ печатныхъ трудовъ, перечень которыхъ приложенъ къ этой книгѣ.

Карьера присяжнаго повѣреннаго, которую онъ избралъ первоначально, его не удовлетворила, и вскорѣ же, по возвращеніи въ Россію онъ предпочелъ ей дѣятельность, вводящую его въ самую толщу русской народной жизни.

Онъ вошелъ въ значительное лѣсопромышленное предпріятіе, дѣятельность котораго охватывала громадную площадь Россіи, — отъ Ветлужскихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, по Волгѣ до Царицына и Ростова на Дону, съ одной стороны, а съ другой — до Астрахани, Баку и Закаспійскаго края.

Тѣмъ временемъ, изданные имъ печатные труды привели его къ знакомству и тѣсному сближенію съ покойнымъ княземъ В. Н. Тенишевымъ, который, не только также интересовался изслѣдованіями быта и нравовъ русскихъ крестьянъ, но въ этомъ отношеніи собралъ богатѣйшій и въ высшей степени интересный матеріаль.

Для этого имъ было организовано этнографическое бюро и изданъ печатный, систематическій вопросникъ, касавшійся самыхъ разнообразныхъ сторонъ экономическаго положенія и міровоззрѣній русскихъ крестьянъ. Вопросникъ этотъ въ значительномъ количествѣ былъ разосланъ во всѣ концы Россіи сельскимъ учителямъ, священникамъ, волостнымъ писарямъ и, вообще, лицамъ, близко стоявшимъ къ крестьянамъ.

Въ отвѣтъ на эти вопросники стеклась огромная масса матеріаловъ, которая въ этнографическомъ бюро, хотя и была планомѣрно разсортирована, но оставалась совершенно

неиспользованною. Князь Тенишевъ предложилъ Н. Н. Зворыкину разобрать въ этомъ цѣнномъ и интересномъ матеріалѣ, собраніе котораго стоило и большихъ трудовъ, и большихъ денегъ, на что онъ весьма охотно и согласился, тѣмъ болѣе, что трудъ этотъ давалъ ему возможность провѣрить его собственныя изслѣдованія и подкрѣпить его собственныя заключенія тысячами фактическихъ свидѣтельствъ. Онъ въ теченіи пяти лѣтъ разрабатывалъ этотъ матеріалъ и подготовилъ къ печати объемистый трудъ, который не вышелъ въ свѣтъ единственно, вслѣдствіе внезапной кончины князя въ 1903 году. Весь этотъ цѣнный матеріалъ принесенъ вдовою покойнаго князя, княгинею М. К. Тенишевою, въ даръ музею Императора Александра III, въ Петербургѣ.

Посѣ смерти князя В. Н. Тенишева, авторъ рѣшилъ испытать собственныя силы на сельско-хозяйственной дѣятельности и въ этихъ цѣляхъ приобрѣлъ большое имѣніе въ Петербургскомъ уѣздѣ.

Въ роли крупнаго землевладѣльца Н. Н. Зворыкинъ специализировался на молочномъ хозяйствѣ и, подъ покровительствомъ И. И. Мечникова, основалъ въ Петербургѣ фирму «Лактобациллицъ», бактериологическіе и стерилизованные продукты которой въ скоромъ же времени получили распространеніе, не только по всей Россіи, но доходили до Туркестана и Персіи.

За это же время Н. Н. Зворыкинъ былъ избранъ председателемъ Сѣвернаго Сельско-хозяйственнаго Общества, въ званіи котораго онъ безсмѣнно оставался вплоть до революціи, въ теченіи 10 лѣтъ.

Одновременно съ этимъ, онъ былъ избранъ членомъ учредителемъ, а затѣмъ и членомъ Правленія и Совѣта Всероссийской Сельско-хозяйственной Палаты.

Послѣ революціи Н. Н. Зворыкинъ продолжаетъ работать во Франціи, которую онъ и въ первые періоды своихъ трудовъ избралъ для своихъ изслѣдованій, какъ страну, въ которой въ то время земледѣлецъ считался въ экономическомъ отношеніи наиболѣе обеспеченнымъ.

Онъ состоитъ членомъ слѣдующихъ обществъ: S-té d'Economie Politique, S-té des Agriculteurs de France и S-té d'Economie Social.

Вотъ тотъ стажъ, который прошелъ авторъ, и который

даетъ ему достаточное право выступить публично съ выраженіемъ своихъ взглядовъ, какъ на причины разразившейся надъ Россіей катастрофы революціи и большевизма, такъ и на основанія для надеждъ на ея возрожденіе.

Надо полагать, что въ труднѣйшемъ вопросѣ возстановленія покалѣченной Россіи первостепенную роль сыграютъ не столько мысли кабинетныхъ экономистовъ, социологовъ и государственниковъ, сколько практическія соображенія людей жизни и опыта, согласованныя съ научнымъ знаніемъ дѣла.

Поэтому мы искренно привѣтствуемъ этотъ трудъ Н. Н. Зворыкина, какъ зрѣлый плодъ размышлений и опыта всей его жизни, продиктованный горячимъ патріотическимъ желаніемъ любящаго сына предъ болѣющей матерью-родиной.

Актъ, достойный подражанія.

А. КАРТАНІЕВЪ.

Фредерикъ Леплэ

· Соціологъ, Членъ Французской Академіи Наукъ, Основатель
Общества Economie Sociale.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

« Еще ночь . . .

Но уже близится утро . . . »

Выпуская въ свѣтъ настоящей грудъ, считаю необходимымъ преварительно выяснить, хотя вкратцѣ, соображенія, на которыхъ основываются излагаемыя въ немъ заключенія, относительно временно приостановленнаго нормальнаго хода социальна-экономическаго развитія русскаго народа и, главнымъ образомъ, крестьянскихъ массъ, а также относительно чаемаго возрожденія Россіи.

Всякія попытки произвольно-деспотическаго нарушенія естественной социальна-экономической эволюціи народовъ, путемъ насильственнаго насажденія искусственно создаваемыхъ социальныхъ организацій, принуждаютъ населеніе жить, не такъ, какъ это ему подсказываетъ его природа, а противъ его естественныхъ желаній и стремленій, и ведутъ неизбѣжно къ ихъ порабоженію, такъ какъ они подчиняются въ этихъ случаяхъ только террору, и казарменной дисциплинѣ, убивающей всякую энергію и инициативу.

Естественное социальна-экономическое развитіе русскаго народа бывало прерываемо и ранѣе болѣзненно и на продолжительный срокъ; таково было татарское иго, и таковы же были роковыя послѣдствія неудачной освободительной реформы, прикрѣпившей крестьянъ къ сельской общинѣ и превратившей ихъ въ особую касту, лишенную обще-гражданскихъ правъ.

Но, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, не были затронуты основные устои, на которыхъ создается человѣческая цивилизація: семья, религія и личная собственность.

Совѣтская же диктатура начала яростно искоренять эти міровые устои человѣческой цивилизаціи, причемъ иностранныя державы, не только не оказали этому вопіющему міровому преступленію никакого противодѣйствія, но, по политическимъ соображеніямъ, признавали захваченную боль-

шевиками власть законною и тѣмъ узаконили и ихъ преступную дѣятельность.

Несмотря на такое попустительство иностранныхъ державъ, русскій народъ и изъ этого лихолѣтія несомнѣнно выйдетъ собственными силами побѣдителемъ и вновь вступитъ на вѣрный, естественный путь своего законнаго соціально-экономическаго развитія, если только не помѣшаютъ ему въ этомъ извнѣ иностранныя державы, а внутри — борьба политическихъ партій, стремящихся къ захвату власти.

Разъ иностранныя державы допустили, по политическимъ соображеніямъ, полное разрушеніе Великой Россіи, то спрашивается, допустятъ-ли онѣ, послѣ сверженія совѣтской диктатуры, возрожденіе Россіи изъ пепла до прежняго ея величія и могущества? Не окажется-ли въ этомъ отношеніи тоже препятствіе, по политическимъ соображеніямъ?

Предвидѣть, однако-же, въ будущемъ обстоятельства, касающіяся политическихъ соображеній, никто не можетъ; а потому авторъ въ предлагаемомъ трудѣ ихъ совершенно не касается: всѣ свои изслѣдованія и заключенія онъ основываетъ на упроченіи въ будущей Россіи семейныхъ и религіозныхъ началъ и на развитіи здоровыхъ принциповъ частной собственности, безъ которыхъ немислимо ея возрожденіе.

Что-же касается вопроса, насколько окажется въ состояніи истерзанный войною, революціею и большевизмомъ русскій народъ самостоятельно, собственными силами встать на ноги и вновь вступить на намѣченный ему исторіею здоровый путь соціально - экономическаго развитія, то авторъ доказываетъ, что сомнѣній въ этомъ отношеніи быть не можетъ, такъ какъ русскій народъ, обладая не имѣющею себѣ равной рабочею силою и неисчерпаемыми природными богатствами, быстро воспрынетъ духомъ, оправится и восстановитъ свое міровое значеніе, какъ экономическое, такъ и политическое.

Но, повторяю, что возрожденіе Россіи до прежняго ея экономическаго развитія и политическаго могущества возможно лишь при томъ условіи, чтобы иностранныя державы не вмѣшивались въ ея судьбу: чтобы и Финансовый Интернаціональ не загромождалъ ее своими капиталами.

Для большинства политических и финансовых дѣльцовъ, условіе это покажется неосуществимымъ: какимъ, въ самомъ дѣлѣ, образомъ, разоренная въ конецъ Россія, при своемъ возрожденіи, можетъ обойтись безъ иностранныхъ капиталовъ?

Какъ только въ Россіи установится порядокъ, и утвердится здоровая, угодная народу власть, — капиталовъ, конечно, посыплется въ нее, сколько угодно; иностранныя финансовыя группы, наперерывъ другъ передъ другомъ устремятся расхватывать концессіи, или просто предлагать крупныя займы, что можетъ довести Россію до положенія неплатнаго должника и превращенія ея въ колонію; ибо займы Россіи дадутъ разные товары, или кредиты, а погашеніе долговъ будетъ взыскиваться золотомъ, котораго, ни у многихъ другихъ державъ, ни, тѣмъ болѣе, у Россіи, нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ все оно крѣпко захвачено въ рукахъ Финансоваго Интернаціонала.

Вѣдь, если принять во вниманіе, какъ это будетъ выяснено въ своемъ мѣстѣ только тотъ громадный капиталъ, который, при обновленіи Россіи потребуется для организаціи здороваго государственнаго землеустройства и рациональнаго расселенія крестьянъ на хутора, то занимая его у иностранныхъ финансистовъ, пришлось бы заложить всю Россію.

Обновляемая Россія, во что бы то ни стало, должна обойтись безъ иностранныхъ капиталовъ, такъ какъ иначе она была бы обречена на финансово-экономическое порабощеніе Финансовому Интернаціоналу и на превращеніе въ его вѣчнаго данника.

Признавая же такое соображеніе основательнымъ, необходимо заранѣе же выработать спеціальную для обновляемой Россіи систему финансовъ и денежнаго обращенія.

Надъ этимъ вопросомъ авторъ работалъ болѣе 10 лѣтъ. Въ результатѣ его изслѣдованій оказалось, что ни одна изъ установленныхъ системъ денежнаго обращенія въ государствахъ, обезцѣнившихъ за время войны свою національную монету, не можетъ признаваться здоровою и прочною, и что всѣ онѣ мало чѣмъ отличаются отъ кредитнаго денежнаго обращенія, отвергнутаго Россіей въ 1896 году, за его негодностью.

За исключеніемъ Англии и Германіи, всѣ государства съ обезцѣненнымъ за время войны денежнымъ обращеніемъ, стабилизировали инфляціонную монету свою на нѣкоторомъ сильно пониженномъ уровнѣ паритетной ея валютности, и сохранили въ обращеніи, какъ на внутреннихъ, такъ и на внѣшнихъ рынкахъ громадныя массы выпущенныхъ инфляціонныхъ билетовъ, на золото не размѣняваемыхъ.

Положеніе обновляемой Россіи должно оказаться совершенно инымъ: ей не придется и думать о возстановленіи разстроенныхъ совѣтами финансовъ и обезцѣненного ими денежнаго обращенія, а придется создавать ихъ совершенно вновь.

Необходимо будетъ при этомъ имѣть ввиду установленный послѣ войны Финансовымъ Интернаціоналомъ новый принципъ расчета по международнымъ сдѣлкамъ, въ силу котораго національныя монеты, — будь онѣ золотыя, или бумажныя, — никакой роли не играютъ, а расплачиваться приходится исключительно золотомъ въ слиткахъ (*l'or en barres*; Bullion Exchange Standard).

Изъ этого обстоятельства выводится заключеніе, что какова бы ни была новая система національнаго денежнаго обращенія, которая будетъ создана въ обновляемой Россіи, она прежде всего должна предназначаться исключительно для внутренняго обращенія, а для того, чтобы валютная устойчивость ея была забронирована противъ спекулятивныхъ маневровъ Финансоваго Интернаціонала, биржевая котировка ея и вывозъ ея за границу должны быть категорически воспрещены.

Проникнутый этою мыслью и задумываясь надъ задачей созданія здороваго бумажнаго денежнаго обращенія для внутреннихъ рынковъ, авторъ настоящаго труда изложила въ общихъ чертахъ свои заключенія въ брошюрахъ, изданныхъ въ Парижѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ *).

Въ настоящемъ трудѣ этому вопросу въ связи съ пред-

*) Бумажное денежное обращеніе (Складъ изданія въ магазинѣ «Родникъ», (*La Source*), въ Парижѣ, *rue de la Tour*, 106, (16 arrond.). Paris. 1927.

Etude sur le Papier Monnaie Складъ изданія въ магазинѣ *Recour, Chevillet et C-ie*, 22, *rue de la Banque*, Paris. 1927.

стоящей въ обновляемой Россіи организаціей государственнаго землеустройства, посвящены двѣ особыя главы.

Исканія автора въ этомъ направленіи вызваны, отнюдь не самонадѣяннымъ воображеніемъ того, что онъ можетъ изобрѣсти новую систему денежнаго обращенія представляющую собою цѣлый переворотъ въ этой области, а единственно неотвязною мыслью о необходимости, при создавшихся послѣ войны условіяхъ мірового денежнаго обращенія, ограждать Россію отъ ея порабощенія Финансовому Интернаціоналу.

Поэтому, признавая, что онъ лично къ разрѣшенію такой сложной и спеціальной задачи далеко не достаточно подготовленъ, авторъ призываетъ всѣхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ спеціалистовъ изслѣдовать подробнѣе этотъ вопросъ, и, неограничиваясь одною безошадною критикою предполагаемой системы, проникнуться мыслью о настоятельной необходимости огражденія обновляемой Россіи противъ натиска иностранныхъ капиталовъ: — пусть будутъ внесены въ предполагаемой системѣ необходимыя поправки и дополненія; или же пусть будетъ предложена другая, болѣе удобная и прочная система, отвѣчающая этимъ цѣлямъ; но нельзя упускать изъ виду, что безъ соблюденія этого важнаго условія, возстановленіе Россіи въ ея прежнемъ богатствѣ и величіи не мыслимо.

Авторъ убѣжденъ, что Россія, при своихъ неисчерпаемыхъ природныхъ богатствахъ и неимѣющей себѣ равной рабочей силѣ, въ состояніи самостоятельно, обходясь безъ Финансоваго Интернаціонала, организовать свои прочныя финансы и свое здоровое денежное обращеніе для внутренняго рынка.

Только при обезпеченіи такой своей самостоятельности, обновляемая Россія будетъ избавлена отъ необходимости искать возможности занимать за границею крупныя суммы и выдавать подъ нихъ концессіи на эксплуатацію не только ея природныхъ богатствъ, но и насущно необходимыхъ аппаратовъ для развитія ея производства (транспорта, освѣщенія, телефона и т. п.).

Авторъ глубоко убѣжденъ, что Россія при установленіи въ ней твердой, угодной народу власти, но располагая въ достаточной мѣрѣ собственными денежными средствами и

здоровымъ, для внутреннихъ рынковъ, денежнымъ обращеніемъ, какъ это имѣется ввиду въ предлагаемомъ трудѣ, въ скоромъ же времени широко разовьетъ свое національное производство и достигнетъ экономическаго довольства и соціального спокойствія своего громаднаго населенія, при которыхъ только и возможенъ индивидуальный, свободный продуктивный трудъ.

Событія, прерывающія на болѣе, или менѣе продолжительное время естественный ходъ нормальнаго соціального экономическаго развитія народовъ, а иногда кончающіяся и безвозвратною гибелью ихъ самихъ и ихъ цивилизаціи, вызываются обыкновенно соціальными беспорядками, гражданской войною и революціею.

Такія событія, конечно, сами по себѣ ненормальны и вызываются обыкновенно неудачной политикой правителей, являющейся причиною продолжительнаго недовольства народныхъ массъ, потерявшихъ терпѣніе въ ожиданіи необходимаго улучшенія ихъ экономическаго, или правового состоянія, и доходящихъ до вооруженныхъ возстаній.

Но въ переживаемое время такое недовольство народныхъ массъ нерѣдко вызывается, не дѣйствительно безысходнымъ ихъ положеніемъ въ томъ, или другомъ отношеніи, а возбуждается искусственно революціонными политическими партіями, которыя, подъ предлогомъ заботъ о благосостояніи человѣчества, въ сущности стремятся къ достиженію собственныхъ эгоистическихъ цѣлей и, главнымъ образомъ, — къ захвату власти.

Война великими державами объявлена внѣ закона.

Но гражданская война (революція), по своимъ ужасамъ и звѣрствамъ, превосходящая во много разъ бѣдствія, причиняемая международными войнами, была всегда и остается внѣ закона; она и возбуждается въ цѣляхъ именно ниспроверженія существующихъ законовъ и власти. Не могла остановить Великой Войны созданная по почину Императора Николая II Гагская Конференція; — неизвѣстно, будетъ ли счастливѣе въ этомъ отношеніи Лига Націй.

Такимъ образомъ, опасность революціонныхъ гражданскихъ войнъ продолжаетъ угрожать спокойному соціально-экономическому развитію человѣчества съ не меньшей, а съ большей силой.

Единственный методъ, который, казалось бы, могъ предотвращать подобныя бѣдствія, — это соблюденіе единства и общаго довольства народныхъ массъ, т. е. такихъ условий, при которыхъ революціонная пропаганда не будетъ имѣть почвы для успѣха.

Общее же довольство народное можетъ достигаться, съ одной стороны, путемъ организациі рациональныхъ условий для развитія свободнаго индивидуальнаго труда и частной собственности, являющейся плодомъ труда, — а съ другой, — путемъ прочнаго огражденія отъ распада семейныхъ и религіозныхъ началъ, являющихся хранителями морали народныхъ массъ.

Разработка подходящей для Русскаго народа социаль-но-экономической организациі, отвѣчающей этимъ условіямъ и представляетъ собою опытъ настоящаго скромнаго труда.

Авторъ.

Князь Вячеславъ Николаевичъ Тенишевъ

Основатель Этнографическаго Бюро для изслѣдованія быта и нравовъ русскихъ крестьянъ. Основатель Техническаго Училища въ Петроградѣ. Комиссаръ Русскаго Отдѣла Всемирной Выставки въ Парижѣ 1900 года. Авторъ книгъ: «Математическое образованіе и его значеніе», «Дѣятельность человѣка», «Дѣятельность животныхъ».

(Портретъ взятъ изъ *Illustration Universelle*).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КОРЕННЫЯ ПРИЧИНЫ РАЗВАЛА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Революція и большевизмъ являются результатами обстоятельствъ, подготовлявшихъ эту катастрофу впродолженіи цѣлаго ряда десятилѣтій. — Фактъ этотъ, не избавляетъ насъ отъ обязанности признанія, что царское правительство создало, какъ могущество и величіе Россіи, такъ и ширскіе пути для развитія народнаго творчества. — Неудачное осуществленіе освободительной реформы 1861 года. — Кастовая организація крестьянъ, лишенныхъ общегражданскихъ правъ и прикрѣпленныхъ къ сельской общинѣ навсегда. — Лишеніе ихъ права расчистки подъ поля новыхъ мѣстъ, для надѣленія рождающагося потомства. — Зловѣщіе признаки надвигавшейся катастрофы, выяснявшіеся за послѣднія десятилѣтія.

Когда ничтожная горсть большевиковъ, столь быстро и неожиданно завладѣла могущественною Россійскою Имперіей, недоумѣвающіе иностранцы спрашивали, какимъ образомъ русское, сильнѣйшее въ мірѣ войско могло измѣнить своему государю, и какимъ образомъ, многомилліонный русскій народъ, такъ еще недавно обожавшій своего «царя батюшку», предалъ его на поруганіе и смерть, а свое великое отечество — на безчестіе и раззореніе?

И какіе же на эти вопросы давались отвѣты русскими изгнанниками, разсыпавшимися по бѣлу-свѣту?

Одни отвѣчали, что виновато царское правительство — и его ставленники; другіе — что виновато временное правительство Керенскаго, принявшее большевиковъ съ распростертыми объятіями; а большинство утверждало, что всѣхъ болѣе виновато германское правительство, благодаря которому большевики вторглись въ Россію.

Но извинительно было давать подобныя объясненія въ тотъ самый моментъ неожиданно разразившейся катастрофы, когда, какъ громомъ пораженные, русскіе граждане массами разбѣгались въ разныя стороны, сами еще не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, какъ все это случилось, и когда они думали только о томъ, какъ бы спасти, какъ собственную жизнь, такъ и жизнь своихъ родныхъ и близкихъ людей.

Въ настоящее же время, — когда стали общезвѣстны тѣ, до комизма ничтожныя средства, которыми располагала горсть большевиковъ, доставленная въ Россію въ германскомъ запломбированномъ вагонѣ, для развитія въ ней революціоннаго движенія, — такія объясненія становятся дѣтски-наивными; сами большевики, вѣдь, не ожидали, что имъ такъ легко удастся захватить въ свои руки диктаторскую власть, надъ всею Россіею; это для нихъ оказалось полнѣйшимъ сюрпризомъ.

Для всякаго нынѣ уже стало яснымъ, что причины развала Россіи лежатъ гораздо глубже, и что *произведенное большевиками катастрофическое социальное - экономическое потрясеніе есть результатъ, состоятельствъ, подготовлявшихъ его въ теченіе цѣлаго ряда десятковъ лѣтъ.*

Для того, чтобы создать себѣ ясное представленіе о томъ, какимъ образомъ довелось Великой Россіи дойти до переживаемаго ею безпримѣрнаго въ исторіи социальное - экономическаго потрясенія, необходимо изслѣдовать событія и условія, которыя могли нарушить нормальныя условія естественнаго социальное-экономическаго развитія русскаго народа и, главнымъ образомъ, крестьянъ, представляющихъ собою подавляющую численность его состава.

Нѣкоторыя мѣропріятія царскаго правительства несомнѣнно имѣли свою долю значенія въ конечномъ развалѣ Россіи; слѣдуетъ, однако же, разсматривать ихъ безъ озлобленія, памятуя, что Домъ Романовыхъ былъ всегда преисполненъ благими намѣреніями, и что, если государямъ не всегда удавалось находить правильный выходъ изъ создавшихся критическихъ положеній, то этому мѣшали сложныя, казавшіяся непреодолимыми обстоятельства.

При всѣхъ неудачахъ царскаго правительства, нельзя забывать, что оно все же сумѣло *создать величіе, могущество и славу Россіи, какъ въ области политической, такъ и области экономической*; въ отношеніи же внутренняго ея благоустройства, достаточно указать на произведенныя имъ образовыя, реформы, судебную и финансовую, которыя по ихъ размаху, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по ихъ простотѣ, стояли выше такихъ же организацій даже и у наиболѣе передовыхъ державъ. Самобытный же, отличающійся своею національною оригинальностью расцвѣтъ наукъ и искусствъ въ Россіи, сви-

дѣтельствуесть неотразимымъ образомъ о томъ, что дореволюціонная государственность была въ ней въ свое время, дѣйствительно національною, и что *царское правительство, несмотря на нѣкоторые крупныя промахи*, все же сумѣло создать широкіе пути для успѣшнаго развитія народнаго творчества.

Все это обязываетъ потомство помнить, что за періодъ царствованія Романовыхъ, какъ бы ни велики были его ошибки, нѣ не затемнять его громадныя заслуги предъ Россіей; періодъ этотъ будетъ отмѣченъ всемірною исторіей въ ряду событій самыхъ достопримѣчательныхъ.

Но, какъ это доказываетъ исторія, судьба народовъ нерѣдко сталкивается съ осложненіями и непреодолимыми препятствіями, парализующими нормальный ходъ ихъ естественнаго соціально - экономического развитія, изъ которыхъ не находится выхода.

Разобраться въ такихъ осложненіяхъ въ иныхъ случаяхъ обыкновеннымъ смертнымъ не дано, такъ какъ однихъ благихъ намѣреній для выхода изъ нѣкоторыхъ критическихъ моментовъ оказывается недостаточнымъ, и половинчатая мѣра, принимаемая правителями въ угоду одной части населенія и въ ущербъ другой, не только не достигаютъ намѣченныхъ цѣлей, но впоследствии гибельно отражаются на судьбѣ цѣлаго народа.

Одною изъ благонамѣренно задуманныхъ, но неудачно проведенныхъ въ жизнь реформъ, приходится признать и актъ освобожденія русскихъ крестьянъ, отъ крепостной зависимости въ 1861 году.

Не въ цѣляхъ осужденія составителей этой великой реформы, а въ видахъ необходимости обсужденія условій, при которыхъ возможно возстановленіе дальнѣйшаго хода соціально-экономическаго развитія русскаго народа, игнорировать роковыя послѣдствія этой неудачной реформы не представляется возможнымъ. Разсмотрѣнію этихъ роковыхъ послѣдствій, поэтому, посвящается слѣдующая глава.

Несомнѣнно, что, какъ самъ Императоръ Александръ II, такъ и составители освободительной крестьянской реформы 1861 года, были преисполнены благими намѣреніями, рѣшивъ, на примѣръ, сохранить сельскую общину, какъ самобытную, спеціальную соціальную организацію, исключитель-

но присущую славянскимъ народамъ, а въ томъ числѣ и народу русскому: заблужденіе это оказалось для русскаго народа, въ цѣломъ его составѣ, гибельнымъ.

Но можно ли ставить въ упрекъ государственнымъ людямъ то, что они довели крестьянскій земельный кризисъ до катастрофы и были сторонниками сельско - общиннаго строя, когда *общественное мнѣніе въ Россіи, со временъ Аксакова, держалось того убѣжденія, что земельная община представляетъ собою особый, національный, присущій исключительно славянскимъ народамъ бытовой строй*, а не временную переходную организацію общежитія, черезъ которую проходить всѣ земледѣльческіе народы на пути своего соціально-экономическаго развитія, — отъ перебытнаго періода патріархальныхъ нравовъ, до уровня современной цивилизаціи?

Что же говорить о министрахъ, когда такіе столпы науки, какъ Чупровъ и Постниковъ, до самой ихъ смерти были горячими сторонниками сохраненія сельской общины?

А между тѣмъ, защитники общины, сами того не подозревая, тянули за одну веревку съ коммунистами, которые отстаивали ея принципы, понятно, не ввиду охраны патріархальныхъ началъ, а единственно въ цѣляхъ помѣшать насажденію въ Россіи мелкой земельной собственности.

Марксисты, преслѣдовавшіе революціонныя цѣли, увлекаясь политикой и утопическими теоріями, вообразили себѣ, что организація русской сельской общины основана на принципахъ коммунизма; они упустили изъ виду, что она въ своемъ основаніи имѣетъ семейныя, патріархальныя начала, которыя они категорически отвергаютъ.

Прискорбно въ высшей степени то, что русскіе экономисты и видные государственные дѣятели, такіе, напримѣръ, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, принимавшіе участіе въ составленіи проекта освободительной реформы, и лица, входившія въ составъ правительства въ періодъ, продолжавшійся болѣе полустолѣтія послѣ прикрѣпленія освобожденныхъ крестьянъ къ сельской общинѣ, не уяснили себѣ временнаго значенія сельской общины, всюду являвшейся, лишь, первобытной соціальной организаціей, подготовлявшей хлѣбопашцевъ къ самобытной индивидуальной дѣятельности, стремленіе къ которой постепенно и развивается въ нихъ съ неудержимой силой: до самой революціи они продолжали держаться убѣж-

денія, что русская сельская община, несмотря на явный упадокъ благосостоянія крестьянъ и на ихъ возрастающее грозное недовольство, должна была оставаться въ силѣ, по соображеніямъ административно-полицейскимъ и фискальнымъ.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи не имѣетъ себѣ равной, или даже подобной реформы въ Западной Европѣ; тамъ освобожденіе крестьянъ подготовлялось незамѣтно и постепенно: оно произошло тамъ исподволь и спокойно, а не головокружительнымъ скачкомъ, который опрокинулъ въ Россіи весь ея внутренній политическій и экономическій укладъ.

Великая реформа освобожденія русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, несмотря на искреннія намѣренія царя-освободителя, желательныхъ результатовъ не достигла: крестьяне, оказавшіеся замкнутыми въ сельской общинѣ и выдѣленными въ отдѣльную касту, были лишены *обще-гражданскихъ правъ, предоставленныхъ другимъ классамъ общества*.

Изъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ они были превращены въ крѣпостныхъ земельныхъ общинъ, и сельскій сходъ оказался ихъ полновластнымъ деспотомъ, подъ командой центральной власти.

Освобожденные крестьяне были прикрѣплены къ землѣ (*ascripti glebae*), и такое положеніе ихъ было тѣмъ болѣе тягостнымъ, что на отведенныхъ имъ тѣсныхъ надѣлахъ, они вскорѣ же, вслѣдствіи своего быстрого размноженія оказались не въ состояніи кормиться.

Печальныя послѣдствія такой кастовой, замкнутой крестьянской организаціи не замедлили обнаружиться: въ то время какъ остальные слои русскаго народа улучшали свое благосостояніе, крестьяне, при стадномъ порядкѣ своего первобытнаго общиннаго уклада, продолжали коснѣть въ невѣжествѣ; изъ-за земельной тѣсноты они стали постепенно бѣднѣть, а въ концѣ концовъ дошли до нищенскаго состоянія.

Главный смыслъ экономической, взаимодействовавшей связи между землею (вотчиною) и трудовою силою (крестьянами), въ періодъ крѣпостнаго права, заключался въ томъ, что сельское населеніе, по мѣрѣ своего размноженія, *расчищая новые участки подъ пашни*, создавало новые источники для своего питанія, а, по мѣрѣ увеличенія площади культурныхъ земель,

возрастало и государственное сельско-хозяйственное производство.

Освободительная реформа эту связь между землею и крестьянами порвала, и никакою другою комбинаціею, обеспечивающею успешное развитіе государственнаго сельскаго хозяйства не замѣнила.

Прогремѣвшій на весь міръ великій актъ освобожденія русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ дѣйствительности былъ смертнымъ приговоромъ, какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ, оказавшихся не въ силахъ справиться съ выпавшею на ихъ долю государственною задачею поднятія сельскохозяйственной культуры и народнаго благосостоянія.

Не сумѣло русское правительство констатировать и поправить произведенныя ошибки освободительной крестьянской реформы, и въ теченіе болѣе полустолѣтія, истекшаго послѣ 1861 года не было создано за этотъ длительный періодъ, ни удовлетворительныхъ условій для настоятельно наросставшей необходимости дальнѣйшаго соціально-экономическаго развитія крестьянскихъ невѣжественныхъ массъ, ни даже для разрѣшенія постепенно назрѣвавшаго аграрнаго кризиса.

Фактъ этотъ роковымъ образомъ привелъ къ развалу Россіи.

Прежній твердый укладъ жизни въ Россіи покоился на томъ, что все ея громадное населеніе было сыто. Когда же въ Россіи начали появляться нужда и голодъ, общее настроеніе довольства смѣнилось чувствомъ общаго недовольства. Государственный строй Россіи сталъ держаться уже не на непоколебимой преданности народной, царскому правительству, а на полицейской власти и на численной силѣ арміи: Россія постепенно превратилась въ колосса на глиняныхъ ногахъ.

Тяготѣніе русскаго народа къ землѣ вполнѣ естественно и понятно. Борьба его за власть надъ землею была основана на искренномъ убѣжденіи, что побѣда останется за нимъ, и что земля въ концѣ концовъ непременно перейдетъ въ его руки, такъ какъ помимо нихъ, некому ее обрабатывать.

Поэтому, когда русскіе крестьяне кричали: «*Дайте намъ земли!*» — это совсѣмъ не былъ крикъ революціонный, — а вопль, вызываемый естественнымъ порывомъ земледѣльческой

націи, выполнявшей свое историческое назначеніе, на предопредѣленныхъ вѣками историческихъ основаніяхъ.

Требованія крестьянскими общинами земли, съ ихъ точки зрѣнія, были совершенно естественны и законны: естественны, — потому что принудительно сохраненная сельская община, придерживавшаяся примитивнаго, стаднаго землепользованія, могла существовать только при условіи увеличенія обрабатываемой земельной площади, по мѣрѣ размноженія ея населенія; — и законны, — потому, что, сохраняя при ихъ освобожденіи, общинный строй хозяйства, — сама логика требовала тогда же установить точныя условія, на какихъ за сельскими общинами сохранялось бы право на прирѣзку, хотя бы запущенныхъ земель, входившихъ въ составъ вотчинъ, къ которымъ онѣ были приписаны, или же, чтобы, нарождающихся крестьянъ, оставшихся безъ земли, обязательно выселять на новыя мѣста.

Въ такомъ естественномъ и законномъ, съ крестьянской точки зрѣнія, требованіи земли, поэтому, ничего предосудительнаго не было, и, какъ извѣстно, они считали это требованіе настолько справедливымъ, что всѣ свои надежды возлагали на царя-батюшку, ожидая его милости, что онъ войдетъ въ ихъ тяжелое положеніе и, для удовлетворенія ихъ крайней нужды, издастъ законъ, на основаніи котораго отвели бы дополнительные надѣлы сельскимъ обществамъ, къ которымъ они были приписаны.

Развѣ не замѣчательно, что тѣ же крестьяне, какъ только имъ удавалось выйти изъ общины, уже никакихъ претензій на надѣленіе землею не имѣли? Требованія земли только потому и могли возникать у русскихъ крестьянъ, какъ имъ казалось, *на законныхъ основаніяхъ*, что они навѣки были прикрѣплены къ сельской общинѣ, которая безъ дополнительныхъ надѣловъ существовать не могла.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли себѣ представить, что русскіе крестьяне точно также стали бы требовать дополнительныхъ надѣловъ, если бы, при ихъ освобожденіи, они были превращены въ индивидуальныхъ земельныхъ собственниковъ, — въ хуторяны? — *Такое требованіе тогда оказалось бы настолько же нелѣпымъ и неприемлемымъ какъ, если бы какой нибудь гражданинъ сталъ требовать отъ правительства денегъ на тожъ основаніи, что у него ихъ нѣтъ, или мало.*

Съ увѣренностью можно утверждать, что, если бы великая освободительная реформа 1861 года создала, для раскрѣпощенныхъ крестьянъ нормальныя условія, дающія для каждаго изъ нихъ возможность сдѣлаться независимымъ гражданиномъ и земельнымъ собственникомъ, то жива и сильна была бы и до сихъ поръ Россія, такъ какъ тогда, ни социалисты, ни большевики не нашли бы въ крестьянской средѣ той почвы недовольства и озлобленія, которую они такъ коварно использовали для своей тлетворной пропаганды, имѣвшей ввиду одно: захватъ власти.

Но, если бы и въ періодъ, истекшій послѣ освободительной реформы, приняты были надлежащія мѣры для расселенія домохозяевъ на достаточнаго размѣра отруба и переселенія излишка сельско - общинныхъ замлепашцевъ на пустовавшія, бездоходныя пространства сосѣднихъ съ ними лятифундій, или въ Сибири, то и *этого было бы достаточно для созданія прочнаго земледѣльческаго класса, на которомъ могло бы твердо покоиться благополучіе Великой Россіи.*

Не осуществилось до революціи и большевизма постепенное расселеніе крестьянъ на хутора единственно вслѣдствіе отсутствія у стоявшихъ у власти людей настоящаго представленія о смыслѣ и тревожномъ положеніи крестьянскаго земельного кризиса, и что торжествовали предвзятые, самонадѣянные, рутинные взгляды закоренѣлыхъ бюрократовъ, страдавшихъ крайнею недалководидностью, а главное, — безграничною самоувѣренностью.

Величайшее значеніе періода сельско - общиннаго быта въ дѣлѣ постепеннаго социальна - экономическаго развитія человечества не подлежитъ сомнѣнію: подобно тому, какъ *семья* для человѣка, жившаго въ дикомъ состояніи, была *первою ячейкою*, изъ которой впослѣдствіи выработались различныя социальна - экономическія организаціи, а *патріархальная община*, наряду съ религіозными вѣрованіями, являющимися первоисточниками нравственной идеологіи культурныхъ народовъ, выработала основы общественнаго правопорядка, *сельская земельная община*, — имѣла громаднѣйшее значеніе въ отношеніи дальнѣйшей подготовки человѣка къ сознанию необходимости, какъ *опредѣленія личныхъ гражданскихъ правъ* человѣка, такъ и развитія, — наряду съ собственно-

стью общественною и семейною, — и собственности частной.

То, что кочевникъ для своего дальнѣйшаго существованія вынужденъ былъ превратиться въ хлѣбопашца, явилось для человѣчества первымъ предупрежденіемъ въ томъ, что *жить только на счетъ даровъ природы*, — какъ это было въ первобытномъ состояніи, когда дикарь существовалъ отъ охоты и рыбной ловли, или, во времена патріархальныя, когда кочевники жили отъ стада, кормившихся на необозримыхъ степяхъ, *дольше становилось невозможнымъ*; что земельные запасы ограничены, и что для того, чтобы человѣкъ могъ продолжать кормиться со своею семьею и со своимъ потомствомъ, — ему оказалось необходимымъ *работать, т. е. приняться за тяжелый трудъ земледѣлства*.

Сельская община, такимъ образомъ, была *первою, вынужденною обстоятельствами, трудовой организаціей*, и обстоятельство это заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ въ связи съ необходимостью труда *возникли вопросы о количествѣ и качествѣ результатовъ труда, объ индивидуальных способностяхъ къ труду каждаго челоѣка и о личныхъ правахъ его на плоды его собственныхъ трудовъ*.

Въ періодъ сельской общины, въ челоѣкѣ постепенно вырабатывается сознаніе преимуществъ индивидуальнаго труда, сравнительно со стадно - общиннымъ землепользованіемъ, и сознаніе необходимости признанія *личныхъ правъ челоѣка на плоды его собственныхъ трудовъ*, — т. е. *уваженія правъ частной собственности*.

Однако же, при всемъ громадномъ значеніи сельско - общиннаго быта, подготовляющаго крестьянъ къ переходу отъ первобытнаго стадно - общиннаго землепользованія къ труду индивидуальному и къ хуторскому хозяйству на правахъ земельныхъ собственниковъ, — *фактъ, что русскіе крестьяне, лишенные возможности расчищать подъ пашни новыя мѣста, по мѣрѣ размноженія населенія, были замкнуты на отведенной имъ ограниченной земельной площади, со всемъ грядущимъ потомствомъ, навсегда, — приходится признать кореннымъ нарушеніемъ нормальнаго, естественнаго социальна - экономического развитія русскаго народа, который опрокинулъ главныйшеі устои, на которыхъ прочно держались его догальство и политическое могущество Россійской Имперіи*.

Лишенная земельного простора, русская сельская община уже не могла по прежнему продолжать надвѣлять нарождающееся населеніе новыми земельными участками; а, между тѣмъ, выходъ изъ общинъ крестьянамъ былъ категорически воспрещенъ; такимъ образомъ, все быстро размножавшееся потомство было навѣки лишено обще - гражданскихъ правъ, предоставленныхъ другимъ классамъ общества.

Стремленіе русскихъ крестьянъ - общинниковъ къ самостоятельному, индивидуальному труду стихійно развивалось впродолженіе всего пережитого ими періода послѣ ихъ освобожденія, вплоть до революціи; и задолго еще до революціи симптомы развала сельско - общиннаго быта обнаруживались во всей силѣ. Фактъ ихъ закрѣпощенія въ общинѣ и лишенія ихъ обще - гражданскихъ правъ, которыми пользовались другіе классы общества, крестьяне объясняли враждебнымъ для нихъ вліяніемъ дворянства на правительственныя власти, и обстоятельство это явилось первопричиною недовольства ихъ *противъ правительства и дошедшей до ненависти розни, которая установилась между ними и крупными землевладельцами, да и вообще интеллигентными классами*.

Не измѣнилось такое, съ точки зрѣнія соціально - экономической, ненормальное положеніе и съ учрежденіемъ Законодательныхъ Палатъ: Государственной Думы, состоявшей изъ выборныхъ народныхъ представителей, и Государственного Совета, наполовину состоявшаго изъ представителей, назначавшихся Государемъ, и выбиравшихся народомъ.

Развившіяся въ нихъ вскорѣ же парламентскія словопренія, розни между крестьянами и интеллигентными классами не ослабили, но, наряду съ этимъ, обострили враждебную борьбу между политическими партіями и немало способствовали успѣхамъ уже таившагося въ народныхъ массахъ революціоннаго настроенія.

Въ отношеніи же выхода изъ переживавшагося тяжелаго аграрнаго кризиса такъ же, какъ и въ отношеніи необходимаго уравниенія гражданскихъ правъ крестьянъ, приписанныхъ къ сельскимъ общинамъ, съ другими классами, Законодательными Палатами сдѣлано ничего не было.

Дошедшую до ненависти рознь между народными массами и интеллигентными классами слѣдуетъ признать одною изъ главнѣйшихъ причинъ разразившейся надъ Россіей ката-

стробы революціи и большевизма: въ Россіи въ этотъ моментъ не оказалось того могучаго оплота, который представлялъ бы земледѣльческій классъ, для защиты установленнаго государственнаго правопрядка, противъ революціонныхъ попытокъ низверженія правительства и захвата кучкою авантюристовъ власти въ свои руки; русскіе крестьяне долго ждали царева слова, котораго, по ихъ понятіямъ, было бы достаточно для того, чтобы вывести ихъ изъ бѣдственнаго ихъ положенія, но, не дождавшись этого слова, потерявъ вѣру въ царскую власть, они поддались льстивымъ обѣщаніямъ революціонеровъ и примкнули къ возстанію, погубившему Россію.

Развалъ Россіи, безъ участія въ революціи крестьянскихъ массъ, былъ бы абсолютно невозможенъ. Но организовывать такой прочный классъ свободныхъ земледѣльцевъ, на которомъ покоились бы государственные устои, царское правительство не сумѣло.

Зловѣщіе признаки надвигающейся стихійной соціально - экономической катастрофы, которая неминуемо должна была дано или поздно, разразиться надъ Россіею, обнаружилась за послѣднія десятилѣтія вполне опредѣленно.

Авторъ настоящаго труда не мало объ этомъ писалъ, какъ въ повременной прессѣ, такъ и въ отдѣльно изданныхъ своихъ трудахъ. Въ 1896 году, между прочимъ была имъ помѣщена въ издаваемомъ въ Парижѣ журналѣ «**La Réforme Sociale**», статья, въ которой онъ предсказывалъ, что ухудшавшееся безвыходное положеніе крестьянъ, представляющихъ подавляющее большинство населенія Россіи, должно было неминуемо разразиться катастрофой. Неоднократно предупреждалъ онъ о зловѣщихъ признакахъ надвигающейся катастрофы и министровъ С. Ю. Витте, В. Н. Плеве и А. С. Ермолова. Но царившія въ то время невозмутимое спокойствіе и увѣренность въ твердости царевой власти обманули близорукихъ правителей, не отдававшихъ себѣ отчета въ томъ, что затишіе это было передъ бурей, и не пожелавшихъ пристальнѣе взглянуть подалше. Великая война была громовымъ ударомъ, вызвавшимъ эту бурю.

Нѣкоторые крупные землевладѣльцы изъ земельной аристократіи сознавали угрожавшее государственному спокойствію положеніе, переживавшееся Россіею въ продолженіе полустолѣтія послѣ крестьянской освободительной реформы; — но голоса

ихъ оставался вопіющимъ въ пустынь; въ правительственныхъ сферахъ сознание о томъ, насколько такое положеніе было тревожно, совершенно отсутствовало; помѣстное дворянство, большею частью разоренное, исчезало; вліяніе его на крестьянскія массы оказалось навсегда утраченнымъ; вслѣдствіе этого утрачено было и его прежнее значеніе въ дѣлахъ государственныхъ; бразды правленія оказались въ рукахъ губернаторовъ, земскихъ начальниковъ и разныхъ административно - полицейскихъ учреждений; людей, близко стоявшихъ у земскаго дѣла, окружавшіе престоль администраторы военнаго типа, стоявшіе далеко отъ земли, уже не слушали; когда имъ указывалось на тревожное положеніе, создавшееся крестьянскимъ обнищаніемъ и аграрнымъ кризисомъ, то они этимъ обстоятельствомъ пользовались лишь постольку, поскольку такія заявленія давали имъ возможность внушать монарху, что тронъ его въ опасности и, поддерживая его тревожное настроеніе, усиливать свое значеніе въ дѣлѣ его охраны.

Административно - полицейскими мѣрами соціально - экономическіе кризисы, однако же, разрѣшаться не могутъ: онѣ могли только раздражить и возстановить противъ царской власти наиболѣе преданные классы русскаго народа, которые въ дѣйствительности представляли собою наиболѣе надежный оплотъ для государственнаго спокойствія, и довести до ненависти ту рознь, которая образовалась между взаимно обвинявшими въ своихъ несчастіяхъ крестьянами и дворянами, и, вообще, интеллигенціей, послѣ неудачной освободительной реформы.

Хотя освобожденіе крестьянъ отъ крепостной зависимости и было отпраздновано въ Россіи, какъ прогрессившее на весь міръ великое историческое событіе, — звонили колокола, палили пушки, читались въ церквахъ и на площадяхъ торжественные манифесты, — и, казалось, что царилъ всеобщее ликование, — но въ дѣйствительности величіе этого событія оказалось иллюзорнымъ; вмѣсто того, чтобы укрѣпить монаршую силу Русскаго Императора, оно съ теченіемъ времени послужило, наоборотъ, къ ея ослабленію, къ потерѣ вѣры въ нее даже въ крестьянской средѣ, на которой значеніе ея, главнымъ образомъ, и держалось.

Какъ, напримѣръ, крестьяне могли себѣ объяснить, что дарованная имъ свобода довела ихъ до нищеты? — Почему всесильный царь, однимъ росчеркомъ пера уничтожившій вѣ-

полное право и даровавший свободу въ то время, когда они были сыты и жили въ довольствѣ, затѣмъ, когда они дошли до нищеты и голода, о нихъ пересталъ думать? — Не хотѣлъ онъ, или не могъ помочь имъ?

Въ обоихъ случаяхъ въ глазахъ крестьянъ государевъ образъ меркнулъ и благоговѣніе къ нему потухало.

Понятно, какую благодарную почву для зловредной пропаганды революціонеровъ представляло такое психологическое настроеніе крестьянъ: смущая крестьянъ, они обманно возвѣщали новые манифесты, предсказывали черный передѣлъ и т. д.

Довольно было сколько нибудь значительнаго потрясенія, чтобы разразилась назрѣвшая катастрофа.

Превымъ такимъ потрясеніемъ была злополучная Японская война: Русскій колоссъ тогда уже дрогнулъ и далъ трещины. Но трещины кое какъ замазали, и колоссъ сохранилъ свой внѣшній обликъ.

Но второго потрясенія, каковымъ была Великая Война, надтреснутый колоссъ не выдержалъ, и потрясеніе это для него оказалось роковымъ: караулившіе таковой случай безсовѣстные революціонеры воспользовались этимъ моментомъ, разожгли ненависть, какъ крестьянъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ, такъ и рабочихъ къ капиталистамъ, и Россія была повержена во прахъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

РОКОВЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ.

Главнѣйшими причинами обнищанія и недовольства русскихъ крестьянъ, и гибели крупныхъ хозяйствъ были недочеты освободительной реформы 1861 года. — Прикрѣпленіе освобожденныхъ крестьянъ къ сельской общинѣ. — Крестьянское земельное оскудѣніе. — Неудача выкупной операціи. — Круговая порѣчка. — Запрещеніе выхода изъ общины. — Запрещеніе отчужденія крестьянскихъ надѣловъ. — Разложеніе сельской общины: обнищавшіе крестьянъ; потеря авторитета родительской власти; тиранія мірскаго схода. — Правительственныя мѣры въ дѣлѣ облегченія положенія крестьянъ: Крестьянскій Земельный Банкъ, переселенія въ Сибирь и другія мѣры. — Министры Витте и Столыпинъ. — Экономисты Чупровъ и Постниковъ. — Недовольство крестьянскихъ массъ. — Ослабленіе вѣры въ царское правительство. — Торжество революціонной пропаганды.

Безпримѣрное въ исторіи социальное потрясеніе, выпавшее на долю Русскаго народа въ періодъ большевизма, — не можетъ быть объяснено исключительно тлетворною революціонною пропагандою; — главнѣйшія причины этого потрясенія слѣдуетъ искать гораздо глубже; — лежать эти причины въ томъ, что подавляющему большинству населенія Россіи, крестьянамъ, кормившимъ всю Россію, безъ участія которыхъ развалъ ея былъ невозможенъ, — стало жить не въ моготу; — оказавшіеся безъ земли и безъ работы размножавшіеся крестьяне, лишенные обще-гражданскихъ правъ, которыми пользовались другіе классы общества, терпѣли безысходную нужду и, потерявъ всякую вѣру въ то, что царское правительство выведетъ ихъ изъ этого безотраднaго положенія, примкнули къ революціонному движенію, повѣривъ, что это былъ единственный способъ, которымъ они могли добиться сносныхъ условій жизни.

Безысходное же положеніе русскихъ крестьянъ явилось роковымъ послѣдствіемъ неудачной освободительной реформы 1861 года.

Но, какъ бы ни были тяжелы такія послѣдствія, прежде всего должно признавать, что намѣренія, — какъ самого Императора Александра II, такъ и значительной части составителей проекта этой великой реформы, — были несомнѣнно искренно благія.

Нельзя не признать, что работа составителей проекта освободительной реформы носить на себѣ отпечатокъ напряженнаго труда и вдумчивости, хотя съ другой стороны она дышетъ какою то нерѣшительностью, торопливостью, недомолвками и незаконченностью, сглаживаемыми высокаторжественнымъ стилемъ и искусною канцелярскою риторикою. Она не производитъ впечатлѣнія ярко-опредѣленнаго, могучаго, широкаго размаха гениальнаго творчества великаго реформатора, рѣшившагося произвести зрѣло обдуманый радикальный социальное-экономическій переворотъ, обеспечивающій будущее благосостояніе всего русскаго народа: *она только отвѣчала назрѣвшей необходимости отмены крепостнаго права.*

Такіе недочеты находятъ себѣ объясненіе прежде всего въ томъ, что работу по составленію крестьянской освободительной реформы пришлось производить спѣшнымъ порядкомъ, такъ какъ проведеніе этой реформы въ жизнь настойчиво требовалось уже въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и долѣе откладывать ея осуществленіе уже не представлялось возможно-сти.

Съ другой стороны, ни общественное мнѣніе, ни дворяне, ни, тѣмъ болѣе крестьяне, къ этой реформѣ реально не были сколько нибудь подготовлены и относились къ пользѣ ея проведенія въ жизнь съ величайшими сомнѣніями.

Были между творцами освободительной реформы люди высокаго ума и широкихъ взглядовъ, такіе, какъ Самаринъ, князь Черкасскій, графъ Милютинъ и другіе; но имъ пришлось считаться съ предписанною свыше необходимостью щадить, какъ интересы крестьянъ, такъ и интересы дворянъ, создавшихъ противъ редакціонной Комиссіи оппозицію, въ составъ которой входили лица, пользовавшіяся значительнымъ вліяніемъ при дворѣ; такое положеніе вещей заставляло редакціонную комиссію уступать пядь за пядью наиболѣе яркія намѣченныя мысли, придававшія акту крестьянскаго освобожденія полноту и величіе.

Если бы за нѣкоторое время до осуществленія освободи-

тельной реформы, русское общество было ознакомлено, хотя сколько нибудь, съ исторіей освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и перехода ихъ отъ стадно-общиннаго землепользованія къ хозяйству самостоятельному, свершившихся въ западно-европейскихъ государствахъ естественнымъ порядкомъ и постепенно, и если бы въ то время не господствовало обще-распространенное ошибочное убѣжденіе, что сельско-общинный бытъ представляетъ собою рассовую особенность, характеризующую исключительно русскій народъ и, вообще, Славянъ, то, вѣроятно, освободительный актъ избѣжалъ бы оказавшихся въ немъ крупныхъ погрѣшностей, съ точки зрѣнія социально-экономической, недопустимыхъ.

Дарованная монаршею милостію воля крѣпостнымъ крестьянамъ исчерпывалась тѣмъ, что они навсегда избавлялись отъ власти помѣщика: но наряду съ этимъ они сразу же были навсегда прикрѣплены къ урѣзанной площади общинной земли и отданы подъ полную власть мірскаго схода.

Такой результатъ реформы возбудилъ неудовольствіе, какъ крестьянъ, такъ и дворянъ, и не безъ основаній, а именно: крестьяне сочли себя крайне обиженными тѣмъ, что ихъ лишили права пользованія вотчинными угодьями, необходимыми для покосовъ и выпасовъ общественнаго стада, но что еще важнѣе, для расчистки новыхъ мѣстъ подъ пашни, необходимыхъ для надѣленія полевыми участками грядущаго потомства; дворяне же, лишенные дарового крестьянскаго труда, безъ котораго они были не въ силахъ организовать выгодное, на коммерческихъ основаніяхъ, хозяйство, сочли себя заранѣе разоренными.

Въ дѣйствительности, какъ это оказалось впоследствии, причины такого недовольства, на практикѣ были вполнѣ основательными, т. к. *освободительная реформа нарушила и ничѣмъ не замѣнила прочную связь между громадною, занимаемою Россіею земельною площадью и не имѣвшей себѣ равной земледѣльческой рабочей силы.*

Этихъ двухъ обстоятельствъ было достаточно, чтобы въ продолженіи слѣдующаго полустолѣтія, какъ дворяне, такъ и крестьяне, постепенно разорялись, и дѣло дошло до катастрофы.

Конечно, соображенія эти относятся только до губерній, гдѣ существовало крѣпостное право; но такихъ крестьянъ все

же насчитывалось около 70 миллионѣвъ, а дворянское сословіе тамъ имѣло преобладающее, государственное значеніе.

Наряду съ актомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, было обнародовано, такъ называемое *Положеніе о крестьянахъ*, на основаніи котораго освобожденные крестьяне, — вмѣсто того, чтобы получить обще-гражданскія права, которыми пользовались остальные классы русскаго населенія, — *были превращены въ особую касту, замкнутую въ сельскую общину навсегда, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ потомствомъ.* (*Serfs de la glèbe*).

Размежеваніе вотчинныхъ владѣній между сельскими общинами и владѣніями дворянскими было поручено спеціально избираемымъ въ этихъ цѣляхъ изъ дворянъ *Мировымъ Посредникамъ*, которые приводили помѣщиковъ и крестьянъ, относительно устанавливаемыхъ границъ къ соглашенію, и, на основаніи состоявшагося соглашенія, составляли, такъ называемую, *Уставную Грамоту*, которая становилась для обѣихъ сторонъ законнымъ документомъ, окончательно и навсегда опредѣляющимъ права на ихъ смежныя владѣнія.

Задача эта была весьма сложная, т. е. привести къ соглашенію крестьянъ съ помѣщиками, относительно границъ надѣловъ, было далеко не легко; дворяне, на которыхъ выпала эта тяжелая обязанность *примирителей*, выполняли эту задачу съ величайшимъ достоинствомъ, и добрая память о нихъ надолго сохранилась, какъ между крестьянами, такъ и между помѣщиками.

Проведенныя по границамъ владѣній крестьянъ и дворянъ межи, чуть замѣтно отдѣляли другъ отъ друга эти двѣ главныя составныя части вотчинныхъ владѣній, столько вѣковъ представлявшихъ единое цѣлое, и, едва ли, кто изъ современниковъ могъ предвидѣть, что такія, еле обозначающіяся на глазъ межевыя полоски черезъ полстолѣтія могли превратиться въ бездонные рвы или въ китайскія стѣны, раздѣлившія на два враждующихъ лагеря главнѣйшія народныя силы, другъ-друга обвинявшія въ утерѣ своего прежняго довольства и беззаботной жизни.

Однимъ росчеркомъ пера монарха были опрокинуты оба устоя, на которыхъ зиждилось русское народное благосостояніе, причемъ на пустомъ мѣстѣ новаго зданія, не только не было возведено, но *не было даже заложено основательнаго*

фундамента, необходимаго для сохранения взаимодействия труда, знанія и капитала; сохраненіе же этого взаимодействія было обязательно необходимо для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія русскаго сельско-хозяйственнаго производства; — но, въ погонѣ за двойною цѣлью, — угожденія, какъ дворянамъ, такъ и крестьянамъ, оно творцами освободительной реформы было совершенно упущено изъ виду и тѣмъ осудило на гибель, какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Между послѣдствіями неудачной освободительной реформы, роковымъ образомъ повліявшихъ на дальнѣйшую судьбу русскихъ крестьянъ, — а, слѣдовательно, и на раззоренія дворянъ, — остановимся на слѣдующихъ:

- 1) Прикрѣпленіе крестьянъ съ ихъ потомствомъ къ сельской общинѣ навсегда;
- 2) Ограниченіе отведенной сельскимъ общинамъ земельной площади;
- 3) Неудачная выкупная операція;
- 4) Круговая порука;
- 5) Запрещеніе выхода изъ общины; и
- 6) Запрещеніе отчужденія крестьянскихъ надѣловъ.

1) *Прикрѣпленіе крестьянъ съ ихъ потомствомъ къ сельской общинѣ навсегда.* — Назрѣвшая необходимость освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости отнюдь не давала основанія одновременно съ этимъ сохранять ихъ сельско-общинный бытъ, который, будто бы, долженъ былъ обязательно поддерживаться вѣчно: *сельско-общинный бытъ не реживался съими культурными земледѣльческими народами; періодъ этотъ подготовлялъ хлѣбопашцевъ къ сознанію преимуществъ индивидуальнаго труда на правахъ собственности, предъ землепользованіемъ стаднымъ, общиннымъ*: всюду, въ цивилизованныхъ государствахъ, по мѣрѣ размноженія сельскаго населенія и прогрессивно увеличивающагося вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсненія въ землѣ, общины распадались, и крестьяне переходили на хуторское хозяйство, или на индивидуальныя заработки въ другихъ областяхъ труда.

Для освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости русскихъ крестьянъ, слѣдовательно, необходимо было создать *наибольше благоприятныя условія, для выхода изъ сельской об-*

щины, — для отлива из нея излишковъ населенія, по мѣрѣ его размноженія; а, вмѣсто того, ихъ зажали въ сельской общинѣ, какъ въ желѣзномъ кругу, съ запрещеніемъ выхода изъ нея, какъ имъ самимъ, такъ и ихъ многочисленному потомству; — это была величайшая социальна-экономическая ошибка, имѣвшая своими послѣдствіями переполненіе скученнаго на тѣсной площади сельскаго населенія, которое, при своемъ невѣжествѣ, могло кормиться только отъ рутиннаго хлѣбопашества.

Извѣстный экономистъ А. Леруа - Болье, изучавшій на мѣстахъ положеніе русскихъ крестьянъ, отпущенныхъ на волю, сравниваетъ ихъ со стадомъ, лишеннымъ пастуха, причѣмъ имъ приходится топтаться и пастись на тѣсномъ огороженномъ участкѣ. (*Empire des Tsars. Tome I, page 476*).

Крестьяне прекрасно понимали, что сельско-общинный бытъ могъ обезпечивать ихъ жизнь въ довольствѣ, только покуда существовала возможность пользоваться земельнымъ просторомъ, какъ это и было при крѣпостной зависимости. *Сельская же община, лишенная земельного простора и не имѣвшая возможности распаивать новыя земли, по мѣрѣ размноженія потомства, осуждалась на распаденіе, а крестьяне на полное раззореніе, какъ это впоследствии и произошло.*

Какъ извѣстно, торжественное чтеніе освободительнаго акта въ церквахъ и на площадяхъ радости и восторга между крестьянами не возбуждало, а, напротивъ того, во многихъ мѣстахъ возбудило ропотъ и недовольство, успокоивать которые пришлось полицейскими мѣрами: — «Какая же это воля?!» — кричали мужики: — «Это манифестъ не настоящій! Подайте намъ манифестъ настоящій!»

Оно и понятно: крестьяне, послѣ ихъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, — вмѣсто того, чтобы стать полноправными гражданами, наравнѣ съ другими классами, подчинившимися общимъ законамъ и судамъ, — были, въ силу «*Особаго Положенія о Крестьянахъ*», объявлены стдѣльной кастой, прикрѣпленною къ сельской общинѣ и подчиненною «*Мировому сходу*», особому суду и особой администраціи. А вмѣстѣ съ тѣмъ сельская община, къ которой были прикрѣплены освобожденные крестьяне, была лишена и тѣхъ экономическихъ преимуществъ, которыми она пользовалась при крѣ-

постномъ правѣ, а именно: 1) надѣленія нарождающагося потомства крестьянъ полевыми участками, нарядуемыми изъ вотчинныхъ земель; 2) пользованія выпасами, строительными матеріалами и топливомъ изъ вотчинныхъ угодій; и 3) помощи вотчинника въ случаяхъ пожара, недорода, падежа скота и другихъ бѣдствій. А кромѣ того, оказывалось, что за площадь общинной земли, которою искони пользовались крестьяне до освобожденія, и которую крестьяне считали своею, имъ приходилось заплатить помѣщику выкупную сумму.

Объединеніе русской сельской общины, коснувшейся въ состояніи первобытнаго своего развитія, имѣетъ въ своемъ основаніи лишеніе ея, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крепостной зависимости, земельного простора и пользованія вѣщными угодьями, какъ для распашки новыхъ полевыхъ надѣловъ для нарождающагося потомства, такъ и для заготовки кормовъ, необходимыхъ для содержанія достаточнаго количества скота.

Прикрѣпленіе крестьянъ, послѣ ихъ освобожденія, съ ихъ потомствомъ къ строго ограниченной, отведенной сельской общинѣ земельной площади, не предусмотрѣвъ необходимости создать вмѣстѣ съ тѣмъ плана отлива размножающагося сельскаго населенія, неприспособленнаго ни къ какой другой работѣ, кромѣ земледѣлства, да еще въ такое время, когда, за слабымъ развитіемъ промышленности, работы для крестьянскихъ массъ найти было негдѣ, — оказалось величайшею ошибкою; *ошибка эта явилась одною изъ главныхъ причинъ крайняго обнищанія крестьянъ, ихъ недовольства царскимъ правительствомъ и участія ихъ въ революціи.*

Одно изъ основаній въ пользу сохраненія сельской общины, имѣвшихся ввиду составителями освободительной реформы, было то, что сельскую общину сразу же уничтожить было невозможно, — настолько эта бытовая организація входила въ плоть и кровь русскаго народа; — несомнѣнно, съ точки зрѣнія соціально-экономической, соображеніе это было основательно: вѣдь, дѣйствительно, для этого должна была быть организована извѣстная постепенность, т. к. и въ настоящее время еще не всѣ русскіе крестьяне созрѣли до сознанія необходимости упраздненія общины, и нѣкоторые изъ нихъ предпочли бы ея сохраненіе, лишь бы имѣть возможность увеличивать площадь землепользованія, по мѣрѣ увеличенія народо-

населенія; но, лишенная этого условія, сельская община не только не сохранилась, но была обречена на смерть.

Послѣ освободительной реформы пришлось разрѣшать такую диллему: *Или сохранить сельскую общину*, соглашаясь съ господствовавшимъ тогда мнѣніемъ, что она представляетъ собою социально-экономическую организацію, специально свойственную славянскимъ народамъ, и уступить, поэтому, настояніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, находившаго, что легче управлять сельскими общинами и взыскивать съ нихъ обложенія, за круговую порукою ихъ членовъ, чѣмъ имѣть дѣло съ каждымъ изъ 70 милліоновъ крестьянъ въ отдѣльности; но тогда необходимо было бы сохранить за сельскою общиною вѣками установленный порядокъ пользованія окружающими ее угодьями, для выпаса скота и заготовленія для него кормовъ на зиму, а также, — что еще важнѣе, — сохранить за нею право, изъ вотчинныхъ же запасовъ, расчищать новыя мѣста подъ пашни, для надѣленія нарождающагося потомства.

Или же, въ случаѣ необходимости признанія полного права собственности на вотчины, въ полномъ ихъ составѣ, за помѣщиками, — выработать планъ постепеннаго упраздненія сельскихъ общинъ, распредѣливъ находившіеся въ пользованіи крестьянъ земли между домохозяевами, на правахъ вѣчно-наслѣдственной аренды, или же постепеннаго выкупа въ собственность; излишку же нарождающагося населенія предоставить возможность расселяться, либо въ Сибири, либо въ другихъ мѣстахъ, на особо льготныхъ условіяхъ.

Въ Балтійскихъ губерніяхъ, какъ извѣстно, при освобожденіи крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II, находившіеся въ пользованіи ихъ земли остались собственностью бароновъ, но были предоставлены крестьянамъ въ вѣчно-наслѣдственную аренду: такая постановка условій сельско-хозяйственнаго производства дала, сравнительно съ Россіей, прекрасные результаты.

Освободительная же реформа совместила несовместимое: она сохранила сельскую общину, лишивъ ее исконныхъ правъ на единственный источникъ для существованія ея первобытнаго населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ запретила, какъ наличному населенію, такъ и его потомкамъ, выходъ изъ нея: вотчины же были признаны въ полномъ составѣ собственностью помѣщика, а отведенные крестьянскимъ общинамъ земельные

участки должны были выкупаться, за круговую порукою домохозяевъ, въ установленный срокъ.

Принятіе такого рѣшенія оказалось гибельнымъ, какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ: опрокинуты были вѣковые устои, на которыхъ держались соціально-экономическія условія жизни, какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Порвана была связь объединявшая интересы крестьянъ съ крупными землевладѣльцами и раззорились какъ тѣ, такъ и другіе. *Никакой новой комбинаціи для использованія крупныхъ землевладѣльцевъ, на условіяхъ объединяющихъ интересы дворянъ и крестьянскихъ массъ создано не было*; обѣ стороны въ своихъ несчастьяхъ стали обвинять другъ друга; неприязнь, сразу же зародившаяся между ними, перешла вскорѣ во вражду, а затѣмъ и въ ненависть; *установившаяся, такимъ образомъ, глубокая рознь между этими наиболее значительными классами русскаго населенія и была причиною того, что они не оказали дружнаго отпора противъ надвигавшейся на Россію катастрофы революціи и большевизма, и что неожиданно для всего міра свершилось паденіе Россійской Имперіи.*

2) *Крестьянское Земельное Оскуднѣніе.* — Жалобы русскихъ крестьянъ на малоземелье, конечно, нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ того, что была мала площадь земли, *съ которой каждому изъ нихъ приходилось кормиться.* Въ западномъ краѣ крестьяне жалуются на малоземелье, при 3-4 десятинахъ надѣла; въ черноземной полосѣ — при 6-8 десятинахъ, въ заволжьѣ — при 12-15 десятинахъ, а въ Сибири — при 30-40 десятинахъ. А между тѣмъ, въ сосѣдней съ Россіей части Германіи — достаточнымъ размѣромъ крестьянскихъ хозяйствъ считается 4, 5 десятинъ (5 гектаровъ, но встрѣчаются удовлетворительныя хозяйства и при 2-хъ гектарахъ. Во Франціи же и въ Бельгіи встрѣчаются крестьянскіе хозяйственные участки еще мельче.

Дѣло въ томъ, что въ государствахъ съ нормально развивавшеюся соціально - экономическою цивилизаціею, по мѣрѣ сгущенія размножавшагося населенія и стѣсненія въ землѣ, усиливалась и интенсификація сельско - хозяйственнаго производства; сельское населеніе отъ стадно-общиннаго землепользованія постепенно переходило къ индивидуальному, ху-

торскому хозяйству, на правахъ земельныхъ собственниковъ, и когда вся земля оказывалась окончательно распределенною между землевладѣльцами собственниками, жалобамъ на малоземелье уже не было смысла: лишнее населеніе отходило отъ земли на другія работы, на фабрики и заводы, а за недостаткомъ и такихъ работъ, — искало заработковъ за границею. Таково положеніе, напримѣръ, Швейцаріи и Италіи, не говоря уже о Китаѣ, гдѣ стѣсненіе въ землѣ дошло до крайнихъ предѣловъ, но жалобъ на малоземелье, за очевиднымъ ея недостаткомъ и перенаселеніемъ этого государства, все же не раздается.

Въ необъятной же, по занимаемой ею поверхности, Россіи необработанныя и даже незаселенныя земли имѣются еще на огромныхъ пространствахъ.

По свѣдѣніямъ В. П. Литвинова-Фалинскаго (Наше экономическое положеніе и задачи будущаго. Петроградъ 1908 годъ), видно, что плотность населенія въ Англіи, въ сравненіи съ Россіей въ 20 разъ, а въ Германіи въ 16 разъ больше, и что если бы даже все населеніе земного шара (1621 милліоновъ) распределить на Россійской территоріи (22.423 кв. килом.), то и въ этомъ случаѣ на каждого жителя пришлось бы около одной съ третью десятины, приблизительно, какъ во Франціи и въ Австріи.

Въ Россіи, такимъ образомъ, при ея земельномъ просторѣ, вопроса о малоземельи, строго говоря, быть не можетъ, и стѣсненіе въ землѣ, испытывавшееся крестьянами, при необъятности пространства, занимаемаго этого шестою частью свѣта, произошло единственно *вслѣдствіе искусственно парализованнаго обычая первобытныхъ хлѣбопашцевъ, каковыми были русскіе крестьяне, расчищать и распашивать, по мѣрѣ своего размноженія, новыя мѣста*; при своемъ невѣжествѣ, русскіе крестьяне были неспособны прогрессивно увеличивать урожайность предоставленной имъ ограниченной площади земли, а потому *кормиться нарождавшееся населеніе сельской общины могло только за счетъ пространства*, въ порядкѣ вѣками установившемся до ихъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости.

Жалобы русскихъ крестьянъ на малоземелье потому то и начали раздаваться, начиная съ освободительной реформы 1861 г.; т. е. съ момента, когда сельскимъ общинамъ были от-

ведены земельныя площади значительно урѣзанныя сравнительно съ тѣми, которыми онѣ пользовались ранѣе; а такъ какъ при этомъ крестьяне были лишены своего исконнаго права на новые, нарѣзавшіеся сельскимъ общинамъ надѣлы изъ вотчинныхъ земельныхъ запасовъ, для расчистки и распашки на каждую нарождающуюся душу мужского пола, а, кромѣ того, имъ было запрещено пользоваться угодьями, для выпасовъ и для заготовки кормовъ на зиму, то *они съ теченіемъ времени вынуждены были распахать свои луга, убавить скотъ, — во многихъ мѣстахъ, больше чѣмъ наполовину, — и, не располагая достаточнымъ количествомъ удобренія, въ конецъ истощать свои поля.* Такимъ образомъ, тогда какъ, при освобожденіи крестьянъ, въ составъ ихъ надѣльныхъ земель входило около двухъ третей пашни и около одной трети выгоновъ и луговъ, къ началу XX столѣтія, по свѣдѣніямъ Комиссіи для изслѣдованія крестьянскаго благосостоянія 1900 г. почти вся надѣльная крестьянская земля, занимавшая 126 милліоновъ десятинъ, была распахана, а выгоновъ и луговъ не было уже вовсе.

Что же касается размѣровъ надѣленія крестьянъ землею, то, какъ извѣстно, при обсужденіи проекта освободительной реформы, вопросъ этотъ возбудилъ между составителями проекта и редакціонной комиссіей разногласіе, которое, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, разрѣшилось тѣмъ, что размѣры надѣловъ въ большинствѣ случаевъ, не удержались даже въ тѣхъ нормахъ, которыя существовали при крѣпостномъ правѣ, а именно: изъ десяти съ половиною милліоновъ душъ, составлявшихъ крестьянское населеніе центральныхъ губерній, -- выше нормы получили только полтора милліона душъ, т. е. немного болѣе 14%; затѣмъ, удовлетворительно было надѣлено четыре съ половиною милліона душъ, т. е. около 42,5%; а остальные 43,5% были надѣлены недостаточно.

Уменьшены были, такимъ образомъ, размѣры отведенныхъ сельскимъ общинамъ земельныхъ площадей, сравнительно съ тѣми, которыми онѣ пользовались при крѣпостномъ правѣ, въ среднемъ процентовъ на десять, и крестьяне поэтому сразу же сочли себя обездоленными и обиженными.

Объясняется, между прочимъ, это обстоятельство тѣмъ, что при крѣпостномъ правѣ крестьянскія надѣльныя земли исчислялись десятинами «хозяйственными», — по 3.600 кв.

сажень, а по проекту выкупной операции площади эти рассчитаны въ десятинахъ «казенныхъ», — по 2.400 кв. сажень, вслѣдствіи чего, къ помѣщикамъ отъ крестьянъ отошли значительные участки, такъ называемыхъ «обрѣзныхъ земель»; изъ за этого обстоятельства со стороны крестьянъ сразу же всемили къ вотчинникамъ враждебныя отношенія.

Щедрѣе другихъ были надѣлены государственные крестьяне.

Но были сельскія общины, которыя, не желая подчиняться обязательству платить выкупъ, перешли на «четвертной», или, какъ его называли крестьяне, «нищенскій надѣлъ», отъ котораго они уже никоимъ образомъ не могли кормиться, въ особенности, при дальнѣйшемъ ихъ размноженіи; такихъ крестьянъ, по 37 губерніямъ, насчитывалось до 600 тысячъ душъ.

Такимъ образомъ площадь земли, которою крестьяне пользовались во время крѣпостного права, при отпускѣ ихъ «на волю», была въ иныхъ случаяхъ сокращена на одну пятую; а за шесть слишкомъ десятковъ лѣтъ, послѣ того, вслѣдствіе размноженія сельскаго населенія, средній душевой надѣлъ, опредѣлявшійся въ 1861 году въ 4,8 десятины, а въ иныхъ мѣстахъ и свыше 5 десятинъ, въ 1880 году сошелъ уже на 3,5 дес., а въ 1900 г. — на 2,6 дес.

Насколько велико было значеніе размѣра площади крестьянскихъ надѣловъ видно изъ таблицы, составленной Сенаторомъ Д. П. Семеновымъ, показывающей, что ростъ сельскаго населенія въ той, или другой мѣстности былъ прямо пропорціоналенъ площади надѣльной земли, т. е., что населеніе размножалось тѣмъ быстрѣе, чѣмъ въ его распоряженіи было болѣе земли; это же видно и изъ слѣдующей таблицы, взятой изъ статистики «Поземельной Собственности» за 1880 годъ.

	Годичный приростъ населенія
При надѣлѣ отъ 1 до 2 десятины на душу	17,3%
» » 2 — 3 » »	19 %
» » 3 — 4 » »	21 %
» » 4 — 5 » »	25,4%
» » 5 — 6 » »	27,6%
» свыше 6 » »	30 %

Крестьяне помнятъ, что за помѣщиками, до освобожденія, имъ жилось сытнѣе и въ довольствѣ, т. е. они были обезпечены,

какъ въ отношеніи надѣленія ихъ потомства землею, такъ и въ отношеніи угодій, безъ которыхъ имъ стало невозможно держать вдоволь скота и достаточно удобрять поля.

О томъ, насколько послѣ освобожденія русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости упало ихъ экономическое благосостояніе, можно судить по слѣдующимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1900 г. Комиссіею по изслѣдованію этого вопроса (стр. 88-89); оказалось, что изъ 50 губерній, которыхъ касались эти свѣдѣнія, только въ 10-ти отъ земли получалось продуктовъ болѣе нормальнаго потребленія, необходимаго для сельскаго населенія, въ 40 же губерніяхъ оказывался въ нихъ недостатокъ, колебавшійся между 1% (Воронежская губ.) и 74% (Архангельская г.), а въ общемъ, средній недостатокъ получаемыхъ крестьянами отъ земли продуктовъ опредѣлялся въ 17%.

Насколько, вообще, бѣдно жило сельское населеніе, можно судить изъ свѣдѣній той же комиссіи, опредѣляющихъ бюджетъ общихъ расходовъ крестьянской семьи въ среднемъ въ 437 рублей (стр. 36-38), причемъ онъ колеблется между 163 руб. (Тверская губ.) и 513 руб. (Воронежская).

А насколько русскіе хлѣбопашцы, при этихъ условіяхъ могли жить удовлетворительно отъ своей надѣльной земли, можно судить по слѣдующимъ свѣдѣніямъ той же комиссіи о ея доходности, съ десятины по 27 губерніямъ :

Категоріи земель	Валовая доходность		Чистая доходность
	р. к.	Издержки р. к.	р. к.
Пашня	11,78	7,65	4,13
Покосы	12,56	4,02	8,54
Разн. угодья	0,54	0,15	0,39
Въ среднемъ	8,99	9,22	3,77

При этомъ въ издержки не включены окладные платежи, исчисленные въ 1 рубль 39 коп. на десятину.

Сельское населеніе центральныхъ губерній, которое главнымъ образомъ имѣется ввиду въ настоящемъ трудѣ, съ 1861 года до 1920 г. возрасло на 79%, а въ общемъ, по губерніямъ Европейской Россіи, оно возрасло на 60%.

Такъ, по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ той же Комиссіею (стр. 156-176), въ періодъ 1861-70 годовъ, по 50-ти губерніямъ Европейской Россіи, насчитывалось сельскаго населе-

нія обоого пола 54.150.000 душъ, а въ періодъ 1891-1900 годовъ въ нихъ оказалось 84.087.000 душъ.

Площадь же посѣва хлѣбныхъ злаковъ на крестьянскихъ надѣлахъ, опредѣлявшаяся въ первый періодъ въ 44.670.000 десятинъ, т. е. по 825 дес. на тысячу душъ, въ послѣдній періодъ оказалась всего въ 46.015.000 десятинъ, т. е. всего 547 десятинъ на тысячу душъ.

При недостаточномъ надѣленіи общинъ землею въ 1861 году, единственно что могло спасти сельское населеніе отъ разоренія, — это усиленіе продуктивности ограниченной площади предоставленныхъ имъ земель. Но, какъ извѣстно, до послѣдняго времени, русскіе крестьяне продолжали коснѣть на невѣжественномъ стадномъ пользованіи общественной землею, т. е. на трехполіи, съ чернымъ паромъ, при ничтожномъ уваживаніи полей, доводя почву до полного истощенія; вслѣдствіе этого они постепенно и дошли до безнадежной нищеты.

Вмѣсто ожидавшагося отъ крестьянской реформы улучшенія экономическаго положенія сельскаго населенія, оказалось, такимъ образомъ, что русскій крестьянинъ сталъ жить въ крайней нуждѣ безъ всякой надежды на улучшеніе своего положенія въ будущемъ.

Д. И. Пестржецкій въ своей статьѣ *«Опытъ аграрной программы»* приводитъ подробныя систематическія данныя, изъ которыхъ вытекаетъ, что по количеству пищевыхъ продуктовъ на душу наличнаго крестьянскаго населенія (16,2 - 16,5 пуда въ переводѣ, на рожь) Россія занимаетъ послѣднее мѣсто среди цивилизованныхъ странъ міра, гдѣ количество пищевыхъ продуктовъ колеблется между 61,0-32,4 пудами на душу наличнаго населенія. Въ зависимости отъ недостаточнаго питанія находится исключительно высокая смертность въ Россіи, въ особенности въ дѣтскомъ возрастѣ.

Понятно, — съ другой стороны, что, по мѣрѣ пониженія въ каждое десятилѣтіе количества пищевыхъ продуктовъ на душу крестьянскаго населенія, возрастала его недоимочность, и усиливались размѣры продовольственной помощи, оказываемой правительствомъ, съ годами ставшею нормальною необходимою.

Замкнутые на ограниченной земельной площади, русскіе крестьяне и послѣ освобожденія вынуждены были продолжать

вести свое стадно-общинное рутинное землепользование; а такъ какъ у сельской общины были сохранены ея порядки, то она считала себя вправе требовать добавочныхъ земельныхъ надѣловъ, по мѣрѣ размноженія ея населенія, тѣмъ болѣе, что выходъ крестьянамъ изъ общины былъ категорически воспрещенъ.

Вопросы объ условіяхъ надѣленія землею сельской общины, по мѣрѣ возрастанія ея населенія, или о постепенномъ переходѣ ея членовъ къ хуторскому хозяйству, были составителями освободительной реформы совершенно упущены изъ виду, и о нихъ въ «Положеніи о крестьянахъ» нѣтъ и рѣчи.

Послѣдующія событія доказали, насколько ошибка эта стоила дорого русскому народу и его великому отечеству.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, разг. создатели освободительной реформы пришли къ убѣжденію въ необходимости сохраненія сельской общины, то необходимо было при этомъ выработать и необходимыя экономическія условія, при которыхъ она, не только могла бы существовать, по крайней мѣрѣ въ такомъ же довольствѣ, какъ при крѣпостномъ правѣ, но и продолжать развиваться за счетъ пространства по мѣрѣ разрастанія ея населенія.

Вѣдь примѣры тѣсноты въ сельскихъ общинахъ, вслѣдствіи размножавшагося ея населенія, были и во времена крѣпостного права; какъ же поступали въ этихъ случаяхъ помѣщики? Если смежныхъ къ владѣніямъ такой сельской общины, свободныхъ, или удобныхъ земель не оказывалось, то они выселяли часть ея населенія на новыя мѣста, и такимъ образомъ, образовывались выселки, и новыя поселки, которые впоследствии разрастаясь, образовывали самостоятельныя общины: такой же порядокъ выселенія на новыя мѣста, вслѣдствіи тѣсноты, наблюдается и у пчель, и у муравьевъ, да и у другихъ твореній низшаго порядка, организованныхъ въ социальномъ строю.

Раскрѣпощенныхъ же крестьянъ прикрѣпили къ общинѣ и замкнули ихъ, какъ въ желѣзномъ кольцѣ, не заботясь о томъ, что же произойдетъ съ ея населеніемъ, по мѣрѣ того, какъ оно будетъ продолжать размножаться.

На этотъ случай слѣдовало бы предусмотрѣть обязательное выселеніе излишка сельскаго населенія на новыя мѣ-

ста подобно тому, какъ это происходило и при крепостномъ правѣ, не дожидаясь того, чтобы крестьяне завопили о томъ что у нихъ мало земли, — а въ порядкѣ закономъ установленныхъ условий, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленные при ихъ освобожденіи предѣльные размеры земельныхъ надѣловъ не уменьшались бы путемъ передѣловъ, а сохранялись неукоснительно.

Такіе выселки и поселки вполнѣ возможно было бы насаждать постепенно, не только въ Сибири, а тутъ же, по близости, на втунѣ лустовавшихъ, гулявшихъ безъ пользы площадяхъ крупныхъ землевладѣній, устанавливая за ихъ отчужденіе выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, производимой чрезъ тотъ же крестьянскій банкъ, при посредствѣ специальныхъ комиссій, которыя могли были избираться для этой цѣли изъ людей почтенныхъ и безпристрастныхъ.

Если бы каждый домохозяинъ получилъ при своемъ освобожденіи отдѣльный земельный участокъ, хотя бы и не въ собственность, а въ потомственное хуторское пользованіе, и съ тѣмъ притомъ, чтобы участокъ этотъ не подлежалъ раздѣлу, то такой порядокъ обезпечилъ бы, по крайней мѣрѣ, то число душъ, которое числилось въ наличіи при надѣленіи крестьянъ землею въ 1861 году; остальное же нарождающееся населеніе могло бы, или переселяться на новыя мѣста, или же устраиваться, смотря по своему желанію, на другихъ работахъ въ городахъ и промышленныхъ центрахъ и, вообще, на сторонѣ, гдѣ можно было найти дѣло.

Но такъ какъ ничего подобнаго освободительною реформою предусматрѣно не было, то разорялись, какъ крупныя, такъ и крестьянскія хозяйства, а, главное, — разорились сельско-хозяйственные богатства Россіи: земли истощались, лѣса вырубались, и въ деревнѣ, вмѣсто прежней красоты и полного довольства, годъ отъ году усиливалась между крестьянами нужда, и прогрессивно увеличивалось запустѣніе помѣщичьихъ усадебъ.

Получалось парадоксальное положеніе: при всей необъятности занимаемаго Россіей пространства и колоссальной силѣ земледѣльческаго населенія, — земли для земледѣльцевъ не хватало, и крестьянское стадно-общинное землепользованіе оказалось въ полномъ упадкѣ. А съ другой стороны, и крупное сельское хозяйство дало въ общемъ, самыя печальныя резуль-

таты, вслѣдствіи чего образованные хозяева забросили деревню, совершенно откололись отъ крестьянскихъ массъ и представили ихъ на волю сгущавшейся надъ ними безпросвѣтной тьмы.

Безконечно такое натянутое положеніе продолжаться не могло: переполнена была чаша крестьянскаго терпѣнія, и взрывъ негодованія противъ правительства и дворянства могъ послѣдовать отъ малѣйшей искры: этимъ и воспользовались революціонные агитаторы, выбравъ для такого взрыва наиболѣе подходящую минуту, которую они уже давно выжидали съ нетерпѣніемъ.

**

3) *Выкупная операція.* — Отведенныя сельскимъ общинамъ, послѣ освобожденія крестьянъ, земельные участки были имъ предоставлены, какъ извѣстно, не даромъ, а за деньги, — за такъ называемый, *выкупъ*, который они обязаны были выплатить въ пользу помѣщика, путемъ разсроченныхъ на 55 лѣтъ платежей.

Узаконенное Положеніемъ о Крестьянахъ и Уставною Грамотою это условіе освобожденія возбудило въ крестьянахъ недоумѣніе и ропотъ, дошедшій до крайняго раздраженія.

Русскіе крестьяне, какъ и крестьяне Западной Европы, отнюдь не смотрѣли на крѣпостное право, какъ на состояніе для нихъ унижительное, а видѣли въ немъ соответствующую условіямъ времени социальную-экономическую организацію; они совершенно искренно считали находившуюся въ ихъ исконномъ пользованіи общинную землю своимъ вѣчно-потомственнымъ владѣніемъ и думали, что, разъ они къ этой землѣ издавна были прикрѣплены, то никто ее у нихъ никогда отнять не могъ: — «Мы то ваши», — говорили крѣпостные своимъ помѣщикамъ, — «а земля наша», — причемъ они подразумѣвали, что и вся вотчина находилась въ ихъ совмѣстномъ потомственномъ пользованіи, т. е. и помѣщикъ безъ нихъ обойтись не могъ. Всякія юридическія доказательства, опровергающія этотъ установленный традиціями фактъ, крестьяне считали неприемлемыми.

Людамъ, близко стоявшимъ къ крестьянамъ, разубѣдить ихъ въ этомъ не представлялось никакой возможности: такова была ихъ логика, и такова-же психологія. Всякое другое объясненіе они признавали пристрастнымъ.

Къ вопросу о выкупѣ сельско-общинной земли составителямъ освободительнаго акта пришлось подходить съ особенною осторожностью. Въ самомъ дѣлѣ, — недопустимо было, чтобы въ погромѣвшемъ на весь міръ готовившемся актѣ освобожденія русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости фигурировала статья о личномъ ихъ выкупѣ изъ рабства: вѣдь, ни въ одномъ другомъ государствѣ, кромѣ Россіи, крѣпостное право не доходило до того, чтобы помѣщикъ продавалъ и закладывалъ души своихъ крестьянъ; — да и въ Россіи это исключительное право было допущено лишь въ царствованіе Екатерины II; подчеркивать этотъ фактъ въ освободительномъ актѣ было невозможно.

Съ другой же стороны помѣщики искренно, на законныхъ основаніяхъ считали себя собственниками, не только крестьянскихъ душъ, но и всей вотчины, а въ томъ числѣ и сельско-общинной земли. Составителямъ проекта освободительной реформы пришлось по этому вопросу считаться съ весьма сильной оппозиціей помѣщиковъ, оспаривающей, не только размѣры надѣловъ, которые предполагалось предоставить крестьянамъ при ихъ освобожденіи, но и самый принципъ надѣленія: — «У крестьянъ, когда Борисъ Годуновъ прикрѣпилъ ихъ къ землѣ, вѣдь, земли не было», — съ убѣжденіемъ настаивали помѣщики, — «такъ почему же они могутъ требовать землю теперь? — Дать имъ волю, и этого достаточно!» — Такія разсужденія казались тѣмъ болѣе обоснованными, что въ прибалтійскихъ провинціяхъ крестьяне были освобождены императоромъ Александромъ I безъ земли.

Но, какъ упомянуто выше, надѣльная земля въ прибалтійскихъ губерніяхъ, хотя и признана при освобожденіи крестьянъ собственностью бароновъ, но она оставлена крестьянамъ въ вѣчно-наслѣдственное пользованіе, на условіяхъ, которыя, быть можетъ, русскіе крестьяне весьма основательно нашли бы справедливейше выкупной системы, т. е. арендная плата барону представлялась въ глазахъ ихъ, какъ бы вознагражденіемъ его за отгнѣну барщины; кромѣ того, при подворномъ землевладѣніи, крестьянское хозяйство шло тамъ значительно успѣшнѣе, чѣмъ въ Россіи, при стадно-общинномъ землепользованіи.

Помѣщики доказывали, что при залогѣ ихъ имѣній въ Опекунскомъ Совѣтѣ, крестьянскія земли, да и сами крестья-

яне принимались въ обезпеченіе, какъ помѣщичья собствен- ность, что подъ эту собственность имъ были выданы ссуды, и что, при новомъ положеніи вещей, разъ у нихъ отнималась эта собственность, то съ нихъ должны были снятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность уплаты долга Опекунскому Совѣту.

Такимъ образомъ, на практикѣ, дѣйствительно, оказыва- лось, что законъ признавалъ за помѣщиками право собствен- ности, и на сельско-общинную землю, и на крестьянскія души; по толкованію же крестьянъ претензіи помѣщика исчерпыва- лись правомъ его на ихъ трудъ, опредѣлявшійся барщиною. Избавленіе отъ власти помѣщика они считали царскою мило- стью, а за лишеніе помѣщика права на барщину, они допу- скали возможность вознагражденія его уплатою оброка, въ сносныхъ размѣрахъ. Идею же выкупа общественной земли они признавали полнѣйшею несообразностью.

Припомнимъ, что такого положенія вещей, напимѣръ, во Франціи не могло возникнуть, т. е. крестьяне сами освободи- лись отъ крѣпостной зависимости, путемъ добровольнаго выку- па, но не общиннаго своего надѣла, а земельного участка уд- военнаго размѣра, предоставленнаго каждому домохозяину помѣщикомъ, еще во времена крѣпостнаго права, для коопе- ративнаго хозяйства съ нимъ сообща, на коммерческихъ на- чалахъ.

Въ Россіи же, самый институтъ крѣпостнаго права она- зался совершенно искаженнымъ, а потому для составителей проекта освободительной крестьянской реформы создалось въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе затруднительное положеніе, что изъ него, во чтобы то ни стало, необходимо было найти выходъ, не обижая ни помѣщиковъ, ни крестьянъ — какъ это предни- сывалось выше. Въ актѣ освобожденія, поэтому, фактъ, каса- ющійся правъ помѣщиковъ на крестьянскія души и на душе- выя надѣльныя земли обойденъ молчаніемъ, и трактовалось, лишь о дарованіи крестьянамъ монаршею милостью свободы, т. е. объ освобожденіи отъ власти помѣщиковъ.

Въ силу же *Положенія о Крестьянахъ и Уставной Гра- моты*, выкупаются, не души заоженныя въ Опекунскомъ Со- вѣтѣ, а отведенные сельскимъ общинамъ, выдѣленные изъ по- мѣщичьихъ вотчинъ надѣльныя участки.

Но не говоря о томъ, что крестьяне смотрѣли на выкупъ общинныхъ земель, какъ на высшую несправедливость, они,

кромѣ того, находили и установленную за эти земли расцѣнку, по тому времени, слишкомъ дорогою, въ особенности, если принять во вниманіе, что выкупались онѣ каждымъ крестьяниномъ, не для себя лично, а *въ пользу сельской общины*, и что, по мѣрѣ передѣловъ, вслѣдствіе размножившагося сельскаго населенія, надѣлы мельчали и, мѣняя своихъ хозяевъ, истощались, теряли свою цѣну, вслѣдствіи чего исправные плательщики считали, что деньги они платили напрасно.

Въ основаніе оцѣнки крестьянскихъ надѣловъ по выкупной операціи была поставлена, не рыночная ихъ стоимость, которой въ тѣ времена и не существовало, а были приняты *размѣры доходовъ, которые получалъ бы помѣщикъ во времена крѣпостного права въ случаѣ, если бы онъ отпустилъ всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ на сторонніе заработки, облагая ихъ соответствующимъ тому времени оброкомъ*; предполагалось, по аналогіи съ такимъ оброкомъ, оцѣнить крестьянскія земли въ такую капитальную сумму, чтобы проценты съ нея, получаемые помѣщикомъ, представляли приблизительно такой же доходъ.

Дѣйствительно, во время крѣпостного права существовало обыкновеніе замѣнять барщину для нѣкоторыхъ крестьянъ оброкомъ, устанавливаемымъ помѣщикомъ, когда онъ отпускалъ ихъ на сторонніе заработки. На оброкѣ, между прочимъ, были и всѣ государственные крестьяне, хотя всѣ они работали дома, и барщины не отбывали; положеніе свое крѣпостные государственные крестьяне, въ сравненіи съ крестьянами помѣщичьими, считали лучшимъ. Помѣщичьи крестьяне, обучавшіеся разнымъ мастерствамъ (повара, садовники, конторщики, приказчики и т. д.) охотно шли на сторонніе заработки, переходя на оброкъ; между ними были и такіе, которые настолько успѣшно зарабатывали деньги, что за договоренную съ помѣщикомъ сумму выкупались и получали «вольную».

Но во время крѣпостного права, на отхожіе заработки уходилъ далеко не всякій рядовой мужикъ, а отпускались только тѣ немногіе, которые были къ этому способны или уже подготовлены. Огромное же большинство крѣпостныхъ крестьянъ къ самостоятельному труду, помимо хлѣбопашества, было совершенно неспособно, а дома зарабатывать деньги они не могли; «выгоняли» на барщину ихъ, глав-

нымъ образомъ, въ рабочую пору, а зиму они, большею частью, сидѣли безъ работы; учесть поэтому на деньги стоимость ихъ небрежной непостоянной работы было трудно, такъ какъ въ общемъ, они непрерывнаго труда не знали. Такое поголовное и равное обложеніе всѣхъ крестьянъ оброкомъ, они, поэтому, считали, тѣмъ болѣе несправедливымъ и для себя непосильнымъ, что и зарабатывать то деньги имъ было негдѣ.

Оброчное обложеніе всѣхъ крестьянъ, послѣ ихъ освобожденія, за пользованіе общественными землями, было, тѣмъ не менѣе, установлено: выплачивался ими такой оброкъ послѣ ихъ освобожденія до окончательнаго перехода ихъ на выкупъ. За время этого оброчнаго періода они носили названіе *временно-обязанныхъ крестьянъ*.

За помѣщикомъ въ продолженіи этого періода оставалась, не только обязанность отеческаго попечительства надъ крестьянами, но и полицейская власть, въ силу которой онъ имѣлъ право наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ и подвергать аресту людей предосудительнаго поведенія, смѣнять сельскихъ старостъ, отмѣнять сельскіе приговоры и не разрѣшать выдачи паспортовъ крестьянамъ, выбывающимъ на стороннія заработки.

А такъ какъ крестьяне переходили на выкупъ, большею частью, только по требованію помѣщика, — сами же предпочитали оставаться на положеніи оброчномъ, то административно-экономическая его власть надъ временно - обязанными крестьянами, хотя и въ болѣе смягченной формѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжалась еще довольно долго.

Деньги въ то время, вообще, были рѣдки, т. к. русская промышленность была тогда еще въ зачаточномъ состояніи; поэтому массѣ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ заработать деньги для уплаты оброка было почти негдѣ, и положеніе ихъ было трудное. Обстоятельство это значительно затрудняло переходъ крестьянъ съ натуральной повинности, — барщины, — на денежную, — оброчную. И тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ, крестьяне предпочитали оставаться навсегда на оброкѣ, чѣмъ выкупать свою землю, такъ какъ по ихъ мнѣнію, — оброкъ замѣнялъ барщину, а для помѣщика было болѣе, чѣмъ достаточно, уже то, что онъ былъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей приходить кре-

стыянамъ на помощь въ случаяхъ неурожаевъ пожаровъ, падежа скота и другихъ бѣдствій, не говоря уже о лишеніи ихъ законныхъ правъ на вотчинныя земли.

Самостоятельнаго стремленія крестьянъ переходить съ положенія оброчнаго на выкупъ поѣтому, вообще, почти нигдѣ не замѣчалось: они не видѣли въ этомъ, ни пользы, ни надобности, такъ какъ они были твердо убѣждены въ томъ, что общественную землю и безъ выкупа отобрать у нихъ никто никогда не будетъ имѣть, ни права, ни возможности.

По добровольному согласію между помѣщиками и крестьянами на выкупъ было, въ общемъ, выпущено незначительное число крестьянъ, а большинство ихъ было пущено на выкупъ принудительнымъ порядкомъ, — по требованіямъ помѣщиковъ, или по требованіямъ Опекунскаго Совѣта, въ которомъ были заложены населенныя вотчины, или же, наконецъ, по закону, изданному въ 1883 г. императоромъ Александромъ III, пожелавшимъ окончательно завершить освобожденіе, предпринятое его отцомъ, и положить конецъ зависимому положенію крестьянъ отъ помѣщиковъ.

Въ 1881 году временно-обязанныхъ крестьянъ числилось по 47 губерніямъ (за исключеніемъ Кавказа, Финляндіи, Польши и Прибалтійскихъ губерній) — 1.553.000 крестьянскихъ душъ мужскаго пола, тогда какъ перешедшихъ на выкупъ было 5.750.000 ревизскихъ душъ; въ этомъ числѣ только 645.000 крестьянъ выкупились, по добровольному соглашенію большинство ихъ относилось къ разряду крестьянъ, никакого выкупа не платившихъ, а удовольствовавшихся четвертою частью предназначенной имъ бесплатно площади земли, — такъ называемымъ «четвертнымъ», или «сиротскимъ» надѣломъ.

Но наряду съ крѣпостными землепашцами были освобождены крестьяне безземельные крѣпостные, такъ называвшіеся «дворовые», — кучера, повара и другая прислуга; а также — садовники, конторщики, и, вообще, крестьянскія дѣти отдававшіяся въ обученіе какой нибудь специальности, и находившіеся у помѣщиковъ въ услуженіи, или на оброкѣ. Отъ такихъ отошедшихъ отъ земли крестьянъ народилось со временемъ и безземельное потомство.

Недовольными выкупною операціею оказались и помѣ-

щики. Лишившись крестьянских рабочих рук, имъ приходилось освобожденных временно - обязанных крестьянъ, находящихся на оброкѣ, приглашать на работу, и, вмѣсто платы ихъ труда наличными деньгами, зачитывать зарабатываемую ими плату въ счетъ оброка; крестьянамъ это не очень нравилось, потому, во первыхъ, что причитавшіяся такимъ образомъ лично заработанная крестьянами деньги поступали въ общую сумму слѣдовавшихъ съ общины оброчныхъ платежей, и это было причиною недоразумѣній и ссоръ при раскладкахъ этихъ платежей между ними, — а во вторыхъ, еще и потому, что никому изъ нихъ не хотѣлось бросать собственную работу въ страдную пору, на пользу неплательщиковъ.

Добровольно, при такихъ условіяхъ, они работаютъ на барскія усадьбы не ходили, а понуждалъ ихъ большею частію сельскій староста, угрожая, что, если кто не внесетъ оброка или выкупныхъ платежей, онъ посадитъ его «въ холодную». Однако же и такія угрозы дѣйствовали мало, такъ какъ многіе изъ нихъ предпочитали справляться сначала со своимъ хозяйствомъ. Оброчные платежи поступали, такимъ образомъ, туго, — съ большими полицейскими понужденіями, причемъ лѣтяя предпочитали отсиживаться подъ арестомъ.

Неисправный платежъ оброка помѣщикамъ, и болѣе того еще, — нужда въ деньгахъ, которую они стали испытывать послѣ лишенія дарового труда, для организациі ихъ хозяйствъ на новыхъ, коммерческихъ началахъ, заставляли ихъ прибѣгать къ содѣйствию правительства для осуществленія перевода временно-обязанныхъ крестьянъ на выкупъ, хотя операція эта и для самихъ помѣщиковъ была невыгодною.

Невыгоднымъ для помѣщиковъ переводъ крестьянъ на выкупъ былъ потому, что въ случаѣ отсутствія на это добровольнаго согласія крестьянъ, казна уплачивала опредѣленную по Уставной Грамотѣ сумму, не полностью, а лишь въ размѣрѣ четырехъ пятыхъ, т. е. за скидку 20%, и притомъ, не наличными деньгами, а *выкупными свидѣтельствами*, спеціально на этотъ предметъ выпускаемыми; при размѣнѣ же этихъ выкупныхъ свидѣтельствъ, биржевая стоимость которыхъ была ниже номинальной, приходилось терять еще на ихъ курсѣ.

Ясно, что, если бы временно-обязанные крестьяне пла-

тили или обрабатывали оброкъ исправно, то и для помѣщиковъ переводъ ихъ на принудительный выкупъ былъ бы нежелателенъ, какъ и крестьянамъ, тѣмъ болѣе, что оставленіе ихъ на оброкъ до нѣкоторой степени обезпечивало необходимыя для ихъ хозяйствъ рабочія руки.

Сборы оброка происходили съ величайшими полицейскими понужденіями, и рассчитывать на нихъ помѣщики для оплаты наемныхъ рабочихъ рукъ для ихъ хозяйства не могли. Съ другой же стороны, примѣненія крутыхъ мѣръ для взысканія оброка въ пользу помѣщиковъ шло совершенно вразрѣзъ съ идеею освобожденія крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, и самое обложеніе крестьянъ оброкомъ въ пользу помѣщиковъ было допущено только временно.

Выкупная операція, такимъ образомъ, не удовлетворила, ни помѣщиковъ, ни крестьянъ, и не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, ни съ точки зрѣнія соціально-экономической, ни съ точки зрѣнія чисто финансовой; крестьянамъ выкупная операція оказалась и не по нраву, и не по силамъ, а платили они деньги, не только не охотно, но и съ видимымъ упорствомъ; при этомъ благосостояніе ихъ годъ отъ году падало и въ концѣ концовъ дошло до нищеты.

Льготы и мѣры для облегченія ихъ положенія, какъ отсрочки и сложенія недоимокъ по манифестамъ въ торжественныхъ случаяхъ не могли остановить стремительнаго обвѣдненія крестьянъ и наростанія неуплоченнаго казнѣ выкупного долга. Периодически повторявшіяся въ торжественныхъ случаяхъ сложенія недоимокъ, *царскою милостію*, крестьяне стали считать за явленіе нормальное, и въ ожиданія такихъ торжественныхъ случаевъ, даже считавшіеся исправными, крестьяне стали платить хуже, сожальѣя, что они напрасно платили и прежде, вмѣсто того, чтобы подобно неплательщикамъ «*подпадать подъ манифестъ*».

Недоимки по выкупнымъ платежамъ уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ дошли до 16-17 милліоновъ рублей; въ 1891 г. онѣ дошли до 60 милліоновъ; и въ 1900 г. — до 118 милліоновъ рублей.

По мнѣнію проф. Карышева (Землевладѣніе Россіи), тягота, которою нагроузили сельское населеніе, лишила его и тѣхъ ничтожныхъ денегъ, которыя оно съ трудомъ находило возможность зарабатывать; а такъ какъ при общинныхъ по-

рядкахъ, у крестьянъ не было ни охоты, ни средствъ для улучшения ихъ хозяйства, то они постепенно и фатально бѣдѣли и въ концѣ концовъ дошли до полного раззоренія.

Какъ извѣстно, дѣло это кончилось тѣмъ, что послѣднимъ въ этомъ дѣлѣ манифестомъ Императора Николая II всѣ недоимки по выкупной операціи были окончательно сложены, и дѣло это было сдано въ архивъ.

Отведенная сельскимъ общинамъ земля, при освобожденіи крестьянъ стала признаваться, какъ бы, выкупленною и ихъ собственностью. Но такъ какъ выкупали эту землю домохозяева неравномѣрно, а неисправные плательщики имѣли на нее одинаковыя права, какъ и крестьяне, платившіе исправно, то возникалъ на мірскихъ сходахъ вопросъ, насколько это было справедливо? Но на практикѣ разобраться въ расчетахъ между собою крестьяне не могли.

Выкупная операція не удалась, какъ потому, что она положительно не отвѣчала народному міровоззрѣнію, такъ и потому, что крестьяне могли уклониться отъ платежей, объясняя свою неисправность отсутствіемъ заработковъ. Выкупная операція на самомъ дѣлѣ въ своемъ основаніи не имѣла настоящаго финансоваго плана, подобнаго тѣмъ, которые опредѣляются, напримѣръ, уставами земельныхъ банковъ *Долгъ, лежащій на крестьянской землѣ не обезпечивался настоящею закладною, и крестьяне не боялись строгихъ послѣдствій, установленныхъ земельными банками, съ случаяхъ неплатежа, доходящихъ до продажи заложенной недвижимости съ аукціона;* крестьяне-общинники, въ случаѣ неплатежа, такимъ образомъ, не рисковали потерять своей земельной площади, такъ какъ она была общественная. Они, конечно, и использовали такое привилегированное положеніе, котораго не могло бы создаться, если бы они, при освобожденіи были превращены въ мелкихъ собственниковъ.

Неудивительно, поэтому, что выкупные платежи поступали весьма неисправно, несмотря на то, что становымъ, приставамъ и исправникамъ приходилось не только прибѣгать къ поножденіямъ, словеснымъ и циркулярнымъ, но и прямо «выколачивать» ихъ такими крутыми мѣрами, какъ сажаніе подъ арестъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, да и цѣлаго сельскаго общества.

Неудача выкупной операціи представляется актомъ тѣмъ

болѣе печальнымъ, что она не только не оправдала возлагавшихся на нее расчетовъ, но и что послѣдствіями ея оказалось раззореніе, какъ крестьянскихъ, такъ и крупныхъ хозяйствъ, т. е. *полная разруха социальна-экономическаго уклада государства Россійскаго.*

А между тѣмъ задуманъ былъ планъ выкупной операціи весьма широко, и назначеніе для ея выполненія такой огромной по тому времени суммы, какъ 900 милліоновъ рублей, не испугало правительства. Но главная причина ея неудачи заключалась въ томъ, что она шла совершенно вразрѣзъ съ понятіями и желаніями крестьянъ, принуждая ихъ платить выкупъ за землю, которою они искони владѣли, какъ своею.

Неизвѣстно, въ какую сумму опредѣлялся дворянскій долгъ Опекунскому Совѣту до освободительной реформы, и насколько значительна была эта сумма, въ сравненіи съ суммою, потерянною казною, благодаря необходимости сложенія недоимокъ, накопившихся, вслѣдствіи неуплаты крестьянами слѣдовавшихъ съ нихъ платежей по выкупной операціи; но во всякомъ случаѣ ясно, что для государства было бы легче поставить крестъ на этой суммѣ, чѣмъ возлагать тщетныя надежды на то, что она будетъ погашена крестьянами, прикрѣпленными къ сельской общинѣ и обязанными отвѣчать другъ за друга круговою порукою; неудачная выкупная операція была одною изъ причинъ, которыя довели все сельское населеніе до раззоренія, недовольства и революціи.

Съ другой стороны, и помѣщиковъ выкупные платежи отъ бѣды не спасли, и они также, въ большинствѣ случаевъ раззорились

**
*

4. *Круговая порука.* — Взысканіе съ крестьянъ выкупныхъ платежей производилось тѣмъ же порядкомъ, какъ и взысканія казенныхъ и земскихъ обложеній, т. е. *за круговою порукою другъ за друга, въ исправномъ платежѣ, всѣхъ домохозяевъ.* За неисправныхъ плательщиковъ, — лѣнтяевъ, или пьяницъ, — такимъ образомъ отвѣчали домохозяева трудолюбивые и болѣе исправные. Неисправные же плательщики были, такимъ образомъ, гарантированы отъ раззоренія; нельзя было ихъ ни лишать надѣла, ни исключать изъ сельской общины; нельзя было у нихъ продать ни послѣдней лошади, ни по-

слѣдней коровы: тотъ крестьянинъ, который платить не хотѣлъ, лишней лошади, или коровы и не заводилъ; а если лишняя скотина находилась у сосѣда, то, въ силу установленной круговой поруки, за него *отдужался* сосѣдъ.

Круговая порука совершенно убивала энергію крестьянина, такъ какъ при такихъ условіяхъ ему не представлялось никакого расчета улучшить свое экономическое благосостояніе, — завести лишнюю скотину, и, вообще, приобрести какую либо собственность.

Стоило ли крестьянину, при такихъ условіяхъ, работать и выбиваться изъ силъ, когда, за неплатежъ податей и выкупныхъ лѣнтяями и пѣницами продавали *лишнюю* овцу, или корову, купленную за трудовыя деньги? — Не стоило, при такихъ условіяхъ, ни работать, ни беречь копѣйку, а если заводились лишнія деньги, то, чѣмъ платить ихъ за другихъ, предпочиталось ихъ пропивать.

Круговая порука была одною изъ главныхъ причинъ того, что выкупная операція не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій, такъ какъ накапливать достатковъ никому изъ домохозяевъ работоспособныхъ и старательныхъ не представлялось никакого расчета, и они поневолю должны были жить наравнѣ съ другими въ бѣдности.

Лишенные возможности имѣть и беречь личную собственность, большинство русскихъ крестьянъ не уважали ни чужой, ни даже своей, — общественной собственности.

Кто самъ не посадилъ, хоть одного деревца, не уважаетъ и другихъ насажденій; а русскіе крестьяне, если и сажали березки по дорогамъ или подъ окнами, то развѣ по распоряженію земскаго начальника; въ общественномъ же лѣсу каждый торопился срубить лучшее дерево, хотя оно ему и не было нужно, — но чтобы оно не досталось другому. А порубки въ господскихъ лѣсахъ, или потравы барскихъ посѣвовъ, они и грѣхомъ не считали.

Не берегли русскіе крестьяне, при общинномъ хозяйствѣ, и свои пашни: уходъ за ними былъ самый небрежный. Для чего было крестьянину усиленно удобрять свое поле и постепенно улучшать продуктивность почвы, когда, вслѣдствіи передѣловъ, поля переходили отъ одного домохозяина къ другому, а вслѣдствіи круговой поруки, въ случаяхъ достиженія хорошихъ урожаевъ, получаемые излишки могли быть прода-

ны за общественные долги казнѣ? — Поля, поэтому, у крестьянъ-общинниковъ всѣ одинаково истощались, а луга ихъ, дѣлвшіеся ежегодно по жребію, вскорѣ же оказывались заболоченными и покрывались моховыми кочками. Не лучше оказалось полевое хозяйство и послѣ прекращенія передѣловъ, такъ какъ за недостаткомъ выпасовъ и покосовъ, скота у нихъ убавилось наполовину, и поля стали удобряться весьма скудно; кромѣ того, *благодаря чрезсплосицу и общинному порядку землепользованія всѣ домохозяева должны были разомъ начинать и кончать полевые работы, такъ какъ иначе они не могли, ни подгнать ни подойти къ своимъ разбросаннымъ, узкимъ полоскамъ. Такимъ образомъ у всѣхъ обработка прсизводилась тѣмъ же стаднымъ порядкомъ, и одинаково плохо.*

Насколько русскіе крестьяне небрежно относились къ общественному имуществу, видно изъ слѣдующаго примѣра: крестьяне одной сельской общины Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи добивались, чтобы съ нихъ сложили земскіе сборы, — около 100 рублей, — начисляемые за пустошь, представлявшую собою совершенно бездоходную землю, покрытую заболоченными моховыми кочками. — По справкамъ, оказалось, что около двадцати лѣтъ, тому назадъ, земля эта состояла изъ лѣса и луговъ, но что въ теченіи этого времени лѣсъ былъ вырубленъ, луга вытоптаны и выбиты скотиною, и земля дѣйствительно, изъ вполне удобной превратилась въ неудобную.

Установленная въ фискальныхъ видахъ круговая порука домохозяевъ, ввиду обезпеченія исправности взносовъ платежей сельскою общиною, црли не достигла; исправные крестьяне были принесены въ жертву для спасенія отъ раззоренія неплательщиковъ напрасно: раззорились, какъ тѣ, такъ и другіе, вслѣдствіи чего и казна потеряла огромную сумму.

Если бы, при освобожденіи крестьянъ, полевые участки были распределены по дворамъ, и каждый домохозяинъ обязанъ былъ выкупать лично принадлежащей ему надѣль, то такое распределеніе на отруба было бы совершенно въ духъ народнаго смысла, и выкупные платежи поступали бы несомнѣнно исправнѣе.

Конечно, могли быть и въ этомъ случаѣ неисправные плательщики; — но это было бы явленіемъ исключительнымъ: и, если бы крестьянскіе надѣлы за недоимки приходилось

продавать, то въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, мѣсто *неисправныхъ* крестьянъ, давно бы уже заняли другіе, *исправные* домохозяева, которые успѣли бы уже встать на ноги и окрѣпнуть; это была бы *селекція на основахъ закона естественнаго подбора, установленнаго самсю природою, какъ для животныхъ, такъ и для людей.*

При такомъ порядкѣ, не могло бы произойти такого поголовнаго обнищанія сельскаго населенія, до котораго оно дошло, благодаря закрѣпленію крестьянъ къ лишенной земельнаго простора общинѣ и установленію круговой поруки въ уплатѣ выкупныхъ платежей и повинности.

Круговая порука нарушила наблюдавшійся въ природѣ законъ естественнаго подбора лучшихъ экземпляровъ и парализовала автоматическое образование и улучшение здоровыхъ типовъ русскихъ крестьянъ, вслѣдствіи чего нарождавшееся послѣ освободительной реформы сельское населеніе развивалось въ сторону не повышенія уровня своихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ, а, наоборотъ, въ сторону ихъ пониженія.

А между тѣмъ, такой *улучшенный типъ русскихъ хлебопашцевъ* выработывался въ сельской общинѣ, до освобожденія крестьянъ, естественнымъ путемъ, благодаря земельному простору и сытной жизни сельскаго населенія: старики еще помнятъ, какой рослый, богатырскаго сложенія народъ были тогда русскіе крестьяне. Послѣ же освобожденія крестьянъ, *русская лишенная земельного приволя община была изуродована и утратила свое значеніе великолѣпнаго питомника, въ которомъ естественный подборъ лучшихъ людей происходилъ на основаніяхъ законовъ природы:* естественный подборъ этотъ оказался парализованнымъ: за истощеніемъ почвы и недоѣданіемъ, народъ, не только измельчалъ физически, но оказался значительно упавшимъ и нравственно, каковое обстоятельство въ періодъ революціи и большевизма обнаружилось съ особою силою.

За послѣдніе годы до революціи русская сельская община превратилась въ негодное скопище людей, въ которомъ каждый членъ, будь онъ талантливъ, или бездаренъ, — слабъ или силенъ, трудолюбивъ или лѣнтяй, — честный, исправный человекъ, или пьяница и воръ, — считалъ себя вправѣ на

одинаковое обеспеченное положеніе, наравнѣ съ другими трудолюбивыми сочленами.

Улучшеніе благосостоянія русскихъ крестьянъ было бы возможно, лишь при условіи, чтобы каждый изъ нихъ могъ всецѣло пользоваться плодами своихъ трудовъ; но этого то именно условія въ русской сельской общинѣ, при круговой поруцѣ и не было: крестьяне нерадивые и порочные, вмѣсто того, чтобы систематически и постепенно исчезать, продолжали жить на счетъ односельчанъ, способныхъ и трудолюбивыхъ, которымъ при этихъ условіяхъ напрягать свои силы для кормленія туеядцевъ не представлялось, ни желанія, ни расчета.

Въ русской разлагавшейся сельской общинѣ права и обязанности всѣхъ домохозяевъ были совершенно равны, и проявленіе выдающихся способностей наиболѣе одаренныхъ домохозяевъ не могло имѣть мѣста; всѣ крестьяне, какъ одаренные, такъ и бездарные постепенно опускались до равнаго состоянія убожества и безразличія.

Для способныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ, при такихъ условіяхъ, оставалось только одно: бѣжать изъ подъ ига мірскаго схода и искать возможности устроить свою жизнь самостоятельно, — на сторонѣ. Но это было далеко не легко.

**

5. *Выходъ изъ сельской общины*, какъ извѣстно, былъ сопряженъ съ величайшими затрудненіями. Даже для временныхъ отлучекъ крестьянъ требовались особое разрѣшеніе и полученіе паспорта, безъ котораго отлучившійся первымъ же встрѣтившимся полицейскимъ чиномъ могъ быть, какъ бродяга, отправленъ по этапу «на родину» и подвергнутъ строгому наказанію.

Такой порядокъ казался нормальнымъ и вполне отвѣчавшимъ укладу сельской общины; ея бытовой строй давалъ возможность правительству водворять во всякое время на родину всѣхъ, по его усмотрѣнію, неблагонадежныхъ и нежелательныхъ крестьянъ, работающихъ въ городахъ и промышленныхъ центрахъ.

Огромнымъ препятствіемъ для полученія согласія отъ мірскаго схода на выходъ изъ сельской общины была та путанница въ расчетахъ между домохозяевами, которая

создалась при разверсткѣ между ними выкупныхъ и другихъ платежей, изъ за передѣловъ надѣльныхъ участковъ, а особенно, изъ-за переплаты за неплательщиковъ значительныхъ суммъ исправными домохозяевами, такъ какъ ограниченную площадь пахотной надѣльной земли, по мѣрѣ размноженія населенія приходилось дѣлить на болѣе узкія полосы, причемъ измѣнялась и разверстка между домохозяевами выкупныхъ и другихъ платежей; происходившія при этомъ недоразумѣнія и путаница въ разсчетахъ, затрудняли полученіе отъ мірскаго схода отпуска крестьянъ на сторонніе заработки, и, тѣмъ болѣе, согласія его на выходъ изъ общины навсегда.

Всѣ рѣшенія въ этихъ случаяхъ зависѣли отъ произвола міра; между собою домохозяева еще какъ нибудь да могли столкнуться; но когда дѣло касалось члена выходящаго окончательно изъ общества, то его обыкновенно отпускали, на тяжелыхъ условіяхъ и, понятно, лишая надѣла, такъ что уплоченные имъ или его родителями выкупныя суммы для него пропадали и поступали въ пользу односельчанъ.

Крестьянскія массы, отправлявшіяся на заработки въ города, на фабрики и на заводы, должны бы оставаться приписанными къ тѣмъ сельскимъ обществамъ, откуда они происходили, причемъ за такими крестьянами должно было сохраняться право на приходящуюся имъ долю общественной земли и усадьбы; этою мѣрою предполагалось, при составленіи освободительной крестьянской реформы, *предупредить образованіе въ Россіи безпокойнаго, опаснаго для государственнаго спокойствія класса безземельнаго пролетаріата*, а съ фискальной точки зрѣнія, упрощалось взысканіе съ крестьянъ всякихъ налоговъ и платежей.

Не несостоятельность этихъ разсчетовъ и надеждъ ясно обнаружилась во всей своей наготѣ.

До освобожденія отъ крѣпостной зависимости русская сельская община жила въ довольствѣ только за счетъ земельного простора. Когда же послѣ освободительной реформы, она была лишена этого простора и крѣпко замкнута въ отведенной ей общественной землѣ, вскорѣ же пошатнулась власть міра и возникли семейные раздоры; нужда заставила крестьянъ искать работы на сторонѣ, и, не только дѣти, приходя въ возрастъ стали стремиться къ освобожденію отъ родительской власти, но и самимъ домохозяевамъ пришлось искать возмож-

ности устроиться самостоятельно внѣ общины и освободиться отъ мірскаго гнета.

Не имѣя средствъ для удовлетворенія насущныхъ нуждъ односельчанъ, мірской сходъ сталъ отпускать ихъ на стороннія заработки, подѣ условіемъ высылать на родину возможно большую часть зарабатываемыхъ денегъ.

Законными мотивами такой эксплуатаціи для домохозяевъ являлся недостатокъ у нихъ средствъ для содержанія семьи, а для мірскаго схода — круговая порука всѣхъ членовъ общины для взносовъ, какъ выкупныхъ платежей за отведенную общинѣ землю, такъ и, вообще всѣхъ общественныхъ налоговъ и повинностей.

Такимъ образомъ, какъ мірской сходъ, такъ и домохозяева стали выжимать изъ отпускаемыхъ крестьянъ на сторонніе заработки, какъ можно больше денегъ, подѣ угрозой отказа въ возобновленіи паспорта и высылки ихъ на родину, по этапу.

Въ мирѣ мірскаго схода, послѣ освобожденія крестьянъ, вмѣсто помѣщика, надъ ними сталъ властвовать нсвѣй тиранъ. Какъ всѣмъ извѣстно, тиранія эта доходила до того, что на сходѣ пороли, не только домохозяевъ но и сельскихъ старостъ, а благоволеніе схода заискивалось путемъ обильныхъ угощеній его водкой.

Такое положеніе вещей само по себѣ уже являлось признакомъ разложенія русской сельской общины и назрѣвшей необходимости перехода крестьянъ отъ этой первобытной соціальной организаціи къ новой болѣе совершенной: *настоящее стремленіе русскихъ крестьянъ къ самостоятельному устройству ихъ индивидуальной жизни на сторонѣ, вполне оправдывается такимъ положеніемъ вещей.*

Покуда еще въ крестьянскихъ хозяйствахъ сохранялся молочный скотъ, крестьяне, проживавшіе въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ дорожили роднымъ домомъ гдѣ могли оставлять своихъ женъ и дѣтей, и охотно высылали въ деревню часть своего заработка. Но когда хозяйства землепашцевъ пришли въ полный упадокъ, то денегъ, сколько бы ихъ ни посылали роднымъ, все было мало, и шли эти деньги не на содержаніе женъ и дѣтей, работавшихъ на сторонѣ крестьянъ, а на содержаніе всей размножавшейся деревенской родни, которая не могла кормиться отъ земли и скота и, за неимѣніемъ

работы, сидѣла на шеѣ домохозяина: отпавшіе отъ хлѣбопашества крестьяне, упрочившіе свое существованіе въ городскихъ и фабрично-заводскихъ центрахъ, поэтому, стали посылать деньги на родину скупѣе и рѣже, а въ концѣ концовъ они старались и вовсе избавиться отъ этой тяжелой повинности.

Выдача сельскими властями паспортовъ крестьянамъ, живущимъ на сторонѣ, сдѣлалась, при такихъ условіяхъ предметомъ торга. Когда же и за деньги не удавалось получить паспорта отъ деревенскихъ властей, отпавшіе отъ хлѣбопашества крестьяне стали обходиться и безъ паспортовъ. Такіе исчезавшіе крестьяне числились въ безвѣстномъ отсутствіи; они уходили на Донскія угольные копи, за Уралъ и въ такія отдаленныя мѣста, гдѣ ихъ найти было тѣмъ болѣе трудно, что жили они по чужому или по подложному паспорту.

Многочисленный классъ городского пролетаріата, при такихъ условіяхъ не замедлилъ образоваться и въ Россіи: этотъ пролетаріатъ, хотя и значился въ числѣ крестьянъ, приписанныхъ къ разнымъ сельскимъ обществамъ но не имѣлъ никакого отношенія къ земледѣльству.

Въ первые годы послѣ ихъ освобожденія, русскіе крестьяне, сразу переведенные съ натуральныхъ повинностей на денежные, не находили возможности справляться съ денежными обложеніями за почти полнымъ отсутствіемъ заработковъ. Но не улучшилось положеніе сельскаго населенія и впослѣдствіи, когда русская промышленность достигла значительнаго развитія: построена была громадная желѣзно-дорожная сѣть; созданы были крупныя предпріятія; появились многочисленные заводы и фабрики; потребовалась масса народу на каменно-угольныя копи; соотвѣтственно съ этимъ организовывались торгово-промышленные центры и рынки сбыта; преобразовалась финансовая система, а съ нею и денежное обращеніе, и т. д.; казалось, что когда закипѣла повсюду работа, то дѣла должно было найтись вдоволь для всей мощной массѣ рабочихъ рукъ, которыми располагалъ русскій народъ. Въ дѣйствительности же, оказалось что наряду съ этимъ сельское населеніе продолжало размножаться настолько быстро что оно все же не могло найти для себя достаточно работы, помимо земледѣльства.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ В. П. Литвиновымъ-Фалицкимъ, русское населеніе, приписанное къ сельскимъ общи-

намъ и болѣе чѣмъ удвоившееся со времени освободительной реформы, но жившее только промышленнымъ трудомъ, не считая тѣхъ крестьянъ, которые одну часть своего времени отдавали сельскимъ работамъ, а другую городскимъ занятіямъ, опредѣлялось въ 11,1%, а число коренныхъ земледѣльцевъ — въ 74%; между тѣмъ, какъ въ Германіи, напримѣръ, гдѣ сельско-хозяйственная промышленность и фабрично-заводское производство развивались одинаково успѣшно, число трудового населенія, работающаго въ каждой изъ этихъ отраслей производства, было почти одинаково.

Спрашивается, сколько же въ Россіи пропадало рабочей силы, если такая масса работоспособнаго сельскаго населенія, занятая приблизительно, лишь 100-120 дней въ году земледѣльческими работами, остальное время сидѣла безъ работы.

На это можетъ дать отвѣтъ слѣдующій расчетъ:

Работоспособныхъ крестьянъ обоюго пола по переписи 1900 г. числилось 44.642.319 человекъ, изъ которыхъ 14.156.277 работали также на отхожихъ промыслахъ;—осталось, такимъ образомъ, 30.487.042 работоспособныхъ человекъ не имѣвшихъ работы въ теченіе болѣе полугода и, не только проѣдавшихъ за это время свой хлѣбъ, но и требовавшихъ, кромѣ того, для своего существованія денежной помощи отъ работавшихъ родныхъ на сторонѣ.

При такомъ положеніи вещей, *бѣдствовали крестьяне, какъ на отхожихъ промыслахъ, т. к. они силою принуждались отсылать на родину значительную часть своихъ заработковъ, — такъ и крестьяне-землепашцы, не имѣвшие возможности прокормиться отъ земледѣлія и не находившіе заработковъ на сторонѣ.*

Горькій опытъ послѣднихъ десятилѣтій выяснилъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, что *разъ площадь отвѣденныхъ сельской общинъ при освобожденіи крестьянъ, пришлось ограничить, то сразу же слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ограничить и число домохозяевъ тѣмъ числомъ которое послужило въ то время основаніемъ для ихъ надѣленія землею.* Тогда сельской общинѣ не пришлось бы переживать періода передѣловъ и измелечанія надѣловъ, при размноженіи ея населенія, которые довели крестьянъ до полного обнищанія. Конечно, и при такомъ порядкѣ отпалъ бы старинный обычай надѣлять домохозяевъ землею по числу вѣдковъ, входящихъ въ со-

ставъ ихъ семей, но этотъ обычай отпалъ самъ собою и при передѣлахъ: когда была установлена круговая порука домохозяевъ другъ за друга за исправный взносъ податей и вы- крупныхъ платежей, то мірской сходъ, понятно, сталъ распре- дѣлять надѣлы уже, не считаясь съ числомъ дѣдовъ, а по чис- лу работоспособныхъ членовъ семей домохозяевъ и по той на- дежности, которую они представляли, въ отношеніи исправнаго взноса платежей, которыми была обложена сельская община. Престарѣлые родственники, вдовы, сироты, незамужнія сест- ры, больные и калѣки, при такихъ условіяхъ, уже въ расчетъ входить не могли, и такимъ образомъ исчезли благодѣтельные основы древней общины навсегда.

Вслѣдствіе запрещенія выхода изъ сельской общины, ока- залось, что, хотя число домохозяевъ, послѣ прекращенія пере- дѣловъ установилось разъ навсегда неизмѣнное, но что они очутились, при крайне уменьшенныхъ надѣлахъ, обременен- ными многочисленною и безконечно продолжавшею разра- статься семьею, которую при ничтожныхъ размѣрахъ раз- бранныхъ въ разныхъ мѣстахъ, истощенныхъ полевыхъ полосокъ прокормить было абсолютно невозможно.

**
*

6. *Запрещеніе отчужденія крестьянскихъ надѣловъ.* — Если бы при освобожденіи крестьянъ было установлено подворное владѣніе, и число надѣловъ и домохозяевъ было ус- тановлено разъ навсегда, то круговая порука, при такихъ ус- ловіяхъ имѣла бы болѣе основанія, такъ какъ обезпеченные земельными надѣлами домохозяева, пользуясь своими полевы- ми участками безраздѣльно, — потомственно, — могли бы не- сти другъ за друга отвѣтственность, а въ случаѣ неисправна- го платежа каждый изъ нихъ рисковалъ бы, что мірской сходъ надѣлъ этотъ отъ него отниметъ и передастъ другому, болѣе надежному односельчанину, или даже постороннему земле- пащу; въ этомъ смыслѣ могло быть составлено и Положеніе о Крестьянахъ; не было основанія запрещать и передачу та- кихъ окончательно распредѣленныхъ надѣловъ между односель- чанами, или продажу ихъ постороннимъ землепашцамъ, съ со- блюденіемъ, конечно, условій ихъ недѣлимости и при запре- щеніи приобрѣтенія болѣе одного надѣла въ однѣ руки; это и было бы естественной селекціей землепашцевъ.

Но отчужденіе надѣловъ, даже и въ этотъ періодъ, когда передѣлы прекратились окончательно, было запрещено; мѣра эта, кромѣ вреда, ничего не достигла; исправный и трудолюбивый крестьянинъ, при потомственномъ владѣніи своимъ участкомъ, какъ это наблюдается повсюду, о продажѣ его, если и думаетъ, то только въ особыхъ и исключительныхъ случаяхъ, когда значительно увеличивъ его доходность, онъ можетъ за него выручить высшую цѣну; обыкновенно же. зараженный микробомъ тяготѣнія къ землѣ, онъ, наоборотъ, стремятся къ улучшенію своего хозяйства, ввиду обезпеченія судьбы своего потомства, а не въ цѣляхъ его продажи.

Охотно разстается со своимъ надѣломъ только крестьянинъ нерадивый, или пьяница; но въ такихъ случаяхъ перемѣна хозяина, на основаніяхъ естественнаго подбора лучшихъ особей, наиболѣе способныхъ для интенсификаціи культуры, не только была бы полезна, но и желательна, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ автоматически организовалась бы постепенная ликвидація сельско-общиннаго быта и осуществлялся бы нормальный переходъ крестьянина отъ натурального сельско-общиннаго землепользованія къ индивидуальному, — хуторскому хозяйству.

Изъ всего вышесказаннаго приходится вывести заключеніе, что печальныя послѣдствія, до которыхъ дошли русскіе крестьяне, не могутъ быть отнесены къ явленіямъ случайнымъ; *въ итогъ неудачной аграрной политики, — получилось то, что въ Россіи, при всей ея необъятности, культурныхъ земель оказывается такъ мало, что, принимая въ расчетъ и всѣ входящія въ составъ крупныхъ землевладѣній, культурныя земли, — ихъ не можетъ хватить даже для удовлетворенія однихъ крестьянъ.*

Разворонными оказались, какъ помѣщики, такъ и крестьяне. Образовалась бѣдность дворянская и бѣдность крестьянская. Образовался и безпокойный классъ пролетаріата, какъ сельскаго, такъ и городскаго.

Построенный на зыбкихъ основаніяхъ неудачный актъ освобожденія крестьянъ отъ крепостной зависимости, не предусмотрѣлъ необходимыхъ условий для дальнѣйшаго національно-экономическаго развитія сельскаго населенія и былъ

*причиною тѣхъ роковыхъ послѣдствій, которыя съ такою
неумолимою послѣдовательностью затѣмъ обрушились на рус-
скій народъ.*

Разрушены были вѣковые устои социальнаго-экономическаго развитія русскаго народа; искажены были и коренныя основы сельской общины, представлявшей собою хотя временную, но здоровую организацію естественнаго порядка, а именно, — *разроставшуюся семью* первобытныхъ натуральныхъ землепашцевъ, расчищавшихъ мѣста подъ пашни и свободно пользовавшихся угодьями для успѣшнаго веденія скотоводства; населеніе ея жило при такихъ условіяхъ сытно и въ полномъ довольствѣ; поэтому и могли въ ней царить порядокъ и дисциплина, и соблюдаться почтительность и полное повиновеніе дѣтей родителямъ.

«Міръ», — при такихъ условіяхъ, представлялъ собою, дѣйствительно, идеальное первобытное самоуправленіе, — *деревенскій парламентъ*; домохозяева, — отцы семейства, — покуда въ ихъ распоряженіи было достаточно угодій для поддержанія плодородія кормилицы-земли и для надѣленія пахотною землею нарождающагося потомства, держали младшихъ членовъ въ повиновеніи. — Но когда приволье въ угодьяхъ исчезло, и, вмѣсто общаго довольства наступила общая нужда, то ни о какомъ уваженіи міра и отцовъ семей, не могло быть и рѣчи: наступилъ періодъ всеобщаго разлада; сами отцы семействъ, вслѣдствіи нужды, старались эксплуатировать своихъ дѣтей, а «миръ» превратился въ «бутылочный сходъ», опивающій при всякомъ случаѣ своихъ членовъ.

Въ полной невозможности удерживать родительскую власть, при обѣдненіи русской сельской общины, оказались, прежде всего, домохозяева, по отношенію къ своимъ домохозяевамъ, которыхъ они, при такихъ условіяхъ, оказались не въ состояніи кормить до сыта.

Мірской сходъ, состоявшій изъ отцовъ семействъ, не имѣвшихъ никакого авторитета, не могъ быть, поэтому тѣмъ желательнымъ, воплощающимъ справедливость и безкрыстье народовластьемъ, какимъ онъ представлялся въ старину, и какимъ воображали его до послѣдняго времени его сторонники; это былъ сходъ недружный, завистливый, вздорный и не стѣснявшійся въ своихъ рѣшеніяхъ возмутительнымъ произволомъ.

Люди, помнящіе эпоху освобожденія крестьянъ, рассказываютъ, какіе прекрасные, воспитанные, дисциплинированные общинными порядками, были крестьяне того времени, когда сельская община являлась для нихъ необходимой, вполне понятной, естественной, строгой, но уважаемой социальной организацией, внѣ которой они не понимали другого бытового уклада; и, вотъ, во что превратилась сельская община черезъ поль-столѣтія послѣ того, какъ она была лишена возможности поддерживать этотъ вѣками созданный крестьянскій строй самоуправленія, потерявъ самый насущный для этого жизненный источникъ, — *право распахать исвья земли*: исчезло довольство, исчезли запасы зерна въ общественныхъ амбарахъ и немолоченные скирды, окружавшіе деревни; — а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и дисциплина патріархальныхъ правъ; — вмѣсто довольства, оказалась нищета, — вмѣсто благодравія, — безшабашная разнузданность.

Русская сельская община, потерявъ возможность развивать свое благосостояніе за счетъ пространства, утратила вмѣстѣ съ тѣмъ и всякое социально-экономическое значеніе.

Строй сельской общины былъ основанъ на твердыхъ, патріархальныхъ семейныхъ началахъ; но патріархальныя традиціи могли поддерживаться только при благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ; отецъ же, который не въ состояніи удовлетворять насущныхъ потребностей, и даже кормить своихъ дѣтей, неминуемо теряетъ свой авторитетъ и не можетъ удержать ихъ въ повиновеніи.

По этому поводу, одинъ престарѣлый крестьянинъ говорилъ слѣдующее — «Какая же можетъ быть у насъ управа на молодыхъ, когда отецъ, не только не можетъ содержать своей семьи въ довольствѣ, а даже и хлѣбомъ не можетъ накормить ее досыта? Въ старину бывало какъ послѣ работы соберутся всѣ за ужиномъ, нахлебаются жирныхъ щей, да наѣдятся каши съ саломъ, а потомъ залягутъ спать, такъ поднимается въ избѣ такой храпъ, что стѣны трещать!.. А теперь, какъ спать-то ложатся съ пустымъ брюхомъ, то имъ и не спится: ворочаются, ворочаются, съ боку-на-бокъ, кряхтятъ и стучатъ, — а въ это время всякая дрянь въ голову и лѣзетъ. — Какая же это жизнь? — Родителей дѣти ставятъ ни во что, и только думаютъ, куда бы отъ дому убѣжать подальше» . .

Для прочности семейныхъ отношеній, необходимо, чтобы они были связаны сочетаніемъ духовнаго и матеріальнаго удовлетворенія. Условія такого сочетанія почитались явленіемъ естественнымъ и соблюдались въ патриархальной общинѣ, какъ кочевой, такъ и земельной; при крѣпостномъ правѣ, семьи были многочисленны, и члены ихъ жили дружно, потому, что сельскія общины землею были тогда обеспечены. Когда же эта обеспеченность исчезла и пришлось младшихъ членовъ отправлять на стороннія заработки и требовать, чтобы они высылали, какъ можно болѣе денегъ, безъ чего семья уже не могла существовать, родственныя чувства ослабѣли: на почвѣ взаимной эксплуатаціи возникли семейныя разлады и интересы родителей, дѣтей и братьевъ пошли врозь. Семейныя раздоры имѣли своимъ первымъ логичнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ стремленіе къ раздѣламъ, желаніе молодежи жить самостоятельно, сдѣлаться хозяевами, имѣть свой надѣлъ и право голоса на сходѣ. Но это, при лишеніи общины права увеличивать число надѣловъ, стало невозможнымъ. Поэтому женатыхъ сыновей родители могли удерживать около себя въ рѣдкихъ случаяхъ; за послѣднее время деревня, вмѣсто прежнихъ просторныхъ домовъ, состояла изъ мелкихъ избъ, въ которыхъ ютились отецъ мать, дѣтвора, а зимою, иногда и скоть. Послѣдствіями учащенныхъ раздѣловъ явились измелчаніе полевыхъ полосъ, уменьшеніе рогатаго скота и лошадей, сокращеніе хозяйственнаго инвентаря и домашней обстановки, истощеніе земли и, вообще, крайнее обѣдненіе.

Вотъ какъ рисуется экономическое положеніе крестьянина на тульская губернская земская управа въ запискѣ поданной въ губернской комитетъ.

« Тяжела и неприглядна жизнь крестьянина даже въ моменты сравнительнаго благополучія (въ урожайные годы), когда онъ имѣетъ еще возможность кое-какъ свести концы съ концами. Жилищемъ служить ему обычно 8-9 аршинная изба, высотой не болѣе сажени. До сихъ поръ нерѣдки курныя избы; въ Елифанскомъ уѣздѣ онѣ составляютъ 18,4% всѣхъ жилыхъ построекъ. Изба, почти всегда крытая соломой, часто протекаетъ, и на зиму, для тепла во многихъ мѣстностяхъ обкладывается почти до крыши навозомъ. Въ 7-9 куб. саженьяхъ живетъ крестьянская семья, иногда

« весьма многочисленная. Спать въ два этажа: на лавкахъ и
 « нарахъ, а кромѣ того, на печи. Полы почти всегда земля-
 « ные, такъ какъ въ холода въ избу вводятся куры, телята и
 « поросята; бываютъ случаи, что вводится и корова. Сильная
 « скученность населенія дѣлаетъ воздухъ невыносимо тяже-
 « лымъ и вреднымъ; вслѣдствіе сырости, происходя-
 « щей отъ течи черезъ крышу и отъ навоза, обложеннаго сна-
 « ружи, избы быстро гниютъ и приходятъ въ полную негод-
 « ность; а за неимѣніемъ средствъ для серьезнаго ремонта,
 « или возобновленія, приходится ихъ поддерживать всевоз-
 « можными домашними средствами, — подпорками, подмазкой
 « подгнившихъ угловъ глиною и т. п. Топятъ крестьяне въ
 « безлѣсныхъ уѣздахъ соломой, а въ урожайные годы даже
 « навозомъ, и, такимъ образомъ, систематически лишаютъ
 « землю необходимаго ей удобрения. Бань почти нѣтъ. Мок-
 « ся крестьяне въ избахъ, въ печахъ, размазывая грязь, по
 « тѣлу съ помощью небольшого количества теплой воды и
 « почти всегда безъ мыла. Чесотка и другія кожныя болѣзни
 « распространены въ ужасающихъ размѣрахъ. Сифились об-
 « наруженъ въ Епифанскомъ уѣздѣ, напр., у 2,15% населенія.
 « но надо думать, что въ дѣйствительности эту болѣзнь
 « страдаетъ еще большее число лицъ. Вообще, несмотря на
 « весьма благопріятныя, казалось бы, общія условія, въ де-
 « ревнѣ, создается такая антигигиеническая обстановка, ко-
 « торая дѣлаетъ борьбу съ эпидеміями почти невозможной.
 « Громадное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ общее по-
 « дорванное состояніе организма крестьянъ, являющееся ре-
 « зультатомъ плохого питанія. Такіе продукты, какъ мясо,
 « крупа, сало, масло постное, являются на столѣ крестьянина
 « лишь въ большіе праздники, два-три раза въ годъ; обыч-
 « ную же пищу его составляютъ хлѣбъ, квасъ, картофель, ка-
 « пуста лукъ, и, вообще, овощи. При этомъ далеко не всегда
 « крестьяне ѣдятъ до сыта. Скудость крестьянскаго хозяйства
 « бросается въ глаза. А между тѣмъ жизнь мужика идетъ впе-
 « редь, его потребности растутъ, и на удовлетвореніе ихъ тре-
 « буются деньги; лучину смѣнила керосиновая лампа; деше-
 « вые фабричныя ситцы вытѣснили ткани домашняго произ-
 « водства; чай и сахаръ становятся обычною необходимостью,
 « такъ какъ къ нимъ крестьяне привыкаютъ во время скита-
 « нія на отхожихъ промыслахъ. За всѣ эти предметы крестья-

« нину приходится платить, и въ концѣ концовъ онъ неизбѣж-
« но становится *недоимочнымъ*».

Конечно такая удручающая картина жалкой жизни рус-
скаго крестьянина не могла обобщаться до того, чтобы за-
ключить, что она была всюду такова: но, съ другой стороны,
въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне не имѣли возможности для уве-
личенія своихъ средствъ, подрабатывать на мѣстныхъ промы-
слахъ, а въ особенности, тамъ гдѣ, въ противоположность чер-
ноземнымъ губерніямъ, земля, безъ сильного навознаго удобре-
нія давала урожай самые скудные, да и то далеко не каж-
дый годъ, — ясно, что они кормиться отъ земли не могли и
въ концѣ концовъ доходили до такого бѣдственнаго состоянія,
до какого, при крѣпостномъ правѣ, на полныхъ надѣлахъ они
никогда не доходили.

*Остановить стремленія къ семейнымъ раздѣламъ не мо-
гли никакія принимавшіяся правительственныя мѣры, такъ
какъ они были прямымъ послѣдствіемъ невыносимыхъ усло-
вій деревенской жизни и выраженіемъ естественнаго, неиз-
бѣжнаго развитія индивидуализма, — назрѣвавшей необходи-
мости перехода отъ быта патріархальнаго къ условіямъ са-
мостоятельной работы и къ замѣнѣ общиннаго землеполь-
зованія, землевладѣніемъ хуторскимъ.*

Крестьянская молодежь, постоянно работавшая на сто-
ронѣ, вообще, вскорѣ же отвыкала отъ землепашества и уже
къ сохѣ, или плугу, не возвращалась. Нѣкоторые домохозяева,
убѣдившись въ невозможности улучшить свое благосостояніе
при искалѣченныхъ условіяхъ общиннаго порядка, но не же-
лавшіе бросать земледѣліе, добивались возможности устроить-
ся отдѣльно на хуторахъ; а остальнымъ домохозяевамъ въ
концѣ концовъ оставалось, очевидно, одно: раздѣлить между
собою окончательно и навсегда всю общественную землю, раз-
селиться на отруба и превратиться въ мелкихъ земельныхъ соб-
ственниковъ-хуторянъ; такъ происходило всюду, въ централь-
ной Европѣ: такой же исходъ имѣлъ ввиду и законъ 9-го
ноября Столыпина.

**
*

Что же касается мѣръ, которыя были приняты прави-
тельствомъ для облегченія земельной тѣсноты крестьянъ за
послѣднія десятилѣтія, а именно — *продажи имъ земель чрезъ*

крестьянский банкъ и переселенія излишка сельскаго населенія въ Сибирь, — то, ни та, ни другая изъ этихъ мѣръ надвигавшейся катастрофы не устранили.

Прежде всего, по отношенію къ этимъ мѣрамъ, бросается въ глаза то, что обѣ онѣ *страдаютъ отсутствіемъ строгой, планомерной системы, которая имѣла бы своею цѣлью установить общій радикальный исходъ, устраняющій причины крестьянскаго ненормальнаго соціально - экономическаго положенія*; обѣ онѣ носятъ характеръ случайный, зависящій отъ такихъ обстоятельствъ, какъ, на примѣръ, назначеніе къ продажѣ крупныхъ имѣній за неплатежъ долга банку, или ходатайство того, или другого общества о томъ, чтобы ему дали возможность выселить часть своихъ членовъ; въ общемъ же, *вопросъ о крестьянскомъ тяжкомъ соціально - экономическомъ положеніи, не только не послужалъ радикальнаго разрѣшенія, но и не ставился на очередь, и кризисъ этотъ съ каждымъ годомъ, ввиду продолжавшагося роста сельскаго населенія, прикрѣпленнаго къ сельской общинѣ, все болѣе и болѣе усложнялся.*

Покупка земли чрезъ Крестьянскій Банкъ сельскими обществами и крестьянскими товариществами облегчила временно тяжкое экономическое положеніе, лишь сравнительно немногихъ сельскихъ общинъ; *безправнаго же соціальнаго положенія, созданнаго прикрѣпленіемъ крестьянъ къ общинѣ, подъ игомъ мірскаго схода, не коснулась ни одна изъ правительственныхъ мѣръ.*

Мѣра эта создавала благоприятную почву для размноженія сельскаго пролетаріата, такъ какъ ею создавались огромныя преимущества для крестьянъ зажиточныхъ, которые, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ недостаточныхъ, оказывавшихся не въ силахъ справиться съ причитающимися взносами, они ссужали имъ на тяжелыхъ условіяхъ необходимыя суммы на короткіе сроки, и въ случаѣ неплатежа продавали ихъ скотъ и послѣднюю движимость; а съ другой стороны, кто бы изъ членовъ общины или товарищества ни оказался неисправнымъ, — въ силу договора съ банкомъ о круговой порукѣ и на основаніи постановленія мірскаго схода, — онъ терялъ всѣ права на пользованіе купленною землею, безъ возврата внесенныхъ имъ денегъ; такимъ образомъ вся земля въ концѣ концовъ могла перейти постепенно въ ру-

ки зажиточныхъ крестьянъ, приче́мъ произведенные бѣдными крестьянами взносы также оставались въ ихъ пользу.

Относительно второй мѣры, которая принималась правительствомъ въ цѣляхъ удовлетворенія крестьянскаго земельного голода, — *переселенія*, — достаточно вспомнить, съ какими затрудненіями, лишеніями и затратами была связана этотъ способъ отлива излишка сельскаго населенія: крестьянамъ, рѣшавшимся переселиться изъ родной деревни, приходилось выполнять сложныя формальности, для полученія разрѣшенія на переселеніе, какъ со стороны мірскаго схода, такъ и со стороны подлежащаго начальства; затѣмъ надо было отправить ходоковъ на развѣдки и розыски удобныхъ земель за нѣсколько тысячъ верстъ; надо было рисковать послѣдними грошами, не только для производства такихъ развѣдокъ, но и для дальняго путешествія съ семьями и всѣмъ скарбомъ, приче́мъ все это послѣ долгихъ странствованій и всякихъ мытарствъ, иногда кончалось неудачею.

Такимъ образомъ, хотя дѣло это и было широко и заботливо обставлено Министерствомъ Земледѣлія, но мѣра эта не могла измѣнить общаго тяжкаго социальна-экономическаго положенія крестьянъ; а главное, — она и не отвѣчала ихъ стремленіямъ, такъ какъ однимъ изъ нихъ приходилось бросать родину и искать пріюта на чужбинѣ, на что они рѣшались съ величайшей горечью, лишь въ силу безысходной необходимости; — для остальныхъ же, если отъ этого отлива и получалось нѣкоторое облегченіе, то оно было только временное, такъ какъ коренныя причины, вызывавшія ихъ невзгоды, оставались въ силѣ.

Мысль облегчать стѣсненное положеніе сельской общины путемъ переселенія, хотя несомнѣнно и имѣла свои основанія, но была запоздавшею. Нельзя было смотрѣть на эту мѣру, какъ на радикальную, въ смыслѣ исхода изъ уже слишкомъ назрѣвшаго, остраго крестьянскаго социальна-экономическаго кризиса и разрѣшенія этимъ способомъ сложнаго, аграрнаго вопроса: сколько бы ни было еще запасовъ земель въ Сибири, все же и этому запасу когда нибудь наступилъ бы конецъ, между тѣмъ какъ оставшіеся на мѣстѣ крестьяне продолжали бы, косясь въ бѣдности и невѣжествѣ, размножаться съ прежнею быстротою.

Поэтому и на преселеніе слѣдовало смотрѣть, какъ на мѣ-

ру паліативную, временную, отсрочивавшую надвигавшуюся грозу, и откладываявшую рассмотрение и решение вопроса о крестьянскомъ землеустройствѣ на возможно дальнѣйшій срокъ.

По свѣдѣніямъ комиссіи по изслѣдованію Крестьянскаго благосостоянія (стр. 18-26), по 50 губерніямъ, за послѣдніе 16 лѣтъ XIX столѣтія, переселилось 1.207.763 души обоого пола, изъ которыхъ за послѣднія 5 лѣтъ — 738.378 душъ обоого пола; а такъ какъ естественный приростъ сельскаго населенія за означенный 16 лѣтній періодъ въ этихъ губерніяхъ составлялъ 19.917.600 душъ обоого пола, а за послѣднее десятилѣтіе — 8.593.200 душъ, то за весь періодъ пропорція выселенія опредѣлялась въ 6%, а за послѣдній періодъ — въ 9,7% этого прироста, причемъ наибольшій процентъ по отдѣльнымъ годамъ доходилъ до 12,8%.

Но изъ означеннаго числа крестьянъ, переселившихся въ означенный пятилѣтній періодъ, обратно вернулось и вселилось въ Европейскую Россію 102.031 крестьянъ обоого пола, что составляло около 17%; эти крестьяне, конечно, оказались уже совершенными нищими.

По мѣрѣ того, какъ крестьянская нужда въ землѣ становилась годъ отъ года все чувствительнѣе, и переселеніе въ Сибирь усиливалось соотвѣтственнымъ темпомъ. Такъ какъ пятилѣтіе 1906 - 1910 годовъ число переселенцевъ въ Сибирь превышало два милліона душъ обоого пола; хотя цифра эта сама по себѣ представляется весьма значительною въ отношеніи частичнаго удовлетворенія крестьянской нужды въ землѣ, а также и въ отношеніи населенія безлюдныхъ прострѣяствъ Азіатской Россіи, но мѣра эта все же радикальнаго значенія имѣть не могла.

Такимъ образомъ, ни переселеніе излишка сельскаго населенія въ Сибирь, ни передача сельскимъ обществамъ ликвидировавшихся крупныхъ землевладѣній, черезъ крестьянскій банкъ, улучшить общаго тяжкаго соціально-экономическаго положенія русскихъ крестьянъ не могли.

Остальныя же мѣры, второстепеннаго значенія, какъ сдача на льготныхъ условіяхъ крестьянамъ въ аренду земель государственныхъ и удѣльнаго вѣдомства, тѣмъ болѣе слѣдуетъ отнести къ мѣропріятіямъ совершенно паліативнымъ: аренда эта по своимъ условіямъ, безъ сомнѣнія, была удовлетвори-

тельнѣе аренды земель частновладѣльческихъ, въ большинствѣ случаевъ погодной; — но при бѣдности и невѣжествѣ крестьянъ, *чужую*, арендованную землю они всегда старались, какъ можно скорѣе въ корень *использовать* т. е. истощить; — а разъ она была истощена, то они и сами отъ нея отказывались и начинали искать новыхъ мѣстъ, гдѣ бы они могли снова приняться за свое хищническое хозяйство. Система аренды не привязывала земледѣльцевъ къ землѣ, и на ней отражались хищническія традиціи практиковавшагося, да и до сихъ поръ существующаго еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, такъ называемаго переложнаго хозяйства, причемъ для одного посѣва льна, напримѣръ, выжигается цѣлая площадь лѣса.

Защищая дореволюціонное положеніе вещей нѣкоторые знатоки русскаго сельско-хозяйственнаго производства указываютъ на то, что крестьяне, благодаря сдачѣ имъ въ аренду полевой земли крупными землевладѣльцами, до послѣдняго времени пользовались большею частью всей площади пахотной земли, имѣвшейся въ Европейской Россіи.

Дѣйствительно, площадь арендовавшейся у крупныхъ землевладѣльцевъ крестьянами земли, по исчисленіямъ проф. Карышева, опредѣлялась, въ общемъ, около 50 милліоновъ десятинъ, причемъ средняя годовая аренда была 6,3 рублей въ годъ за десятину.

Но т. к. наиболѣе распространенный срокъ аренды былъ годовой, т. е. *подъ одинъ посѣвъ*, то поэтому, при такого рода пользованіи, о какихъ либо выгодахъ земледѣльца или объ успѣхахъ въ дѣлѣ земледѣлія, не могло быть и рѣчи: землевладѣлецъ ограничивался скромнымъ желаніемъ получить арендные деньги, которыя впередъ рѣдко когда могли быть уплочены, за неимѣніемъ на это средствъ у крестьянина, — а крестьянинъ доволенъ былъ, если, хоть сколько нибудь, очищалось у него пользы за уплатой аренды. Въ случаѣ же его несправности, хлѣбъ на корню арестовывался и крестьянинъ уходилъ ни съ чѣмъ; но что всего хуже, — это то, что земля при такомъ способѣ хозяйства годъ отъ году все болѣе и болѣе истощалась и соотвѣтственно съ этимъ безповоротно понижалась ея продуктивность.

Невозможно придумать болѣе хищнической культуры на истощеніе: при такой комбинаціи краткосрочной аренды, въ результатѣ получалось полное истощеніе почвы, обнищаніе

крестьянина, разореніе землевладѣльца и упадокъ наиболѣе важнаго въ Россіи національнаго производства, — *сельскаго хозяйства*.

Такова была наиболѣе распространенная комбинація, которая практиковалась русскими землевладѣльцами послѣ отмены крѣпостнаго права, для совмѣстнаго использованія съ крестьянами лятифундій. Если сравнить эту комбинацію съ установленнымъ французскимъ дворянствомъ еще во времена крѣпостнаго права и до сихъ поръ практикующимся на свободныхъ договорныхъ началахъ кооперативнымъ хозяйствомъ сообща съ крестьянами (*métayage*), то ясно будетъ для всякаго, почему сельское хозяйство во Франціи дошло до высокой степени интенсивности, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивалось и народное благосостояніе, между тѣмъ какъ въ Россіи разорялись, какъ крестьяне, такъ и крупные землевладѣльцы.

Если бы была выработана комбинація, въ силу которой Крестьянскій Банкъ, скупая бездоходно-пустующія земли, входящая въ составъ крупныхъ землевладѣній, организовалъ бы изъ нихъ мелкіе участки и распродавалъ бы ихъ на льготныхъ условіяхъ отдѣльнымъ крестьянамъ въ собственность, подъ устройство хуторовъ, то этимъ было бы положено начало великому дѣлу распространенія индивидуальнаго хуторскаго хозяйства.

Во первыхъ, организованы бы отливъ сельскаго общиннаго населенія; съ другой стороны, при организаціи частичной скупки бездоходныхъ пространствъ лятифундій, облегчалось бы тяжелое положеніе задолженности земельнымъ банкамъ многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и спаслись бы многіе изъ нихъ отъ продажи ихъ имѣній съ молотка въ полномъ ихъ составѣ. Передавая же продававшіяся съ молотка крупныя землевладѣнія сельскимъ обществамъ, они обрекались на окончательное разрушеніе.

Правительство, къ сожалѣнію, не озаботилось о переходѣ въ руки крестьянъ бездоходно-пустующихъ громадныхъ пространствъ, входящихъ въ составъ лятифундій, — такихъ, на примѣръ, какъ вырубокъ изъ подъ лѣса съ невыкорчеванными пнями, земель, заросшихъ кочками и кустарникомъ, загложшихъ порослей не дающихъ прироста не говоря уже о запущенныхъ поляхъ, которыхъ также было не мало.

Если бы, не дожидаясь полного разоренія крестьянъ,

имъ была дана, въ свое время возможность выхода изъ общины и покупки на льготныхъ основаніяхъ земельныхъ участковъ въ личную собственность для самостоятельнаго веденія индивидуальнаго хозяйства, го мѣра эта давно уже дала бы реальные результаты, какъ въ отношеніи постепенной ликвидаціи сельско-общиннаго натуральнаго, рутиннаго землепользованія, такъ и въ цѣляхъ использованія огромныхъ запасовъ некультурныхъ земель въ Россіи.

Къ сожалѣнію, взаимное довѣріе между крупными землевладѣльцами и сельскимъ населеніемъ, вскорѣ же послѣ освободительной реформы, совершенно исчезло, а потому такая комбинація могла бы осуществиться только по инициативѣ правительства, имѣвшаго возможность, если не помирить ихъ, то наладить это дѣло путемъ принудительныхъ мѣръ противъ оставленія значительной части земель, входящихъ въ составъ лятифундій, неиспользованными.

Едва ли можно спорить съ тѣмъ, что съ государственной точки зрѣнія было недопустимо, чтобы въ лятифундіяхъ пустовали значительныя, не приносящія дохода пространства въ то время, какъ крестьяне страдали безземельемъ и не находили возможности расселиться на хутора. Кореннымъ землепашцамъ, во что бы то ни стало, необходимо было предоставить возможность расчищать новыя мѣста и превращать ихъ въ культурныя. И если путемъ добровольныхъ соглашеній, въ установленный правительственными циркулярами срокъ такое добровольное соглашеніе между крупными землевладѣльцами и крестьянами не было бы достигнуто, то пустующія, *бездоходныя земли слѣдовало бы облагать прогрессивными, ежегодно возрастающими налогами*; а по прошествіи двухъ трехъ лѣтъ слѣдовало бы отчуждать ихъ по справедливой оцѣнкѣ и передавать ихъ крестьянамъ на льготныхъ условіяхъ для устройства хуторовъ. Оплачивать же владѣльцевъ за отчужденные у нихъ участки можно было бы, на примѣръ, вѣчною государственною рентою, или облигаціями Крестьянскаго Банка.

Комбинація эта можетъ показаться запоздавшею но она была мною изложена, на стр. 127 и слѣдующихъ, въ трудѣ моемъ «*Крестьянское Землеустройство*» (Тип. Нов. Время 1905 г.); однако же, какъ къ этому, такъ и къ другимъ подобнымъ проекамъ, правительство и общество остались глухи.

Всѣмъ извѣстны примѣры селившихся на основаніи добровольныхъ соглашеній на пустовавшихъ мѣстахъ у крупныхъ землевладѣльцевъ, семей преимущественно изъ западныхъ губерній; онѣ первое лѣто жили въ шалашахъ, на зиму вырывали землянку, или строили кое изъ чего лачугу, обмазанную глиной; пробивались такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, пока приходилось расчищать землю и устраивать поля; они становились не сразу мелкими собственниками, а арендаторами на длительный срокъ. Но самый длинный срокъ аренды въ Россіи былъ 12-лѣтній, и положеніе такого хуторянина было совершенно не обезпечено. Денегъ же на покупку участка у такихъ бѣдняковъ обыкновенно не было, а, если и были какіе гроши, то ихъ едва хватало на жизнь.

Можно себѣ представить, какимъ благодѣніемъ была бы комбинація сдачи въ вѣчно-наслѣдственную аренду, или продажа выбывающимъ изъ сельской общины крестьянамъ чрезъ крестьянскій банкъ, на льготныхъ условіяхъ, разбиваемыхъ участковъ, подъ устройство отдѣльныхъ хуторскихъ хозяйствъ?

При такой комбинаціи весьма многіе землевладѣльцы, постепенно превращая бездоходныя части ихъ имѣній, представлявшія мертвый капиталъ, въ деньги, или въ доходныя статьи, могли бы продолжать свою полезную дѣятельность: латифундіи мало-по-малу стали бы превращаться въ культурныя хуторскія хозяйства, а крупные землевладѣльцы, сохраняя имѣнія, среднихъ размѣровъ, могли бы хозяйствовать легче и выгоднѣе.

Съ другой стороны постепенно была бы ликвидирована сельская община, а ненаселенныя пространства въ скоромъ времени превратились бы въ культурныя поселки.

Но немногіе, стоявшіе во главѣ правительства дѣятели имѣли вѣрное представленіе о крестьянскомъ социальномъ экономическомъ отчаянномъ положеніи, создавшемся, благодаря сохраненному послѣ освободительной реформы общинному строю. Министръ земледѣлія Ермоловъ, напримѣръ, безспорно обладавшій большимъ опытомъ и широкими познаніями въ области сельскаго хозяйства, задавался планами исключительно агрономическаго характера. Министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве, наоборотъ, съ политической точки зрѣнія, видѣлъ въ сельской общинѣ наиболѣе удобную форму, для управленія раз-

бросаннымъ на необъятномъ пространствѣ многомилліоннымъ крестьянствомъ, и съ трудомъ мирился съ мыслию о необходимости упраздненія общины и расселенія крестьянъ на хутора. Даже такой реформаторъ, какъ министръ финансовъ Витте, и тотъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета о той грозной опасности, которую представлялъ для Россіи крестьянскій соціально-экономическій кризисъ: онъ просто игнорировалъ его и, увлекшись финансовыми и промышленными реформами, оставилъ его совершенно въ сторонѣ; будучи яркимъ защитникомъ частной собственности, онъ и на надѣленіе крестьянъ землею въ 1861 году смотрѣлъ, — не то, какъ на актъ благотворительности, — не то, какъ на необходимое съ государственной точки зрѣнія отчужденіе земель въ пользу крестьянъ, подобное тому, которое принималось при проведеніи желѣзно-дорожныхъ линій; онъ не вникалъ въ то, что *дворянскія вотчины какъ это явствуетъ изъ исторіи, представляли собою, при крепостнсмъ правѣ двойную, нераздѣльную собственность, мертвую — землю и живую, — крестьянъ на ней живущихъ, которыхъ помѣщикъ былъ обязанъ кормить и надѣлать землею*, и что крестьяне въ вотчинамъ были прикрѣплены именно въ этихъ цѣляхъ: крестьяне же, между прочимъ, это прекрасно понимали, а потому, когда они требовали своимъ общинамъ добавочнаго надѣленія землею въ этомъ они отнюдь не видѣли поползновенія на чужую собственность; они совершенно искренно и чистосердечно считали бывшую въ ихъ владѣніи общинную землю своею; но С. Ю. Витте такъ и не понялъ, хотя бы и съ точки зрѣнія государственной, необходимости отчужденія запущенныхъ земель въ пользу крестьянъ, за опредѣленную по справедливой оцѣнкѣ плату.

Одинъ П. А. Столыпинъ всталъ на вѣрную точку зрѣнія и понялъ, что необходимо было, во что бы то ни стало, пойти навстрѣчу стремленію крестьянъ избавиться отъ ига общины и дать имъ возможность устраиваться на хуторахъ, въ качествѣ земельныхъ собственниковъ. Законъ 9-го ноября о расселеніи крестьянъ общинниковъ на отруба былъ имъ изданъ именно въ этихъ цѣляхъ. — Но какое же могъ завести хозяйство невѣжественный и притомъ бѣдный крестьянинъ на отрубѣ въ двѣ десятины истощенной земли, безъ выпасовъ, безъ луговъ, безъ скота безъ всякихъ средствъ и безъ практическихъ свѣдѣній для интенсификаціи культуры?

Законъ Столыпина о переходѣ крестьянъ общинниковъ на отруба потому и не имѣлъ успѣха, котораго отъ него ожидали, что мѣра эта не устраняла главной крестьянской бѣды, — малоземелья, объяснявшагося отсутствіемъ у крестьянъ всякаго понятія объ инсенсивномъ хозяйствѣ, доводящаго невѣжественнаго землепашца до обнищанія.

И тѣмъ не менѣе многіе изъ крестьянъ поняли экономическое значеніе перехода на отруба, избавлявшаго ихъ отъ измучившей изъ черезполосицы: трудно имъ было стовориться о нарѣзкѣ новыхъ участковъ, но все же перешедшіе на отруба, сознавались, что стали лучше унаваживать свои поля, больше накашивать травы и снимать болѣе высокіе урожаи.

Мысль министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина о расселеніи крестьянъ-общинниковъ на отруба была несомнѣнно правильна, но задумана она была слишкомъ поздно, т. к. при измелъчавшихъ размѣрахъ надѣловъ, она не могла уже оправдать возлагавшихся на нее надеждъ.

Вѣдь, если бы эта мысль была задумана въ эпоху освобожденія крестьянъ, или хотя бы въ концѣ прошлаго столѣтія, то нарѣзанные тогда отрубные участки могли бы оказаться болѣе удовлетворительныхъ размѣровъ; въ случаѣ же надобности, можно было бы легче и дополнять ихъ, — конечно, за деньги, — изъ вотчинныхъ некультурныхъ земель: легче было стовориться съ тѣми помѣщиками, къ которымъ крестьяне были приписаны. во времена же реформы Столыпина большинство имѣній было уже продано въ другія руки; враждебныя отношенія между крупными землевладѣльцами и крестьянами, благодаря революціонной пропагандѣ, разгорались, и дѣло представлялось гораздо сложнѣе, т. к. объ увеличеніи надѣловъ не могло уже быть и рѣчи.

Въ эпоху министерства Столыпина — добавочныхъ надѣловъ для сельскихъ общинъ, дѣйствительно, взять, было неоткуда; а распредѣленіе измелъченныхъ, истощенныхъ надѣловъ на отруба не представлялось для крестьянъ, сколько нибудь заманчивымъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, что законъ 9-го ноября встрѣченъ былъ крестьянами недовѣрчиво, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ неудовольствіемъ.

Особенно не сочувствовали закону 9-го ноября о распредѣленіи отрубовъ между домохозяевами въ собственность, обездоленные этою мѣрою взрослые члены семьи, — братья и

племянники, считавшіе себя вправѣ смотрѣть на пользование надѣлами и усадьбами, какъ на право обще-семейное, которое, такимъ образомъ нарушалось вопреки традиціоннымъ обычаямъ сельско-общиннаго строя.

Въ первые два года послѣ вступленія этого закона въ силу заявило желаніе воспользоваться его примѣненіемъ, всего 700 тысячъ домохозяевъ, владѣвшихъ, 2,5 милліонами десятинъ; что по сравненію съ общимъ числомъ домохозяевъ и 126 милліонами десятинъ земли находившейся въ ихъ пользованіи представляло цифру ничтожную.

Распредѣленіе крестьянъ - общинниковъ на отруба, поэтому, нельзя признать коренною реформою, которая могла бы разрѣшить крестьянскій соціально-экономическій кризисъ, созданный сохраненіемъ земельной общины въ моментъ дарованія крестьянамъ иллюзорной свободы: реформа эта даже не разрѣшала вопроса о крестьянскомъ малоземельи.

Срокъ расплаты за, хотя быть можетъ невольныя, но роковыя ошибки стоявшихъ во главѣ царскаго правительства властей, наступилъ и, послѣ сказочнаго потеряннаго величія, которое представляла собою Россійская Имперія, какъ въ сказкѣ о Золотой Рыбкѣ, остается только плакать передъ разбитымъ корытомъ.

Но, если погибла Россійская Имперія, то живъ и могучъ остался русскій народъ, который несомнѣнно въ скоромъ времени возстановитъ изъ пепла свое потрясенное небывалою катастрофою Великое Отечество.

То, что русскіе крестьяне фанатически стремятся къ приобретенію земли съ тѣмъ, чтобы каждому прочно устроиться на своемъ участкѣ, для себя и своего потомства, слѣдуетъ признать счастливейшимъ предзнаменованіемъ того, что Россія не погибла, и что будущее ея возрожденіе, какъ со стороны ея экономического расцвѣта, такъ и со стороны ея могущества политическаго, можно считать вполне обезпеченнымъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРИНЦИПЫ ЗДОРОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА.

Очередныя первобытныя стадіи соціально-экономическаго развитія земледѣльческихъ народовъ. — Понятіе о земельной собственности на большей части нашей планеты до сихъ поръ еще не извѣстно. — Нужда въ государственномъ землеустройствѣ возникаетъ при паденіи стаднаго сельско-общиннаго землепользованія и замѣнѣ его индивидуальнымъ, хуторскимъ хозяйствомъ земельныхъ собственниковъ. — Массовое пробужденіе стремленія къ индивидуальному труду есть признакъ народной культурности. — Безвыходное положеніе первобытныхъ хлѣбопашцевъ, умѣющихъ кормиться только отъ земли. — Законы о недѣлимости хуторскихъ хозяйствъ. — Необходимыя льготы и просвѣтительная помощь крестьянамъ, разселяющимся на хутора — Планъ государственнаго землеустройства долженъ имѣть двойную цѣль: 1) — удовлетворительнаго устройства хуторянъ и 2) — обезпеченія продовольствіемъ остальныхъ классовъ населенія.

Послѣдовательный ходъ естественнаго, спокойнаго соціально-экономическаго развитія человѣчества можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько рѣзко отличающихся другъ отъ друга періодовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою подготовительный этапъ для перехода на слѣдующую высшую ступень цивилизаціи.

Такъ, изъ состоянія *дикаго*, когда человѣкъ, бродя по лѣсамъ, питался плодами, охотою и рыбною ловлею, онъ сталъ выходить *благодаря тому, что онъ обзавелся семьею, домашнимъ очагомъ и домашними животными, которыхъ онъ сумѣлъ приручить.*

Когда же стада стали размножаться и начали выбирать-ся въ степи, гдѣ они находили обильный кормъ, и люди съ своими семьями оказались вынужденными слѣдовать за ними; такимъ образомъ образовался *кочевой бытъ*, создавшій патріархальную общину. Это была первая соціальная организація, установившая общественный правопорядокъ, благодаря

которому человѣкомъ было достигнуто уже значительное благо-
состояніе.

Но, когда, по мѣрѣ дальнѣйшаго размноженія стадъ, въ пастбищахъ оказался недостатокъ, и стѣсненіе въ этомъ отношеніи кочевыхъ общинъ довело до кровопролитныхъ столкновеній, — многія группы семей стали осѣдаты на излюблен-
ныхъ ими удобныхъ мѣстахъ и, для своего пропитанія, воздѣ-
лывать землю: такимъ образомъ кочевья патриархальныя об-
щины превратились въ *сельскія земледѣльческія общины*.

Значеніе періода сельской общины въ дѣлѣ социально-
экономическаго развитія человѣчества огромно: сельская об-
щина была прототипомъ государственнаго устройства: она вы-
работала *мірской сходъ* съ его всеильною властью надъ домо-
хозяевами, — *дисциплинарное повиновеніе* установленнымъ
традиціоннымъ порядкамъ, *уваженіе семейныхъ и религіозныхъ*
началъ, различіе между собственностью, семейною и личною,
и т. д.

Но, подобно тому, какъ размноженіе стадъ, при кочеромъ
образѣ жизни, имѣло своимъ послѣдствіемъ преобразование
кочевыхъ патриархальныхъ общинъ въ земледѣльческія, — и
сельскія общины, вслѣдствіи размноженія, — уже не скота,
а самого *населенія*, — начинаютъ чувствовать стѣсненіе въ
землѣ; находившіяся въ общинномъ пользованіи угодья по-
степенно распахиваются; домашній скотъ, за недостаткомъ
выпасовъ и покосовъ, сокращается; земля, за скуднымъ удоб-
реніемъ, истощается; надѣлы домохозяевъ, за невозможностью
нарѣзать для размножающагося потомства новыхъ участковъ,
мельчаютъ, вслѣдствіе учащающихся передѣловъ; и вмѣсто
прежняго общаго довольства, наступаетъ періодъ недовольства,
ссоръ, распрей и общаго нищенскаго существованія.

Вотъ признаки общины, осужденной на распадненіе. Но,
благодаря развитію въ сельскомъ населеніи, за этотъ періодъ,
сознанія преимуществъ *личной собственности*, одновремен-
но же развивается въ немъ и сознаніе преимуществъ *индиви-
дуальнаго труда*, который открываетъ двери къ *самостоя-
тельности и независимой жизни*, а, главное, — къ *осво-
божденію отъ ила мірскаго схода*, потерявшаго всякое значе-
ніе, при отсутствіи возможности надѣленія членовъ сельской
общины землею, этого единственнаго источника жизни перво-
бытныхъ хлѣбопашцевъ: словомъ осуществляется истина, вы-

ражаемая французской поговоркой, *le travail, — c'est la liberté*, — т. е., что *свобода достигается путем труда*.

Наступает такимъ образомъ послѣдній періодъ, достигаемый человѣчествомъ въ дѣлѣ его социальна-экономическаго развитія, — періодъ современной цивилизаціи, характерная черта котораго опредѣляется *развитіемъ индивидуальной дѣятельности человѣчества, въ основѣ которой стоитъ личный трудъ и накопленіе частной собственности*.

Изложенныя въ общихъ чертахъ главные этапы социальна-экономическаго развитія человѣчества имѣютъ для насъ, имѣющихъ ввиду переживаемую русскимъ народомъ первобытную степень развитія и дальнѣйшій его путь въ дѣлѣ успѣховъ цивилизаціи, представляетъ собою значеніе, ввиду царящаго въ Россіи аграрнаго хаоса и предстоящей въ ней организаціи здороваго землеустройства.

Но, прежде, чѣмъ приступить къ обсужденію того тяжелаго положенія, которое переживаетъ русскій народъ и тѣхъ спеціальныхъ условій, которыя могли бы возвратитъ его на вѣрный путь успѣшнаго его социальна-экономическаго развитія, необходимо установить общіе принципы здороваго землеустройства, объективно основываясь на опытахъ другихъ народовъ, и имѣя ввиду, что всѣ народы земледѣльческіе переживали, какъ и русскій народъ, періоды сельско-общинный и крѣпостной зависимости, такъ и такой же моментъ, какъ тотъ, который наблюдается въ Россіи, т. е. стихійное стремленіе крестьянъ къ переходу отъ стадно-общиннаго землепользованія къ хозяйству индивидуальному, хуторскому, на правахъ земельныя собственности.

Было время, когда земля считалась «ничьею, — Божьею» — и занималъ ее каждый, кому угодно, и сколько угодно.

Во времена патріархальныя, ни кочевники, ни сельскія общины законовъ о государственномъ землеустройствѣ не знали и въ нихъ не нуждались.

При сельско - общинномъ укладѣ, точно ограничиваться стали только *полевьяя земли*, находившіяся въ общинномъ пользованіи, и участки *усадебныя*, находившіеся въ семейномъ пользованіи отдѣльных домохозяевъ. Окружающія же

эту точно ограниченную земельную площадь сельской общины, угодья, хотя и были въ общественномъ пользованіи, но вплоть, до учрежденія феодальной системы, оставались неограниченными.

При учрежденіи же феодальной системы, когда всѣ сельско-общинныя земли и окружающія ихъ угодья оказались подъ властью сеньоровъ, то, хотя каждый сеньоръ и устанавливалъ границы этихъ угодій и защищалъ ихъ отъ сосѣдей, — но такое владѣніе еще не представляло личной его собственности, а лишь отвѣчало организаціи власти его, *политической*, по лозунгу: — «Nulle terre sans seigneur».

Понятіе о вѣчно-наслѣдственномъ землепользованіи, изъ котораго съ теченіемъ времени образовалось понятіе о частной земельной собственности, возникло только въ тотъ періодъ разложенія феодальной системы и сельскихъ общинъ, когда всѣ свободныя земли оказались занятыми, когда надѣлять нарождающееся потомство крестьянъ-общинниковъ новыми участками уже не представлялось возможности, и когда домохозяева, распредѣлившись на отруба, стали сначала вѣчно-потомственными владѣльцами своихъ участковъ, а затѣмъ и ихъ собственниками.

Понятіе о земельной собственности и до сихъ поръ еще на большей части земной планеты не извѣстно: признаютъ его крестьяне живущіе по близости городовъ и промышленныхъ центровъ; — но въ отдаленныхъ углахъ, которые еще существуютъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, а въ томъ числѣ и въ Россіи, гдѣ сельско-общинный бытъ еще держится, и гдѣ крестьяне еще пребываютъ на первобытномъ уровнѣ соціально-экономическаго развитія, у нихъ сохраняется еще понятіе, что земля, или ничья, — Божья, — или же, что она государственная, или общественная, — мірская. О юридическихъ же формахъ, на основаніи которыхъ можетъ каждый изъ нихъ перейти на самостоятельное хуторское хозяйство, такіе крестьяне имѣютъ еще понятіе весьма смутное.

Преемственное потомственное землевладѣніе извѣстно, съ древнѣйшихъ временъ. Но это были владѣнія патриархальныя, освященныя традиціонною давностью.

Частное преемственно-потомственное землевладѣніе образовалось, лишь впоследствии, путемъ такъ называемыхъ

замокъ, когда землепашецъ со своею семьею занималъ свободный участокъ, расчищалъ его и устраивалъ на немъ свое постоянное жильё-хозяйство: это и было начало *трудоуой индивидуальной земельной собственности*, какъ, напримеръ, это наблюдалось въ древней Римской Имперіи, гдѣ каждый римлянинъ имѣлъ право занимать участокъ изъ «ager publicus».

Коммерческое же значеніе земельной собственности, т. е. когда она стала предметомъ купли и продажи, относится къ позднѣйшимъ временамъ и получило свое развитіе только въ государствахъ съ значительными торговыми оборотами и солиднымъ промышленнымъ производствомъ.

Понятіе о земельной собственности, какъ о предметѣ торговаго оборота, стало развиваться одновременно съ развитіемъ значенія капитала въ торгово-промышленной дѣятельности, по мѣрѣ того, какъ землепашество перестаетъ быть состояніемъ бытовымъ и единственнымъ источникомъ существованія челоука, и земледѣліе, наряду съ другими торгово-промышленными предприятиями принимаетъ промышленный характеръ, и земля, какъ и всякая другая частная собственность, становится предметомъ купли продажи.

Стремленіе къ собственности есть врожденное челоуку чувство. Оно развивается въ немъ и крѣпнеть, по мѣрѣ длительного полнаго владѣнія и пользованія тѣмъ, или другимъ предметомъ; длительность эта всегда и всюду являлась первѣйшимъ основаніемъ законнаго признанія права собственности за давностью владѣнія.

Такимъ образомъ, занятая мирнымъ образомъ, или захваченная хитростью имущества, послѣ десятилѣтняго спокойнаго владѣнія, признаются собственностью ихъ владѣльцевъ.

На этихъ же основаніяхъ домохозяева - собственники, распределенные на отруба, съ теченіемъ времени, силою вещей, становятся собственниками, какъ двора и усадьбы, признававшихся ранѣе имуществомъ семейнымъ, такъ и полевыхъ участковъ, отведенныхъ имъ изъ общественной земли.

Землевладѣніе на правахъ собственности признается наиболѣе удобною формою для удовлетворительнаго веденія индивидуальнаго хозяйства, которое можетъ успѣшно разви-

ваться только при длительномъ, непрерывномъ и заботливомъ уходѣ за землею и скотомъ.

Спокойное же землепользование участкомъ на правахъ собственности возможно, только при условіи строгаго огражденія и защиты правъ частной собственности твердыми законами.

Такимъ образомъ нужда въ государственномъ землеустройствѣ и въ изданіи центральною государственною властью специальныхъ законовъ, ограждающихъ спокойное и преемственное землепользование вызывается естественнымъ, массовымъ переходомъ сельскаго населенія отъ общиннаго уклада землепользованія къ индивидуальному хуторскому хозяйству на правахъ частной земельной собственности.

Въ государствахъ же, гдѣ вся земля уже распределена между частными владельцами, аграрнаго вопроса не возникаетъ, т. к. желающіе имѣть землю могутъ ее свободно покупать, а требовать земли отъ государства даромъ никому и въ голову не приходитъ.

Для правильной организаціи государственнаго землеустройства, приходится создавать специальный государственный органъ, вѣдающій составленіемъ плановъ cadastra, представляющаго частную собственность земельного участка, съ обозначеніемъ его точныхъ границъ, нанесеніемъ его на генеральный планъ и отмѣткою въ хранящихся въ государственныхъ архивахъ кадастровыхъ книгахъ, какъ времени его возникновенія, такъ и дальнѣйшаго перехода его изъ рукъ въ руки, по наслѣдству, по актамъ продажи, и т. п. Словомъ, создается аппаратъ, который даетъ возможность возстановлять историческое происхожденіе каждой частной земельной собственности и доказывать права на ея владѣніе.

Стремленіе народовъ, живущихъ въ состояніи стадно-общиннаго землепользованія къ индивидуальному хозяйству на правахъ земельныхъ собственниковъ, есть несомнѣнный признакъ ихъ культурности, въ отличіе отъ многихъ народовъ, продолжающихъ коснѣть въ полудикомъ невѣжествѣ въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, не чувствуя при этомъ никакого желанія выйти изъ этого коснаго состоянія; нѣкоторые изъ нихъ этимъ мало отличаются отъ твореній низшаго порядка, такихъ, какъ муравьи, пчелы, бобры, пenguэны, имѣющіе вѣками неизмѣн-

но продолжающіяся соціальныя организаціи, безъ дальнѣйшей эволюціи.

Сознаніе въ необходимости перехода отъ стадно-общиннаго землепользованія къ индивидуально-хуторскому вызывается въ земледѣльческихъ народахъ отсутствіемъ прежняго земельного простора; испытываемая, вслѣдствіи перенаселенія общинной земельной площади, тѣснота становится тѣмъ тяжелѣе и безпомощнѣе, что не видно выхода изъ такого положенія.

Пчелы, покуда онѣ пользуются привольемъ, при ихъ чрезмѣрномъ размноженіи, роятся, и излишекъ ихъ, подъ предводительствомъ матки, выселяется изъ улья на новое мѣсто. Но при пчеловодствѣ искусственномъ, когда онѣ лишены простора, имъ нужна помощь опытнаго пчеловода, заранѣе озаботившагося заготовкою для взятка новаго улья.

Въ такомъ же искусственно-создаваемомъ безпомощномъ положеніи находятся члены перенаселенной сельской общины, лишенные земельного простора, и не видящіе выхода изъ ихъ критическаго положенія.

Безъ правительственной помощи въ этихъ случаяхъ крестьяне обойтись не могутъ, и отсюда видно, насколько велико въ этихъ случаяхъ значеніе организаціи здороваго государственнаго землеустройства.

Наступаетъ, вслѣдствіи такого кризиса, моментъ, когда бытовое соціально-экономическое значеніе сельской общины окончательно рушится, и когда сельское населеніе не можетъ обойтись безъ вмѣшательства въ его безвыходное положеніе *центральной власти*: никакого другого источника для своего существованія, кромѣ первобытнаго хлѣбопашества, крестьяне-общинники обыкновенно не знаютъ, и на правительство ложится сложная задача устраивать на новыхъ основаніяхъ многочисленный классъ безпріютнаго населенія.

Задача выхода изъ земельного кризиса въ періодъ распада сельскихъ общинъ, всюду и всегда была чрезвычайно сложною, т. е. приходилось выискивать источники для существованія нарождающихся массъ лишняго сельскаго населенія, ни на что другое не приспособленнаго, кромѣ хлѣбопашества, между тѣмъ, какъ свободныхъ земель, для ихъ расселенія въ наличности, или не хватаетъ, или же нѣтъ вовсе.

Правительственныя власти разныхъ странъ справлялись съ этою задачею не всегда удачно.

Счастливо то государство, въ которомъ во времени распада сельскихъ общинъ изъ за ихъ перенаселенія, торгово-промышленная дѣятельность оказалась развитою настолько, что она могла дать работу излишку сельскаго населенія, не находящаго себѣ дѣла въ области сельско-хозяйственной, бывшей единственнымъ источникомъ его существованія.

Развитіе промышленности и торговли только въ рѣдкихъ случаяхъ идетъ съ такимъ успѣхомъ, чтобы въ этой области могло бы найти себѣ удовлетворительный заработокъ все, при распаденіи общины, отходящее отъ земли сельское населеніе. Такой рѣдкій примѣръ представляетъ Англія, географическое положеніе которой въ этомъ отношеніи исключительно благопріятно.

Въ большинствѣ случаевъ, за неимѣніемъ возможности занять излишекъ сельскаго населенія работами въ области торгово-промышленнаго производства, единственнымъ источникомъ, могущимъ обезпечить существованіе излишка нарождающагося населенія, остается расселеніе его на хутора; если же и это оказалось бы невозможнымъ, то излишку населенія пришлось бы искать работу за границею, какъ это и происходитъ, напримѣръ, въ Швейцаріи и Италіи.

Во Франціи насажденіе крестьянскаго хуторскаго хозяйства началось еще въ средніе вѣка, во времена феодализма и крѣпостнаго права: оно то и создало условія спокойнаго и естественнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; оно же было причиною паденія феодальной системы и созданія прочной центральной власти. Нужно, однако же, замѣтить, что во Франціи переходъ крестьянъ отъ общиннаго быта къ хуторскому былъ значительно облегченъ тѣмъ, что размноженіе сельскаго населенія въ этой странѣ шло сравнительно съ другими государствами, довольно медленно, между тѣмъ, какъ развитіе торгово-промышленной отрасли производства и городскихъ заработковъ росло чрезвычайно быстро.

Въ болѣе затруднительномъ положеніи, какъ вслѣдствіи быстраго размноженія сельскаго населенія, при слабомъ развитіи торгово-промышленнаго производства, а, главнымъ образомъ, и вслѣдствіи особыхъ политическихъ условій, ока-

вадись нѣкоторые балканскія государства и въ особенноти Россія.

Гражданскія индивидуальныя права формулируются и крѣпнута въ крестьянахъ распадающейся общины тѣмъ опредѣленнѣе, чѣмъ площадь общественной земли становится ограниченнѣе и тѣснѣе, и чѣмъ менѣе имъ на нее приходится рассчитывать для удовлетворенія ихъ нуждъ: нужда заставляетъ крестьянъ искать новые источники для существованія и устраиваться отдѣльно и самостоятельно, рассчитывая только на свой личный трудъ.

Стремленіе человѣка къ индивидуальной дѣятельности вполне естественно и есть признакъ его культурности: объ этомъ свидѣлствуетъ исторія человѣчества, записавшая много славныхъ именъ людей, вышедшихъ изъ народныхъ массъ; благодаря ихъ заслугамъ, человѣческая цивилизація и достигла высокаго уровня развитія, у разныхъ народовъ въ различныя эпохи.

Но когда стремленіе къ индивидуальной дѣятельности проявляется, не только немногими личностями, а становится общимъ, и неудержимо, стихійно охватываетъ цѣлую націю, — такое стремленіе должно быть отнесено къ несомнѣнному народному генію.

Некультурные же племена и народы оказываются не въ состояніи, не только выйти собственными силами изъ своей косности, но и неспособными воспринимать просвѣщеніе отъ сосѣднихъ цивилизованныхъ націй, и, при соприкосновеніи съ ними, вырождаются и погибаютъ.

**

Стремленіе русскихъ крестьянъ переходитъ отъ сельско-общиннаго замкнутого быта къ индивидуальному хуторскому хозяйству слѣдуетъ признать пробужденіемъ въ нихъ сознанія наступившей необходимости добывать себѣ средства для осуществленія, путемъ личного труда, не рассчитывая уже на казавшіяся неисчерпаемыми, но оскудѣвшіе дары природы, бывшіе почти единственнымъ источникомъ ихъ существованія въ періоды ихъ первобытнаго социальноекономическаго уровня развитія.

Можно себѣ представить, какая сложная, психологическая

работа должна происходить въ примитивныхъ хлѣбопашцахъ, споконъ вѣка ходившихъ, какъ дѣти, на помочахъ, подъ опекою сеньора, и подъ строгою властью мірскаго схода, чтобы додуматься до необходимости выхода изъ сельской общины и до рѣшенія перейти на индивидуальное хуторское хозяйство, или на какую нибудь другую, индивидуальную дѣятельность, примираясь съ сознаниемъ, что отнынѣ, для своего существованія, ни на кого и ни на что они уже болѣе рассчитываютъ не могутъ, и единственнымъ источникомъ для ихъ существованія будетъ ихъ личный трудъ?

Хлѣбопашество, въ теченіи длительного сельско - общиннаго періода, было, не ремесломъ, а естественнымъ состояніемъ первобытнаго челоука, не знавшаго другого источника для своего существованія; повтому то именно хлѣбопашество и было тогда организовано на строгихъ, патріархальныхъ основаніяхъ общиннаго порядка: оно тогда представляло собою существенную основу первобытной социальнo-экономической организаціи.

Съ переходомъ же сельскаго населенія отъ общиннаго бытового періода къ періоду индивидуальной дѣятельности, примитивное хлѣбопашество, измѣнялось въ своихъ пріемахъ, и, превращаясь въ земледѣліе, становится наравнѣ съ другими отраслями народнаго производства, — *сельско-хозяйственной промышленностью*.

Крестьяне, съ переходомъ отъ хозяйства общиннаго на хозяйство хуторское, всюду становились *свободными гражданами* и послѣ многолѣтняго, пережитаго ими кастоваго уклада, входили въ общій составъ населенія, пользуясь, наравнѣ со всѣми гражданами, общими законами: при этомъ имъ приходилось проникнуться сознаниемъ, что *равенство между людьми имѣетъ въ своемъ основаніи не то, что каждому изъ нихъ предоставляется одинаковое пользованіе землею и, вообще, дарами природы, — какъ это было, при сельско-общинномъ бытѣ, — а то, что каждому гражданину предоставляется лишь одинаковое право на пользованіе результатами его личныхъ трудовъ, будь то въ области земледѣлія, или въ другой области производства*.

Покидая общину, — свою родную деревню, — какъ говорится: «ни съ чѣмъ», — безъ практическихъ знаній и опыта, крестьяне, никакой работы, кромѣ примитивнаго хлѣ-

бопашества не знающіе, оказываются въ трагическомъ положеніи; приходится уходить *на всѣ «четыре стороны»* искать работы; — но, найдется ли подходящая работа, или нѣтъ, — неизвѣстно.

Осложняется такое положеніе сельскаго населенія и представляет оно особыя затрудненія въ государствахъ, гдѣ постепенное добровольное самостоятельное развитіе стремленія крестьянъ къ выходу изъ сельскихъ общинъ, не только не поощрялось и не встрѣчало со стороны правительства содѣйствія, а, наоборотъ, *задерживалось, или, какъ это было, на-примѣръ, въ Россіи, вовсе запрещалось*: въ этомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы переходъ крестьянъ отъ общиннаго хлѣбопашества къ хуторскому хозяйству совершался постепенно, естественнымъ порядкомъ, добровольно, въ теченіи длительного времени, по мѣрѣ того, какъ наиболѣе способные и энергичные крестьяне сами стремились къ выходу изъ общины и къ устройству на сторонѣ самостоятельно, — запертые массами въ сельской общинѣ хлѣбопашцы, не видя выхода, стѣсненные въ землѣ, *начинаютъ требовать дополнительныхъ надѣловъ и, если государство во время не сумѣетъ сладить съ этимъ кризисомъ, то дѣло доходитъ до катастрофы, т. е. кризисъ этотъ разрѣшается революціоннымъ порядкомъ.*

Осуществленіе аграрной реформы, по мѣрѣ размноженія сельскаго населенія, въ какомъ бы государствѣ оно ни происходило, представляется задачей весьма сложною какъ въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, съ которыми приходится соображаться, такъ, въ особенности, и потому, что такая реформа всегда нарушаетъ извѣстный укладъ соціально-экономическихъ условій, оказавшійся пережиткомъ и подлежащимъ отмѣнѣ, но къ которому извѣстная часть населенія привыкла, какъ къ укладу, вошедшему издавна въ законную силу.

Приходится, при проведеніи въ жизнь всякой аграрной реформы *ломать* существующій порядокъ землевладѣнія и землепользованія, соображаясь, какъ съ нуждами сельскаго населенія, такъ и, вообще, — съ нуждами и цѣлями общегосударственными.

Всюду, гдѣ бы не проводилась въ жизнь аграрная реформа, приходится имѣть ввиду, что *задача государственна-*

во землеустройства должна преслѣдовать двѣ существенныя, тѣсно связанныя между собою цѣли:

1) Устройство крестьянъ, выходящихъ изъ сельскихъ общинъ и тяготящихся къ землепашеству, на хуторахъ; и

2) Созданіе наиболее благоприятныхъ условій для успѣшнаго развитія сельско-хозяйственной промышленности, ввиду обезпеченія питанія разрастающагося населенія городовъ и фабрично-заводскихъ центровъ.

Крестьянъ приходится приводить къ сознанію, что государственное землеустройство можетъ быть прочно, и что защищаться мелкая земельная собственность можетъ твердою властью только въ томъ случаѣ, если будутъ удовлетворены нужды всѣхъ классовъ населенія, т. е. если весь народъ, безъ различія сословій, будетъ сытъ; и что покуда крестьяне при своемъ рутинномъ хозяйствѣ, оказываются, едва въ состояніи сами кормиться, то государство обязано озаботиться, не только объ устройствѣ крестьянъ, но и о массовомъ производствѣ хлѣба и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ, для удовлетворенія фабрично-заводскихъ рабочихъ городского населенія и войска; достигнуть же такого результата возможно только при сохраненіи хозяйствъ промышленныхъ и хозяйствъ съ массовымъ производствомъ зерна.

На первомъ планѣ такой аграрной реформы, тѣмъ не менѣе, должно стоять устройство тѣхъ изъ хлѣбопашцевъ, которые ни къ какой другой работѣ, кромѣ земледѣлія, не приспособлены, и для которыхъ, вообще, при существующемъ экономическомъ положеніи того, или другого государства, работы можетъ не оказаться.

Выполненіе этого главнаго заданія аграрной реформы можетъ столкнуться съ существенными затрудненіями: 1) — можетъ оказаться, что для той многочисленной массы хлѣбопашцевъ, которыхъ желательно было бы пристроить на хуторахъ, достаточнаго количества удобныхъ для земледѣлія площадей въ распоряженіи государства не имѣется; и 2) — можетъ оказаться, что, хотя государство и располагаетъ значительною площадью удобныхъ для земледѣлія земель, но часть ихъ занята необходимыми для народнаго продовольствія хозяйственными промышленными и съ массовымъ производствомъ хлѣба, безъ которыхъ обезпе-

ченіе остальной, многочисленной части населенія земледѣльческими продуктами оказалось бы невозможнымъ.

Въ такомъ именно положеніи и оказались, послѣ Великой Войны, не только Россія, но и нѣкоторыя другія европейскія государства.

Достаточно, напримѣръ, указать на неудачную въ этомъ отношеніи аграрную реформу, произведенную послѣ Великой Войны въ Румыніи. Сельское хозяйство въ Румыніи, до войны, стояло на такой высотѣ, что оно не только вполнѣ удовлетворяло потребности своего населенія, но занимало видное мѣсто между государствами, выбрасывавшими хлѣбъ на міровой рынокъ. Послѣ же Великой Войны, отвѣчая настроенію сельскаго населенія, испытывавшаго острую нужду въ землѣ, румынское правительство рѣшилось, пожертвовать интересами крупныхъ сельскихъ хозяевъ и раздѣлить ихъ имѣнія между крестьянами. Но крестьяне, при своей бѣдности и своемъ невѣжествѣ, оказались едва въ состояніи кормиться отъ земли сами со своими семействами; а такъ какъ, кромѣ своего коренного населенія, Румыніи послѣ войны пришлось еще кормить и населеніе присоединенной въ ней Трансильваніи, которая своего хлѣба не производитъ, то, несмотря на то, что къ ней, съ другой стороны была еще присоединена богатѣйшая Бессарабія, — положеніе ея сельскаго хозяйства, вслѣдствіи уничтоженія крупныхъ хозяйствъ съ массовымъ производствомъ хлѣба, сдѣлалось критическимъ: о значительномъ вывозѣ хлѣба, за границу не приходилось и думать, а, наоборотъ, постоянно угрожала необходимость выписывать его изъ за границы.

Изъ этого примѣра видно, насколько опасно, вообще, жертвовать интересами однихъ классовъ общества въ пользу другихъ, и насколько важно, при разрѣшеніи аграрныхъ вопросовъ соблюдать интересы, не только частные, но, главнымъ образомъ, обще-государственные.

**
*

Недопустимо, конечно, такое землеустройство, при которомъ всѣ удобныя для сельскаго хозяйства земли находились бы, или въ рукахъ только крупныхъ землевладѣльцевъ, или же въ рукахъ только крестьянъ.

Но необходимо съ другой стороны, самымъ рѣшительнымъ образомъ отказаться отъ выкрикиваемого революціонерами лозунга, — «Вся земля всему народу!» такъ какъ предполагать, что весь народъ, въ полномъ своемъ составѣ, въ цивилизованныхъ государствахъ сталъ бы обрабатывать землю, представляется полнѣйшимъ абсурдомъ.

Конечно, всюду, въ Западной Европѣ, наступалъ періодъ, когда монополія дворянскаго землевладѣнія, какъ пережитокъ феодализма, должна была исчезнуть. Но нигдѣ она не замѣнялась монополіей крестьянскаго землевладѣнія, такъ какъ это привело бы къ самымъ печальнымъ результатамъ: *крестьянинъ бѣдный и невежественный, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ и научныхъ познаній, собственными силами не въ состояніи, выйти изъ заколдованнаго круга трехпольнаго хозяйства и перейти къ хозяйству многопольному, интенсивному*, а потому изъ нищенскаго состоянія онъ никогда бы не вышелъ.

По этому то, при организаціи здороваго государственнаго землеустройства, въ цѣляхъ обезпеченія городского и фабрично-заводскаго населенія хлѣбомъ и земледѣльческими продуктами, должны съ одной стороны сохраняться крупныя сельско-хозяйственныя предпріятія, отвѣчающія такому назначенію, а, съ другой стороны, должны быть установлены минимальныя нормы мелкихъ хуторскихъ хозяйствъ, огражденные законами, какъ отъ чрезмѣрнаго измельчанія, такъ и отъ скупки ихъ въ однѣ руки.

Въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ установленъ законъ (homstead), опредѣляющій предѣльные минимальные размѣры такихъ участковъ, — особые для каждой мѣстности.

Весьма интересны также примѣняемыя въ разныхъ государствахъ обычаи и законы о наслѣдствахъ, предупреждающіе чрезмѣрное дробленіе хуторскихъ участковъ.

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, напримѣръ, съ цѣлью соблюденія недѣлимости хуторскихъ хозяйствъ съ давнихъ временъ вошелъ въ обычай *переходъ ихъ по наслѣдству младшему сыну* (минорать); такая передача всего наслѣдства одному изъ сыновей не считается обидною для другихъ дѣтей, такъ какъ младшему сыну, къ которому переходитъ хуторъ, приходится работать, покорно подчиняясь родительской власти, на пользу братьевъ и сестеръ, нерѣдко до

сѣдѣхъ волюсь, если родители доживаютъ до глубокой старости; другіе же братья и сестры за это время, при помощи родителей, устраиваются на сторонѣ, по торговой части, или по какому нибудь ремеслу; младшему же сыну приходится, работать и безропотно покоряться престарѣлому отцу, или овдовѣвшей матери, а, если бы, за раннею смертью обоихъ родителей, онъ унаслѣдовалъ хозяйство до того времени, какъ старшіе братья и сестры были самостоятельно устроены, то ему приходилось бы выкупать доли ихъ участія въ наслѣдствѣ, выплачивая имъ ежегодно, на весьма обгченныхъ условіяхъ суммы (*soultes*).

Въ Германіи наслѣдство передается также по выбору родителей въ руки *одного изъ наслѣдниковъ*, на котораго возлагается обязанность вознаграждать остальныхъ наслѣдниковъ опредѣленными суммами, на обгченныхъ условіяхъ платежей.

Во Франціи же, наоборотъ, принципъ раздѣла наслѣдства, а въ томъ числѣ и хуторскихъ хозяйствъ между дѣтьми, по ровну примѣняется въ теченіи уже нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Покуда держался феодальный строй деревенской жизни, онъ еще не имѣлъ вредныхъ послѣдствій, т. е. тогда лишніе члены семьи имѣли возможность устраиваться на новыхъ отвсдимыхъ сеньорами и баронами участкахъ.

Со времени же Великой Революціи, когда были установлены законы о частной земельной собственности, раздѣлъ въ натурѣ хуторскихъ хозяйствъ между наслѣдниками привелъ хуторскія хозяйства къ парцеляціи и къ раззоренію, а крупныя землевладѣнія — въ полный упадокъ; большинство средневѣковыхъ замковъ остались только при паркахъ и почти совершенно безъ земли, и благородное земельное дворянство, такимъ образомъ потеряло всякое значеніе.

Такое положеніе вещей за послѣднее время заставило французскія парламентскія сферы разрабатывать проектъ новыхъ законовъ о земельныхъ наслѣдствахъ, на условіяхъ болѣе благопріятствующихъ успѣшному развитію сельскаго хозяйства. Огромный толчокъ въ этомъ направленіи дало то обстоятельство, что населеніе вновь присоединенныхъ къ Франціи послѣ Великой Войны провинцій Эльзаса и Лотарингіи, въ лицѣ своихъ депутатовъ, протестовало противъ отмѣны введеннаго у нихъ, за время владычества Германіи, нѣмецкихъ законовъ, по которымъ земельное хозяйство достается

одному изъ наследниковъ, а остальные наследники вознаграждаются опредѣленными денежными суммами, уплачиваемыми имъ въ разсрочку, на облегченныхъ условіяхъ. Населеніе этихъ провинцій находило, что нѣмецкіе законы, въ сравненіи съ французскими, гораздо практичнѣе и болѣе соотвѣтствуютъ успѣшному развитію сельскаго хозяйства.

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, оказывается, что и въ Россіи, встрѣчаются мѣстности, гдѣ населеніе склонно передавать земельное хозяйство въ руки одного изъ наследниковъ. Но, въ общемъ, конечно, взгляды русскихъ крестьянъ на порядокъ наследованія земельной собственности еще не установился; а при проведеніи въ жизнь въ возрожденной Россіи здороваго государственнаго землеустройства, необходимо будетъ ограничить раздѣлъ земельныхъ хозяйствъ между наследниками въ натурѣ, который ведетъ къ постепенному измельчанію участковъ и къ ослабленію сельско-хозяйственныхъ предприятий, могущихъ успѣшно развиваться только путемъ многолѣтнихъ, непрерывныхъ заботъ и трудовъ.

Одною изъ главныхъ задачъ здороваго государственнаго землеустройства слѣдуетъ признать обязательное стремленіе къ тому, чтобы вся занимаемая государствомъ площадь была использована, и чтобы земля, «не гуляла», какъ выражаются крестьяне, а приносила бы доходъ.

Необходимость эта, съ государственной точки зрѣнія особенно настоятельна въ такихъ государствахъ, какъ Россія, которыя страдаютъ избыткомъ рабочей силы и недостаткомъ въ пахотныхъ земляхъ.

Значеніе этого обстоятельства имѣетъ тѣсную связь съ установленіемъ порядка удовлетворительнаго надвѣнія хуторскими участками невѣжественныхъ хлѣбопашцевъ - общинниковъ, не знающихъ другого сѣвооборота, кромѣ трехполья съ чернымъ паромъ, и не имѣющихъ понятія объ интенсивномъ хозяйствѣ на участкѣ ограниченаго размѣра.

Переходящаго на индивидуальное хуторское хозяйство крестьянина - общинника, при его невѣжествѣ и бѣдности, было бы неосторожно надвѣлять земельнымъ участкомъ слишкомъ малаго размѣра, на которомъ китаецъ, или бельгіецъ,

при почти огородной культурѣ, сумѣли бы прожить безбѣдно: землешеецъ - общинникъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, которое онъ только и понимаетъ, долженъ быть надѣленъ участкомъ, въ составъ котораго входили бы не однѣ пахотныя земли, а также земли некультурныя, но годныя для выпасовъ и заготовки кормовъ, чтобы онъ, покуда не научится улучшеннымъ приемамъ хозяйства, могъ бы существовать и при трехпольномъ сѣвооборотѣ, имѣя возможность содержать достаточно скота.

Такимъ хлѣбопашцамъ - общинникамъ расселяющимся на новыя, неустроенныя мѣста, конечно, должны быть оказаны особыя льготы для устройства хуторовъ и приведенія ихъ въ хозяйственный порядокъ.

Интересенъ въ этомъ отношеніи примѣръ такихъ льготъ, оказанныхъ во Франціи, въ департаментахъ Па-де-Калэ и Нордъ, еще на основаніи королевскихъ эдиктовъ отъ 27 марта 1777 года и 25 февраля 1779 года; болота и неудобныя земли, принадлежавшія государству, раздавались въ личное пользованіе земледѣльцевъ, совершенно бесплатно; при этомъ соблюдалось, чтобы они раздѣлывали такія неудобныя земли подъ дуга и пашни, устраивая общія спускныя каналы, и, вообще, приводя ихъ въ культурный видъ. Въ случаѣ желанія передать такой участокъ новому лицу, разрѣшалось получать за него соотвѣтственную сумму, вознаграждающую продавца, какъ за затраченные на устройство участка труды и расходы, такъ и за стоимость посѣвовъ, скота, кормовыхъ запасовъ и инвентаря. Такіе участки носили названіе «Portions ménagères»; опыты эти, развивавшіе частную предприимчивость, дали блестящіе результаты, и нѣсколько тысячъ гектаровъ болотъ, такимъ образомъ, были превращены въ великолѣпныя культурныя земли.

Но такая комбинація доступна, лишь, земледѣльцамъ, обладающимъ значительнымъ опытомъ и нѣкоторыми материальными средствами.

Бѣдный же невѣжественный хлѣбопашецъ - общинникъ, превращаясь въ самостоятельнаго хуторянина, собственными силами изъ своего коснаго состоянія выйти не въ состояніи. и, если онъ будетъ заброшенъ и предоставленъ своей участи, то онъ вскорѣ же свой участокъ выпашетъ и истощитъ, а за-

тѣмъ окажется вновь обреченнымъ влачить жалкое, нищенское существованіе.

Ясно, что для пользы, не только такихъ хуторянъ, но въ интересахъ государственныхъ, необходимо создать условія, при которыхъ они могли бы постепенно превращаться изъ первобытныхъ землешащевъ въ культурныхъ земледѣльцевъ, а для этого *имъ должна быть оказана поддержка, какъ матерьяльная, такъ и просвѣтительная.*

Матерьяльная поддержка потребуется для обзаведенія лучшимъ скотомъ и болѣе совершеннымъ хозяйственнымъ инвентаремъ, да, и, вообще, для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи нѣкоторый оборотный капиталъ.

Безъ поддержки же просвѣтительной, состоящей въ приобрѣтеніи необходимыхъ свѣдѣній и практическихъ приѣмовъ, для увеличенія продуктивности хуторского хозяйства, невѣжественный хлѣбопашецъ точно также не можетъ обойтись, какъ и безъ помощи матерьяльной: оба эти условія тѣсно другъ съ другомъ связаны, и на обязанности, какъ прарицельства, такъ и просвѣщенныхъ классовъ общества, лежитъ забота объ оказаніи такой двойной поддержки первобытнымъ хлѣбопашцамъ-общинникамъ, расселяющимся на хутора, т. е. безъ такой поддержки нормальное соціально-экономическое положеніе сельскаго населенія было бы задержано, что могло бы привести къ новому кризису.

Вотъ, въ общихъ чертахъ основныя заданія для организациі государственнаго землеустройства въ какой бы то ни было странѣ въ моментъ перехода сельскаго населенія отъ общиннаго - бытового состоянія къ индивидуальному хуторскому хозяйству.

Если бы эти основы, хотя бы отчасти не были бы соблюдены, то такое землеустройство не было бы прочно и угрожало бы въ будущемъ новымъ аграрнымъ кризисомъ, а, можетъ быть, и революціей.

Земельные вопросы могутъ быть правильно разрѣшены только при условіи, что проведеніе ихъ въ жизнь встрѣтитъ сочувствіе во всѣхъ слояхъ общества, а главное когда сами крестьяне сознаютъ цѣлесообразность предполагаемаго землеустройства и будутъ способствовать проведенію его въ жизнь; этого и слѣдуетъ добиваться прежде всего.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ РУССКИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНЪ.

Распаденіе русской сельской общины. — Переживаемый въ Россіи, подъ игомъ совѣтской власти, аграрный хаосъ. — Задержанъ дальнѣйшій ходъ соціально - экономическаго развитія русскаго народа, лишь временно. Предстоящее землеустройство Россіи можетъ обсуждаться, лишь, въ общихъ чертахъ, сообразуясь съ исторіей аналогичныхъ аграрныхъ кризисовъ, пережитыхъ другими народами. — Предполагаемая, отвѣчающія русскимъ народнымъ обычаямъ условія поравненія земельныхъ участковъ, при ихъ распредѣленіи на хутора. — Для проведенія въ жизнь здороваго землеустройства въ Россіи потребуются участіе: 1) Значительныхъ просвѣтительныхъ силъ и 2) громадныхъ финансовыхъ средствъ.

Повторяемъ вкратцѣ положеніе русскихъ крестьянъ до революціи.

Коснѣвшая въ невѣжествѣ до освобожденія отъ крѣпостной зависимости русская сельская община, какъ и всюду, могла жить въ довольствѣ только за счетъ земельного простора. Когда же, послѣ освободительной реформы, она оказалась лишеною этого простора и крѣпко замкнутою на отведенной ей общественной землѣ; когда, вслѣдствіи отсутствія возможности надѣлать землею нарождающіяся поколѣнія, пошатнулась власть міра, и возникли семейные раздоры, — нужда заставила, не только младшихъ членовъ семей, но и многихъ домохозяевъ искать работы на сторонѣ; дѣти, голодая, стремились освободиться отъ родительской власти, да и сѣмимъ домохозяевамъ пришлось искать возможности устраиваться на сторонѣ, — по возможности, подальше, отъ ига мірскаго схода, отъ круговой поруки и отъ общаго нищенскаго прозябанія.

Раздававшіеся крики русскихъ крестьянъ, жившихъ въ общинномъ бытовомъ укладѣ, о требованіи земли, тслко-

вались, въ большинствѣ случаевъ совершенно неправильно. Никто изъ крестьянъ никогда лично для себя земли не требовалъ, т. к. большинство изъ нихъ, проживая подъ властью мірскаго схода, о земельной собственности и понятія не имѣло: до полного распада сельской общины, они мирились со своимъ узаконеннымъ бытовымъ положеніемъ и готовы были такъ жить и дальше, въ надеждѣ, что сельской общинѣ будетъ добавлено достаточно земли, чтобы на ней домохозяева могли, какъ сами кормиться, такъ и надѣлять ею ихъ потомство. Поэтому, когда русскіе крестьяне требовали земли, сверхъ той, которую при ихъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, была надѣлена сельская община, они требовали землю, не для себя лично, а для сельской общины, къ которой они были приписаны, и которая должна была давать возможность своему населенію кормиться отъ хлѣбопашества.

Не имѣя средствъ для удовлетворенія насущныхъ и законныхъ нуждъ односельчанъ, ни домохозяева, ни мірской сходъ уже не могли удержать бѣгства младшихъ членовъ семей, хотя и употребляли всѣ мѣры для того, чтобы, отпуская ихъ на стороннія работы, не выпускать ихъ изъ подъ своей власти, а заставляя ихъ высылать на родину возможно большую часть зарабатываемыхъ ими денегъ.

Законными мотивами для такой эксплоатаціи, домохозяевъ, являлись недостатокъ у нихъ средствъ для содержанія семьи, а для мірскаго схода являлась *круговая порука* всѣхъ членовъ общины за взносы, какъ выкупныхъ платежей, такъ, и вообще, всѣхъ налоговъ и повинностей.

Такимъ образомъ, какъ мірской сходъ, такъ и домохозяева старались выжимать изъ отпускаемыхъ крестьянъ на сторонніе заработки, какъ можно больше денегъ, подъ угрозю отказа въ возобновленіи имъ паспорта и высылки ихъ на родину, по этапу.

Такое положеніе вещей само по себѣ уже являлось признакомъ *разложенія сельской общины* и назрѣвшей необходимости перехода отъ этой первобытной, стадной социальной организаціи къ новой, болѣе совершенной: стремленія крестьянъ къ самостоятельному и независимому устройству и ихъ индивидуальному труду на сторонѣ, всюду объяснялось именно такимъ положеніемъ.

Крестьянская молодежь, постоянно работающая на сто-

ронѣ, вскорѣ же отвыкаетъ отъ земледѣлства и уже къ сохѣ, или плугу, не возвращается; да и изъ домохозяевъ многіе, убѣдившись въ невозможности улучшить свое благосостояніе, при искалѣченныхъ условіяхъ общиннаго порядка но привязанные къ земледѣлію, добиваются возможности *устроиться отдѣльно* на хуторахъ, приобретаая земельные участки въ собственность; остающіеся же въ сельской общинѣ домохозяева въ концѣ концовъ оказываются принужденными раздѣлить между собою окончательно и навсегда всю общественную землю, расселиться на отруба и также превращаются въ мелкихъ земельныхъ собственниковъ-хуторянъ.

Таковъ былъ всюду конецъ земельной сельской общины, таково же было положеніе русскихъ сельскихъ общинъ до революціи и большевизма, — положеніе критическое, изъ котораго выхода не было.

**
*

Обращаясь затѣмъ къ хаотическому состоянію, переживаемому Россією, вслѣдствіи разразившейся надъ нею катастрофы революціи и большевизма, отмѣтимъ прежде всего, что, какъ ни ужасно такое положеніе, но оно несомнѣнно *временное*. Катастрофа эта парализовала естественный ходъ соціально-экономическаго развитія русскаго народа; она разрушила заложенные вѣками устои, на которыхъ была основана прочность его организма, какъ въ области соціальной, такъ и въ области экономической. Но стоитъ только исчезнуть Совѣтской власти, — а это впрямъ только времени, — и разгорѣвшійся неслыханныхъ размѣровъ зажженный большевиками пожаръ будетъ въ ней потушенъ, или же выгоритъ и погаснетъ самъ собою.

Соціальное потрясеніе въ Россіи со всѣми его ужасами несомнѣнно произошло на подготовленной предшествовавшими событіями почвѣ аграрной, — на кризисѣ земельномъ; революціонная пропаганда этимъ кризисомъ только воспользовалась для своихъ цѣлей; Совѣтскимъ правительствомъ пролито море крови, и Россія подверглась полному раззоренію, но крестьяне оказались жестоко обманутыми и обѣщаннаго имъ земельнаго удовлетворенія не получили.

Въ Совѣтской Россіи царитъ еще болѣе осложнившійся аграрный кризисъ, и выхода изъ этого кризиса, покуда бу-

деть держаться диктатура большевиковъ не предвидится: послѣ же ея паденія, аграрный вопросъ вновь выступить на первомъ планѣ, въ еще болѣе сложной формѣ и съ еще большей силой.

Осложняются исканія здороваго рѣшенія аграрнаго вопроса въ Россіи въ данную минуту тѣмъ, что искать его приходится при полной неизвѣстности той политической обстановки, при которой совершится паденіе Совѣтской власти и водворится твердая, угодная народу власть, необходимая для возрожденія нашего Волкаго Отечества.

Но придетъ время: взбаломученное море успокоится и войдетъ въ свои берега; наступитъ моментъ, когда жажда тишины и порядка, необходимыхъ для спокойной работы земледѣльца, настоятельно потребуютъ немедленной организациі здороваго государственнаго землеустройства, и къ этому мы должны быть готовы.

Подготавливаясь къ этому моменту, приходится довольствоваться покуда, однимъ соображеніемъ: что государственное землеустройство русскаго народа, по характеру своему чисто земледѣльческому, стоящаго на порогѣ выхода изъ сельско-общиннаго своего состоянія, должно быть организовано сообразуясь съ подобными же условіями, пережитыми другими народами, также прошедшими, какъ черезъ періодъ сельской общины, такъ и черезъ періодъ крѣпостного права, прежде чѣмъ они достигли разцвѣта интенсивной культуры на индивидуальномъ хуторскомъ хозяйствѣ.

Было бы въ высшей степени самодѣянно воображать, на примѣръ, что заранѣе составленный, кабинетный планъ размежеванія необозримыхъ пространствъ Россіи могъ принести въ этомъ отношеніи существенную пользу: достаточно было бы установить главныя общія основы, на которыхъ могло бы быть создано въ обновленной Россіи здоровое землеустройство, а подробности можно будетъ обсуждать только впоследствии на мѣстахъ, — совмѣстно съ крестьянскими мірскими сходами.

Можно ли, на примѣръ, дать себѣ въ настоящее время отчетъ въ томъ, сколько же имѣется въ Россіи вообще, и въ каждой отдѣльной мѣстности, природныхъ землепашцевъ, которыхъ придется надѣлять землею?

За неимѣніемъ точныхъ данныхъ, точнаго отвѣта на эти

вопросы дать невозможно, — но оставить их совершенно безъ отвѣта — также нельзя.

По свѣдѣніямъ Комиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія, численность сельскаго населенія по 50 губерніямъ Европейской Россіи въ 1900 гвоу опредѣлялось въ 89.660.600 душъ, въ числѣ которыхъ землепашцевъ обоего пола насчитывалось 43.647.900 человекъ. Въ составъ остального сельскаго населенія входятъ дѣти и старики, а также, крестьяне, ксторые, хотя и числились по паспорту приписанными къ сельскимъ общинамъ, но въ дѣйствительности отъ земли отошли и устроились самостоятельно, работая въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ, на рудникахъ, угольныхъ копанияхъ и т. д., причемъ число такихъ отпавшихъ отъ земледѣлія крестьянъ опредѣлялось въ 15-20 процентовъ.

Но что могутъ говорить эти цифры, послѣ обрушившейся надъ Россіей катастрофы революціи и большевизма?

Не говоря уже о томъ, что въ числѣ 50 губерній находились въ 1900 году отошедшія отъ Россіи губерніи прибалтійскія, Польша и Бессарабія, — но какъ учесть, съ одной стороны, огромный приростъ населенія, произведшій за это время, а съ другой, — убыль его, вслѣдствіи войны, большевистскаго террора, голодoвoкъ, повальныхъ болѣзней и эмиграціи?

По совѣтскимъ свѣдѣніямъ 1921 г. (Д-ръ В. Н. Штейнъ: Земледѣльческая Школа на службѣ земледѣльца. — Прага. 1927 г.), населеніе Россіи исчислялось въ 101.734.443 жителей, изъ которыхъ 85 проц. представляло сельское населеніе, распредѣлявшееся по занятіямъ слѣдующимъ образомъ: 70 проц. землепашцевъ и 15 проц. занимавшихся скотоводствомъ, охотою, рыбною ловлею и другими промыслами. По послѣдующимъ совѣтскимъ свѣдѣніямъ, приростъ населенія съ излишкомъ покрылъ убыль его за переживаемое лихолѣтіе и даже численность его довоеннаго времени.

Вотъ цифры, приведенныя въ статьѣ Ю. Ларина, въ № 255 «Правды» 1928 г.:

Все населеніе совѣтскаго союза къ половинѣ 1927 года опредѣлялось въ 147,4 милліона, причемъ въ этомъ числѣ насчитывалось 32,5 милл. пролетаріевъ.

Крестьянское-же населеніе, опредѣлявшееся, въ общемъ, въ 109,8 милліоновъ, разбивалось на слѣдующія категоріи:

Середняковъ	76,7	милліоновъ.
Бѣдняковъ	22,4	« «
Кулаковъ	4,9	« «
Пролетаріевъ	5,8	« «

Какъ извѣстно, за время большевизма, массы городско-го населенія, не находя работы и пропитанія переселились въ деревню и умножили число дворовъ и сельскаго населенія; и тогда какъ число дворовъ въ 1916 году опредѣлялось въ 16.800.000, совѣтскій профессоръ Огановскій исчисляетъ число крестьянскихъ дворовъ въ 23 милліона, приче́мъ въ это число входитъ значительное число дворовъ, образовавшихся въ Совѣтской Россіи, по слѣдующимъ двумъ причинамъ. во вервыхъ, вслѣдствіи закрытія фабрикъ и заводовъ и отсутствія заработковъ въ городахъ, масса безработныхъ устре-милась въ деревню, гдѣ прокормиться все же легче; во вто-рыхъ число дворовъ весьма значительно увеличилось еще и вслѣдствіи развившагося за это время стремленія крестьянъ къ семейнымъ раздѣламъ.

Такіе раздѣлы всячески поощрялись совѣтскимъ прави-тельствомъ, ввиду того, что они вполнѣ отвѣчали ихъ цѣлямъ разрушенія патріархальныхъ началъ и ослабленія семей-ныхъ узъ; отдѣляя развращаемую большевизмомъ молодежь отъ родителей, — какъ овецъ отъ козлицъ, — создавалась удобная обстановка для увеличенія числа совѣтскихъ при-верженцевъ. Доходило до того, что при дѣлежахъ распилива-лись пополамъ избы, амбары и даже крыльца, а полевныя по-лосы были доведены до полутора аршина ширины («Бѣднота», 1-го Декабря 1924 г.). Поощрялись и коренные крестьяне къ тому, чтобы дѣлиться тѣмъ, что при раздробленіи земель-ныхъ участковъ до минимума, они избавлялись отъ всякаго обложенія налогами, которые на участки нсрмального раз-мѣра ложились очень тяжело.

Всѣ эти обстоятельства имѣли своимъ послѣдствіемъ то что на двухъ концахъ села, или деревни, тянутся ряды вновь выстроенныхъ двухъ-оконныхъ и даже одно-оконныхъ убо-гихъ лачужекъ, въ которыхъ ютятся отдѣлившіеся молодеж-ны и новое, пришлое изъ городовъ и промышленныхъ цент-ровъ населеніе. Нечего и говорить, что такое положеніе ве-щей, не только не улучшило участи крестьянъ, а довело ихъ до полнѣйшаго обнищанія: у большинства отдѣлившихся та-

кимъ образомъ крестьянъ, нѣтъ ни лошади, ни коровы, (Коммунистъ, 9 июня 1921 г.) и, конечно, никакого хозяйства они вести не въ состояніи.

Советскій профессоръ Челинцевъ, въ трудѣ своемъ: «Опытъ изслѣдованія крестьянскаго хозяйства» (стр. 284-285), утверждаетъ, что въ центральной Россіи крестьянская семья можетъ свести концы съ концами для своего прожитія только при пользованіи земельнымъ участкомъ, размѣрами въ 8-11 десятинъ, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, оказывается, что такихъ крестьянъ нѣтъ совершенно, что большинство имѣетъ въ своемъ пользованіи отъ 1 до 4 десятинъ, и что поравненіе это въ сторону измельчанія участковъ продолжается усиленнымъ темпомъ. («Экономическая Жизнь», № 187, 1924 г.). Фанатически проводя въ жизнь своеобразную политику Советское правительство ведетъ дѣло къ распредѣленію земель на участки въ одну и не болѣе полутора десятинъ.

Что же касается добавочнаго надѣленія крестьянъ землею, котораго они ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, то, хотя Советская власть и предоставила въ ихъ пользованіе около 50 милліоновъ десятинъ изъ крупныхъ владѣльческихъ земель («Извѣстія», 24 декабря, 1924 г.), но фактъ этотъ на улучшение ихъ благосостоянія нисколько не повліялъ: значительное число крестьянъ получило по полдесятины прибавочной земли, а большинство изъ нихъ получило и того меньше; дѣло въ томъ, что советское правительство надѣляло землю, не однихъ хлѣбопашцевъ, а всѣхъ гражданъ, требовавшихъ земли, вслѣдствіи чего, по подсчету того же профессора Огановскаго, численность сельскаго населенія выросла на десятки милліоновъ душъ обоого пола, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, послѣ пережитыхъ бѣдствій, — войны, террора, голода и повальныхъ болѣзней, — число природныхъ хлѣбопашцевъ, не только не увеличилось, но значительно уменьшилось.

Вслѣдствіи указанныхъ причинъ, крестьянскіе надѣлы измельчали до предѣловъ, неизвѣстныхъ въ довоенное время..

За время советской власти, въ Россіи, наряду съ коренымъ сельскимъ населеніемъ, такимъ образомъ, образовалась масса пришлаго городского населенія, неспособнаго и

не оборудованнаго для землепашества и превратившагося въ сельскихъ пролетаріевъ.

Подтверждается это обстоятельство свѣдѣніями, черпаемыми изъ совѣтскихъ же источниковъ: такъ, напримѣръ, комиссаръ земледѣлія Клименко («Коммунистъ», № 12) заявляетъ, что средства на прожитіе крестьянъ, вслѣдствіи отсутствія стороннихъ заработковъ, сократились на 50%; съ своей стороны, Рыковъ свидѣтельствуетъ («Правда», 3 мая 1925 г.), что паденіе крестьянскаго кустарнаго производства, во многихъ мѣстностяхъ являвшагося громаднымъ подспорьемъ для существованія сельскаго населенія, оказывается также причиною образованія цѣлой арміи сельскаго пролетаріата.

Безспорнымъ является поэтому, фактъ, что *советская земельная реформа, не только не удовлетворила крестьянскаго земельного голода, но разрушила основныя условія сельско-хозяйственнаго производства.* — т. е. *главнаго источника экономическаго благосостоянія русскаго народа и прочности государственныхъ финансовъ:* попытки насажденія коммунизма довели богатѣйшее хлѣбомъ государство до того, что площадь его посѣвовъ оскратилась больше чѣмъ на одну треть, а общая урожайность, за истощеніемъ почвы уменьшилась на половину противъ до-военныхъ количествъ.

Совѣтское правительство пробовало силою отбирать у крестьянъ излишки продуктовъ ихъ производства, для прокормленія городского и фабрично-заводскаго населенія, но взамѣнъ отнимаемыхъ продуктовъ оно не давало имъ даже необходимыхъ предметовъ, ни домашняго обихода, ни даже тѣхъ, безъ которыхъ не могло обойтись самое примитивное крестьянское хозяйство (сахаръ, соль, керосинъ, ситцы, подковы, инструменты, гвозди, кожи, веревки, и т. п.). Крестьянамъ тогда оставалось одно, — сократить свои посѣвы до минимума, необходимаго для собственнаго прокормленія, они такъ и поступили.

Если же при этомъ принять во вниманіе, что за сокращеніемъ количества скота, земля почти не удобрялась, а за недостаткомъ лошадей въ соху запрягались люди, и что за недостаткомъ плуговъ и сохъ обходились одними заступами, да лопатами, — то что же удивительнаго, что земля, въ самый короткій срокъ была истощена, и урожаи, при посѣвѣ негодными, сорными сѣменами, стали получаться самые скудные?

Результатомъ такого положенія вещей оказалось, что въ 1921 году погибло голодною смертью около 2,000.000 чело-
вѣкъ.

**
*

Перенесенные за большевистское лихолѣтіе русскимъ народомъ страданія и ужасы привели къ результатамъ совершенно обратнымъ, тѣмъ, на которые рассчитывало совѣтское правительство: обманутые крестьяне, доведенные до полной нищеты и отчаянія, томятся въ полной неизвѣстности, ожидая избавленія отъ большевистскаго ига, какимъ либо чудомъ.

Крестьяне сознаютъ, что неудачный опытъ насажденія сельскаго коммунизма, есть *явленіе временное и преходящее*. Произведенныя насилія, истребленіе и гибель миллионныхъ коренныхъ земледѣльцевъ, сдѣлавшихся жертвами террора голода и болѣзней, не могли не отразиться на ихъ настроеніи: оно должно быть страшно приподнятымъ и раздраженнымъ, а, главное, въ высшей степени недоувѣрчивымъ: во всѣхъ людяхъ, которые стали бы предлагать имъ помощь, они будутъ подозрѣвать затаенныхъ враговъ, такъ какъ на эту приманку они разъ уже попались. Для того же, чтобы обманутые революціонерами русскіе крестьяне стали кого нибудь слушать и обсуждать какой нибудь планъ землеустройства, нужно прежде всего заслужить ихъ довѣріе; поэтому, прежде чѣмъ имъ предлагать готовый планъ землеустройства, придется на мѣстахъ выслушивать ихъ мнѣнія и принимать во вниманіе ихъ сужденія, которыя могутъ быть основаны на здравомъ смыслѣ, на мѣстныхъ климатическихъ, почвенныхъ и географическихъ условіяхъ и на спеціальныхъ обычаяхъ и традиціяхъ; — крестьяне, конечно, уже давно ломаютъ себѣ голову надъ животрепещущимъ для нихъ земельнымъ вопросомъ, а такъ какъ почти всѣ удобныя земли фактически уже находятся въ ихъ рукахъ, то съ ихъ взглядами и мнѣніями придется, конечно, очень считаться.

Было бы, во всякомъ случаѣ напрасно, заранее рѣшать, что всякая надежда на то, чтобы съ русскими крестьянами можно было говорить, относительно плана и условій распределенія между ними земель, должна быть отброшена.

Положеніе можетъ оказаться совершенно обратное: они

сами, конечно, чрезвычайно озабочены вопросомъ объ упорядоченіи ихъ хаотическаго землепользованія: не могутъ же они не сознавать того, что земледѣліе можетъ успѣшно развиваться только при твердыхъ законахъ, опредѣляющихъ условия спокойнаго, основаннаго на справедливости непрерывнаго землепользованія.

Въ наличности такого психологическаго настроенія не можетъ быть сомнѣній, а, если это такъ, то настоящій моментъ, для созданія въ Россіи прочнаго государственнаго землеустройства, слѣдуетъ признать тѣмъ болѣе благоприятнымъ, что стремленіе русскихъ крестьянъ къ расселенію ихъ на хутора, на правахъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ уже достаточно выяснилось еще до революціи, а перенесенное ими большевистское лихолѣтіе, заставило ихъ быть разсудительнѣе.

Фактъ, что въ 1900 г., подъ мелкими землевладѣніями на правахъ собственности въ Россіи числилось уже около 40 милліоновъ десятинъ, и что хозяйства на этихъ хуторахъ шли весьма удовлетворительно, открываетъ въ отношеніи развитія въ будущемъ крестьянскаго хуторскаго хозяйства широкій горизонтъ.

Хотя въ отдаленныхъ отъ столицъ и промышленныхъ центровъ мѣстностяхъ и коснѣли еще въ общинномъ быту крестьяне, не имѣвшіе понятія о хуторскомъ хозяйствѣ и мечтавшіе только о дополнительной прирѣзкѣ земли къ мірскимъ владѣніямъ, но въ общемъ, вопросъ о постепенной ликвидаціи сельской общины и о переходѣ къ землевладѣнію на правахъ собственности, еще задолго до революціи, въ мѣстностяхъ болѣе просвѣщенныхъ, началъ осуществляться автоматически самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Какъ на это указываетъ И. В. Емельяновъ (см. «Хозяинъ», № 6, 1927 г.), уже въ 1916 г. насчитывалось около шести милліоновъ хозяйствъ, принадлежащихъ крестьянамъ, мѣщанамъ и, вообще, мелкимъ собственникамъ, и если на каждое хозяйство предположить семью, состоящую изъ пяти душъ, то это уже представляло около 30 милліоновъ душъ.

Обижены уничтоженіемъ частной собственности большевиками такіе хуторяне больше, чѣмъ крупные землевладѣльцы, т. к. у хуторянъ отобрана площадь земель значительно большая, чѣмъ у крупныхъ землевладѣльцевъ (24 милл. де-

сятинъ), не говоря уже о томъ, что и лично пострадало отъ такого раззоренія число хуторянъ во много разъ больше числа крупныхъ землевладѣльцевъ.

Уничтоженіемъ хуторской земельной собственности большевики сразу возмутили и навсегда, безповоротно оттолкнули отъ себя крестьянъ. Землевладѣніе на правахъ собственности было и будетъ завѣтною мечтою русскаго крестьянина: на этомъ незыблемомъ принципѣ только и могутъ послѣ паденія большевизма, возникнуть переговоры съ крестьянами объ упорядоченіи землевладѣнія, объ уваженіи чужой собственности и объ укрѣпленіи семейныхъ и религіозныхъ началъ, какъ только утвердится новое угодное народу правительство.

То, что задача землеустройства въ Россіи революціей и большевизмомъ, не только не разрѣшена, а значительно осложнена, представляетъ собою основаніе, для обсуждения съ крестьянами условій здороваго плана государственнаго землеустройства на условіяхъ, отвѣчающихъ, какъ ихъ міровоззрѣнію, такъ и задачѣ прокормленія остальной части населенія.

Фактъ, что русскіе крестьяне, еще до появленія большевиковъ, сознали громадныя преимущества индивидуальнаго хуторского хозяйства передъ натуральнымъ, стаднымъ землепользованіемъ доказываетъ, что процессъ ихъ социальнаго-экономическаго развитія продолжаетъ совершаться вполне естественно и нормально: онъ приостановленъ советскимъ терроромъ, но задержать его дальнѣйшій ходъ и парализовать стремленіе ихъ къ земельной собственности не можетъ никакая сила.

Насилія Совѣтскаго правительства представляютъ собою несомнѣнно явленіе временное; оно уже сломало свои копія о непреодолимое сопротивленіе русскихъ крестьянъ противъ насажденія коммунизма.

Русскіе крестьяне съ нетерпѣніемъ ждутъ часа избавленія отъ совѣтскаго ига и водворенія твердой государственной власти, которая установитъ законный порядокъ, точно опредѣлитъ границы распределяемыхъ между ними участковъ, нанесетъ ихъ на генеральный планъ и выдастъ каждому изъ нихъ законно утвержденную купчую крѣпость. *И, если только этому не помѣшаютъ политическія осложненія, — насаж-*

деніе въ Россіи индивидуальнаго хуторскаго хозяйства, въ условіяхъ, всюду наблюдавшихся въ періоды распада сельско-общиннаго быта, можетъ быть проведено въ жизнь съ большимъ успѣхомъ.

При всѣхъ тяжелыхъ условіяхъ возрожденія Россіи, сомнѣваться въ томъ, что, впереди ее ожидаетъ блестящая соціально-экономическая будущность, повѣтому, не приходится: мало того, будущность ея, въ отношеніи возможности созданія новаго здороваго соціально-экономическаго уклада, представляется свѣтлѣе, чѣмъ внушающая тревожныя опасенія будущность нѣкоторыхъ западно-европейскихъ державъ, стоящихъ подъ дамокловымъ мечомъ революціонеровъ, разжигающихъ рабочій вопросъ и социализацію національнаго производства, въ цѣляхъ ниспроверженія существующаго строя.

Такой оптимизмъ нашъ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Русскій народъ (крестьяне) держится еще патріархальныхъ нравовъ: онъ религіозенъ и уважаетъ семейныя начала.

2) Онъ беззавѣтно привязанъ къ землѣ, какъ къ кормилицѣ-матери.

3) Въ немъ уже назрѣли стремленія къ индивидуальному хуторскому хозяйству и къ землевладѣнію на правахъ собственности.

4) Окрещенный огнемъ и мечомъ большевиками, онъ окажется неуязвимымъ для пропаганды раздувающихъ рабочій вопросъ революціонеровъ.

5) Онъ жаждетъ просвѣщенія и всякое практическое содѣйствіе въ этомъ отношеніи приметъ съ благодарностью; и

6) Онъ несомнѣнно жаждетъ твердой власти, которая установила бы государственннй порядокъ и законную защиту правъ частной собственности.

Всѣ эти соображенія подтверждаются тою героическою стойкостью, съ которой русскіе крестьяне оказали сопротивление попыткамъ насажденія коммунизма и отстаивали свои права на землю.

Попытки эти закончились полнѣйшею побѣдою русскаго народа, между тѣмъ, какъ еще неизвѣстно, чѣмъ окончится

зловредная пропаганда социализма и большевизма, охватывающая въ другихъ государствахъ, не только фабрично-заводскихъ рабочихъ, но и массы молодежи городского и сельскаго населенія, и даже чиновниковъ. Судя по успѣхамъ этой пропаганды, расшатывающей религію, семейныя начала и права частной собственности, будущее такихъ націй не предвѣщаетъ ничего добраго, и какъ онѣ переживутъ этотъ социально-экономическій кризисъ, еще неизвѣстно.

Совѣтское правительство всемирно стремилось поколебать въ русскомъ народѣ религію, но, какъ извѣстно, церкви переполняются въ Россіи болѣе, чѣмъ это наблюдалось до революціи.

Гоненія православія совѣтскимъ правительствомъ дали результаты совершенно обратные преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ: изъ 149 церквей, напримѣръ, въ Петроградѣ, только двѣ могли быть перекроенными въ такъ называемыя *живоцерковныя*; — остальные же продолжаютъ твердо держаться освященныхъ вѣками завѣтовъ и уставовъ.

Какъ ни велики послѣдствія разрушительной дѣятельности совѣтской власти и какъ ни искалѣчены естественныя пути социально-экономическаго развитія русскаго народа, но другихъ основъ для созданія въ Россіи здороваго государственнаго землеустройства, кромѣ тѣхъ, которыя изложены въ настоящемъ трудѣ и наблюдаются въ исторіи другихъ народовъ, при переходѣ ихъ отъ сельско-общиннаго бытового строя къ индивидуальному хуторскому хозяйству, нѣтъ и быть не можетъ.

Выпавшее на долю русскаго народа лихолѣтіе открыло ему глаза во многихъ, непонятныхъ для него до этого отношеніяхъ: ему воочію, напримѣръ, пришлось убѣдиться въ томъ, что запасы удобныхъ для земледѣлія земель въ Россіи очень ограничены и далеко не достаточны для удовлетворенія крестьянскаго земельного голода; крестьяне, кромѣ того, на дѣлѣ убѣдились въ томъ, что для успѣшнаго хозяйства на хуторахъ имъ необходима правительственная помощь, какъ матеріальная, такъ и просвѣтительная. Поэтому, если программа дѣйствій неваго, угоднаго народу правительства будетъ обнародована на этихъ основаніяхъ, то сговориться съ крестьянами будетъ легко.

**
*

И вотъ, спрашивается, въ какихъ же, хотя общихъ чертахъ, могъ бы представляться общій планъ государственнаго землеустройства въ обновляемой Россіи, который удовлетворилъ бы стремленіе крестьянъ къ расселенію на хутора, при соблюденіи необходимыхъ условій, для обезпеченія прокормленія населенія городовъ и промышленныхъ центровъ.

Повторяемъ, что до выясненія политическихъ событій, при которыхъ состоится паденіе большевизма и организація твердой, угодной русскому народу власти, о детально разработанной аграрной реформѣ, не можетъ быть и рѣчи.

Но о томъ, при какихъ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ можетъ совершиться естественный переходъ сельскаго населенія отъ сельско-общиннаго быта на высшую ступень его соціально-экономическаго развитія въ Россіи, подобно тому, какъ это происходило въ другихъ государствахъ, конечно, *обсуждать не только полезно, но и необходимо*. Пусть, мы будемъ ошибаться, — могутъ ошибаться и другіе; — но наши ошибки разберутся и избавятъ, хотя бы отъ нѣкоторыхъ промаховъ тѣхъ людей, которымъ доведется на мѣстахъ поработать въ этой области.

Всюду, гдѣ переживался періодъ стремленія сельскаго населенія перейти отъ сельско-общиннаго натурального хозяйства къ индивидуальному, хуторскому, на правахъ земельной собственности, удовлетвореніе этого естественнаго стремленія встрѣчало со стороны государства всемирное облегченіе.

Если спросить у большей части русскихъ крестьянъ-общинниковъ, на какихъ основаніяхъ желали бы они получить землю, подѣ устройства хуторовъ, они отвѣтятъ, что желательно ее получить въ вѣчное потомственное владѣніе.

А вѣчное потомственное земельное владѣніе можетъ осуществляться въ двухъ юридическихъ формахъ: 1) *на основаніи вѣчно-наслѣдственной аренды (или пользованія), и 2) на основаніи правъ личной собственности.*

Интересна въ отношеніи вопроса о преемственномъ мелкомъ землевладѣніи, работа покойнаго профессора Н. Н. Ка-

рышева, подъ заглавіемъ Вѣчно-наслѣдственный наемъ земли.

Вѣчно-наслѣдственная аренда, какъ это было выяснено въ трудѣ моемъ *Крестыанское землеустройство*, (Москва. Книгоиздательство А. Карцева 1890 г.) представляетъ собою форму землепользованія, наравнѣ съ земельною собственностью, обеспечивающую земледѣльца и его потомство въ томъ, что онъ будетъ прочно владѣть своимъ хуторскимъ участкомъ, и что онъ самъ воспользуется плодами своихъ трудовъ, такъ что хозяйство его, въ которое онъ безъ всякихъ опасеній будетъ вкладывать свои труды и сбереженія станетъ самою надежною для него копилкою.

Вѣчно-наслѣдственная аренда особенно успѣшно примѣняется въ Германіи, гдѣ государственные люди поняли, что срочные арендные контракты, хотя бы и заключаемые на многіе годы, всегда стѣсняють земледѣльцевъ и въ концѣ концовъ отзываются невыгодно, какъ на успѣхахъ государственнаго хозяйства, такъ и на интересахъ, не только арендаторовъ, но и самихъ землевладѣльцевъ.

Въ такомъ ѳриблизительно положеніи вѣчныхъ арендаторовъ находились освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне въ прибалтійскихъ губерніяхъ, а также находятся крестьяне въ государствахъ мусульманскихъ, гдѣ вся земля принадлежитъ государству и между крестьянами она распределена въ вѣчно-наслѣдственное пользованіе.

Въ Россіи вѣчно-наслѣдственное пользованіе землею было почти неизвѣстно, кромѣ Польши (чиншъ) и Грузіи (хизанъ).

Въ Россіи такая форма преемственнаго землепользованія, однако же, едва-ли примѣнима, такъ какъ понятіе объ арендѣ среди русскихъ крестьянъ вызываетъ самыя тягостныя воспоминанія, вслѣдствіи испытанной ими ея непрочности и разорительности. Всякіе разговоры объ арендѣ съ ними, при обсужденіи проэкта здороваго землеустройства, едва ли, поэтому, могутъ имѣть успѣхъ.

Личное приобрѣтеніе земельного участка въ собственность, по понятіямъ крестьянъ, можетъ быть осуществлено только путемъ его *наслѣдства, дара, или покупки*; и такой способъ закрѣпленія за ними права на вѣчное, потомственное владѣніе земельнымъ участкомъ русскіе крестьяне, какъ

это доказываетъ опытъ, признають наиболѣе прочнымъ и желательнымъ: произвольный же способъ захвата земель, за давностью превращающійся въ собственность, уже отошелъ въ область преданій; а урокъ большевизма доказаль, что, безъ твердыхъ законовъ, прочное землевладѣніе немислимо.

Повторяемъ: никто изъ русскихъ крестьянъ для себя лично земли никогда не требоваль. Лично для себя русскіе крестьяне *охотно покупали землю и на это денегъ не жалели*, такъ какъ въ ихъ глазахъ было дороже всего имѣть въ рукахъ на пріобрѣтенную землю законную купчую крѣпость, навѣки ограждающую, какъ ихъ владѣльцевъ, такъ и ихъ потомство отъ возможности лишенія ея.

Обстоятельство это имѣеть особо-важное значеніе, такъ какъ оно даетъ основаніе утверждать, что предстоящее въ обновляемой Россіи государственное землеустройство не будетъ надобности строить *на почвъ благотворительной*, а, сообразуясь съ народнымъ міровоззрѣніемъ, его придется строить на болѣе прочномъ фундаментѣ: на передачу хуторянамъ земельныхъ участковъ въ собственность, *по утвержденнымъ законнымъ порядкомъ купчимъ крѣпостямъ*.

Русскій крестьянинъ не воръ, и если имѣль нерѣдко по ползновенію захватить поболѣе земли, то эта черта, общая первобытнымъ землепашцамъ, пользовавшимся случаями, когда земля была «ничья», или сосѣдъ плохо берегъ свою границу: — «Коли онъ этою землею не пользуется», — говорили крестьяне, — «то, стало быть, она ему не нужна: — такъ почему же намъ ею не попользоваться?»

За послѣднее же время, по мѣрѣ того, какъ на глазахъ крестьянъ-общинниковъ стало насаждаться хуторское хозяйство на пріобрѣтаемыхъ въ собственность земельныхъ участкахъ, въ нихъ стало все чаще и сильнѣе зарождаться и развиваться сознаніе преимуществъ индивидуальнаго хозяйства и землевладѣнія на правахъ собственности: въ даровую раздачу земель и въ черный передѣлъ они вѣрять перестали и охотно пріобрѣтали земли черезъ Крестьянскій Банкъ, за какую бы ни пришлось цѣну.

Къ сожалѣнію, хотя за послѣдніе годы до революціи стремленіе русскихъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству и частной земельной собственности стало развиваться до фанатизма, Крестьянскій Банкъ продолжалъ продавать земли

только сельскимъ обществамъ, или крестьянскимъ товариществамъ, а вопроса о расселеніи крестьянъ на хутора не касался.

Такое настроеніе русскихъ крестьянскихъ массъ даетъ полное основаніе рассчитывать на то, что они случайнымъ распределеніемъ захваченныхъ революціоннымъ порядкомъ частно-владѣльческихъ земель довольны быть не могутъ, и такое распределеніе за окончательное не признаютъ: они несомнѣнно ждутъ съ нетерпѣніемъ установленія новой, угодной народу твердой власти, которая бы опредѣлила точныя границы каждаго земельного участка, съ нанесеніемъ его на генеральный планъ и выдала бы каждому владѣльцу законную вѣчную крѣпость.

Поэтому всякія социалистическія *теоріи*, проповѣдующія о равномъ правѣ всѣхъ гражданъ на надѣленіе землей, должны быть, разъ навсегда отброшены, для пользы самихъ же крестьянъ.

Такой взглядъ безъ сомнѣнія совершенно согласенъ съ мировоззрѣніемъ русскихъ крестьянъ; они на опытѣ уже испытали подъ Совѣтскою диктатурою, насколько *безсистемное распределеніе земель непрочное и гибельно по своимъ послѣдствіямъ, и насколько безъ твердо обеспеченнаго законами индивидуальнаго, преемственнаго права землевладѣнія, порядочное хозяйство немыслимо: въ этомъ отношеніи русскіе крестьяне получили, какъ отъ стадно-общиннаго землепользованія такъ и отъ совѣтской диктатуры, неизгладимые уроки.*

Русскіе крестьяне на горькомъ опытѣ испытали, насколько дорого и тяжело обошлось имъ общинное владѣніе землею послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, окончившееся тѣмъ, что исправно платившіе выкупъ за общественную землю домохозяева, еще до революціи стали нуждаться въ землѣ наравнѣ съ тѣмъ, которые ничего не платили.

Съ государственной точки зрѣнія было бы величайшею ошибкою предполагать, что достаточно было бы расселить крестьянъ на предоставляемые имъ *даромъ* земельные участки, чтобы они стали жить въ довольствѣ и счастливо; результатъ въ этомъ случаѣ могъ бы получиться совершенно обратный: доставшееся безъ заботъ и безъ трудовъ добро можетъ быть растрчено также быстро, какъ оно и получилось;

и тогда положеніе крестьянина оказалось бы безнадежнѣе, чѣмъ оно было ранѣе, такъ какъ онъ, потерявъ способность рассчитывать только на собственные силы, потерялъ бы вскорѣ и всякую охоту работать и напрягать свои силы, для улучшенія своего благосостоянія: онъ вновь очутился бы въ нуждѣ и сталъ бы плакаться на свою судьбу, выжидая новой помощи, или подачки, считая это единственнымъ справедливымъ исходомъ.

Аграрная реформа не есть актъ филантропическій. Да и о какой же благотворительности можетъ быть рѣчь, разъ источникомъ для осуществленія такой филантропіи былъ бы въ этомъ случаѣ казенный сундукъ, т. е. тотъ же *народный карманъ?*

Даромъ, поэтому, земля никому раздаваться не должна, главнымъ образомъ, потому, что въ этомъ случаѣ всякій, нужна ли она ему, или не нужна, будетъ считать себя вправе требовать свою часть общаго земельного надѣленія.

Даже общинная земля, въ концѣ концовъ распредѣляемая между домохозяевами на отруба, — и та была выкуплена русскими крестьянами за *деньги*.

О томъ же, чтобы даромъ раздавать земли, принадлежавшія государству, удѣламъ, монастырямъ, церквамъ, городамъ и частнымъ землевладѣльцамъ, тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи: до революціи крестьяне расселялись на хутора, покупая для этого земельные участки на собственные средства; для новыхъ же хуторянъ положеніе можетъ быть значительно облегчено тѣмъ, что имъ будутъ оказаны всякія льготы, какъ для пріобрѣтенія земельныхъ участковъ въ собственность, такъ и для устройства на нихъ хозяйства.

Русскіе крестьяне никогда до революціи не отказывались отъ пріобрѣтенія необходимыхъ имъ земель за деньги, и произведенное большевиками ограбленіе всѣхъ зажиточныхъ классовъ, а въ томъ числѣ и крупныхъ землевладѣльцевъ порицательно, хотя и при участіи крестьянъ, но и для нихъ совершенно неожиданно.

Поэтому, для того, чтобы, послѣ паденія Совѣтской диктатуры, водворенная въ обновляемой Россіи угодная народу твердая власть могла бы разобраться въ произведенномъ насажденіемъ большевизма аграрномъ хаосѣ и организовать

здоровое государственное землеустройство, отвѣчающее во-
ждедѣніямъ русскихъ крестьянъ, — т. е. *надѣлить ихъ до-
статочнаго размѣра хуторскими участками, на правахъ
частной собственности, прежде всего окажется необходи-
мымъ, объявить, что все земли, бывшія государственныя, или
удѣльныя, городскія, церковныя, монастырскія, или принад-
лежавшія частнымъ лицамъ, до ихъ окончательнаго распре-
дѣленія остаются въ распоряженіи новаго, удобнаго наро-
ду правительства.*

Этимъ разъ навсегда *устранялось бы возникновеніе,
какихъ бы то ни было недоразумѣній между бывшими зем-
левладѣльцами и захватившими ихъ земли крестьянами: и
тѣ, и другіе имѣли бы дѣло только съ правительствомъ, и разъ
правительство объявило бы, что захваченныя земли возвра-
ту прежнимъ владѣльцамъ не подлежатъ, то крестьянамъ
уже нечего было бы опасаться со стороны бывшихъ земле-
владѣльцевъ какихъ либо претензій къ обрабатывающимъ ихъ
новымъ земледѣльцамъ.*

**
*

Приступая къ надѣленію земельными хуторскими участ-
ками крестьянъ, правительственнымъ властямъ, сразу же
придется столкнуться съ огромнымъ затрудненіемъ, которое
представится въ Россіи, вслѣдствіи упомянутаго *недостатка
въ ней не только пахотныхъ, но и, вообще, удобныхъ для
земледѣлія площадей.*

Русскіе крестьяне никогда не отдавали себѣ отчета въ
томъ, что Россія страдаетъ огромнымъ недостаткомъ въ куль-
турныхъ земляхъ.

За время пережитаго лихолѣтія революціи и большевиз-
ма, они, не сознавали этого положенія и, вообще, имѣли самое
смутное представленіе о тѣхъ запасахъ земель, которыми
можно было располагать для удовлетворенія ихъ земельного
голода, такъ какъ по ихъ понятіямъ, Россія была необъятна,
и революціонная, пропаганда настойчиво поддерживала въ
нихъ это убѣжденіе.

Вотъ, почему, не только полезно, но настоятельно необхо-
димо было бы безотлагательно же приступить къ составленію,
для распространенія между крестьянами, брошюръ, въ ко-
торыхъ были бы изложены въ сжатой, но ясной формѣ циф-

ровыя данныя, касающіяся земельных запасовъ Россіи, на основаніи которыхъ они могли бы болѣе основательно строить свои расчеты, на возможное будущее земельное благоустройство.

Необходимо прежде всего, чтобы русскіе крестьяне прониклись твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что, если бы къ нимъ отошли даже и всѣ культурныя земли, то ихъ далеко не хватило бы для сколько нибудь сноснаго удовлетворенія ихъ земельной нужды, и что только немногимъ счастливымъ пришлось бы ими воспользоваться, между тѣмъ, какъ большинство изъ нихъ было бы вынуждено устраивать свои хозяйства на новыхъ, необработанныхъ мѣстахъ. Они должны понять также, что распределеніе пахотной земли между ними, въ общемъ, должно, по необходимости, быть произведено крайне неравномѣрно, такъ какъ выкупленные крестьянскіе надѣльные участки состоятъ почти исключительно изъ полевыхъ земель, между тѣмъ, какъ въ составъ бывшихъ помещичьихъ земель пахотныя земли входятъ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ.

Конечно, Россія, не только на крестьянъ, но и на болѣе образованныхъ людей, можетъ производить впечатлѣніе необъятности: такое впечатлѣніе можетъ казаться тѣмъ болѣе основательнымъ, что плотность ея населенія, сравнительно съ другими государствами, далеко не достигла той степени, которая могла бы давать поводъ жалобамъ на земельную тѣсноту.

Въ средѣ русскаго сельскаго населенія изстари было распространено мнѣніе, что въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ сосредоточивалась наиболѣе значительная часть этой площади, но, насколько ошибочно стало это державшееся до послѣднихъ десятилѣтій мнѣніе, видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

По свѣдѣніямъ Комиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія, оказывается, что въ 1877-78 годахъ подъ крупными землевладѣніями числилось 102 милліона десятинъ, а по послѣднимъ свѣдѣніямъ профессора Д. И. Пестржецкаго, за 1916 годъ, площадь эта, вслѣдствіи распродажи крупныхъ землевладѣній и постепеннаго перехода ихъ въ руки крестьянскихъ обществъ и мелкихъ хуторянъ сократилась до 83 милліонновъ десятинъ. По даннымъ же меморандума, со-

ставленнаго въ 1922 г. въ Парижѣ земскими дѣятелями, для представленія Генуэзской Конференціи, удобныхъ земель во владѣніи крестьянскихъ обществъ и мелкихъ хуторянъ, въ общей сложности, въ 1916 году, состояло 188 миллионъ десятинъ, и кромѣ того, оставалось еще въ распоряженіи Крестьянскаго Банка для продажи имъ около 2 миллионъ десятинъ, между тѣмъ, какъ надѣльные земли за крестьянскими обществами съ 1861 г. числилось всего 128 миллионъ десятинъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ, свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ, относительно земельныхъ запасовъ Россіи:

По изслѣдованіямъ же сенатора Д. П. Семенова площадь та (1905) Россійская Имперія представляла слѣдующую картину:

Площадь Европейской Россіи опредѣлялась
въ 387.753.000 дес.

Вся-же посѣвная ея площадь опредѣлялась,
кромѣ Балтійскихъ губерній, прибли-
тельно въ 162.000.000 дес.

По изслѣдованіямъ же сенатора Д. П. Семенова, площадь
эта распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

На крестьянскихъ земляхъ (почти всѣ на-
дѣльные) 126.000.000 дес.

На земляхъ крупныхъ землевладѣній 22.000.000 «

Казны и Удѣловъ 6.000.000 «

На земляхъ разныхъ лицъ и учрежденій ... 8.000.000 «

Что же касается распредѣленія земель въ Россіи, послѣ водворенія въ ней Совѣтской диктатуры, то *изъ меморандума, составленнаго земскими и государственными дѣятелями въ Парижѣ, въ 1922 году*, черпаются слѣдующія данныя, касающіяся только 44 губерній, за исключеніемъ Архангельской, Олонецкой и Вологодской (117.882.000), не принятыхъ во вниманіе вслѣдствіе незначительности развитія въ нихъ земле-
дѣлія:

Площадь 44 губерній опредѣляется въ ... 269.871.000 дес.

Въ составъ этой площади входятъ слѣдующія категоріи земель, удобныхъ для земледѣлія.

	<i>въ тыс. дес.</i>	
1) Крестьянскія надѣльныя земли	123.000	(всѣ распаханы)
Земли, приобретенныя ими черезъ Крестьянскій Банкъ, около	35.000	
Мелкіе хуторскіе участки на правахъ собственности, около	50.000	201.000.000 дес.
2) Земли, удобныя для земледѣлія, входящія въ составъ :		
Быв. государственныхъ	2.942	
удѣльныхъ	531	
Въ распоряженіи Крестьянскаго Банка	2.227	
Быв. городскихъ и монастырскихъ	3.944	
Быв. разныхъ учреждений и землевладѣльцевъ	33.000	42.644.000 дес.
ИТОГО		<hr/> 243.644.000 дес

Остальная площадь, признаваемая, вѣроятно, неудобною для земледѣлія, въ подсчетъ меморандума не вошла..... 26.227.000 дес.

Но, кромѣ того, въ меморандумѣ упоминается, что въ общій составъ земель по 44 губерніямъ входятъ 40 милліоновъ десятинъ болотъ и песковъ и 63,5 милліона десятинъ лѣсовъ: признавать въ цѣломъ ихъ составѣ эти земли, какъ и площадь трехъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерній, абсолютно негодными для сельскаго хозяйства, конечно, въ общемъ, не приходится, такъ какъ при современной техникѣ, не только болота, но и пески (Champagne rouilleuse, во Франціи) превращаются въ плодороднѣйшія земли; но, конечно, для немедленнаго распредѣленія на хутора, хотя большая часть такихъ земель и не пригодна, но нѣкоторая часть безусловно можетъ быть утилизирована.

Для насъ всего важнѣе опредѣлить, хотя приблизительно, на какое количество пахотной земли можно было бы рассчитывать, для распредѣленія на хутора, сверхъ той, которая до революціи находилась въ рукахъ русскихъ крестьянъ.

Надѣльной, почти сплошь распаханной земли, какъ известно, у крестьянъ имѣлось 126 милліоновъ десятинъ; но сколько ея досталось имъ изъ перешедшихъ въ ихъ руки чрезъ Крестьянскій Банкъ 35 милліоновъ десятинъ, опредѣлить совершенно невозможно, какъ невозможно судить о томъ, насколько велика посѣвная площадь, входящая въ составъ 40 милліоновъ десятинъ, занимаемая хуторянами.

За полнымъ отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ посѣвной площади Совѣтской Россіи, приходится обходиться данными дореволюціонными, полагая, что, едва ли, они за переживаемое большевицкое лихолѣтіе значительно измѣнились, въ смыслѣ увеличенія посѣвной площади.

Д. П. Семеновъ исчислялъ посѣвную площадь Россіи по 50 губерніямъ всего въ 156 милліоновъ десятинъ и распределялъ ее слѣдующимъ образомъ:

Пашни крестьянской	126.000.000 дес.
« крупныхъ землевладѣльцевъ	22.000.000 «
« Казенной и удѣльной	6.000.000 «
« Разныхъ юридическихъ	1.500.000 «

Съ другой же стороны, по свѣдѣніямъ Комиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія 1900 года, общая посѣвная площадь опредѣлялась по 50 губерніямъ нѣсколько больше, а именно въ 162 милліона десятинъ.

Допустимъ, что въ составъ отошедшихъ къ крестьянамъ 35 милліоновъ десятинъ изъ крупныхъ землевладѣній вошло около 15% пашни, — т. е. около 5 милліоновъ десятинъ, что въ составъ 40 милліоновъ десятинъ подъ хуторскими хозяйствами вошло пашни также 15%, т. е. около 7 милліоновъ десятинъ, всего по этимъ двумъ статьямъ перешло въ руки крестьянъ уже до революціи было, вмѣстѣ съ надѣльными землями, представляющими 126 милліоновъ десятинъ, — около 138 милліоновъ десятинъ пашни.

Принимая же во вниманіе, какъ возможное уменьшеніе посѣвной площади въ Совѣтской Россіи за время большевицкой диктатуры, такъ и необходимость сохраненія *промышленныхъ хозяйствъ* (свекловичныхъ, табачныхъ и другихъ плантацій, занимавшихъ около 600 тысячъ десятинъ), а также необходимость образованія *крупныхъ хозяйствъ съ обяза-*

ельнымъ массовымъ производствомъ зерна, для обезпеченія продовольствіемъ населенія городовъ и промышленныхъ центровъ, приходится заключить, что изъ 162 милліоновъ посѣвной площади пахотной земли, опредѣленной по 50 губерніямъ Европейской Россіи въ 1905 году, для распредѣленія между переходящими на хуторское хозяйство крестьянами-общинниками, останется, сравнительно съ нуждою въ нихъ, самое незначительное количество.

Весьма вѣроятно, что русскіе крестьяне не отдають себѣ отчета въ такой важной, отвѣтственной государственной необходимости, какъ *обезпеченіе сытости всего народа*, безъ различія входящихъ въ его составъ сословіи и классовъ. Необходимость сохраненія для *промышленныхъ* хозяйствъ и хозяйствъ съ *обязательнымъ* массовымъ производствомъ зерна и разныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, для обезпеченія населенія городовъ и промышленныхъ центровъ, поэтому можетъ встрѣтить со стороны крестьянъ недовѣріе и сомнѣнія.

Чтобы разсвѣять такіа сомнѣнія и недовѣріе, слѣдуетъ на сельскихъ сходахъ подробно выяснять положеніе вещей, вызывающее такую необходимость и доказывать, что, если сами хуторяне не въ состояніи обязать твердымъ образомъ поставлять по рыночнымъ цѣнамъ, соотвѣтствующія количества зерна и продуктовъ, которыя должны будутъ поставлять крупныя хозяйства, — специально въ этихъ пѣсляхъ сохраняемыя, или создаваемыя вновь, — то отводить подъ хутора все безъ исключенія удобныя для земледѣлія земли было бы съ государственной точки зрѣнія безрасудно. Понятно, что при тѣхъ примитивныхъ условіяхъ обработки земли, которыя будутъ примѣняться русскими хуторянами, никакихъ подобнаго рода обязательствъ они на себя принять будутъ не въ состояніи.

Громадное неудобство, при недостаткѣ въ пахотной землѣ въ Россіи, представляетъ еще то обстоятельство, что всл она, какъ въ крестьянскихъ рукахъ, такъ и въ крупныхъ землевладѣніяхъ, скучена въ одномъ кускѣ, — вокругъ усадебъ, вслѣдствіе чего равномерное распредѣленіе ея между новыми хуторянами, расселяемыми поодаль отъ нихъ, представляется абсолютно невозможнымъ.

Поэтому, въ то время какъ крестьяне-общинники, распахавшіе почти всю свою надѣльную землю, страдаютъ отсут-

ствіемъ выпасовъ и покосовъ, — хуторяне, расселяемые на отдаленные участки, могутъ оказаться вовсе безъ пашни.

Какъ это было выяснено въ своемъ мѣстѣ, недостатокъ въ пахотныхъ земляхъ въ Европейской Россіи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что со времени освобожденія крестьян и прекращенія надѣленія ихъ потомства землею изъ вотчинъ, къ которымъ они были приписаны, *расчистка новыхъ площадей подъ пашни почти окончательно прекратилась.*

Но, крѣмъ недостатка въ пахотной землѣ, какъ это будетъ выяснено ниже, придется принимать въ расчетъ не менѣе безотрадный въ дѣлѣ удовлетворенія крестьянскаго земельного голода фактъ, — что въ Европейской Россіи чувствуетъ огромный недостатокъ, вообще, удобной для культуры земель, которыми можно было бы надѣлять многочисленныхъ русскихъ хлѣбопашцевъ.

По свѣдѣніямъ Комиссіи, по Изслѣдованію Крестьянскаго Благосостоянія 1900 г., площадь удобной для обложенія земли по 50 губерніямъ Европейской Россіи опредѣлялась въ 317.928.000 дес.

Въ составъ этой площади входили:

Земли государственныя	94.313.000 дес.
Крестьянскія надѣльныя	126.000.000 «
Крупныхъ землевладѣльцевъ	102.028.000 «

По свѣдѣніямъ же меморандума, составленнаго земскими дѣятелями въ Парижѣ въ 1922 году, удобныхъ земель для распределенія на хутора, не считая земель крестьянскихъ, надѣльныхъ, по 44 губерніямъ Россіи, и за исключеніемъ трехъ сѣверныхъ и Балтійскихъ губерній, на 1-ое января 1917 года числилось около 42.644.000 десятинъ, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ:

Земель государственныхъ, арендуемыхъ крестьянами	2.942.000 дес.
Земель Удѣльнаго Вѣдомства, арендуемыхъ крестьянами	531.000 «
Земель въ распоряженіи Крестьянскаго Банка	2.227.000 «
Земель церковныхъ, городскихъ и монастырскихъ	3.944.000 «
Земель разныхъ владѣльцевъ	33.000.000 «

Въ общемъ, такое количество удобныхъ для земледѣлія земель, въ сравненіи съ размножившимся русскимъ сельскимъ населеніемъ и съ его представленіями 'о необъятности Россіи, очевидно слѣдуетъ признать крайне недостаточнымъ.

Площадь, занимаемая Россіей, конечно, весьма велика, но въ составъ ея входитъ масса земель не только для земледѣлія неподготовленныхъ, какъ лѣсныя вырубкі, пространства заросшія моховыми кочками и кустарникомъ, или заболоченныя, но и, совершенно для земледѣлія неудобныя, состоящія изъ тундръ, песчаныхъ, кремнистыхъ мѣстъ и непроходимыхъ болотъ.

Громадные лѣса покрываютъ сотни тысячъ десятинъ въ губерніяхъ Архангельской, Олонеккой, Костромской, Вологодской и Вятской: лѣса эти представляютъ собою несмѣтныя богатства, но составителями меморандума признаются совершенно неудобными.

Нельзя, однакоже, совершенно упускать изъ виду того, что и въ трехъ сѣверныхъ губерніяхъ, — Архангельской, Олонеккой и Вологодской, занимающихъ 117 съ лишкомъ милліоновъ десятинъ, — найдется немало мѣстъ, хотя и неудобныхъ для распашки, но весьма удобныхъ для скотоводства и молочнаго хозяйства, которыя поѣтому необходимо принять въ расчетъ, для надѣленія тѣхъ хлѣбопашцевъ, которымъ не хватило бы земель въ другихъ губерніяхъ.

Обстоятельство это несомнѣнно имѣетъ важное значеніе, какъ ввиду того, что скотоводство и молочное хозяйство уже начали въ этихъ губерніяхъ давать удовлетворительные результаты и именно въ рукахъ крестьянъ, такъ, въ особенности, и ввиду того, чтобы не стѣснять хуторскіе участки въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ, а желающимъ заниматься скотоводствомъ и молочнымъ хозяйствомъ предлагать на болѣе выгодныхъ условіяхъ болѣе просторныя, удобныя для скотоводства и молочнаго хозяйства, въ сѣверныхъ губерніяхъ.

При осуществленіи такого расселенія крестьянъ-скотоводовъ на хутора, конечно, не можетъ быть рѣчи о сплошной вырубкѣ дремучихъ сѣверныхъ лѣсовъ Россіи и о превращеніи ихъ въ культурныя земли: вопросъ можетъ быть возбужденъ только объ организаціи, не хищнической, а правильной ихъ эксплуатаціи, создавая необходимое для сего населеніе,

т. е. начавъ съ насажденія въ удобныхъ мѣстахъ, на недалекихъ другъ отъ друга разстояніяхъ, хуторскихъ поселковъ съ скотоводческимъ хозяйствомъ, въ когорые, вслѣдствіи перенаселенія нѣкоторыхъ областей Европейской Россіи, могъ бы образоваться значительный отливъ рабочаго люда.

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что нашего чуднаго Сѣвера сельскіе хозяева средней и южной полосы, вообще, совершенно не знаютъ и говорятъ о немъ съ маху, какъ о чемъ то для сельскаго хозяйства непригодномъ.

А между тѣмъ съ точки зрѣнія народнаго богатства и источника работы въ цѣляхъ улучшенія благосостоянія сельскаго населенія, нашъ Сѣверъ Европейской Россіи представляетъ собою золотое дно.

Въ Вологодской губедніи, напримѣръ, уже за послѣднія десятилѣтія весьма успѣшно стало развиваться скотоводческое, кормовое хозяйство, съ значительнымъ производствомъ сливочнаго масла. Архангельская губернія, какъ извѣстно, представляетъ собою питомникъ одного изъ лучшихъ въ мірѣ, по красотѣ и молочности, холмогорскаго скота, и въ ней созданы уже специально - благопріятныя условія, для развитія скотоводства и молочнаго хозяйства: но этимъ вопросомъ мало еще до сихъ поръ кто занимался и даже интересовался.

Ясно, что и на Сѣверѣ Европейской Россіи, не только можно будетъ, но по необходимости придется расселять массу хуторянъ, которые могли бы организовать для собственнаго потребленія прекрасныя хозяйства.

**
*

Задача государственнаго землеустройства въ Россіи, послѣ паденія большевизма, во всякомъ случаѣ, заключается, не только въ томъ, чтобы распределять между крестьянами культурныя земли, сверхъ той значительной части, которая уже находилась ранѣе въ ихъ рукахъ, а еще и въ томъ, чтобы создать наиболее благопріятныя условія, для расчистки подъ пашни и превращенія въ культурныя земли новыя массы пустующихъ бездоходныхъ пространствъ, входящихъ въ составъ территоріи европейской Россіи.

На самомъ дѣлѣ, при той невѣжественной, истощающей почву системѣ землепользованія, которая практикуется огром-

нымъ большинствомъ русскихъ хлѣбопашцевъ, улучшение ихъ благосостоянія, пока они не научатся усовершенствованнымъ пріемамъ культуры, можетъ достигаться только при слѣдующихъ условіяхъ:

1) — *Разселенія ихъ на хуторскіе участки, въ составъ которыхъ входили бы, не только культурныя, но и земли, хотя и признаваемыя по налоговымъ обложеніямъ за неудобныя, но могущія быть превращенными въ пахотныя и луговыя (лѣсныя выработки, пространства, заросшія мохомъ и кустарникомъ, или заболоченныя, и т. п.).*

2) — *Предоставленія хуторянамъ всякаго содѣйствія, матеріальнаго, техническаго и просвѣтительнаго, въ дѣлѣ приведенія неудобныхъ для земледѣлія пространствъ въ культурный видъ, и интенсификаціи ихъ хозяйствъ.*

Только такимъ образомъ и можетъ быть возстановлено прерванное освободительною реформою продолженіе расчистки необходимыхъ для существованія размножившихся русскихъ крестьянъ новыхъ площадей и превращенія ихъ въ культурныя.

Въ 1768 году во Франціи, на примѣръ, въ дѣляхъ расчистки подъ земледѣліе пустовавшихъ, необработанныхъ пространствъ, былъ изданъ королевскій эдиктъ, объявляющій, что всѣ вновь расчищенные земли освобождаются отъ всякихъ налоговъ въ теченіе 15 лѣтъ; мѣра эта имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что въ продолженіе трехъ лѣтъ въ 28 провинціяхъ было расчищено 400 тысячъ десятинъ. (Taine. Les Origines de la France Contemporaine; page 453).

**

Изъ сказаннаго видно, насколько сложна задача исправленія изуродованнаго въ Россіи государственнаго землеустройства: при всей ея необъятности, приходится считаться съ парадоксальнымъ заключеніемъ, что удобныхъ земель для удовлетворенія землепашцевъ страдающихъ безземельемъ, въ ней не хватаетъ.

Но, если, для надѣленія раселяющихся на хутора крестьянъ-общинниковъ, не хватаетъ, ни пахотныхъ земель, ни земель, вообще, удобныхъ для земледѣлія, то, принимая во вниманіе, что огромное большинство русскаго сельскаго населенія, при первобытной степени своего развитія, способно

кормиться только отъ хлѣбопашества, и что Россія, по своему географическому положенію, какъ бы успѣшно не развивала свою промышленность, никогда не будетъ въ состояніи занять на фабрикахъ и заводахъ значительную часть громаднаго сельскаго населенія, то остается одинъ исходъ: *распредѣлять хуторскіе участки съ такимъ расчетомъ, чтобы въ составъ ихъ, по возможности входили, какъ пашни и удобныя земли, такъ и земли неудобныя.*

Земли неудобныя можно бы добавлять хуторянамъ, освобождая ихъ на продолжительныя сроки отъ всякихъ налоговъ, а для превращенія ихъ въ культурный видъ, оказывая всякое правительственное содѣйствіе.

Такая постановка вопроса дала бы возможность отводить хуторскіе участки болѣе просторныя, что при жадности до земли крестьянскихъ массъ, отвѣчало бы ихъ желаніямъ; съ другой же стороны, это отвѣчало бы также и государственнымъ интересамъ въ дѣлѣ постепеннаго превращенія всѣхъ пустующихъ и неудобныхъ для земледѣлія пространствъ въ культурныя.

Громадное число русскихъ крестьянъ, кромѣ земледѣлства, никакой другой работы для своего существованія найти не можетъ, а потому другого выхода, кромѣ этого, изъ переживаемаго земельного кризиса, быть не можетъ.

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ видно, что иностранныя государства, принимая во вниманіе быстрое размноженіе сельскаго населенія заранѣе заботились о томъ, чтобы неудобныя для земледѣлія мѣста, — болота, пески и т. п. — обязательно приводились въ культурный видъ и тратили на это дѣло значительныя средства. Въ Россіи этого не дѣлалось. Приходится за расчистку новыхъ площадей подъ земледѣліе приниматься съ значительнымъ опозданіемъ и самымъ энергичнымъ образомъ, такъ какъ иначе массы землепашцевъ, вслѣдствіи недостатка удобныхъ земель и, не имѣя другихъ источниковъ для своего существованія, кромѣ земледѣлія, были бы обречены на нищенское прозябаніе.

Становясь на эту точку зрѣнія, возможность удовлетворенія земельного голода многомилліоннаго русскаго сельскаго населенія, представляется слѣдующимъ образомъ:

По свѣдѣніямъ, собраннымъ В. П. Литвиновымъ-Фалинскимъ (наше экономическое положеніе и задачи будущаго.

1908 г.) видно, что плотность населенія Англии въ 20 разъ, а въ Германіи въ 16 разъ болѣе, чѣмъ въ Россіи, и что если бы населеніе всего земного шара (1621 милліонъ) было распредѣлено на территоріи одной только Россіи (22.423 тыс. кв. кил.), то и въ такомъ случаѣ на каждого жителя пришлось бы не менѣе одной съ третью десятины, т. е. столько же, сколько приходится теперь на одного жителя во Франціи и Австріи; в въ 50 губерніяхъ европейской Россіи, даже въ наиболѣе густо населенныхъ частяхъ ея, и считая только удобныя земли, плотность населенія далеко не достигаетъ даже средней плотности этихъ государствъ. Такъ, въ малоросійскихъ и центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, на одного жителя приходится отъ 1,2 до 1,3 десятины удобной земли, въ то время какъ въ Англии и Германіи всякой земли, включая и неудобную, приходится на одного жителя 0,7 и 0,9 десятины.

Цифры эти показываютъ, какой еще естественный просторъ представляетъ Россія для уплотненія ея населенія, въ сравненіи съ другими государствами, не говоря уже о Китаѣ, гдѣ, только благодаря высокой интенсификаціи культуры, населеніе можетъ существовать на крайне измельченныхъ земельныхъ участкахъ.

Что же касается численности русскаго сельскаго населенія, то, по свѣдѣніямъ Комиссіи по изслѣдованію Крестьянскаго Благосостоянія 1900 г., оно, по 50 губерніямъ Европейской Россіи опредѣлялось въ 89.660.600 душъ; въ томъ числѣ значилось 43.647.000 землепашцевъ, около 15 - 20%, крестьянъ, приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ, но проживающихъ въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, а остальные — старики и дѣти.

По совѣтскимъ же свѣдѣніямъ, опредѣляемымъ профессоромъ В. К. Штейномъ (Земледѣльческая Школа на Службѣ Земледѣлія. Прага. 1927 г.), численность всего населенія по 47 губерніямъ Европейской Россіи, какъ объ этомъ уже упомянуто, опредѣляется въ 101.734.443 души, изъ коихъ на долю сельскаго населенія приходится 85%, т. е. около 85 милліоновъ душъ.

Площадь же Европейской Россіи, по 47 губерніямъ, по свѣдѣніямъ Центрального Статистическаго Комитета 1905 года, опредѣлялась въ 387.753.000 десятинъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ НА ХУТОРА.

Обычные приемы русскихъ крестьянъ въ дѣлѣ поравненія распре- дѣляемыхъ земельныхъ участковъ. — Русскіе крестьяне и на хуто- рахъ въ состояніи вначалѣ продолжать только трехъ-польное хо- зяйство. — Для рациональнаго отвода хуторскихъ участковъ, преж- де всего необходимо, чтобы они были дотаточно просторны. — Въ первую голову должны быть удовлетворены коренные хлѣбопашцы общинники. — Всѣ захваченныя революціоннымъ порядкомъ зем- ли, до упорядоченія ихъ владѣнія законнымъ образомъ, должны оставаться въ распоряженіи государства.

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что необходи- мость расселять русскихъ крестьянъ на мѣста болѣе, или ме- нѣе удобныя, и даже неудобныя, представляла бы непреодо- лимыя препятствія: то, что большинство ихъ еще пребыва- етъ на первобытной степени трехпольнаго сѣвооборота, позво- ляетъ думать, что большинство изъ нихъ предпочтутъ земель- ный участокъ, хотя и менѣе удобный, — но болѣе простор- ный, — участку, стѣсненному, на которомъ требуется доби- ваться усиленія продуктивности почвы приемами для пер- вобытныхъ хлѣбопашцевъ незнакомыми.

На практикѣ, при проведеніи въ жизнь задачи расселе- нія крестьянъ на хутора, въ условіяхъ самыхъ разнообраз- ныхъ, какъ въ отношеніи качества земли, такъ и въ отноше- ніи отдаленности отводимыхъ участковъ отъ населенныхъ цен- тровъ, между ними возникаетъ на первомъ мѣстѣ *вопросъ о справедливомъ поравненіи* ихъ, чтобы *однимъ* не было оказа- но незаслуженныхъ преимуществъ, въ ущербъ *другимъ*, ко- торые оказались бы обиженными.

На этомъ вопросѣ, *поравненія*, и сталкиваются мнѣнія разныхъ экономистовъ: нужно ли соблюдать при этомъ поравненіе надѣленія землей, *по трудовой силѣ* семьи хуторянина, или же, *по принципу равномерности земельныхъ участковъ*?

На практикѣ, ни то, ни другое рѣшеніе не можетъ удовлетворить хуторянъ, такъ какъ при равномерности участковъ, выкраиваемыхъ на площади, ничего общаго не имѣющей съ шахматною доскою, качество ихъ будетъ совершенно разное, а размѣры ихъ для однихъ хуторянъ, обладающихъ значительною семейною рабочею силою, оказались бы слишкомъ малы, — и для другихъ, — мало-семейныхъ и болѣе слабыхъ, — они оказались бы не по силамъ.

При распредѣленіи же земельныхъ участковъ сообразно съ семейною трудовою силою каждаго хуторянина, чрезъ нѣсколько же лѣтъ, при измѣненіи состава его семьи, размѣры площади его участка окажутся не отвѣчающими трудовой силѣ его семьи и такое поравненіе такимъ образомъ оказалось бы вскорѣ же нарушеннымъ.

Поэтому поравненіе, при распредѣленіи между хуторянами земельныхъ участковъ должно быть основано только на ихъ равноцѣнности, причѣмъ размѣры ихъ площади, хотя и оказались бы разные, вслѣдствіе разнаго качества входящихъ въ ихъ составъ земель, но принципъ равенства надѣленія въ глазахъ крестьянъ, былъ бы соблюденъ справедливо.

При такихъ условіяхъ, каждый хуторянинъ охотнѣе соглашался бы получать участокъ большихъ, или меньшихъ размѣровъ, смотря по трудовой семейной силѣ своей, — во имя справедливости общаго распредѣленія.

Равноцѣнность распредѣляемыхъ земельныхъ участковъ легко достигается самими же крестьянами своеобразными приемами, — путемъ сравненія качества входящихъ въ составъ каждаго участка земель и опредѣленія соответственно съ этимъ большаго, или меньшаго размѣра площади каждаго изъ нихъ.

Расцѣпка въ натурѣ въ обычаяхъ русскихъ крестьянъ и производится, не на деньги, а принимая въ основаніе, для опредѣленія стоимости распредѣляемыхъ участковъ, какъ достоинства входящихъ въ ихъ составъ разныхъ категорій земель (пашень, луговъ, выпасовъ и проч.), такъ и удобства

ихъ расположенія. При этомъ каждый крестьянинъ, по своему усмотрѣнію, цѣнить участки дороже, или дешевле, предпочитая тотъ, который ему ближе по силамъ, или болѣе подходит по мѣсту его расположенія, или по другимъ причинамъ.

Тѣ, кто близко стоялъ къ русскимъ крестьянамъ, знаютъ, насколько у нихъ развитъ здравый смыслъ и выработана традиціонная опытность въ дѣлѣ земельныхъ раздѣловъ и размежеваній, сообразно съ условіями и особенностями каждой мѣстности; поэтому вполне понятно, что крестьяне могутъ легко справиться съ задачей распределенія земель на равноцѣнные участки подъ хутора, весьма быстро и въ полномъ согласіи.

Какъ на образецъ искусства русскихъ крестьянъ въ этомъ дѣлѣ, можно указать на способъ, наблюдавшійся между нѣкоторыми сельскими обществами Смоленской губерніи, при добровольномъ соглашеніи, состоявшемся на мѣрскихъ сходахъ, о расселеніи домохозяевъ на отруба, задолго еще до осуществленія закона Столыпина 9-го ноября.

Надо сказать, что въ общемъ такіе случаи были весьма рѣдки, такъ какъ добиться единогласнаго соглашенія на это мѣрскихъ сходовъ было чрезвычайно трудно, и противъ этого болѣе всего возставали такъ называемые *кулаки* и *мироды*, находившіе это для себя невыгоднымъ; поэтому дебаты и пререканія по этому предмету продолжались на сходахъ въ иныхъ случаяхъ, по нѣсколько лѣтъ безрезультатно; большинствомъ двухъ третей голосовъ, допущенныхъ по закону, крестьяне никогда не пользовались для рѣшенія, даже самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ, а, тѣмъ болѣе, въ такомъ важномъ дѣлѣ, они непременно старались добиваться *единогласія*. И, вотъ, все-таки, были случаи, когда оно достигалось, и распределеніе домохозяевъ на отруба, по общему согласію, производилось слѣдующимъ образомъ:

Вся общинная земля, при участіи всего сельскаго схода, дѣлилась *сначала на равномерные участки*, по числу домохозяевъ.

Получались, такимъ образомъ, участки, хотя и равномерные, но совершенно различные, какъ по качеству земли, такъ и по удобствамъ ихъ расположенія.

И, вотъ, на такіе участки, для расселенія на нихъ домохозяевъ, *устраивались между ними торги, но торги своеоб-*

разные, — не на деньги, а путемъ, какъ они выражались, *скидки и накладки* на размѣры площади предлагаемаго на торги участка, смотря по тому, насколько онъ, по качеству его земли и по удобствамъ его расположенія, казался болѣе, или менѣе привлекательнымъ и находилось для его приобрѣтенія болѣе, или менѣе охотниковъ.

Начинались обыкновенно торги съ *лучшихъ* участковъ, приобрѣсть которые каждому бываетъ всего желательнѣе; но удавалось ихъ приобрѣтать только тѣмъ домохозяевамъ, которые соглашались убавить размѣры площади торгуемаго участка болѣе всѣхъ остальныхъ охотниковъ желающихъ его приобрѣсти; *выкрикивались скидки* въ этихъ случаяхъ особенно горячо; нерѣдко участокъ доставался тому, который соглашался принять его въ половинномъ размѣрѣ его площади, или даже менѣе.

Въ итогъ торговъ на лучшіе участки, въ экономіи получался такимъ образомъ запасъ удобной земли, отрѣзываемый отъ распределенныхъ лучшихъ участковъ, вслѣдствіе согласія купившихъ ихъ домохозяевъ въ сокращенныхъ размѣрахъ ихъ площади.

Когда лучшіе участки оказывались всѣ раскупленными, приступали къ торгамъ на участки *самые неудобные*, которые, казалось бы никому не было охоты приобрѣтать: торговаться на такіе участки покупатели привлекаются, *путемъ накладки*: заявить, на примѣръ, ктонибудь изъ домохозяевъ, что онъ, пожалуй, и приметъ такой неудобный участокъ, если ему отведутъ его *двойного размѣра*; но такая претензія другими торгующимися признается чрезмѣрною, и явятся конкуренты, которые *эту накладку будутъ сокращать*, и въ концѣ концовъ неудобный участокъ достанется тому изъ домохозяевъ, который согласится принять его съ наименьшею накладкою.

Послѣ того, какъ, такимъ образомъ, оказывались распределенными участки, какъ наиболѣе удобные, такъ и наименѣе удобные, — производился учетъ скидокъ и наклдокъ: получаемая остальная площадь вновь дѣлилась на равномерные участки, по числу неудовлетворенныхъ еще домохозяевъ, и, если никто изъ нихъ не заявлялъ желанія торговаться на любой изъ нихъ *со скидкою*, то такіе участки признавались *равноцѣнными*

ми и распредѣлялись между остальными домохозяевами по жребію.

Пользуясь этимъ, основаннымъ на здоровомъ народномъ смыслѣ, примѣромъ распредѣленія между домохозяевами равноцѣнныхъ хуторскихъ участковъ, Землеустроительная Комиссія, при участіи мірскихъ сходовъ могла бы организовать подобнымъ же образомъ, распредѣленіе на равноцѣнные хуторскіе участки, тѣхъ площадей, которыя оказались бы для этой цѣли предназначенными въ той или другой мѣстности.

Для этого, прежде всего, должны быть опредѣлены общіе размѣры такой предназначенной подъ хутора площади: затѣмъ мірской сходъ долженъ опредѣлить какая часть этой площади должна быть прирѣзана, или, вообще, добавлена къ общественной надѣльной землѣ, сплошь состоящей изъ пашней, для того, чтобы въ общемъ ея составѣ, можно было выкроить возможно большее число хуторскихъ участковъ, состоящихъ, какъ изъ пашень, такъ и изъ угодій (луговъ и выпасовъ), достаточныхъ размѣровъ; тогда окажется возможнымъ опредѣлить, хватитъ ли такихъ участковъ на всѣхъ домохозяевъ, или же нѣкоторой части ихъ придется выселяться на новыя мѣста.

Опредѣленное число участковъ можетъ быть распредѣлено между домохозяевами описаннымъ выше способомъ, — путемъ торговъ, или по жребію.

Послѣ этого выяснится, какое число домохозяевъ вынуждено будетъ переселяться на новыя мѣста, т. е. расселяться на части земельной площади, остающейся свободною, за прирѣзкою изъ нея добавочнаго участка къ надѣльной общественной землѣ, или куда нибудь подальше, если эта площадь была бы мала.

Ясно, что и по отношенію къ этой, второй серіи хуторовъ могъ бы примѣняться тотъ же принципъ распредѣленія равноцѣнныхъ участковъ, но, конечно, гораздо болѣе просторныхъ, если бы въ составъ ихъ входили менѣе культурныя и даже неудобныя земли.

Могло бы оказаться, что этой второй площади не хватило бы и для самихъ домохозяевъ, не говоря уже объ остальныхъ коренныхъ хлѣбопашцахъ, входящихъ въ составъ семей

коенечно, пришлось бы переселяться въ отдаленныя мѣста, — въ сѣверныя губерніи, въ Сибирь и т. п.

Придется, по необходимости, отводить участки, въ составъ которыхъ будутъ входить земли, какъ культурныя, такъ и некультурныя; равноцѣнность ихъ можетъ достигаться только за счетъ разнаго размѣра занимаемыхъ ими площадей, т. е. принимая въ соображеніе, чтобы хуторянинъ, получающій болѣе обширный участокъ некультурной земли, былъ поравненъ съ тѣмъ, который получаетъ участокъ небольшой, но состоящій, напримѣръ, изъ однихъ пахотныхъ земель, — какъ это происходило, напримѣръ, при расселеніи крестьянъ-общинниковъ на отруба, по закону 9-го ноября.

Такой приемъ вмѣстѣ съ тѣмъ практиченъ и въ томъ отношеніи, что, при такихъ условіяхъ, крестьяне, какъ сказано выше, будутъ имѣть возможность, при выборѣ участковъ, сообразоваться съ трудовою силою ихъ семей, и каждый изъ нихъ возьметъ такой участокъ, который окажется ему по силамъ. Понятно, что крестьянину малосильному братьяся за участокъ изъ подъ лѣсной вырубкы, покрытый пнями, хотя онъ былъ бы и обширнѣе, окажется неподходящимъ, между тѣмъ, какъ крестьянину съ семьею болѣе трудоспособною, да еще съ нѣсколькими подрастающими сыновьями, такой участокъ покажется заманчивымъ, какъ потому, что онъ будетъ значительно просторнѣе, такъ и потому, что по мѣрѣ того, какъ земли некультурныя будутъ превращаться въ культурныя, стоимость такого участка поднимется вдвое, а, можетъ быть, втрое, или дороже, и этого онъ достигнетъ собственнымъ трудомъ.

Когда предназначенная въ той, или другой мѣстности земельная площадь для распредѣленія на хутора была бы такимъ образомъ разбита на поравненные въ натурѣ равноцѣнные участки, съ точнымъ обозначеніемъ границъ каждаго изъ нихъ, легко будетъ опредѣлить ихъ *равную стоимость и на деньги*, для совершенія купчихъ крѣпостей.

Для этого удобно было бы справляться, хотя бы по довоеннымъ банковскимъ оцѣнкамъ земельныхъ банковъ, въ какую приблизительно сумму опредѣлялась стоимость всей предназначенной подъ хутора площади? — Установивши, по соглашенію съ крестьянами, эту сумму, оставалось бы только раздѣлить ее на число разбитыхъ на ней участковъ; это и была

бы равноцѣнная стоимость на деньги каждаго отводимаго подъ хуторъ участка, въ данной мѣстности.

Огромное значеніе, при проведеніи въ жизнь такого порядка распредѣленія крестьянъ на хутора, несомнѣнно, будутъ имѣть *сельскіе сходы*, которые, несмотря на противодѣйствія Совѣтовъ, сохраняются: на сельскихъ сходахъ могутъ обсуждаться, рѣшаться и приводиться въ исполненіе всѣ вопросы, касающіеся этого великаго въ социальномъ-экономическомъ развитіи русскаго народа переворота.

Нельзя же забывать, что отъ земельной тѣсноты, прежде всего пострадали именно сельскія общины, что до революціи корень недовольства и возмущенія лежалъ именно въ нихъ, и что законъ 9-го ноября о распредѣленіи на отруба крестьянъ-общинниковъ далеко ихъ не удовлетворилъ, главнымъ образомъ, потому, что этимъ расселеніемъ на отруба не устранена самая существенная причина ихъ бѣдственнаго положенія, — недостатокъ въ выпасахъ и покосахъ, безъ которыхъ они не могли вдоволь держать скотины и до сыта удобрять землю.

Сельскія общины до сихъ поръ представляютъ коренную, традиціонную трудовую организацію русскихъ крестьянъ, и всѣ дѣла земельныя будутъ обсуждаться и рѣшаться обязательно на мѣстныхъ сходахъ.

Положеніе крестьянъ-общинниковъ, въ сравненіи съ другими крестьянами, расселяемыми на хутора, несомнѣнно легче, какъ потому, что они уже имѣютъ, хотя и въ общемъ пользованіи, но собственную площадь выкупленной земли, такъ и потому, что у каждаго изъ нихъ есть дворъ, усадьба, скотина, кое-какой сельско-хозяйственный инвентарь и хозяйство съ засѣянными полями на ходу.

То, что почти вся земля ихъ состоитъ изъ пашней представляетъ для нихъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, за отсутствіемъ угодій, конечно, большое неудобство. Но, по отношенію къ вопросу объ общемъ поравненіи всѣхъ хуторскихъ участковъ и въ связи съ затрудненіями, которыя при этомъ представляетъ недостатокъ пашней для надѣленія хуторянъ, расселяемыхъ на внѣ-надѣльныя земли, обстоятельство это можетъ быть использовано, руководствуясь слѣдующими соображеніями.

Трехпольный сѣвооборотъ на одной пахотной землѣ, безъ выпасовъ и покосовъ, а, слѣдовательно, и безъ достаточнаго

количества скота и удобренія полей, какъ это сознають сами крестьяне-общинники, представляютъ собою *хозяйство на земельное истощеніе, ведущее къ обнищанію*: съ государственной точки зрѣнія, — это недопустимый абсурдъ.

Съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія, вообще, трехполье само по себѣ далеко не заслуживаетъ того презрѣнія, съ которымъ къ нему относятся въ настоящее время даже опытные хозяева: впродолженіе всего средневѣковья, въ Западной Европѣ, какъ и въ Россіи, крестьянами да и помѣщиками, практиковалось одно трехпольное хозяйство; и люди были сыты и жили въ довольствѣ. Русскіе крестьяне, какъ и западно-европейскіе, за тѣснотою и малоземельемъ, должны, конечно, переходить на многополье, безъ чернаго пара, подъ которымъ пустуетъ одна треть площади полевыхъ земель. Но для подготовки къ этому нужно время; а покуда, по необходимости, крестьянъ придется брать такими, какими они есть; и на хуторахъ они далеко не сразу перейдутъ на многополье, тѣмъ болѣе, что кромѣ знанія и опыта, для интенсификаціи хозяйства потребуются еще и значительныя средства, и безъ посторонней помощи выйти изъ рутины имъ будетъ чрезвычайнотрудно, или прямо невысказано.

Но трехпольное хозяйство на хуторахъ должно быть ведено рационально; а для этого паровой клинъ долженъ обязательно удобряться до сыта, такъ какъ иначе, подъ одними зерновыми посѣвами, земля стала бы быстро истощаться; возможно же это только при условіи, если хуторянинъ въ своемъ распоряженіи имѣлъ бы достаточно выпасовъ и покосовъ, безъ чего невозможно содержать необходимаго количества скота.

Хуторское трехпольное хозяйство было бы поставлено рационально, если хуторской участокъ состоялъ бы изъ двухъ равныхъ частей, изъ которыхъ одна половина площади была бы занята пашнями, а другая — покосами и выпасами, такъ, чтобы корма, собираемые съ одной половины участка, служили бы для удобренія другой.

Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда нашлась бы возможность къ сельскимъ общиннымъ полевымъ землямъ прирѣзывать изъ смежныхъ внѣ-надѣльныхъ земель такую же площадь для выгоновъ и для покосовъ, то на такой удвоенной площади, можетъ быть, удалось бы, кромѣ самихъ домохозяевъ, размѣстить еще нѣсколько хуторянъ изъ родственниковъ **не боко-**

вымъ линиямъ, — братьевъ или дядьевъ: такіе родственники домохозяевъ при расселеніи на отруба, по закону 9 ноября, считали себя особливо обездоленными и обиженными, такъ какъ надѣльныя земли, усадьбы, скотъ и все хозяйственное имущество до того времени считалось достояніемъ семейнымъ, на которое они сохраняли свои права.

А, чѣмъ меньше будетъ выселяться изъ сельскихъ общинъ нуждающихся въ землѣ крестьянъ, тѣмъ болѣе это облегчило бы разрѣшеніе крестьянскаго земельного кризиса.

**

Допустимъ, что такимъ порядкомъ могли бы быть удовлетворены, не только домохозяева сельскихъ обществъ, но и тѣ изъ членовъ ихъ семей, которые также могутъ быть отнесены къ числу коренныхъ землепашцевъ.

Но спрашивается какая же судьба въ такомъ случаѣ постигнетъ тотъ выросшій составъ, за время большевицкаго лихолѣтія сельскихъ жителей, который переполнилъ сельскія общины новыми дворами, какъ вслѣдствіи множества раздѣловъ, такъ и вслѣдствіе переселенія въ деревню городскихъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ, не находившихъ тамъ работы?

Относительно этой части населенія, переполняющей сельскія общины, вопросъ долженъ быть поставленъ на усмотрѣніе мірскихъ сходовъ, и рѣшеніе ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ, конечно, зависѣть отъ размѣровъ запасовъ земли, которые опредѣлились бы въ той, или другой мѣстности.

По справедливости, однако же, слѣдуетъ признать, что коренные хлѣбопашцы ни въ какомъ случаѣ не должны стѣснять себя, измелчая въ этихъ цѣляхъ свои участки, такъ какъ такое рѣшеніе шло бы въ разрѣзъ, не только благосостоянію самихъ хуторянъ, но и противъ интересовъ государства, успешное экономическое развитіе котораго стоитъ въ прямой зависимости отъ увеличенія сельско-хозяйственного производства.

Городскіе жители и фабрично-заводскіе рабочіе, впрочемъ, и сами понимаютъ, что они къ земледѣлію не способны, и, если они стали бы настаивать на томъ, чтобы ихъ надѣлять землею, то такія претензіи придется отнести къ основаннымъ

на лозунгъ «Вся земля всему народу», — который мы категорически отвергаемъ.

Разверстка, примѣрно, удвоенной общественной земли на разнотѣнные участки могла бы производиться мѣрскими сходами тѣмъ же, указаннымъ выше порядкомъ, который былъ бы принятъ и въ основу оцѣнки участковъ на новыхъ мѣстахъ, но съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что крестьяне — общинники будутъ уходить съ насиженныхъ мѣстъ не охотно и предпочтутъ, насколько возможно болѣе потѣсниться.

Но, спрашивается, возможно ли, при такомъ порядкѣ распределенія хуторскихъ участковъ, удовлетвореніе всѣхъ русскихъ крестьянъ, стремящихся къ переходу отъ общиннаго землепользованія къ индивидуальному хозяйству, на правахъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ?

На этотъ вопросъ можетъ быть полученъ отвѣтъ только на мѣстахъ и при ближайшемъ участіи сельскихъ сходовъ въ дѣлѣ распределенія наличныхъ земель между коренными земледѣльцами.

На первомъ планѣ, для рациональнаго распределенія хуторскихъ участковъ, необходимо соблюдать, чтобы они были удобны и достаточно просторны, дабы хуторянинъ взиралъ на будущее, не только съ надеждою, но и съ увѣренностью, что труды его на такомъ участкѣ не будутъ тщетны, и что будущее благосостояніе, какъ его самого, такъ и его потомства, при его стараніяхъ, можетъ быть вполне обезпечено. Поэтому, считаясь съ недостаткомъ удобныхъ земель, лучше надѣлать меньшее число хуторянъ, но удовлетвори-тельно, чѣмъ чрезмѣрно измельчать хуторскіе участки, для надѣленія непременно всѣхъ желающихъ.

И, вотъ, при наличіи въ той или другой мѣстности известнаго размѣра площади, можетъ оказаться, что для распределенія ея на всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ, участки оказались бы тѣсны и неудобны, а для того, чтобы распределить ее на участки болѣе просторные и удобные, пришлось бы нѣкоторымъ крестьянамъ переселяться на другія, быть можетъ, и отдаленныя мѣста: обойтись безъ этого въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ невозможно.

Вопросы эти, какъ это сказано выше, могутъ быть разрѣшены только сельскими сходами, которые, по необходимости, будутъ сообразоваться съ наличностью мѣстныхъ запасовъ зе-

мель, предоставленныхъ имъ Министерствомъ Земледѣлія, для распредѣленія на хуторскіе участки: крестьяне всегда покорно подчиняются рѣшеніямъ сельскихъ сходовъ и недоразумѣнія въ этихъ случаяхъ, едва ли могли бы имѣть мѣсто.

**
*

И вотъ, спрашивается, сколько же крестьянскихъ семей возможно было бы удовлетворительно расселить на хутора, принимая въ основаніе поверхностныя данныя о земельныхъ запасахъ Европейской Россіи, которыми мы пользуемся?

Какъ объ этомъ было упомянуто выше, въ *первую голову* необходимо будетъ удовлетворить домохозяевъ-общинниковъ, коренныхъ хлѣбопашцевъ, представляющихъ собою ядро русскаго прочнаго населенія.

По свѣдѣніямъ официальныхъ источниковъ до военныхъ, на надѣльныхъ земляхъ насчитывалось около 16.800 дворовъ; по свѣдѣніямъ же Совѣтскаго профессора Огановскаго, число крестьянскихъ дворовъ съ тѣхъ поръ возросло до 23 милліоновъ: но увеличеніе это произошло, вслѣдствіи массоваго переселенія въ деревню городского населенія, отставшаго отъ земли, и отъ поощряемыхъ Совѣтскою властью семейныхъ раздѣловъ, причемъ молодежь, въ большинствѣ случаевъ, не имѣя, ни лошади, ни коровы, ни хозяйственнаго инвентаря, хлѣбопашествомъ заниматься не въ состояніи.

Поэтому, оставляя въ сторонѣ приростъ дворовъ, созданный искусственно, посмотримъ, насколько возможно было бы удовлетворить хуторскими земельными участками русскихъ коренныхъ землепашцевъ въ числѣ 16.800 дворовъ.

Допустимъ, слѣдуя совѣту совѣтскаго профессора Челинцева, что на каждый хуторскій участокъ, принимая во вниманіе невѣжественныя приемы землепользованія русскихъ землепашцевъ, придется отводить отъ 8 до 11 десятинъ, а въ среднемъ, по 10 десятинъ; признавая затѣмъ, что, при первобытномъ трехъ-польномъ хозяйствѣ хуторянина, для удовлетворительнаго удобренія пароваго клина, ему будетъ необходимо держать достаточное количество скота; для содержанія же его, площадь его хуторскаго участка должна, приблизительно, наполовину состоять изъ луговъ и выпасовъ; а между тѣмъ, какъ извѣстно, почти вся надѣльная земля — 126

милліоновъ десятинъ — распахана, и луговъ и выпасовъ у крестьянъ не имѣется вовсе.

Правда, недостатокъ въ лугахъ и выгонахъ до нѣкоторой степени облегчался передачей крестьянскимъ обществамъ и товариществамъ черезъ Крестьянскій Банкъ, имѣній крупныхъ землевладѣльцевъ, продававшихся съ аукціона за неплатежъ процентовъ въ Банкъ; но, хотя такимъ образомъ въ руки крестьянъ перешло около 35 милліоновъ десятинъ, отъ этого общее состояніе бѣдности и невѣжества русскихъ крестьянъ не измѣнилось, такъ какъ воспользовались этимъ добавочнымъ землепользованіемъ далеко не всѣ общины, и главныя причины ихъ безысходной косности устранены не были; причинъ же такого плачевнаго положенія русскихъ крестьянъ было двѣ:

1) Истощеніе земли, вслѣдствіи невѣжественнаго ея пользованія и

2) Рутинное, стадно-общинное веденіе хозяйства, при которомъ выходъ изъ такого коснаго положенія былъ невозможенъ.

Въ дѣйствительности площадь, находившаяся въ пользованіи русскихъ крестьянъ, была вовсе не мала, но они не умѣли и не могли рационально ее обрабатывать.

Въ Западной Европѣ съ 10 десятинъ кормится 30 человекъ, — въ Китаѣ 80 человекъ, — а въ Россіи только 5 человекъ. Въ Германіи нормальнымъ размѣромъ площади крестьянскаго хозяйства считается 5 гектаровъ, т. е. 4½ десятины (77%), — но имѣются хозяйства и при 2-хъ гектарахъ во Франціи же, а въ особенности въ Бельгіи, крестьянскія земельные участки еще мельче; дѣло въ томъ, что крестьянскіе участки тамъ въ одномъ кускѣ, и хозяйство на нихъ ведется интенсивное, а не рутинное, стадно-общинное.

Превратиться въ опытныхъ земледѣльцевъ русскіе первобытные хлѣбопашцы, конечно, могутъ, однако же, не сразу, а потому, расселяя ихъ на хутора, необходимо принимать во вниманіе первобытное состояніе ихъ развитія и надѣлять ихъ земельными участками съ такимъ расчетомъ, чтобы они могли начинать устраиваться на трехъ-польномъ хозяйствѣ, которое они только и знаютъ. Съ полною вѣроятностью можно предположить, что домохозяева тѣхъ сельскихъ обществъ, надѣльная земельная площадь которыхъ была увеличена покупкою добавочныхъ участковъ черезъ Крестьянскій Земель-

ный Банкъ, могутъ быть расселены на отруба достаточныхъ размѣровъ, если только купленные участки смежны съ ихъ надѣльной площадью; въ такомъ же благопріятномъ положеніи оказались бы домохозяева и тѣхъ сельскихъ общинъ, къ надѣльной площади которыхъ имѣлась бы возможность прирѣзывать уголья изъ смежныхъ крупно-владѣльческихъ имѣній.

Но такихъ крестьянскихъ обществъ, въ общемъ, окажется, вѣроятно, немного, а большинство ихъ, состоящее изъ домохозяевъ, кормящихся только отъ надѣльной земельной площади, придется надѣлять хуторскими участками, въ составѣ которыхъ уголья, т. е. дуга и выпасы не будутъ въ одной чертѣ съ ихъ пашнями: въ этомъ обстоятельствѣ и заключается главное неудобство ихъ расселенія.

Сколько именно придется на каждое сельское общество добавлять земли, заранѣе предусмотрѣть даже приблизительно невозможно; это можетъ быть точно опредѣлено только на мѣстахъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ зависимости, не отъ желаній, или дѣйствительной нужды образованія двойного, на примѣръ, размѣра площади, а отъ той реальной возможности, которая для этого представится, смотря по запасамъ земель, окружающихъ крестьянскія владѣнія, и по необходимости сохраненія, какъ промышленныхъ хозяйствъ (свекловичныхъ, табачныхъ и другихъ плантацій, посѣвовъ масляничныхъ, лѣкарственныхъ и другихъ растений), занимающихъ около 600 тысячъ десятинъ, а также и крупныхъ хозяйствъ *съ обязательнымъ массовымъ производствомъ зерна*, необходимаго для обезпеченія питанія городовъ и промышленныхъ центровъ, имѣя виду, что расселяющіеся на хутора невѣжественные хлѣбопашцы еще не настолько развиты, чтобы самимъ кормиться, да и выбрасывать на рынки значительные излишки ихъ продуктовъ.

Будутъ, вѣроятно, и такіе случаи, когда крестьяне на сельскомъ сходѣ, обсудивъ положеніе дѣла, сами придутъ къ заключенію, что полезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ будетъ нарѣзывать изъ имѣющейся въ наличности свободной земельной площади меньшее число хуторскихъ участковъ, но болѣе просторные, чѣмъ расселяться на стѣсненные участки, на которыхъ они могли бы едва кормиться. Но въ такомъ случаѣ, на сельскомъ сходѣ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть рѣшенъ вопросъ, сколько же изъ домохозяевъ должны будутъ переселять-

ся на новыя отдаленныя мѣста, и кому именно изъ нихъ придется выселяться, — на основаніи соглашенія, или же рѣшая это по жребію.

Для устройства такихъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, хотя и несравненно болѣе просторныхъ, но въ которыхъ, наряду съ лугами и выпасами, могутъ входить вырубки изъ подъ лѣса, покрытыя пнями, заросшія кустарникомъ и бочками, заболоченныя пространства и т. п., должны быть оказаны особыя льготы, въ отношеніи платежей и всевозможное содѣйствіе, какъ матеріальное, такъ и культурно-техническое.

Русскій хлѣбопашецъ, какъ и земледѣльцы другихъ странъ до земли страшно жадеиъ; и, если ему заранѣе было бы выяснено, что при переселеніи на новыя, болѣе просторныя мѣста, ему будетъ оказано со стороны правительства всякое содѣйствіе, на примѣръ, для немедленнаго же обзаведенія скотомъ и организаціи молочнаго хозяйства, — что, покидая свою долю и права на общественную землю, онъ не потеряетъ своего права на вознагражденіе за нихъ, — что ему будутъ предоставлены особыя льготы по платежамъ, покуда онъ не расчислитъ и не распашетъ новыя мѣста, то, какъ онъ самъ, такъ и многіе другіе изъ крестьянъ - общинниковъ, — въ особенности многосемейные, — поймутъ, что имъ несравненно выгоднѣе устраиваться на новыхъ, просторныхъ участкахъ, гдѣ они вскорѣ же могли бы превратиться въ зажиточныхъ земельныхъ собственниковъ, чѣмъ тѣсниться на измелченныхъ участкахъ безъ всякой надежды на скорое улучшеніе положенія въ будущемъ.

Важно ближайшее участіе мірскихъ сельскихъ сходовъ въ дѣлѣ распредѣленія наличныхъ удобныхъ земель на хутора для того, чтобы они воочію убѣдились въ томъ, насколько въ Европейской Россіи пахотныхъ, да и вообще удобныхъ, земель недостаточно въ сравненіи съ разросшимся сельскимъ населеніемъ, и насколько невѣрны ихъ расчеты въ томъ, что Россія необъятна, и что въ ней удобныхъ земель столько, что на всѣхъ хватить.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, допустимый порядокъ распредѣленія земельныхъ запасовъ Россіи; приходится мириться съ тѣмъ, что далѣе обязательнаго земельного удовлетворенія русскихъ коренныхъ хлѣбопашцевъ переходить сразу, едва ли, будетъ возможно.

Трудно будетъ, въ особенности сразу же, разобраться въ произвольно распределенныхъ захваченныхъ революціоннымъ порядкомъ земляхъ.

Поэтому, чтобы установившееся послѣ паденія совѣтской власти, угодное народу правительство могло разобраться въ создавшемся революціей и большевизмомъ аграрномъ хаосѣ, распределить, при участіи мірскихъ сходовъ, между хуторянами размежеванные, равноцѣнные земельные участки, — выдать на каждый изъ нихъ законную купчую крѣпость и отвести участки для промышленныхъ хозяйствъ, необходимыхъ для производства, какъ специальныхъ продуктовъ, такъ и хлѣба, необходимаго для питанія населенія городовъ и промышленныхъ центровъ, — повторяемъ, что необходимо было бы въ первую же голову объявить, что *все захваченныя революціоннымъ порядкомъ земли, къ какой бы категоріи онѣ ни принадлежали, остаются въ распоряженіи государства, до окончательнаго ихъ генеральнаго размежеванія.*

Мѣра эта образовавшагося въ періодъ лихолѣтія фактического владѣнія не нарушала бы, но такіе владѣльцы знали бы, что пользованіе ихъ признается только *временнымъ.*

Мѣрою этою, вмѣстѣ съ тѣмъ устранялось бы возникновеніе, какихъ бы то ни было недоразумѣній между бывшими землевладѣльцами и захватившими ихъ земли крестьянами; и тѣ, и другіе имѣли бы дѣло только съ правительствомъ, и разъ правительство объявило бы, что захваченныя земли возврату прежнимъ владѣльцамъ *не подлежатъ*, то крестьянамъ уже нечего было бы опасаться со стороны бывшихъ землевладѣльцевъ какихъ либо претензій къ обрабатывающимъ ихъ земледѣльцамъ.

**
*

Изъ вышеизложеннаго въ общихъ чертахъ финансово-аграрнаго плана содѣйствія русскимъ крестьянамъ въ дѣлѣ перехода ихъ отъ первобытнаго стадно-общиннаго землепользованія къ индивидуальному хозяйству на правахъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ видно, что содѣйствіе это потребуетъ, съ одной стороны, затраты громадныхъ финансовыхъ средствъ, для хозяйственнаго переустройства необъятной Россіи, — а, съ другой, — участія въ этомъ важномъ социально-экономическомъ переворотѣ громадныхъ-же культурныхъ силъ,

необходимыхъ для просвѣщенія невѣжественныхъ крестьянскихъ массъ: безъ соблюденія этихъ двухъ основныхъ условій, превращеніе русскихъ первобытныхъ землепашцевъ въ культурныхъ землепашцевъ немыслимо.

Но каждый изъ этихъ вопросовъ, по смвоей сложности, долженъ быть предметомъ особаго, самостоятельнаго обслѣдованія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРОВОГО ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ.

Инфляція и міровое господство золота. — Борьба противъ обезцѣненія инфляціонныхъ денежныхъ знаковъ. — Стабилизованныя инфляціонныя монеты. — Кредитно-счетное обращеніе. — Порядокъ расчетовъ по международнымъ сдѣлкамъ золотомъ въ слиткахъ (Gold Bullion). Обще - принятая государствами, пострадавшими отъ войны система кредитнаго обращенія, обеспеченнаго запасами иностранныхъ золотыхъ девизъ (Gold exchange Standard). — Недостатки такой системы.

Трагическое положеніе, въ которомъ оказались послѣ Великой Войны даже богатѣйшія государства, вслѣдствіе переполненія міровыхъ рынковъ ихъ обезцѣненными денежными знаками, при полномъ истощеніи ихъ запасовъ золота, — при переобремененіи ихъ непосильными внѣшними долгами и при потерѣ ими кредита, — было, вообще, въ высшей степени тревожно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямо безысходно.

Обезцѣненные денежные знаки массами переполняютъ, не только внутренніе, но и международные рынки, т. к. инфляція и послѣ войны, не только не прекращалась, но продолжала усиливаться, и выпуски раззоренными государствами безвалютныхъ билетовъ, по необходимости должны были продолжаться, увлекая ихъ паденіе съ ускоренною быстротою въ бездну; не избѣгли полного краха такія богатые государства, какъ Германія, Австрія и Венгрія, не говоря о болѣе слабыхъ государствахъ, которыя безъ посторонней помощи не оказались въ состояніи урядочить разстройства своего денежнаго обращенія.

Тщетны оказывались всѣ усилія страдавшихъ инфляціей государствъ, примѣнявшихъ разнообразныя мѣры, для упорядоченія ихъ денежнаго обращенія; подъ давленіемъ Державъ, захватившихъ въ свои руки болѣе половины всего мірового запаса золота, у которыхъ об'єднѣвшія золотомъ націи были неоплатными должниками, такая борьба была неравною, и С. А. Соед. Штаты, скопившіе наибольшій запасъ мірового золота, заняли господствующее международное положеніе, какъ въ отношеніи финансово-экономическомъ, такъ и въ отношеніи политическомъ.

Американскіе милліардеры уже безъ всякаго стѣсненія заявляютъ во всеуслышаніе, что здоровою монетою на международныхъ рынкахъ долженъ признаваться только долларъ, или его замѣняющіе золотыя девизы, а что стабилизированныя послѣ инфляціи національныя монеты, на которыя приобрѣтаются доллары, или золотыя девизы, представляютъ собою, лишь *кредитныя* денежные знаки, которые могутъ приниматься только съ большимъ разборомъ и величайшею осторожностью; что, поэтому, кредитъ на доллары, какъ государствамъ, такъ и значительнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, можетъ открываться, сокращаться, или вовсе отказываться, смотря по тому, насколько такіе кредиты будутъ безопасны, или вредны для развитія промышленности и экспорта самихъ американцевъ. (Докладъ проф. Жермень-Мартенъ въ S-té d'Economie Politique 5-го января 1928 г.: «La Monnaie Dirigée»).

Хозяиномъ международныхъ рынковъ и мірового производства становится, такимъ образомъ, финансовый Интернаціональ (La Haute Banque); объявляется уже открыто *міровое господство Золотого Тельца*.

Продолжающія стекаться со всѣхъ сторонъ въ руки Финансоваго Интернаціонала груды золота, извлекаясь изъ мірового денежнаго обращенія, складываются въ глубокіе, блиндируемые подвалы; пренебрегаются убытки, происходящіе отъ непродуктивно, втунѣ лежащаго драгоцѣннаго металла; и захватъ міровой диктаторской власти золота, попирающаго установленныя наукою и вѣковою практикою законы конкуренціи, спроса и предложенія, а, стало быть, и свободнаго развитія экономическаго благосостоянія цѣловѣчества, становится, такимъ образомъ, грозною, надвигающеюся міровою опасностью.

Впервые налицо ярко выступают опасныя стороны золото-монетнаго денежнаго обращенія, до сихъ поръ признававшася идеальнымъ; какъ оказывается, оно пригодно только въ небольшихъ масштабахъ, для немногихъ государствъ, но въ масштабѣ міровомъ оно ведетъ къ экономическому порабощенію человѣчества.

Аппаратъ золото-размѣннаго обращенія слишкомъ дорогъ и недоступенъ для всеобщаго мірового употребленія; для этого не хватило бы и всѣхъ міровыхъ запасовъ желтаго металла; но, кромѣ того, золотая монета, *какъ и всякій другой цѣнный товаръ, можетъ быть захвачена въ одны руки и монополизирована.*

Нельзя, напримѣръ, закрывать глаза на фактъ, что богатѣйшія европейскія государства, установившія у себя послѣ войны золото-кредитное обращеніе, продолжаютъ, по необходимости, и послѣ войны усиленно производить крупные займы золота у С. А. Соединенныхъ Штатовъ, постепенно превращаясь въ ихъ неоплатныхъ должниковъ, на долгіе годы осужденныхъ пересылать имъ, только въ видѣ процентовъ, груды золота; — ясно, поэтому, что монополія золота, вмѣсто того, чтобы ослабѣвать, будетъ прогрессивно крѣпнуть, такъ какъ возможность для должниковъ погашенія золотомъ такихъ займовъ становится годъ отъ году проблематичнѣе.

По вычисленіямъ англійскаго экономиста Кейнса, Англія, напримѣръ, должна выплачивать С. А. Соед. Штатамъ каждый годъ до 1933 года — 33 милліона фунт. стерл.; а съ 1933 до 1984 г. — 38 милл. ф. с. Затѣмъ С. А. С. Штаты должны получать 67% изъ репараціонныхъ суммъ, уплачиваемыхъ Германіей пострадавшимъ отъ войны государствамъ, представляющихъ 117 милліоновъ ф. ст., что ежегодно составляетъ 78 милл. ф. с.; сверхъ того, они должны еще получать ежегодно отъ Италіи 10 милл. ф. ст. за долгъ, не покрываемыѣ планомъ Дауса; и независимо отъ этого С. А. С. Штаты будутъ еще получать ежегодно золотомъ же проценты по крупнымъ займамъ, которые они въ формѣ девизъ продолжаютъ щедро распредѣлять между нуждающимися государствами; такимъ образомъ, долгъ европейскихъ государствъ исчисляется уже въ общей суммѣ около 16 милліардовъ долларовъ и однихъ процентовъ по этому долгу переправляется ежегодно, около 800 милліоновъ долларовъ.

Вслѣдствіе такого положенія вещей, утекшее за время войны изъ Европы золото обратно не возвращается, и новыя значительныя партіи его продолжаютъ уплывать за океанъ: по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ фирмою Samuel Montagu et Cie въ Annual Bullion Letter, оказывается, что за одинъ 1928 годъ ввезено въ С. А. С. Штаты золота на 213.504 милліоновъ долларовъ, а съ 1920 по конецъ 1927 года приливъ золота въ ихъ резервы составилъ 1.700 милліоновъ долларовъ.

Запасы золота С. А. С. Штатовъ, опредѣлявшіеся въ 1913 г. въ 1.900 милліоновъ долларовъ, къ концу 1927 года увеличились до 4.000 милліоновъ долларовъ.

Сосредоточенное въ резервахъ С. А. С. Штатовъ золото, представляетъ уже около половины всего его мірового запаса и, такимъ образомъ, господствуетъ надъ міровымъ производствомъ и международною торговлею.

Господство это уже обнаруживается въ фактѣ, что задолжавшія С. А. С. Штатамъ государства, не только для уплаты имъ процентовъ, но и для расчетовъ золотомъ по международнымъ сдѣлкамъ принуждены занимать его у нихъ же; но получаютъ занимаемыя суммы девизами, а не золотомъ, между тѣмъ какъ золото остается въ резервахъ американскихъ банковъ. Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ изъ того же источника, за одинъ только октябрь 1927 года С. А. С. Штатами роздано займы разнымъ государствамъ около 265 милліоновъ долларовъ; въ результатѣ предстоить перспектива превращенія въ вѣчныхъ данниковъ С. А. С. Штатовъ весьма значительнаго числа государствъ.

Исхода изъ такого тягостнаго мірового положенія покуда еще не видно, но онъ долженъ, рано или поздно, и во что бы то ни стало, быть найденъ.

**

Западно-европейскія государства съ обезцѣненнымъ національнымъ денежнымъ обращеніемъ, оказавшіяся въ критическомъ положеніи, вслѣдствіе массоваго переполненія ихъ обезцѣненныхъ денежныхъ знаковъ, какъ внутри страны, такъ и за границу, принимали всевозможныя мѣры противъ натиска Финансоваго Интернаціонала; валютность ихъ денежнаго обращенія въ иныхъ случаяхъ доходила до полной по-

тери ея цѣнности. Но большая часть такихъ мѣръ оставалась безрезультатною; одна изъ нихъ, однако же, заслуживаетъ особаго вниманія, какъ по реальнымъ результатамъ, которые отъ нея получились, такъ и потому, что, увлекшись этими результатами интернаціональные финансисты создали на ея основаніи цѣлую теорію защиты кредитнаго денежнаго обращенія противъ паденія его биржевого курса. Мѣра эта заключается въ образованіи *контръ-спекулятивнаго фонда*, состоящаго изъ значительнаго количества *иностранныхъ золотыхъ девизъ*, имѣющаго своимъ назначеніемъ интервенцію въ биржевыя операціи въ случаяхъ колебанія валютности національныхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ.

Благодаря такому вспомогательному запасу золотыхъ девизъ, получается возможность извлекать изъ обращенія бумажные денежные знаки въ случаяхъ переполненія ихъ въ предложеніи, и такимъ образомъ поддерживается устойчивость ихъ биржевой валютности на извѣстномъ уровнѣ.

Комбинація эта дала блестящіе результаты *во Франціи* при министерствѣ Пуанкаре, въ періодъ 1927-1928 годовъ; послѣ того, какъ валютная устойчивость инфляціоннаго франка этимъ способомъ твердо поддерживалась въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ на уровнѣ одной пятой его паритетной стоимости, онъ былъ окончательно стабилизированъ на этомъ пониженномъ уровнѣ своего паритета.

Для образованія контръ-спекулятивнаго фонда, потребовался, однако же, спеціальный выпускъ обезцѣненныхъ національныхъ денежныхъ знаковъ на сумму, около 30 миллиардовъ, что еще болѣе увеличило и безъ того переполненное ими обращеніе.

Комбинація эта представляетъ собою ничто иное, какъ ловкій биржевой маневръ, связанный съ значительнымъ рискомъ; онъ въ мирное, нормальное время, хотя и можетъ удаваться, но въ періодъ кризисовъ экономическихъ, политическихъ или соціальныхъ, когда запасы золотыхъ девизъ оказались бы тщетно израсходованными на обратную скупку изъ обращенія массы обезцѣненныхъ знаковъ, крахъ можетъ оказаться неминуемымъ.

Съ другой стороны, комбинація эта можетъ обходиться чрезвычайно дорого, такъ какъ производятся такіе биржевые маневры, не рассчитывая на полученіе отъ нихъ наживы, а

въ силу необходимости, — для спасенія отъ паденія курса національной монеты; вынужденныя операціи при такихъ условіяхъ, могутъ производиться и въ убытокъ. Отчетовъ о такихъ операціяхъ не публикуется, а потому точныхъ свѣдѣній о нихъ не имѣется; извѣстно, однако, же, что Германіи, напри- мѣръ, въ концѣ 1924 года, интервенція на Амстердамской биржѣ для поддержанія валютности ея рейхсмарки обошлась около 200 милліоновъ золотыхъ марокъ.

И, несмотря на ея недостатки, система эта, въ силу необходимости, принята за основаніе для поддержки валютности стабилизированной послѣ войны монеты, подъ названіемъ «Gold Exchange Standard».

**

Система «Gold Exchange Standard» заключается въ томъ, что, за неимѣніемъ достаточнаго запаса золота, пострадавшія отъ войны государства замѣняютъ его купленными или занятыми у С. А. С. Штатовъ золотыми девизами, служащими фондомъ для національныхъ эмиссіонныхъ банковъ; но, фондъ этотъ, для размѣна находящихся въ обращеніи на внутреннѣхъ рынкахъ денежныхъ знаковъ, не служитъ.

Размѣры находящихся въ резервахъ эмиссіонныхъ банковъ запасовъ золота или золотыхъ девизовъ, при такихъ условіяхъ, въ дѣлѣ обезпеченія выпускаемыхъ ими въ обращеніе денежныхъ знаковъ, никакой роли не играетъ: *какъ бы они велики не были, — все равно, кредитные билеты на золото не размѣниваются.* Роль золотыхъ запасовъ эмиссіонныхъ банковъ, при кредитномъ денежномъ обращеніи, не можетъ даже сравниться съ основнымъ капиталомъ акціонернаго общества, такъ какъ въ случаѣ неисправнаго платежа по облигаціямъ, общество отвѣчаетъ своимъ основнымъ капиталомъ, между тѣмъ, какъ эмиссіонныя банки, за паденіе цѣнности выпускаемыхъ ими кредитныхъ билетовъ, своими золотыми запасами не отвѣчаютъ; виновниками обезцѣненія кредитныхъ билетовъ считается публикою, не банкъ, а биржа.

Когда бумажные знаки на золото не размѣниваются, то хожденіе ихъ въ обращеніи можетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, покуда они внушаютъ къ себѣ довѣріе.

Конечно, и при стабилизированной на известномъ, пониженномъ уровнѣ національной монетѣ, система эта можетъ служить въ нормальное время надежнымъ контръ-спекулятивнымъ фронтомъ и поддерживать на международныхъ рынкахъ ея установленный, отвѣтственный для правительства биржевой курсъ.

Но курсъ этотъ все же остается *теоретическимъ*, — *биржевымъ*, — фактически поддерживаемымъ искусными маневрами, — *а не реальнымъ*, такъ какъ при отсутствіи размѣна на золото находящихся въ обращеніи билетовъ, ни банки, ни государство никакой отвѣтственности, въ случаяхъ неудачи такихъ биржевыхъ маневровъ, не несутъ.

Конечно, огромное значеніе имѣетъ, при стабилизациі «de jure» то, что нѣкоторымъ образомъ гарантируется устойчивость валютности національной монеты, хотя бы, на томъ пониженномъ сравнительно съ ея паритетной стоимостью уровнѣ, до котораго она въ силу непреодолимыхъ обстоятельствъ дошла, такъ какъ безъ такой устойчивости торгово - промышленныя операциі оказывались на зыбкой почвѣ и рискованность ихъ вызывала спекулятивное повышение цѣнъ, являвшаяся одною изъ причинъ вздорожанія жизни.

Но, въ общемъ, стабилизированное de jure денежное обращеніе, при отсутствіи свободного размѣна бумажныхъ денежныхъ знаковъ на золото, осталось въ тѣхъ же *шаткихъ условіяхъ*, въ отношеніи способовъ поддержки устойчивости ихъ валютности, путемъ забронированія ея состоящимъ изъ иностранныхъ золотыхъ девизъ контръ - спекулятивнымъ фондомъ, какъ это было и при стабилизациі ихъ de facto.

Въ самомъ дѣлѣ, разъ такія государства лишены возможности выпускать въ обращеніе размѣниваемые банкноты, то денежное обращеніе ихъ должно по необходимости быть *бумажно-кредитнымъ*, т. е. *основаннымъ исключительно на доврѣніи*, а не на обезпеченіи золотомъ, которое, хотя бы и имѣлось въ резервныхъ банкахъ, но изъ него для внутренняго обращенія не выпускается.

Но съ этимъ положеніемъ, по необходимости, приходится мириться такимъ богатымъ государствамъ, какъ Англія, Германія, Франція, Италія и Бельгія: золотые запасы и девизы ихъ, хранящіеся въ банкахъ, строго берегутся для расчетовъ по международнымъ сдѣлкамъ, а *золото-размѣнное* денежное

обращеніе на внутреннихъ рынкахъ всюду замѣнено денежнымъ обращеніемъ *золото - валютнымъ*, причемъ золото въ этомъ случаѣ принимаетъ значеніе *не товарное, а теоретическое*.

Недостатки кредитнаго денежнаго обращенія, которымъ, по необходимости, пользуются для внутреннихъ рынковъ, пострадавшія отъ войны государства, — общеизвѣстны:

1) Хотя бы эмиссіонные банки и обладали нѣкоторыми или даже значительными запасами золота, но оно для размѣна кредитныхъ билетовъ не предназначается и, въ случаяхъ паденія ихъ валютности, они предоставляются собственной судьбѣ.

2) Кредитные билеты никакой самостоятельной стоимости не имѣютъ, и хожденіе ихъ основывается исключительно на довѣріи.

3) Довѣріе это на внутреннихъ рынкахъ, при осторожномъ выпускѣ кредитныхъ билетовъ, можетъ держаться довольно прочно; но при столкновеніи ихъ на международныхъ рынкахъ съ золотыми монетами и дивизами, они естественно оказываются въ положеніи слабѣйшемъ и, при малѣйшемъ переполненіи ихъ въ предложеніи, валютность ихъ падаетъ.

4) Такая неустойчивость кредитнаго денежнаго обращенія, при всякомъ потрясеніи, экономическомъ, социальномъ или политическомъ, представляетъ грозную опасность инфляціи.

5) Кредитные билеты, такимъ образомъ, представляютъ собою монету *счетную*, годную только для внутренняго обращенія, и вслѣдствіе своей неустойчивости *для международныхъ расчетовъ негодную*, такъ какъ колебанія ея курса *искажаютъ міровыя товарныя цѣны* въ пользу покупателей, рассчитывающихся золотомъ.

6) Такъ называемая *эластичность* кредитнаго денежнаго обращенія, т. е. гибкость его, допускающая возможность *увеличенія* находящагося въ обращеніи количества денежныхъ знаковъ, или *уменьшенія* ихъ, — въ соотвѣтствіи съ оживленіемъ торговыхъ оборотовъ рынка, или затишіемъ ихъ, — что при здоровомъ денежномъ обращеніи должно производиться автоматически и нечувствительно, — въ этомъ случаѣ достигается искусственно, съ большими затрудненіями и нерѣдко безуспѣшно.

Система кредитнаго денежнаго обращенія, такимъ образомъ, рациональною и здоровою признаваться не можетъ: при

нормальныхъ условіяхъ соціально - экономической жизни, оно на внутреннихъ рынкахъ обыкновенно пользуется полнымъ довѣріемъ; но колебанія валютности кредитныхъ билетовъ на иностранныхъ биржахъ не могутъ оставаться безъ вліянія на внутреннихъ рынкахъ и отражаются на нихъ также паденіемъ ихъ валютности и потерю къ нимъ довѣрія. Оно и понятно: вѣдь, когда при расчетахъ за купленные товары расплачиваются неимѣющими никакой стоимости бумажками, то проданный товаръ отпускается *въ кредитъ*. Такъ именно и рассуждаетъ Финансовый Интернаціоналъ, по отношенію къ продажѣ золотыхъ девизъ, оплачиваемыхъ обезцѣвленною монетою, хотя бы стабилизированною, но на золото не размѣняемою; *поэтому то устанавливается въ настоящее время порядокъ расчета по международнымъ сделкамъ исключительно золотомъ на вѣсъ, въ слиткахъ.*

Кредитное денежное обращеніе, такимъ образомъ, *по самой своей природѣ*, обладаетъ органическимъ порокомъ неустойчивости своей валютности, представляющей, не только важное неудобство, но и величайшую опасность, постоянной угрозы инфляціи.

Назидательный примѣръ въ этомъ отношеніи находимъ въ недавнемъ прошломъ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, кредитное денежное обращеніе существовало до 1896 года: независимо отъ исправнаго состоянія ея финансовъ, прочнаго государственнаго кредита и правильнаго сведенія государственнаго юбжета, а въ силу различныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ, поллитического характера, курсъ русскаго кредитнаго рубля, подвергаясь постояннымъ колебаніямъ, прогрессивно падалъ, и такая его неустойчивость привела къ необходимости перейти къ денежному обращенію золото-размѣнному, что и было блестяще проведено реформою министра гр. С. Ю. Витте.

Но реформа эта могла быть проведенною блестящимъ образомъ только благодаря общимъ благопріятнымъ финансовымъ условіямъ того времени. При современныхъ же условіяхъ, когда большая часть міровыхъ запасовъ золота сосредоточена въ рукахъ немногихъ государствъ, такая реформа невозможна.

При такихъ условіяхъ, положеніе стабилизированнаго де-

нежнаго обращенія въ государствахъ, пострадавшихъ отъ войны, отнюдь не можетъ признаваться здоровымъ и прочнымъ.

Стабилизированный, послѣ напрасныхъ усилій поднять его упавшую стоимость ближе къ паритету, французскій франкъ, напимѣрь, опредѣлился *de jure* приблизительно въ одну пятую долю его паритетной стоимости; содержаніе чистаго золота въ немъ (5,8 сантиграмма) настолько ничтожно, что ходячею монетою такая мелкая монета уже быть не можетъ, а, въ общемъ, единицею расцѣнки товаровъ будетъ, вѣроятно, не пяти-франковая, а монета *сто-франковая*, равняющаяся по своей объявленной стоимости довоенной двадцати-франковой монетѣ (Le louis).

И, несмотря на такія мелко-аптекарскія дозы чистаго золота, опредѣляющаго валютность національныхъ стабилизированныхъ монетъ, рассчитывать на то, чтобы когда-либо былъ установленъ свободный размѣнъ ихъ на золото, едва ли возможно: во-первыхъ, такого размѣна уже нигдѣ не производится, и съ этимъ явленіемъ на внутреннихъ рынкахъ со стабилизированною монетою уже, какъ бы свыклись; а, во-вторыхъ, — и это обстоятельство важнѣе, — при слабыхъ золотыхъ запасахъ, коотрыми располагають такія государства, это было бы несомнѣнно слишкомъ рискованно: — въ Англіи золотой запасъ опредѣляется въ 40% стоимости находящихся въ обращеніи бумажныхъ денежныхъ знаковъ; въ Бельгіи -- около 30%, и т. д. Въ Англіи послѣ того, какъ выпущенные во время войны безвалютные билеты (*currency notes*) въ количествѣ 260 милліоновъ ф. ст., присоединены къ общей массѣ банкнотовъ (137 милліоновъ ф. ст.) Англійскаго Банка, находящихся въ обращеніи, положеніе также не лучше.

То, что при такихъ условіяхъ, установившееся въ пострадавшихъ отъ войны государствахъ денежное обращеніе можетъ быть признано только за *кредитное*, или, во всякомъ случаѣ, весьма къ нему приближающееся и оладающее всѣми вышеуказанными недостатками, а измельчаніе валютности стабилизированныхъ монетъ, произведенное пострадавшими отъ войны государствами, за исключеніемъ Англіи и Германіи, весьма неудобно для международныхъ расчетовъ, при переводѣ ихъ валютности на доллары и на золото въ слиткахъ, да еще при неустойчивости ихъ курса, является *нѣкоторымъ оправданіемъ для изгнтія ихъ изъ обращенія и для замѣны*

разсчетовъ, по международнымъ сдѣлкамъ, золотомъ въ слиткахъ.

**
*

Стабилизированная монетная система пострадавшихъ отъ войны государствъ, кромѣ того, не можетъ признаваться прочною и здоровою въ силу спеціальныхъ, переживаемыхъ ими причинъ, которыя стабилизациею *de jure* не устранены, — а именно: 1) переобремененія ихъ крупными, оплачиваемыми золотомъ иностранными долгами; 2) переполненія, какъ внутреннихъ, такъ и иностранныхъ рынковъ массами обезцѣненныхъ денежныхъ знаковъ; и 3) постоянной угрозы социальному спокойствію, вслѣдствіе недовольства и прогрессивнаго роста претензій рабочихъ массъ, подстрекаемыхъ энергично развивающеюся социалистическою и большевицкою, революціонною пропагандою, представляющею опасность финансоваго краха.

1) *Иностранные займы.* — Насколько опасно непосильное обремененіе государства иностранными займами, можно судить по тому тягостному положенію, въ которомъ оказались послѣ Великой Войны задолжавшія крупныя суммы С. А. С. Штатамъ такія богатая державы, какъ Франція, Германія, Бельгія и Италія, не говоря уже о государствахъ болѣе слабыхъ: займы, хотя и заключались на золото, но получались товарами, предметами военнаго снабженія и, вообще, кредитами, а уплата по нимъ требуется *непременно золотомъ*, котораго у разоренныхъ войною державъ нѣтъ. Задолжавшимъ государствамъ, поэтому, приходится ограничиваться уплатою золотомъ только процентовъ, а капитальная сумма, по необходимости, должна рассрочиваться на многіе десятки лѣтъ, а, можетъ быть, и безконечно.

2) *Переполненіе иностранныхъ биржъ національными бумажными денежными знаками.* — Биржевая цѣна на бумажные денежные знаки, какъ и на всякія другія бумаги, предлагаемыя на продажу, устанавливается въ зависимости отъ спроса на нихъ въ сравненіи съ предложеніемъ.

Конечно, если бумажные знаки не представляютъ никакой матеріальной цѣности, то, — какъ только ихъ въ предложеніи оказывается излишекъ противъ спроса, — цѣна на нихъ стремительно падаетъ и, въ случаѣ непріятія своевременныхъ

надлежащихъ мѣръ такое паденіе можетъ сдѣлаться катастрофическимъ.

И какъ бы значителенъ не былъ состоящій изъ золотыхъ девизъ контръ-спекулятивный фондъ, находящійся въ распоряженіи государства съ стабилизированнымъ денежнымъ обращеніемъ, но рано или поздно переполняющія внутренніе и международные рынки бумажные знаки, предъявляются къ оплатѣ и поставятъ такія государства въ безвыходное положеніе.

Безвыходное положеніе государствъ, массами распространившихъ свои инфляціонные билеты, оправдываетъ необходимость замѣны собственнаго золотого фонда эмиссіонныхъ банковъ *иностранными девизами*; но назначеніе ихъ, въ сущности, ограничивается употребленіемъ ихъ *для расчетовъ по международнымъ сдѣлкамъ*, а въ случаяхъ необходимости, для интервенціи на биржѣ.

Подобныя операціи выгодны только для С. А. С. Штатовъ, которые, не выпуская изъ своихъ резервовъ сказочныхъ запасовъ золота, и, пользуясь создавшеюся за время Великой Войны ихъ финансово-экономическою и политическою гегемоніею, пользуются этимъ положеніемъ за счетъ нуждающихся въ кредитѣ государствъ.

Но, какъ бы прочно не было положеніе С. А. С. Штатовъ, которое они заняли послѣ Великой Войны, оно не даетъ еще основаній для абсолютнаго утвержденія, что *оно будетъ продолжаться вѣчно*: ясно, что для нихъ весьма выгодно использование громаднаго запаса находящагося въ ихъ рукахъ золота *два раза*: для собственнаго обезпеченія и для обезпеченія денежнаго обращенія другихъ государствъ.

Если С. А. С. Штаты, обладая почти половиною всего міроваго запаса золота, чувствуютъ себя въ силѣ превратиться въ *международнаго міроваго банкира*, и, если бы осуществленіе этой интересной съ обще-человѣческой точки зрѣнія мысли, было обсуждено Лигою Націй и обставлено надлежащими гарантіями, то *созданіе такого грандіознаго финансового учрежденія, объединяющаго міровые интересы*, можно бы только привѣтствовать: такой *Генеральный Международный Банкъ* организовалъ бы во всѣхъ государствахъ, желающихъ примкнуть къ этой комбинаціи, свои Отдѣлы, распредѣливъ бы между этими Отдѣлами *необходимые запасы*

золота, конвертировалъ бы на золото національные денежные знаки и создалъ бы, такимъ образомъ, здоровое міровое денежное обращеніе, устраняющее всякія колебанія валютности національныхъ монетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это упростило бы до желаемого идеала международные расчеты.

Осуществленіе такой идеи имѣло бы, кромѣ того, великое значеніе въ дѣлѣ упроченія между націями мирныхъ отношеній: такъ какъ *миръ всего міра* можетъ установиться только тогда, когда война ни для кого не была бы выгодною, то созданіе такого мірового финансоваго учрежденія, явилось бы первымъ шагомъ въ этомъ направленіи, несомнѣнно болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ попытки убѣжденія въ необходимости всеобщаго разоруженія, съ которою инныя правительства согласятся лишь лицемѣрно, — для благовидности.

Но о такой гуманной постановкѣ мірового денежнаго обращенія покуда еще не слышно, и каждому государству приходится организовать свое національное денежное обращеніе собственными силами и средствами, изыскивая условія, необходимыя для огражденія его валютной устойчивости противъ окултной опасности Финансоваго Интернаціонала.

3) Что же касается постоянно угрожающей западно-европейскимъ государствамъ *опасности социальныхъ беспорядковъ* и волненій народныхъ массъ, то опасность эта, прежде всего угрожающая разрушеніемъ главныхъ основъ государственнаго порядка, — семейныхъ началъ, ралигіозныхъ вѣрованій и неприкосновенности частной собственности, — не будетъ устранена до тѣхъ поръ, покуда не будетъ уничтожено гнѣздо тлетворной революціонной пропаганды, — *третій интернаціоналъ*, — *развращающій весь міръ*.

**

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что *міровой финансово-экономическій кризисъ, переживаемый послѣ чудовищной Великой Войны, остается далеко не разрѣшеннымъ*, и что отжившее до-военное, классическое золото - размѣнное денежное обращеніе никакою новою, здоровою и устойчивою денежною системою не замѣнено; а что, если, съ одной стороны введенный порядокъ расчета по международнымъ слѣл-

камъ золотомъ въ слиткахъ можно считать вполне рациональнымъ, то, съ другой стороны, система денежнаго обращенія, обеспеченнаго запасами иностранныхъ золотыхъ девизъ, принятою для внутреннихъ рынковъ (Gold Exchange Standard), слѣдуетъ признать лишь системою временною, такъ какъ она отнюдь не удовлетворяетъ двумъ главнымъ условіямъ здороваго денежнаго обращенія, — *валютной устойчивости и эластичности.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ФИНАНСОВО - АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА

Организация финансовъ и денежнаго обращенія въ Россіи должны создаваться вновь. — Различіе между монетою счетною и товарною. — Имѣющіе товарную стоимость бумажные денежные знаки. — Здоровое національное денежное обращеніе, специально предназначенное для внутреннихъ рынковъ. — Примѣрный планъ организации здороваго бумажнаго денежнаго обращенія въ обновляемой Россіи. — Национальный Эмиссіонный Банкъ и его назначеніе; его специальный запасный капиталъ; условія регулированія требованій въ обращеніи денежныхъ знаковъ; огражденіе національнаго денежнаго обращенія отъ биржевыхъ колебаній его валютности. — Имперскій Земельный Банкъ и его назначеніе; ссуды безсрочныя съ произвольнымъ погашеніемъ; строгое соблюденіе закладнаго права; ссуды меліоративныя; неудовлетворительная дѣятельность до-революціонныхъ земельныхъ банковъ; капитализация труда земледѣльца; капиталъ Россіи, — мертвый и живой; условія выдачи ссудъ хуторянамъ; обезпеченность ссудъ; размѣры ссудныхъ операцій. — Международная Разсчетная Палата и ея назначеніе; обращеніе національныхъ, неразмѣниваемыхъ на золото, бумажныхъ денежныхъ знаковъ на международныхъ рынкахъ представляетъ величайшую опасность; котировка такихъ денежныхъ знаковъ недопустима; расчеты за вывозимые изъ Россіи товары, также, какъ и за выписываемые изъ за границы, должны производиться золотомъ, въ слиткахъ; система вывозныхъ премій.

То, что, вслѣдствіе сложившихся послѣ Великой Войны обстоятельствъ, большинство богатѣйшихъ государствъ оказалось вынужденнымъ вмѣсто классическаго золото-размѣннаго денежнаго обращенія, обходиться неустойчивымъ денежнымъ обращеніемъ *бумажно-кредитнымъ*, заставляетъ задумываться надъ страшнымъ вопросомъ: а каково же будетъ

финансовое положеніе и денежное обращеніе въ Россіи, послѣ паденія совѣтской власти? — Разрушенная до тла, обремененная громадными внѣшними долгами, безъ малѣйшихъ запасовъ золота, съ искалѣченнымъ денежнымъ обращеніемъ и съ полнымъ отсутствіемъ какого либо кредита, — вотъ, при какихъ трагическихъ условіяхъ предстоитъ восстановленіе ея финансово-экономической мощи, требующее не только невѣроятнаго напряженія трудовыхъ силъ, но и израсходованія громадныхъ капиталовъ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ мыслей авторъ настоящаго труда посвятилъ 10 лѣтъ изученію міроваго финансово-монетнаго потрясенія, произведеннаго Великою Войною, и происшедшаго вслѣдствіе этого искаженія національнаго и международнаго денежнаго обращенія. Исслѣдованія эти привели его къ убѣжденію, что въ Россіи, при ея возрожденіи, не будутъ примѣнимы, ни классическая золото-размѣнная система, ни денежное обращеніе кредитное, а необходимо будетъ, въ силу ея особаго положенія выработать специальную систему *бумажнаго золота - валютнаго здороваго денежнаго обращенія*.

Исканія въ этомъ направленіи закончились изданіемъ въ 1927 году брошюры на русскомъ (1) и французскомъ (2) языкахъ, въ которой изложены основы предполагаемаго подходащимъ для возрождающейся Россіи денежнаго обращенія.

Отъ многихъ компетентныхъ лицъ получены объ этомъ трудѣ одобрительные и сочувственные отзывы; изрѣдка были и словесныя выраженія сомнѣній отъ лицъ, несочувствующихъ замѣнѣ традиціонно-привычныхъ основъ денежнаго обращенія новою системою; технически же опровергающихъ эту систему возраженій не появлялось.

Для того, чтобы *предлагаемая система денежнаго обращенія* для обновляемой Россіи была общепонятна, постараемся изложить ее, не только, по возможности, проще, но и на основахъ безспорныхъ, не вызывающихъ никакихъ сомнѣній.

Денежное обращеніе существовало во времена самыя

(1) Бумажное Денежное Обращеніе: Парижъ, 1927 г. Русское Книжное Дѣло «La Source», 103, rue de la Tour.

(2) *Etude sur le papier - monnaie*. Paris, 1927. Recour, Chevillet et C-іe, 22, rue de la Banque.

древнія. Когда греческаго мудреца Анахореса спросили: — «Для чего нужны деньги?» — онъ отвѣчалъ: — «Для счета». — Таковы были *жельзная монета* въ Спартѣ, и *ракушки*, употребляемыя вмѣсто денегъ у нѣкоторыхъ дикарей и до нашихъ временъ; таковы же и *кредитные билеты*, не размѣняемые на золото и имѣющіе хожденіе до тѣхъ поръ, пока они внушаютъ довѣріе.

Счетная монета, однако же, могла имѣть хожденіе только на внутреннихъ рынкахъ: расчеты же по международнымъ сдѣлкамъ въ старину производились путемъ *торговли мнимою*, т. е. обмѣна товаровъ на товары.

Но, наступилъ періодъ, когда для международной торговли введенъ былъ обычай производить расчеты *золотомъ въ слиткахъ*, охотно принимавшимся въ обмѣнъ на всякіе товары, что сравнительно, представляло уже значительное удобство.

Въ переживаемую нами эпоху, — задолго еще до Великой Войны, — по мѣрѣ развитія міроваго производства и международного товарообмѣна, расчеты стали производиться *не золотомъ, а на золото*, такъ какъ пересылка этого тяжелаго драгоценнаго металла представляетъ значительныя неудобства и обходится слишкомъ дорого: золото изъ рукъ въ руки стало передаваться въ рѣдкихъ случаяхъ: заказы на заокеанскіе товары нерѣдко производятся по телеграфу и по телефону, а расчеты за нихъ — переводами, чеками, тратами и дивизами; на внутреннихъ же рынкахъ — рассчитываются банкнотами, кредитными билетами и чеками.

Такимъ образомъ, золото изъ драгоценнаго металла *товарнаго* стало постепенно превращаться въ *мѣрило цѣнностей теоретическое*, — подобно другимъ теоретическимъ мѣриламъ вѣса, объема и длины.

Такъ дѣло обстояло до Великой Войны.

Послѣ же Великой Войны, вслѣдствіе произведеннаго ею міроваго финансово-экономическаго потрясенія и крушенія монетныхъ системъ раззоренныхъ ею государствъ, золото изъ обращенія на внутреннихъ рынкахъ повсюду исчезло, а обезцѣненные инфляціе стабилизированные національные денежные знаки стали приниматься въ уплату по международнымъ сдѣлкамъ съ величайшими затрудненіями.

Кризисъ этотъ въ концѣ концовъ разрѣшился тѣмъ, что

силою вещей установился порядокъ, на основаніи котораго расчеты по международнымъ сдѣлкамъ производятся исключительно *золотомъ въ слиткахъ (or en barres)*; система эта (Gold Boullion Standard), въ сущности ничѣмъ не отличается отъ практиковавшейся въ старину мѣнновой торговли, когда всякіе товары охотно обмѣнивались на товарное золото на вѣсъ.

Мысль замѣны золото-монетнаго обращенія золотомъ въ слиткахъ, — не нова: она была предусмотрена еще въ началѣ прошлаго столѣтія знаменитымъ экономистомъ Рикардо.

Противъ такой системы, конечно, возраженій быть не можетъ; но думать, что она могла бы имѣть распространеніе и на внутреннихъ рынкахъ, абсолютно невозможно, какъ вслѣдствіе ограниченныхъ запасовъ міроваго золота, притомъ же сосредоточенныхъ въ рукахъ немногихъ государствъ, такъ еще и потому, что *золотой аппаратъ*, для денежнаго обращенія стоитъ слишкомъ дорого и для большинства государствъ оказывается совершенно не по средствамъ.

На внутреннихъ рынкахъ, повѣтому, послѣ Великой Войны, повсюду установлено *счетное денежное обращеніе*, т. е. состоящее изъ бумажныхъ знаковъ на золото не размѣняемыхъ (Gold Exchange Standard), но *теоретически* расцѣпывающихъ предметы торговаго оборота *на золото*.

Главнѣйшій недостатокъ *счетной монеты* состоитъ въ томъ, что она, какъ и всѣ другія орудія измѣренія, — метръ, килограммъ, литръ и т. п., — служитъ только *одному назначенію*, — въ данномъ случаѣ — опредѣленію стоимости предметовъ торговаго оборота; между тѣмъ какъ *товарная монета*, въ отличіе отъ другихъ орудій измѣренія, *должна удовлетворять двойному назначенію*: 1) *опредѣлять стоимость предметовъ торговаго оборота* и 2) *реально оплачивать обмѣниваемые на нее предметы торговаго оборота равноцѣнною съ ними стоимостью*.

Здоровая система денежнаго обращенія, при которой расчеты по торговымъ сдѣлкамъ производятся золотомъ въ слиткахъ, золотою монетою, или размѣняемыми на золото банкнотами и девизами, вполне отвѣчаетъ этому двойному назначенію; но при системѣ *счетнаго обращенія*, состоящаго изъ *кредитныхъ билетовъ* или, вообще, изъ *денежныхъ знаковъ*, не размѣняемыхъ на золото и имѣющихъ хожденіе только до

тѣхъ поръ, пока они пользуются довѣріемъ, — реальной оплаты предметовъ торговаго оборота въ дѣйствительности не происходитъ, а *обмѣниваемые на такую монету предметы торговаго оборота отпускаются въ кредитъ.*

Но расчеты, основанные на кредитѣ, связаны съ *известнымъ рискомъ*, чего при здоровомъ денежномъ обращеніи нѣтъ и быть не должно, такъ какъ оно *представляетъ собою аппаратъ высокой государственной важности, имѣющій своимъ назначеніемъ обслуживать общественныя нужды въ области торговли и промышленности*, отъ развитія которыхъ зависитъ благосостояніе всего населенія и финансово-экономическое положеніе всей страны.

Ясно, поэтому, что счетное денежное обращеніе, вообще, для обновляемой Россіи, отнюдь рекомендоваться не можетъ.

Не можетъ рекомендоваться для обновляемой Россіи и такое кредитно-счетное денежное обращеніе, описанное въ предыдущей главѣ, которое, подъ названіемъ *Gold Exchange Standard*, установилось въ западно-европейскихъ государствахъ съ стабилизированнымъ на пониженномъ уровнѣ денежнымъ обращеніемъ.

Чѣмъ же оно, въ самомъ дѣлѣ было бы лучше для Россіи отброшеннаго ею въ 1896 году кредитнаго обращенія, угрожавшаго разстройствомъ ея финансовъ, за отсутствіемъ въ немъ главнѣйшихъ необходимыхъ для здороваго денежнаго обращенія свойствъ: *устойчивости его валютности и эластичности?*

Какъ и отброшенное Россіею кредитное денежное обращеніе, *Gold Exchange Standard* страдаетъ тѣми же недостатками. Эта кажущаяся новою система денежнаго обращенія также состоитъ изъ бумажныхъ знаковъ, *не размѣниваемыхъ на золото*, и притомъ съ тою разницею не въ ея пользу, что хранящійся въ резервахъ банка золотой фондъ не всегда составляетъ его собственность, а нерѣдко состоитъ изъ занятыхъ иностранныхъ золотыхъ девизъ; колебаніямъ валютности такіе денежные знаки точно также подвержены, и *устойчивость ихъ приходится поддерживать искусственно*, — путемъ *интервенции въ биржевую игру и скупки денежныхъ знаковъ*, въ случаяхъ переполненія ими иностранныхъ рынковъ; но такая мѣра, въ сущности, представляющая ни что иное, какъ *вынужденный обстоятельствами размѣнъ на золото денежныхъ знаковъ*,

при нормальныхъ обстоятельствахъ не производящійся; мѣра эта вмѣстѣ съ тѣмъ рискованна, т. е. въ случаяхъ кризисовъ экономическихъ или политическихъ, она угрожаетъ опасностью, развиться до такихъ размѣровъ, которые могутъ превзойти имѣющіяся въ распоряженіи банка запасы золотыхъ девизъ. — Что же касается эластичности этой *новой* системы денежнаго обращенія, то она *ничего* новаго сравнительно съ кредитнымъ денежнымъ обращеніемъ не представляетъ: она ограничивается *тѣми же недопустимыми мѣрами задержки и поощренія банками авансовъ денежныхъ знаковъ, путемъ повышенія и пониженія взимаемыхъ ими за пользованіе авансами процентовъ*, во вредъ дѣлу, а не на пользу его, такъ какъ повышеніе взимаемыхъ процентовъ происходитъ, какъ разъ, въ моменты, когда рынокъ въ денежныхъ знакахъ наиболѣе нуждается, а понижается взимаемый процентъ въ моменты, переполненія ими рынка, когда извлеченіе ихъ должно бы поощряться; такого рода мѣры не только не регулируютъ равновѣсія денежнаго обращенія, но противодѣйствуютъ его эластичности и могутъ приводить къ кризисамъ, биржевымъ и валютнымъ.

Достаточно этихъ соображеній, чтобы заключить о невозможности рекомендовать для обновляемой Россіи системы денежнаго обращенія, Gold Exchange Standard; проведеніе въ жизнь ея въ Россіи было бы тѣмъ болѣе неосторожно, что у нея своихъ запасовъ золота не имѣется, а производить крупные иностранные займы для образованія банковскаго фонда, не золотого, а изъ иностранныхъ золотыхъ девизъ, рискуя тѣмъ, что онъ растаялъ бы въ биржевой интервенціи, необходимой для огражденія валютной устойчивости денежныхъ знаковъ, — было бы безразсудно: для иностранныхъ государствъ, наводнившихъ иностранные рынки своими инфляціонными билетами, другого исхода нѣтъ, и имъ, по необходимости, приходится довольствоваться этой системою; для обновленной же Россіи, если она приметъ изложенную въ предыдущей главѣ денежную систему, предназначенную только для *внутренняго обращенія*, ни интервенціи въ международную биржевую игру, ни крупныхъ иностранныхъ займовъ не потребуетъся.

Стремленіе замѣнять находящуюся въ обращеніи золотую монету, бумажными денежными знаками, вообще не ново и вызывалось неудобствами, представляющимъ золотою

монетою, — ея тяжестью, не позволяющею носить при себѣ большія суммы, и дороговизною перевозки ея на большія разстоянія: бумажныя деньги въ этомъ отношеніи представляютъ въ сравненіи съ золотою монетою огромныя преимущества, такъ какъ они могутъ освободно и много разъ переходить изъ рукъ въ руки и пересылаться на любыя, значительныя разстоянія.

Но, для того, чтобы бумажные знаки могли выполнять свое двойное назначеніе здороваго денежнаго обращенія, т. е. не только быть *счетною монетою*, но и *обладать дѣйствительною, товарною стоимостью, на золото*, которая на ней обозначена, выпускъ денежныхъ знаковъ долженъ производиться, не иначе, какъ *подъ залоги, оцѣниваемые на вѣсъ золота*, — будь то процентныя бумаги, или другого рода цѣнности, имѣющіяся въ торговомъ оборотѣ.

Авансы крупныхъ суммъ по учету солидныхъ векселей и подъ залогъ процентныхъ бумагъ, недвижимыхъ имуществъ и другихъ цѣнностей производились и производятся по настоящее время всюду, представляя собою одну изъ доходнѣйшихъ операцій солидныхъ банковъ.

Почему же не допустить такого же рода обезпеченія для выпуска денежныхъ знаковъ непосредственно Эмиссионными Банками?

На это могутъ возразить, что авансы по учету векселей и подъ залогъ разныхъ цѣнностей производятся денежными знаками уже находящимися въ обращеніи и, слѣдовательно, уже представляющими имѣющую хожденіе національную монету; а поэтому сравненіе предлагаемой комбинаціи съ этимъ примѣромъ не выдерживаетъ критики.

Возраженіе было бы справедливо только въ случаяхъ *золото-размѣннаго, обезпеченнаго въ полной стоимости* денежнаго обращенія; но въ случаяхъ, — когда выпуски денежныхъ знаковъ ограничены хранящимися въ банкѣ запасами золота, иногда обезпечивающими денежное обращеніе на половину, или даже въ третьей части его номинальной стоимости, и притомъ, когда денежные знаки на золото не размѣниваются, — спрашивается, почему, наряду съ этимъ, до сихъ поръ не допускались спеціальныя выпуски денежныхъ знаковъ, подъ оцѣниваемые на золото залоги и по учету солидныхъ торговыхъ векселей, представляющихъ обез-

печеніе болѣе прочное, чѣмъ то, которымъ располагаетъ банкъ?

На томъ же, насколько денежное обращеніе, предназначенное для внутреннихъ рынковъ, обезпеченное оцѣниваемыми на вѣсъ золота залогами и солидными торговыми векселями, предпочтительнѣе счетнаго кредитнаго денежнаго обращенія, для обновляемой Россіи, настаивать не приходится: очевидно, безспорно, что предлагаемое денежное обращеніе, для внутренняго рынка, настолько же прочно и устойчиво, какъ, если бы оно было полностью обезпечено запасомъ драгоцѣннаго металла; для всякаго ясно, что вкладываемые, при авансированіи денежныхъ знаковъ, оцѣниваемые на вѣсъ золота залоги представляютъ наиболѣе цѣнное національное достояніе, — обывательскую частную собственность, — несравненно болѣе дорогое и прочное, чѣмъ девизы, представляющія чужое золото, охраняемое за тридевятью замками и изъ резервовъ банка не выпускаемое.

Оцѣнка залоговъ, при авансахъ денежныхъ знаковъ, въ этихъ случаяхъ должна производиться на вѣсъ золота, по мѣстной биржевой цѣнѣ; *происходитъ такимъ образомъ теоретическое превращеніе въ золото, т. е. въ здоровую монету, всевозможныхъ, представляющихъ частную собственность цѣнностей, сколько бы того ни потребовалъ денежный рынокъ, смотря по оживленію, или затишію его оборотовъ.*

А то, что *теоретическимъ стандартомъ* при этомъ будетъ, не та, или другая національная монета, а *золото на вѣсъ*, по его торговой цѣнѣ, т. е. стандартъ, принятый для международныхъ расчетовъ, — это обстоятельство весьма облегчаетъ сравнительную оцѣнку предметовъ торговаго оборота внутреннихъ рынковъ съ оцѣнкою ихъ на рынкахъ международныхъ.

Россія, обладающая неисчерпаемыми природными богатствами и неимѣющею себѣ равной рабочей силою нуждаться въ денежныхъ средствахъ, при такихъ условіяхъ, не будетъ, такъ какъ въ ея распоряженіи всегда найдется масса разнообразныхъ цѣнностей, которыя, въ случаяхъ надобности, могутъ превращаться въ деньги.

Такая система денежнаго обращенія, для внутреннихъ рынковъ, будетъ вполне здоровою, такъ какъ она обладаетъ

главнѣйшими, необходимыми для этого свойствами: *валютноч устойчивостью* и *эластичностью*.

Въ основѣ примѣненія къ жизни такого денежнаго обращенія, лежатъ тѣ же принципы, которыми банки руководствуются при открытіи *онъ-кольныхъ* (on Call) счетовъ, имѣющихъ въ С. А. С. Штатахъ громадное распространение: удобство ихъ заключается въ томъ, что они позволяютъ занимать въ банкахъ денежные знаки на произвольный срокъ и возвращать ихъ, по минованіи необходимости, когда угодно.

Такія операціи, въ общемъ, риска не представляютъ. Рискъ можетъ быть, развѣ по операціямъ учета векселей; но и въ этомъ случаѣ Государственный Банкъ можетъ создать для себя полныя гарантіи, если самъ онъ учетомъ бы не занимался, а принималъ бы векселя только къ переучету отъ надежныхъ частныхъ банковъ.

Преимущества такой организаціи бумажнаго денежнаго обращенія, для внутреннихъ рынковъ, сравнительно съ установленнымъ, послѣ Великой Войны, въ государствахъ со стабилизированнымъ кредитнымъ денежнымъ обращеніемъ представляются слѣдующія:

1) Не требуется для *Эмиссионнаго Банка* *значительныхъ запасовъ золота*, такъ какъ золотая валютность, выпускаемыхъ имъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ полностью обеспечивается представляемыми заемщиками залогами, оценываемыми на вѣсъ золота.

2) Операціи авансовъ денежныхъ знаковъ подъ залоги, не представляютъ для эмиссионныхъ банковъ, ни особаго риска, ни необходимости пускать въ оборотъ собственныхъ капиталовъ; процентъ, который будетъ взиматься ими за временное пользованіе авансируемыми знаками, можетъ быть, повтому значительно умѣреннѣе того, который принято банками взимать по операціямъ учета векселей и авансовъ денежныхъ суммъ подъ залогъ цѣнностей.

3) Взимаемый Эмиссионнымъ Банкомъ процентъ за пользованіе выпущенными въ обращеніе денежными знаками остается постоянно неизмѣннымъ и равнымъ проценту уплачиваемому по текущимъ счетамъ; такимъ образомъ устраняется невыгодное положеніе публики, создаваемое банками, въ случаяхъ повышенія и пониженія взимаемыхъ и уплачиваемыхъ процентовъ, по своему усмотрѣнію, какъ разъ въ такіе мо-

менты, когда слѣдовало бы, для пользы рынка, поступать обратно.

4) Повышеніе и пониженіе взимаемаго банками процента за авансируемые денежныя знаки, при современномъ положеніи дѣла, вызываются ограниченнымъ количествомъ имѣющихся въ распоряженіи банковъ денежныхъ знаковъ; при предлагаемыхъ-же условіяхъ, когда будетъ возможность выпускать въ обращеніе, подѣ соответствующія обезпеченія, сколько угодно, денежныхъ знаковъ, повышеніе и пониженіе процента за авансируемые денежныя знаки не будетъ имѣть никакого основанія.

5) Пользованіе денежными знаками при такихъ условіяхъ обойдется публикѣ сравнительно недорого, какъ потому, что брать ихъ можно будетъ только на то время, когда они будутъ нужны для оборота, такъ и потому еще, что доходы съ процентныхъ бумагъ, положенныхъ въ залогъ могутъ покрывать уплачиваемые проценты за пользованіе занятыми денежными знаками.

6) Командовать выпусками денежныхъ знаковъ, при такихъ условіяхъ, будутъ, не произвольныя рѣшенія правительства и банковъ, а положеніе денежнаго рынка, вызывающаго большее, или меньшее требованіе въ обращеніи денежныхъ знаковъ.

7) Предлагаемый аппаратъ денежнаго обращенія представляетъ собою собственность государственную, имѣющую своимъ назначеніемъ обслуживать, наряду съ другими орудіями мѣры и вѣса, весьма важныя общественныя нужды. Входящіе въ составъ денежнаго обращенія денежныя знаки, поэтому, находятся въ рукахъ разныхъ лицъ и учреждений, *лишь во временномъ пользованіи*, за установленную плату: они представляютъ цѣнность лежащихъ въ банкѣ залоговъ, оцѣненныхъ на золото, но сами ничьею собственностью быть не могутъ.

и 8) Предлагаемая система денежнаго обращенія, для государствъ, небогатыхъ золотомъ, имѣетъ то важное преимущество, что оно, какъ это будетъ выяснено ниже, даетъ возможность создать наиболѣе дѣйствительныя условія для внутреннихъ рынкахъ денежныхъ знаковъ и защиты ихъ противъ міроваго господства золота и Финансоваго Интернаціонала: при обиліи собственныхъ денежныхъ средствъ, государству

не *будетъ* надобности прибѣгать къ крупнымъ иностраннымъ займамъ, представляющимъ тѣмъ большую опасность въ случаяхъ чрезмѣрной задолженности, что ихъ приходится получать кредитами, или товарами, а оплачивать непременно золотомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, необходимо заранѣе отдать себѣ отчетъ въ томъ, что, если бы для восстановления финансово-экономической мощи Россіи, пришлось обращаться къ широкой интервенціи иностранныхъ капиталовъ, а непосильные долги оплачивать обязательно золотомъ, то она неизбежно, въ скоромъ же времени превратилась бы въ иностранную колонію.

Прошло то время, когда міровые запасы этого драгоценнаго металла были распределены болѣе равномерно между главнѣйшими державами, принимавшими значительное участіе въ міровомъ производствѣ и въ международныхъ оборотахъ: золотая рѣка текла изъ одного государства въ другое, не задерживаясь порогами, и богатые государства весьма охотно размѣщали свои капиталы по иностраннымъ займамъ за умѣренные проценты.

Послѣ же мірового финансово-экономическаго потрясенія, произведеннаго Великою Войною, золото утратило свое драгоценное *свойство текучести* и стало — не только *тяжелымъ, неподвижнымъ грузомъ*, но превратилось въ колоссальной силы *магнитъ*, притягивающій къ себѣ разбросанныя по всему Свѣту остальные крохи этого драгоценнаго металла.

Прежній источникъ для оплаты долговъ по иностраннымъ займамъ, — *вывозная торговля*, — потеряла свое прежнее значеніе: богатымъ золотомъ государствамъ, дающимъ займы крупныя суммы, чужія товары не нужны, такъ какъ они сами наводняютъ иностранныя рынки избытками своего національнаго производства. А если занятые у нихъ крупныя суммы и нарастающія на нихъ проценты въ установленные сроки надо обязательно оплачивать золотомъ, — то золото это приходится занимать у своихъ же кредиторовъ, — богатыхъ золотомъ государствъ. Такимъ образомъ, операціи эти сводятся къ непрерывной пересрочкѣ платежей, т. е. къ превращенію задолжавшихъ государствъ въ вѣчныхъ данниковъ своихъ кредиторовъ.

Обновляемой Россіи на щедрость дружественныхъ Дер-

жавъ, поѣтому, никоимъ образомъ разсчитывать не приходится: она должна искать возможности выбиваться изъ ея критическаго положенія исключительно собственными силами и средствами, разсчитывая только на свои неисчерпаемыя природныя богатства и на не имѣющую себѣ равной ея рабочую силу.

Въ видѣ временнаго исключенія придется, вѣроятно, заключить нѣкоторый долгосрочный заемъ; но, во всякомъ случаѣ, такой заемъ долженъ быть заключенъ на условіяхъ особенно осторожныхъ, не впадая въ соблазнъ достиженія этимъ путемъ быстроты возрожденія Россіи.

Подробнѣе этотъ вопросъ будетъ рассмотрѣнъ при дальнѣйшемъ изложеніи примѣрнаго плана организаціи въ обновляемой Россіи здороваго денежнаго обращенія.

Примѣрная организація здороваго бумажнаго денежнаго обращенія.

Для проведенія въ жизнь описанной системы бумажнаго денежнаго обращенія потребовалось бы организовать при Министерствѣ Финансовъ слѣдующія учрежденія:

1) *Государственный Банкъ*, общепринятаго типа, сосредоточивающій въ себѣ всѣ финансовыя операціи, связанныя съ государственнымъ хозяйствомъ.

2) *Національный Эмиссионный Банкъ*, функціи котораго ограничивались бы выпускомъ и храненіемъ бумажно-денежныхъ знаковъ, согласно утвержденному законами его уставу.

3) *Имперскій Земельный Банкъ*, открывающій кредиты долгосрочные и безсрочные подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ; и

4) *Международную Разсчетную Палату*, чрезъ которую производились бы всѣ разсчеты по иностранной торговлѣ.

Функціи и дѣятельность Государственнаго Банка въ данномъ случаѣ не представляютъ ничего новаго, а потому особенно останавливаться на нихъ не приходится.

Что же касается функцій остальныхъ трехъ учреждений, то на нихъ необходимо остановиться подробнѣе, такъ какъ прочная устойчивость описанной системы денежнаго обраще-

ня будетъ стоять въ прямой зависимости отъ взаимодѣйствія этихъ учрежденій, хотя каждое изъ нихъ имѣло бы строго-опредѣленное самостоятельное назначеніе.

**
*

Національный Эмиссіонный Банкъ представляетъ собою какъ бы депо, хранящее неограниченное количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ имъ въ обращеніе и принимаемыхъ обратно.

Эмиссіонный Банкъ не долженъ преслѣдовать *никакихъ коммерческихъ цѣлей*. Находясь въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ и подъ строгимъ контролемъ специальной Комиссіи онъ непосредственно съ публикой не производитъ никакихъ операцій, а ограничивается тѣмъ, что открываетъ кредиты банкамъ Государственному и Земельному, а также и Международной разсчетной Палатѣ, которые и производятъ соответственныя ихъ назначенію операціи, отсчитываясь передъ Эмиссіоннымъ Банкомъ въ авансированныхъ и обратно принятыхъ ими денежныхъ знакахъ.

Главнымъ источникомъ, обезпечивающимъ выпускъ въ обращеніе денежныхъ знаковъ, — а въ данномъ случаѣ банковыхъ билетовъ въ золотыхъ рубляхъ, — будутъ операціи по авансамъ Государственного и Земельнаго банковъ подъ залогъ отчуждаемыхъ на вѣсь золота имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ.

При такомъ порядкѣ выпуска въ обращеніе денежныхъ знаковъ, государство съ интенсивнымъ развитіемъ промышленности и торговли никогда не будетъ страдать недостаткомъ въ монетѣ, такъ какъ въ случаяхъ нужды все его національное богатство можетъ быть превращено въ денежные знаки, которые, поэтому, съ полнымъ основаніемъ могли бы называться *національными билетами*.

За пользованіе авансируемыми денежными знаками могъ бы взиматься извѣстный, скромный процентъ, напр., 3% годовыхъ; но такъ какъ при этомъ не должно преслѣдоваться никакихъ коммерческихъ цѣтей, то и по текущимъ счетамъ долженъ уплачиваться такой же процентъ, т. е. также 3% годовыхъ, и это дастъ публикѣ возможность вносить безъ убытка

обратно всѣ денежные знаки, которые могли бы оказаться въ излишествѣ.

Такой 3% сборъ за пользованіе денежными знаками, выпускаемыми въ обращеніе, въ общемъ, будетъ ежегодно представлять весьма значительныя суммы: но суммы эти отнюдь не поступаютъ въ доходъ банковскихъ учреждений, а зачисляются въ *запасный капиталъ*, имѣющій специальное назначеніе, о которомъ будетъ сказано ниже.

Что же касается средствъ, необходимыхъ для содержанія такихъ значительныхъ государственныхъ учреждений съ ихъ многочисленными районными отдѣлами, то образованіе этихъ средствъ должно быть совершенно выдѣлено изъ прихода - расходнаго счетоводства по авансамъ денежныхъ знаковъ и отъ счета запаснаго капитала, имѣющаго особое назначеніе.

Наилучшимъ способомъ для образованія средствъ на содержаніе этихъ финансовыхъ учреждений была бы *марочная система*, т. е. наклеиваніе на выдаваемые свидѣтельства въ принятіи залоговъ, а также на векселя, принятые къ переручету специальныхъ марокъ, стоимость которыхъ опредѣлялась бы, напримѣръ, въ одну десятую процента операціонной суммы.

При такихъ условіяхъ все денежное обращеніе, не исключая и авансовъ подъ недвижимости, было бы ежегодно обложено одною десятою процента, что, въ общемъ, составитъ весьма значительный годовой приходъ, позволяющій обставить дѣло обслуживанія денежнаго обращенія достойнымъ образомъ.

Здоровымъ денежнымъ обращеніемъ, вообще, какъ это выяснено въ своемъ мѣстѣ, можетъ признаваться лишь такое, которое будетъ обладать для этого двумя существенными свойствами: 1) *гибкою эластичностью* и 2) *твердою устойчивостью*.

1) *Эластичность* есть свойство гибкости денежнаго обращенія, допускающее возможность увеличенія количества денежныхъ знаковъ на рынкахъ, въ случаяхъ оживленія ихъ торговыхъ оборотовъ, и извлеченія изъ обращенія излишковъ денежныхъ запасовъ, въ случаяхъ переполненія ими денежнаго рынка, вслѣдствіе затихшя въ торговыхъ оборотахъ.

Съ точки зрѣнія коммерческихъ банковъ, преслѣдующихъ цѣли наживы, существующій порядокъ вполне норма-

лень и отвѣчаетъ опредѣляемому ихъ уставами образу дѣйствій.

Но съ точки зрѣнія государственной, имѣющей виду облегченіе условій развитія національной торгово - промышленной дѣятельности, онъ совершенно недопустимъ, какъ равнымъ образомъ не допустимо, чтобы по онкольнымъ счетамъ, въ случаяхъ неисправности платежей процентовъ или паденія курсовой стоимости заложенныхъ цѣнностей, *продавался весь пакетъ заемщика*, между тѣмъ какъ было бы достаточно *одной части его*, для покрытія выросшаго долга. Такіе приемы допустимы только для учреждений и лицъ, *торгующихъ деньгами* и наживающихся за счетъ стѣсненнаго положенія заемщиковъ.

Не удерживаются отъ такихъ приемовъ банки даже и такого богатаго золотомъ государства, какъ С. А. С. Штаты; то тамъ оказывается переполненіе рынка денежными знаками, то происходитъ паническое пониженіе курса биржевыхъ цѣнностей, безъ всякихъ особыхъ, понятныхъ причинъ; а все дѣло въ томъ, что громадное накопленіе въ этой странѣ золота, вызываетъ, не только міровую спекуляцію золотыми девизами, но и рѣзкія колебанія находящихся въ обращеніи на Нью-Йоркской биржѣ цѣнностей, исчисляемыхъ въ общемъ въ суммѣ болѣе 20 милліардовъ фунтовъ стерлинговъ: произвольныя повышенія и пониженія банками взимаемыхъ процентовъ развиваютъ бѣшеную биржевую спекуляцію; такимъ образомъ, они сатновятся могущественными хозяевами мірового денежнаго обращенія, произвольно оказывая кредитъ или отказывая въ немъ, смотря по тому, что имъ выгоднѣе (*Monnaie dirigée*).

Повторяемъ: для государственныхъ финансовъ учреждений такой образъ дѣйствій не достоинъ и не допустимъ; при предлагаемой системѣ, онъ имѣть мѣста не долженъ; *деньги предметомъ торговли и спекуляціи быть не могутъ, такъ какъ денежное обращеніе есть аппаратъ государственный, обслуживающій общественныя нужды.*

Монета не товаръ, а единица счета и орудіе для расчетовъ при торговыхъ сдѣлкахъ; означенная на монетѣ цѣна должна быть величиною постоянною, неизблемою, а какъ мѣрило стоимости, ни купль, ни продажъ, ни биржевой котировкѣ подлежатъ не должна.

Въ предлагаемой системѣ денежнаго обращенія соблюде-

нѣ этого принципа стоитъ на первомъ планѣ: если бы процентъ по учету векселей и по залогамъ процентныхъ бумагъ сталъ бы взиматься безъ измѣненія въ размѣрѣ 3% годовыхъ и уплачиваться безъ измѣненія также въ размѣрѣ 3% годовыхъ, по текущимъ счетамъ, то при такомъ порядкѣ, переполненія денежныхъ знаковъ въ обращеніи быть не можетъ, такъ какъ всякій, у кого на рукахъ оказались бы лишнія деньги, могъ бы ихъ внести на текущій счетъ безъ всякой потери, а съ другой стороны, и въ случаяхъ недостатка денежныхъ знаковъ на рынкѣ, на тѣхъ же условіяхъ онъ могъ бы получить изъ банка необходимые авансы.

Этотъ былъ бы наилучшій *автоматическій регуляторъ* для соблюденія равновѣсія денежнаго обращенія въ соотвѣтствіи съ потребностями рынка въ денежныхъ знакахъ; такой порядокъ представлялъ бы для денежнаго обращенія какъ бы общественный онъ-кольный текущій счетъ (On-Call), по которому публика могла бы безъ ущерба пользоваться денежными знаками въ соотвѣтствіи съ потребностями рынка, не рискуя терпѣть убытки, ни въ случаяхъ его переполненія, ни въ случаяхъ недостатка въ нихъ.

Размѣръ ссудъ по онкольнымъ счетамъ обыкновенно опредѣляется въ 80% биржевой котировки, и въ случаяхъ паденія курса банкъ вправе требовать пополненія излишне авансированныхъ суммъ или въ этихъ цѣляхъ продать соотвѣствующую часть залоговъ.

Срокъ на денежные авансы по онкольнымъ счетамъ не опредѣляется; разрѣшенныя къ авансу суммы могутъ браться и обратно вноситься по частямъ, какъ и при простыхъ текущихъ счетахъ.

Предлагаемый порядокъ денежнаго обращенія на внутреннихъ рынкахъ, дѣйствительно, отвѣчалъ бы своему назначенію обслуживанія промышленности и торговли, а также и снабженію частныхъ лицъ, да и всего государства, денежными знаками, на наиболѣе сходныхъ условіяхъ.

Оплата текущихъ счетовъ тремя процентами не можетъ признаваться стѣснительной, такъ какъ вноситься на текущіе счета будутъ суммы, за которыя, при ихъ выпускѣ въ обращеніе были уже получены проценты за ихъ пользованіе, а потому, кѣмъ бы ни вносились суммы на текущіе счета, —

самими ли заемщиками по онъ-кольнымъ счетамъ, или лицами, получившими ихъ изъ суммъ, находящихся въ обращеніи, — все равно, уплачиваемые банкомъ проценты были бы только возвратомъ незначительной части суммъ, полученныхъ имъ за пользованіе авансированными имъ денежными знаками.

Что же касается прочной валютной устойчивости бумажныхъ денежных знаковъ, безъ сохраненія которой невозможно никакое денежное обращеніе, то слѣдуетъ различать условія сохраненія ея, совершенно различныя: 1) на внутреннихъ рынкахъ и 2) на рынкахъ иностранныхъ.

На внутреннихъ рынкахъ, какъ это было выяснено въ своемъ мѣстѣ, счетное денежное обращеніе обыкновенно пользуется полнымъ довѣріемъ и въ нормальное время, при планомерной и осторожной организаціи выпуска денежныхъ знаковъ, выполняетъ свое назначеніе удовлетворительно: кредитное денежное обращеніе, покуда оно не теряетъ довѣрія, подобно замѣняющимъ у дикарей денежные знаки ракушкамъ, вполне отвѣчаетъ своему назначенію.

Но предлагаемое денежное обращеніе ничего общаго ни съ ракушками, ни съ кредитными билетами не имѣетъ, такъ какъ валютность его основывается, не только на довѣрїи, а, главнымъ образомъ, на материальной обезпеченности выпускаемыхъ бумажныхъ денежных знаковъ внесенныхъ въ банкъ полномощными, опираемыми на вѣсъ золота, залогами. Поэтому, если только предлагаемое денежное обращеніе будетъ достаточно прочно ограждено отъ колебаній его на международныхъ биржахъ, которыя неизбежно отражаются на внутреннихъ рынкахъ, ослабляя довѣріе къ нему и выводя вздорожаніе жизни, то въ полнѣйшей его валютной устойчивости на внутреннихъ рынкахъ сомнѣваться не приходится.

При такихъ условіяхъ, никакихъ особыхъ мѣръ для сохраненія на внутреннихъ рынкахъ прочной валютной устойчивости предлагаемаго денежнаго обращенія не потребуется, а вполне достаточно будетъ соблюдать выясненные выше условія организаціи выпусковъ бумажныхъ денежных знаковъ для сохраненія его эластичности, а именно: *взимать за пользованіе выпускаемыхъ денежных знаковъ такой же процентъ, который будетъ уплачиваться по текущимъ счетамъ.*

Такимъ образомъ, автоматически регулировалось бы насыщеніе рынковъ денежными знаками въ зависимости отъ требованія на нихъ, смотря по оживленности, или затишью торговыхъ сдѣлокъ, и, ни для потери довѣрія къ бумажнымъ денежнымъ знакамъ, ни для ослабленія ихъ валютности, вслѣдствіе переполненія ими денежнаго рынка не будетъ мѣста.

Для всякаго ясно, что болѣе надежнаго обезпеченія для выпускаемыхъ въ обращеніе денежныхъ знаковъ, чѣмъ принимаемые банкомъ въ залогъ, оцѣниваемые на золото разныя цѣнности, представляющія собою частную собственность, или имѣющую торговую цѣну собственность общественную, — нѣтъ и быть не можетъ.

Такое обезпеченіе и сравниться не можетъ, на примѣръ, съ гарантіею *всѣмъ достояніемъ государства*, такъ какъ государственныя имущества ни въ какомъ случаѣ проданными съ аукціоннаго торга быть не могутъ: гарантія эта настолько же фиктивна, какъ и гарантія золотого запаса, лежащаго въ подвалахъ Эмиссіонныхъ Банковъ, который ни въ какомъ случаѣ для размѣна находящихся въ обращеніи кредитныхъ денежныхъ знаковъ употребленъ быть не можетъ. *Только частная собственность и представляетъ собою вполне надежное обезпеченіе, подъ которое могли бы выпускаться бумажные денежные знаки безъ всякаго риска*, такъ какъ въ случаѣ невозвращенія ихъ въ установленный срокъ, послѣ льготныхъ отсрочекъ, частная собственность продается съ публичнаго торга, и занятыя у банка билеты, такимъ образомъ, полностью извлекаются изъ обращенія.

Прочность такихъ денежныхъ знаковъ будетъ настолько же реальна, какъ и та, которую представляютъ *размѣниваемые на золото билеты*, такъ какъ при представленіи въ банкъ денежныхъ знаковъ, возвращаются хранящіеся въ немъ, оцѣненные на вѣсъ золота залого.

Что же касается валютной устойчивости національныхъ билетовъ описаннаго образца на иностранныхъ рынкахъ, то объ этомъ обстоятельствѣ, казалось бы, не можетъ быть и рѣчи потому что *такіе билеты, какъ уже сказано, предназначались бы только для обращенія на внутреннихъ рынкахъ, и вывозъ за границу долженъ бы, поэтому, быть запрещенъ*; но вопросъ этотъ будетъ подробнѣе выясненъ при обсужденіи функций Государственной Международной Разсчетной Палаты.

Въ заключеніе выясненія дѣятельности Національнаго Эмиссіоннаго Банка, укажемъ, что было бы крупнѣйшею ошибкою, если бы изъ той осторожной критики, сдѣланной авторомъ въ отношеніи образа дѣйствій коммерческихъ банковъ, было выведено заключеніе о желательности монополизациі всѣхъ операцій, входящихъ въ область дѣятельности частныхъ банковъ, въ рукахъ правительства.

Наоборотъ, мы признаемъ, что дѣятельность частныхъ коммерческихъ банковъ въ области установленія наиболѣе удобныхъ условій для развитія кредита и торгово-промышленныхъ оборотовъ имѣетъ громадное значеніе; но что, въ общемъ, быть можетъ, именно благодаря нѣкоторымъ существеннымъ недочетамъ въ образѣ ихъ дѣйствій, полезное значеніе это недостаточно оцѣнивается.

Коммерческіе банки являются главными хранителями народныхъ сбереженій и, слѣдовательно, національныхъ богатствъ; отъ нихъ, ближе всего стоящихъ къ живой, производительной работѣ страны, зависитъ наиболѣе вѣрное опредѣленіе кредитоспособности, какъ торгово-промышленныхъ предприятий, такъ и частныхъ обывателей; и они же въ моменты денежныхъ кризисовъ нерѣдко выручаютъ изъ затрудненій государственную казну.

Частные коммерческіе банки, обслуживая нужды національнаго производства, какъ въ зеркалѣ отражаютъ его состояніе, болѣе или менѣе благоприятное.

Единственное условіе, измѣняющее образъ дѣйствій частныхъ коммерческихъ банковъ особаго характера, при предлагаемой системѣ денежнаго обращенія, заключается въ томъ, что, слѣдуя принципу, что *деньги не товаръ, что продажъ и купль, а также и котировкъ они не подлежатъ, спекуляція на курсъ денежныхъ знаковъ отнюдь допускаема быть не можетъ.*

Но условія эти отнюдь не мѣшаютъ частнымъ коммерческимъ банкамъ производить всякія операціи, причемъ реализуемая отъ нихъ польза носила бы характеръ куртажннй, комиссіоннй, но не спекулятивннй. Болѣе того: желательнн было бы, чтобы наболѣе солиднне банки, замѣняя въ провинціальныхъ городахъ и промышленныхъ центрахъ Государственнй Банкъ и другія финансовыя учрежденія, выполняли

тѣ же операціи, взимая вознагражденія по марочной системѣ, установленной и въ государственныхъ учрежденіяхъ.

**
*

Имперскій Земельный Банкз имѣлъ бы своимъ назначеніемъ финансированіе всевозможныхъ предпріятій, связанныхъ съ недвижимою собственностью, и *главнымъ образомъ крестьянъ*, устраивающихся на хуторахъ, выдавая имъ ссуды, какъ подъ земельные участки, поступающіе имъ въ собственность, такъ и подъ производимыя ими улучшенія, увеличивающія доходность ихъ хозяйства, — на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) *Крестьяне получаютъ хуторскіе участки въ собственность не даромъ, а за договоренную сумму, разсрочиваемую на произвольно долгій срокъ; и*

2) *Требуемая сумма, какъ для покупки хуторского участка, такъ и на хозяйственное устройство и всякія работы, увеличивающія его стоимость и доходность, выдаются на произвольные сроки въ ссуду, изъ самыхъ умеренныхъ процентовъ.*

Имперскій Земельный Банкз имѣеть, такимъ образомъ, ввиду:

1) Матеріальное содѣйствіе успѣшному развитію сельскохозяйственнаго производства, вообще, и въ частности предоставленіе необходимыхъ средствъ крестьянамъ, для покупки земельныхъ хуторскихъ участковъ и организаціи на нихъ прочнаго хозяйства; и

2) Выдачу ссудъ подѣ всякаго рода недвижимости на длительные сроки.

Ввиду того, что операціи по выдачамъ ссудъ подѣ недвижимыя имущества городскія и торгово-промышленныя, а также и подѣ крупныя капиталистическія сельско-хозяйственныя предпріятія, представляютъ собою операціи коммерческія, хотя и имѣющія весьма важное государственное значеніе, но не представляющія ничего новаго, мы на нихъ не останавливаемся.

Все наше вниманіе мы обращаемъ на дѣятельность Имперскаго Земельнаго Банка въ области устройства крестьянъ, переходящихъ отъ общиннаго, стаднаго землепользованія на индивидуальное, хуторское хозяйство.

Обсужденіе этого важнаго вопроса предлагается непосредственно, примѣняясь къ переживаемому аграрному хаосу въ Россіи, для которой возрожденіе экономическое и политическое стоитъ въ прямой зависимости отъ здороваго разрѣшенія этого временнаго кризиса.

Такая постановка этой задачи, отнюдь не исключаетъ объективности выводимыхъ нами заключеній, которыя, въ общемъ, могутъ примѣняться ко всѣмъ другимъ государствамъ, переживающимъ періодъ распада сельско - общиннаго быта.

**
*

Имперскій Земельный Банкъ не преслѣдуетъ никакихъ коммерческихъ цѣлей, а имѣетъ ввиду лишь *облегченіе населенію обстраивать и устраиать необъятную, опустошенную Россію.*

Процентъ по выдаваемымъ Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ ссудамъ, — долгосрочнымъ или безсрочнымъ, — взимался бы такой же, какъ и при авансахъ денежныхъ знаковъ по ссудамъ подъ залоги процентныхъ бумагъ и другихъ цѣнностей и по переучету векселей, т. е., примѣрно, 3% годовыхъ.

Ссуды выдаются Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ безсрочно и безъ обязательнаго погашенія, предоставляя владельцамъ недвижимыхъ имуществъ во всякое время производить погашеніе долга, — частичное или полное.

Такой принципъ имѣетъ особо важное значеніе по отношенію къ расселяющимся хуторянамъ, которымъ придется работать съ особымъ напряженіемъ для устройства ихъ хозяйства; но и, вообще, такой порядокъ полезенъ для всякаго закладываемаго сельско-хозяйственнаго предпріятія, доходность котораго колеблется въ зависимости отъ условій атмосферическихъ и не поддается поэтому, никакимъ предварительнымъ расчетамъ; безсрочность и отсутствіе обязательнаго погашенія избавитъ хуторянина и всякаго сельскаго хозяина отъ постояннаго тревожно - напряженнаго состоянія, которое имъ приходится испытывать при приближеніи сроковъ платежей, и дастъ имъ возможность спокойно трудиться, сосредоточивая свое вниманіе на улучшеніяхъ разрабатываемаго земельного участка въ цѣляхъ увеличенія его стоимости и доходности.

Такое льготное положеніе владѣльцевъ заложенныхъ недвижимостей не избавляетъ ихъ, однако же, отъ обязанности исправнаго платежа за пользованіе авансированными имъ денежными знаками подъ страхомъ продажи ихъ имущества съ публичныхъ торговъ; это и будетъ наилучшій способъ селекціи и *естественнаго подбора*, способныхъ и энергичныхъ земледѣльцевъ, такъ какъ этимъ путемъ будутъ устраняться люди неспособные и порочные, а на мѣсто ихъ будутъ садиться люди талантливые и трудолюбивые.

Какъ бы не были снисходительны условія и льготы по взносу срочныхъ платежей процентовъ, они никоимъ образомъ не должны переходить извѣстныхъ предѣловъ снисхожденія, дабы *закладное право не нарушалось въ пользу мнѣтлевъ и пьяницъ*, а оставалось незыблемымъ. Поэтому продажа съ аукціона, въ случаѣ накопленія недоимокъ, не должна быть пустою угрозою, а должна, послѣ истеченія установленныхъ льготныхъ отсрочекъ, обязательно приводиться въ исполненіе: излишнее же снисхожденіе въ этихъ случаяхъ подрываетъ, вообще, всякое довѣріе къ сдѣлкамъ на льготныхъ условіяхъ, и, если неплательщикъ, — лѣнивый хуторянинъ, — будетъ преспокойно продолжать владѣть своимъ участкомъ наравнѣ съ исправнымъ плательщикомъ, — то и у исправныхъ плательщиковъ упадетъ охота платить разъ это не представляло бы никакой опасности. Но общая потеря кредита оказалась бы вредною прежде всего для самихъ же хуторянъ, такъ какъ становясь земельными собственниками, они будутъ всегда нуждаться въ личномъ кредитѣ, и потеря его могла бы грозить имъ раззореніемъ.

Вопросы о жалости и снисхожденіи должны имѣть свои предѣлы. Жизнь человѣка въ переживаемое время представляетъ собою непрерывную борьбу за существованіе; побѣждаютъ люди способные и энергичные. Въ Россіи, какъ это было выяснено, чувствуется недостатокъ въ удобныхъ земляхъ. Какая же это была бы филантропія, если бы, противъ всякой справедливости и логики, давали жить на хуторахъ лѣнтяямъ и тунеядцамъ, между тѣмъ какъ для людей энергичныхъ и способныхъ, свободныхъ мѣстъ не хватаетъ? На освободившееся мѣсто неспособнаго хуторянина, при льготахъ, оказываемыхъ правительствомъ, найдутся десятки людей способныхъ, находящихся не у дѣль.

Довольно опеки. Порядокъ, который былъ установленъ для взысканія выкупныхъ платежей является достаточно яркимъ примѣромъ того, какъ крестьяне заботливые и работающіе *отдувались* за односельчанъ лѣнивыхъ и пьяницъ.

Законъ долженъ быть справедливъ, но строгъ и неумолимъ; только при соблюденіи закона естественнаго подбора людей и можетъ быть обеспечено возрожденіе русскаго сельскаго хозяйства.

Но случаи продажи хуторовъ съ аукціона, надо думать, будутъ исключеніями; и до революціи было установлено, что крестьяне-общинники, слывшіе за лѣнтыевъ и пьяницъ, когда имъ удавалось устраиваться на индивидуальномъ, хуторскомъ хозяйствѣ, превращались въ трезвыхъ, домовитыхъ хозяевъ, достигавшихъ значительнаго благосостоянія.

Такъ какъ главнѣйшею цѣлью, преслѣдуемую Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ, будетъ содѣйствіе успѣшному развитію сельско-хозяйственнаго производства, то ближайшее участіе въ осуществленіи этой цѣли должно принять на себя *Министерство Земледѣлія, съ подведомственными ему Землеустроительными Комитетами и техническими силами.*

Дѣло въ томъ, что ввиду бѣдности русскаго сельскаго населенія, въ обновляемой Россіи хуторянамъ будетъ необходимо предоставлять *возможность получать дополнительныя ссуды за всѣ полезныя работы и улучшенія, произведенныя на основаніи предварительно составляемой и утверждаемой Министерствомъ Земледѣлія и Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ смѣты*: риска такого рода дополнительныя ссуды не представляли бы никакого, такъ какъ выдавались бы онѣ только за тѣ работы и улучшенія, которыя увеличивали бы доходность хуторскаго хозяйства и поднимали бы его торговую стоимость.

Стихійное стремленіе русскихъ крестьянъ къ переходу отъ стаднаго общиннаго землепользованія къ индивидуальному хуторскому хозяйству на правахъ земельныхъ собственниковъ, придется осуществлять постепенно и съ величайшею осторожностью: необходимо, конечно, надѣлать рвущихся изъ подъ ига мірскаго схода крестьянъ по возможности удобными земельными участками, но не менѣе того необходимо принять при этомъ во вниманіе, что при ихъ невѣжествѣ, безъ культуръ-технической и матеріальной помощи, они оказались бы,

едва въ состояніи прокормиться сами и, истощая землю, были бы обречены на нищенское существованіе.

Только при щедрой помощи хуторянамъ, успѣшное развитіе крестьянскаго хуторскаго хозяйства могло бы достигать не только прокормленія сельскаго населенія, но и производства земледѣльческихъ продуктовъ настолько достаточнаго, чтобы излишки ихъ служили для снабженія внутреннѣхъ рынковъ и для вывоза за границу.

Задача Министерства Земледѣлія и будетъ состоять въ томъ, чтобы черезъ посредство мѣстныхъ землеустроительныхъ комитетовъ, входить въ нужды хуторянь, содѣйствовать ихъ просвѣщенію и практическому навыку къ болѣе совершеннымъ приемамъ интенсификаціи культуры и увеличенію продуктивности ихъ хозяйствъ; а, по мѣрѣ успѣшной подготовки ихъ въ этихъ цѣляхъ, оно выдавало бы имъ удостовѣренія на полученіе изъ Имперскаго Земельнаго Банка необходимыхъ ссудъ въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ повышенію доходности ихъ хозяйствъ и поднятію оцѣнки ихъ стоимости.

Въ Россіи, вплоть до революціи, операціи по ссудамъ подь недвижимыя имущества представляли собою родъ монополныхъ концессій, предоставленныхъ государствомъ акціонернымъ земельнымъ банкамъ и кредитнымъ обществамъ, выдававшимъ заемщику *облигаціи*, которыя онъ долженъ былъ продавать на биржѣ, чтобы реализовать ссужаемую ему сумму.

Такимъ образомъ, Земельные Банки, для сельскихъ недвижимостей, а Кредитныя Общества для недвижимостей городскихъ, собственныхъ капиталовъ на выдачу ссудъ не затрачивали, а являлись какъ бы посредниками между владѣльцами недвижимостей, нуждающимися въ деньгахъ и находящимися въ обращеніи капиталами; такой порядокъ, установленный всюду, несомнѣнно представляетъ извѣстныя удобства, какъ для заемщиковъ, которымъ давалась возможность находить необходимыя имъ суммы, такъ равно и для государства, такъ какъ этимъ способомъ изъ обращенія извлекалось значительное количество денежныхъ знаковъ и предупреждалась возможность ихъ переполненія.

Но такое посредничество частныхъ Земельныхъ Банковъ обходилось слишкомъ дорого. Хотя проценты и изгаченіе по ссудамъ и опредѣлялись въ размѣрахъ казавшихся умѣренными, но уплачивались проценты съ номинальной сум-

ми выдаваемыхъ банками облигацій, которая и значилась въ вкладной; на размѣнѣ же облигацій заемщику приходилось терять 15-20%, что очевидно совершенно мѣняло положеніе дѣла.

Кромѣ того, въ отношеніи сельско - хозяйственныхъ цѣлей, — частные земельные банки отнюдь не отвѣчали тому назначенію, которое они должны были бы имѣть съ государственной точки зрѣнія, а именно; *предоставлять землевладельцамъ средства въ цѣляхъ улучшенія ихъ хозяйствъ и увеличенія ихъ доходности.*

Судьба землевладельцевъ для Земельныхъ банковъ, какъ незучастныхъ спекулятивныхъ посредниковъ, не представляла никакого интереса: ссуды выдавались подѣ земли и лѣса, по установленной оцѣнкѣ, а какъ шло хозяйство владѣльца имѣнія, для нихъ было совершенно безразлично: въ случаѣ неисправности платежей, по истеченіи льготныхъ сроковъ, имѣжденных ихъ уставовъ, которые имѣли ввиду главнымъ образомъ раззорялись землевладѣльцы и хозяйства.

Но русскіе Земельные Банки были, не только вправѣ, но и обязаны такъ дѣйствовать на основаніи Высочайше утвержденныхъ ихъ уставовъ, коотрыя имѣли ввиду главнымъ образомъ, охраненіе интересовъ предоставляемыхъ въ заемъ *капиталовъ*, а успѣшнаго развитія сельско-хозяйственного производства, совершенно не касались.

Въ Россіи не было организовано широкаго *меліоративнаго кредита*, имѣвшаго ввиду специальныя ссуды для работъ и затратъ на улучшенія хозяйствъ въ цѣляхъ поднятія ихъ доходности, подобно тому, какъ онъ организованъ, напримѣръ, въ Англіи, Бельгіи, Даніи и въ другихъ государствахъ.

Меліоративные банки за границею, располагая солиднымъ составомъ опытныхъ техникувъ и специалистовъ по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, имѣютъ громадное практическое значеніе, какъ учрежденія консультаціонныя, провѣряющія расчетъ и смѣты работъ и расходовъ предполагаемыхъ улучшеній, на которыя испрашиваются ссуды, и контролирующія правильное ихъ выполненіе: при такихъ исловіяхъ увлеченія, ошибочные расчеты и неправильное выполненіе задуманныхъ неопытными хозяевами улучшеній не могутъ имѣть мѣста; дѣятельность такихъ учреждений выходитъ, слѣдовательно, за предѣлы охраны только частныхъ интересовъ неосторожнаго

землевладѣльца и получаетъ *важное государственное значеніе*, такъ какъ учрежденія эти стоятъ какъ бы на стражѣ правильного и успѣшнаго развитія всего національнаго сельско-хозяйственнаго производства.

Долголѣтними опытами и изслѣдованіями сельскихъ хозяевъ и экономистовъ доказано, что *наилучшіе и наиболѣе выгодные результаты въ дѣлѣ эксплуатаціи земли и капитализаціи труда получаютъ при предоставленіи земельного участка для трудового рациональнаго хозяйства на немъ хуторянину-собственнику.*

Вотъ, что по этому поводу пишетъ А. И. Чупровъ въ своей брошюрѣ «*Мелкое землевладѣніе въ Россіи и его нужды*»: «Урожай въ странахъ мелкаго хозяйства, какъ Бадень и Гессенъ по всѣмъ родамъ хлѣба выше, чѣмъ средніе урожаи въ Германіи, вообще, и въ мѣстностяхъ съ крупными землевладѣніями, какъ провинціи Пруссіи, лежащія къ востоку отъ Эльбы. Несмотря на то, что за послѣднія десятилѣтія населеніе Германіи сильно возросло, — ростъ хлѣбнаго производства обогналъ увеличеніе числа жителей».

Б. Д. Бруцкусъ въ своей книгѣ: «*Крестьянское хозяйство на Западѣ*» говоритъ, что въ Даніи и въ Голландіи крестьянское хозяйство идетъ впереди капиталистическаго хозяйства.

Марксистское ученіе о концентраціи производства и о раздѣленіи труда съ машиннымъ производствомъ, имѣющимъ такой успѣхъ въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, въ странахъ, гдѣ населеніе изъ первобытнаго, патріархальнаго состоянія еще не вышло, не примѣнимо: въ такихъ государствахъ на первомъ планѣ долженъ стоять вопросъ о созданіи положенія, обусловливающаго благосостояніе хлѣбопашцевъ съ ихъ семьями, т. е. положенія отвѣчающаго народнымъ представленіямъ и желаніямъ, а не проведеніе въ жизнь фантастическихъ переворотовъ соціально-политическаго характера.

Въ южной Германіи, да и всюду, гдѣ развито интенсивное хуторское хозяйство, революціонная пропаганда социалистовъ успѣха не имѣла. Были даже случаи, когда вожди социалистовъ, отказываясь отъ политическихъ цѣлей, принимали на собраніяхъ резолюціи, признававшія, что сельское хозяйственное производство управляется особыми, отличающимися

отъ промышленности законами «*sui generis*», съ которыми приходится считаться.

Къ такимъ законамъ слѣдуетъ отнести условія климатическія, атмосферическія и метеорологическія, отъ которыхъ зависятъ урожайность, и которыя никакого значенія въ дѣлѣ фабрично-заводскаго производства не имѣютъ, а также личныя свойства земледѣльца, какъ то: старательность, усердіе, любовь къ своему дому и хозяйству, терпѣніе и покорность, съ которыми переносятся невзгоды и неудачи, вплоть до голода въ случаяхъ недорода въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, — т. е. такія трудныя обстоятельства, съ которыми фабрично-заводскому рабочему считаться никогда не приходится, и которыхъ переносить онъ ни въ какомъ случаѣ и не согласился бы.

**

■ вотъ, спрашивается, допустимо ли, чтобы въ обновляемой послѣ паденія большевизма въ Россіи землевладѣльцы-хуторяне, распределенные на собственныхъ земельныхъ участкахъ, были предоставлены ихъ собственной судьбѣ и рассчитывали бы только на собственные средства, которыхъ у нихъ нѣтъ и быть не можетъ, подобно тому, какъ это было и до революціи?

Допустимо ли, чтобы хуторянинъ, за неимѣніемъ средствъ для устройства своего хозяйства, закладывалъ бы свой участокъ и, чтобы, какъ это происходило до революціи, въ оцѣнку и подъ залогъ не принимались бы, ни произведенныя имъ работы и затраты на устройство хозяйства, безъ которыхъ оно не могло бы приносить дохода, ни даже возведенныя постройки, въ общемъ, увеличивающія стоимость заложеннаго участка?

Это значило бы заранѣе обречь русское крестьянское хозяйство на гибель и все сельское населеніе на нищенское существованіе.

При благопріятныхъ же условіяхъ, которыми могло бы быть обставлено крестьянское хозяйство, обновляемая Россія представляется намъ, какъ государство, имѣющее своимъ историческимъ назначеніемъ организацію благостоянія многомилліоннаго народа при наивысшемъ разви-

ти интенсивнаго сельскаго хозяйства, на правах мелкой земельной собственности, съ сохраненіемъ народныхъ вѣрваній и традицій, привязанности къ родимой сторонѣ, къ семьѣ и къ домашнему очагу.

Въ этихъ же цѣляхъ слѣдуетъ также имѣть въ виду и превращеніе громадныхъ пустыющихъ, ненаселенныхъ пространствъ въ культурныя, для обязательнаго, массоваго производства зерна и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, необходимыхъ для кормленія населенія городовъ и промышленныхъ центровъ и для вывоза за границу; осуществленіе этой задачи и можетъ быть предоставлено, на льготныхъ же условіяхъ, крупнымъ предпринимателямъ.

Устоявшее противъ натиска коммунизма стихійное тяготѣніе русскихъ крестьянъ къ землѣ, — тяготѣніе, которое замѣтнымъ образомъ остываетъ въ средѣ сельскаго населенія Западной Европы, должно проявиться съ неудержимою силою, какъ только они будутъ поставлены въ благопріятныя условія для дальнѣйшаго своего соціально-экономическаго развитія.

Но, на какихъ же основаніяхъ можетъ быть организованъ кредитъ нищенствующему послѣ большевицкаго погрома сельскому населенію, и изъ какого же источника имѣющая водвориться въ Россіи угодная русскому народу твердая власть можетъ добыть громадныя, необходимыя въ этихъ цѣляхъ средства?

Повторяемъ: денежныя средства въ Россіи могутъ быть созданы подъ обезпеченіе огромнаго богатства, представляемаго громадною площадью культурныхъ земель, какъ уже респредѣленныхъ до революціи, такъ и имѣющихъ быть респредѣленными между хуторянами, — на правахъ частной собственности; кредитъ этотъ вещный, т. е. долженъ быть основанъ не на одномъ доврѣіи, и на закладныхъ и на представляющихъ реальную цѣнность работахъ и затратахъ хуторянъ для организаціи ихъ хозяйствъ, дѣйствительно поднимающихъ доходность и цѣнность хуторскихъ земельныхъ участковъ.

Пояснимъ это на примѣрѣ.

Представимъ себѣ, что нѣкто для устройства хуторскаго хозяйства на собственныя средства приобрѣлъ участокъ земли. Онъ окапываетъ его по границамъ канавою и обноситъ изгородью; прокладываетъ къ нему дорогу; вырываетъ боло-

дезь, или прудокъ; сажаетъ деревья и ягодные кусты; устраиваетъ огородъ; возводитъ постройки, для жилья и хозяйственныхъ надобностей; заводитъ лошадь, скоть и домашнюю птицу, а также необходимый рабочій инвентарь и домашнюю утварь; распахиваетъ и заѣвааетъ поля, и т. д. Торговая стоимость такого устроеннаго хутора съ хозяйствомъ на ходу будетъ, конечно, процентовъ на 50-100 дороже, такъ какъ онъ уже будетъ представлять собою доходное предпріятіе; въ этомъ и заключается *капитализація результатовъ труда земледельца*; почему же подъ такое, увеличившее свою доходность и торговую стоимость хозяйство не выдать дополнительной ссуды?

Въ до-революціонной Россіи устройство хуторовъ практиковалось сравнительно рѣдко потому, что оно могло быть доступно только людямъ со средствами, а для рядовыхъ землепашцевъ оно было совершенно не по силамъ, тѣмъ болѣе, что Земельные Банки, ни подъ постройки, ни подъ самыя полезныя хозяйственныя улучшенія, ссудъ не выдавали.

Выбиравшіеся собственными силами изъ подъ ига мірскаго схода крестьяне, за послѣднія десятилѣтія на собственные средства пріобрѣтавшіе земельные участки и устроившіеся на хуторахъ, представляютъ собою поразительныя исключенія: организовавши около шести милліоновъ мелкихъ хозяйствъ, они оказались не только въ состояніи существовать болѣе или менѣе зажиточно, но *производили, кромѣ того, большую половину вывозимаго за границу зерна.*

Для рядового же русскаго невѣжественнаго землепашца, безъ посторонней поддержки, какъ въ отношеніи его культуръ-техническаго просвѣщенія, такъ и въ отношеніи обзаведенія скотомъ и инвентаремъ, необходимыми при интенсивномъ хозяйствѣ, такая задача, конечно, не подъ силу.

Съ финансовой же стороны, задача экономическаго возстановленія Россіи, сводится къ слѣдующему: *Государство, — распредѣляя крестьянъ на хутора, и передавая имъ земельныя участки въ собственность, выдаетъ имъ ссуды не только подъ залогъ этихъ земельныхъ участковъ, въ полной ихъ стоимости опредѣленныхъ въ купчей, но справедливой оцѣнкѣ, но и подъ производимыя ими работы и затраты на улучшение хозяйственное устройство этихъ участковъ, сообразуясь съ ихъ стоимостью и пользою.*

Только такимъ способомъ и могутъ быть созданы наибо-

лѣе благопріятныя условія для того, чтобы крестьянскій трудъ сталъ продуктивнымъ; чтобы работа давала возможность земледѣльцу съ его семьею не только кормиться, но чтобы онъ могъ улучшать свое благосостояніе; и чтобы при этомъ обрабатываемая имъ земля, не истощалась, а обогащалась; другими словами, чтобы *трудъ его капитализировался, на обрабатываемой имъ землѣ и поднималъ бы, соразмѣрно съ усиленіемъ ея продуктивности, и ея торговую стоимость.*

Необъятныя пространства Россіи представляютъ собою *громадный капиталъ*; но капиталъ этотъ въ значительной своей части, какъ и прочія природныя сокровища Россіи, — *мертвый*; культурныя земли, хотя и занимаютъ на первый взглядъ огромную площадь, но наибольшая часть поверхности, занимаемой Россіею, не *обрабатывается*; да и тѣ пространства, которыя заняты подъ пашнями, обрабатываются настолько плохо, что доходъ отъ нихъ земледѣлецъ получаетъ самый ничтожный, и онъ отъ своего труда едва въ состояніи со своею семьею кормиться.

Съ другой же стороны, не менѣе громадный капиталъ представляетъ собою и русская крестьянская рабочая сила, не находящая до сего времени возможности примѣнять въ полной мѣрѣ свою мощную энергію: это *капиталъ живой*, который при рациональномъ сочетаніи съ земельнымъ, — *мертвымъ капиталомъ*, — окажется настолько производительнымъ, что устраиваемые хозяйственные хуторскіе участки въ самомъ непродолжительномъ времени удвоятъ и утроятъ свою доходность.

На первомъ мѣстѣ въ этихъ цѣляхъ въ возрождающейся Россіи долженъ быть поставленъ вопросъ *о прочномъ утвержденіи въ ней правъ частной собственности, вообще, а въ данномъ случаѣ земельной собственности.*

**
*

Предоставленіе крестьянамъ земельныхъ участковъ на правахъ собственности чрезъ Имперскій Земельный Банкъ, едва ли, представитъ особыя затрудненія.

Для признанія Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ законно пріемлемыми ходатайства крестьянъ о продажѣ и залогѣ намѣченныхъ ими земельныхъ участковъ подъ устройство хуторовъ, необходимо было бы соблюденіе слѣдующихъ условій:

1) Чтобы сельскими сходами при участіи мѣстной землеустроительной комиссіи, былъ созданъ *планъ размежеванія* окончательно распределенныхъ между хуторянами, равноцѣнныхъ участковъ, въ которомъ были бы опредѣлены съ общаго согласія, утвержденнаго мірскимъ приговоромъ, размѣры и границы каждаго отдѣльнаго земельного участка; планъ этотъ представляется на утвержденіе Министерства Земледѣлія и Имперскаго Земельнаго Банка;

2) чтобы крестьяне вмѣстѣ съ тѣмъ представили также приговоры о состоявшемся между ними согласіи на то, чтобы *одновременно съ совершеніемъ на каждый отдѣльный участокъ купчей крѣпости, былъ произведенъ залогъ каждаго участка въ Государственномъ Земельномъ Банкѣ;*

3) чтобы *каждый хуторянинъ, съ согласія техникувъ Землеустроительной Комиссіи, установилъ во всѣхъ подробностяхъ тѣ работы,* которыя онъ обязывается произвести по хозяйственному устройству хутора собственными силами своей семьи, и за какую цѣну, *а также какаѣ сумма* требуется для *возведенія разныхъ построекъ и для обзаведенія* лошадыю, скотомъ и хозяйственнымъ инвентаремъ, причемъ всѣ расходы по такой смѣтѣ уплачиваются съ разрѣшенія Министерства Земледѣлія, Земельнымъ Банкомъ, черезъ мѣстныя Землеустроительныя Комиссіи.

4) Въ зависимости отъ большей или меньшей сложности работъ по устройству хозяйства, устанавливается льготный срокъ въ нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе котораго хуторянинъ избавляется отъ платежей налоговъ и отъ уплаты 3% за авансируемыя Банкамъ суммы. Но, *въ случаѣ невыполненія въ установленный льготный срокъ договоренныхъ работъ, безъ уважительныхъ причинъ, земельный участокъ съ хуторомъ и всѣмъ инвентаремъ, живымъ и мертвымъ можетъ быть съ переводомъ долга проданъ съ аукціоннаго торга.*

Въ общемъ, завѣтныя мечты русскихъ крестьянъ о приобрѣтеніи ими земельныхъ участковъ на правахъ собственности и объ организаціи на этихъ участкахъ хуторскихъ хозяйствъ на такихъ основаніяхъ могли бы реализоваться съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

**
*

Но, спрашивается, не представлялся ли бы для Имперскаго Банка нѣкоторымъ рискомъ принятіе въ залогъ распре-

дѣляемыхъ между хуторянами земельныхъ участковъ въ той же суммѣ, въ какую они значатся въ купчей крѣпости?

По нашему глубокому убѣжденію, никакого риска обстоятельство это не представляло бы по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Оцѣнка такихъ участковъ производится на основаніи стоимости общей площади, изъ которой они выкраивались бы, и одно то, что каждый изъ нихъ представлялъ бы собою удобную для самостоятельнаго хозяйства ограниченную и занесенную на генеральный планъ земельную собственность, сразу же значительно поднимаетъ его стоимость.

2) Заключенный съ будущимъ хуторяниномъ договоръ на работы по устройству хутора и по обзаведенію его хозяйственнымъ инвентаремъ, впродолженіе льготныхъ лѣтъ, по заранѣе выработаннымъ планамъ и смѣтамъ, представляетъ также несомнѣнную гарантію дальнѣйшаго подъема стоимости отведеннаго участка.

3) Уплачиваемая банкомъ дѣйствительная стоимость произведенныхъ полезныхъ работъ, въ теченіе льготныхъ лѣтъ, а также и суммы, израсходованныя за возведенныя постройки, обзаведеніе скотомъ и инвентаремъ, обезпечиваются тѣмъ, что будетъ создано доходное предпріятіе своею стоимостью вполнѣ оправдывающую выданныя банкомъ ссуды; съ другой же стороны, и для хуторянина образовавшійся его силами и стараніями источникъ дохода обезпечиваетъ существованіе не только его самого и его семьи, но и всего его потомства, что для него несомнѣнно всего дороже; и

4) Хозяйственно обстроенный хуторъ несомнѣнно представляетъ собою болѣе высокую стоимость, чѣмъ голый участокъ, отведенный крестьянину, а въ случаѣ продажи его съ торговъ, за неисправные платежи процентовъ въ банкъ, покупатель-хуторянинъ учтетъ всѣ созданныя преимущества уже готовыхъ строеній и хозяйственнаго устройства и выгоду покупки устроеннаго хутора съ переводомъ на него долга; ни во что не оцѣнить его хозяйственное устройство только покупатель спекулянтъ, предназначающій его *на сносъ*. Въ данномъ случаѣ, суммы, выдаваемые подъ строенія и устройство, увеличивая продажную стоимость хуторовъ, окажутся, слѣдовательно, тормазомъ для скупки ихъ въ однѣ руки.

При удачномъ подборѣ административно - технического

персонала Землеустроительныхъ Комиссій, послѣ паденія большевизма, твердое правительство могло бы сразу разрѣшить два наиболѣе насущныхъ вопроса, требующихъ немедленнаго удовлетворенія: 1) массовое удовлетвореніе огромной нужды народа въ деньгахъ; и 2) организацію здороваго государственнаго землеустройства, отвѣчающаго народнымъ вождельніямъ.

Обеспечивая благосостояніе сельскаго населенія, государство вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ, вобщемъ, самыя благопріятныя условія для развитія экономическаго обогащенія страны, такъ какъ зажиточные земледѣльцы представляютъ неизсякаемый источникъ покупательной силы, необходимый для расцвѣта промышленности и торговли, а, слѣдовательно, и для улучшенія притока въ государственную казну поступленій налоговъ и всякаго рода косвенныхъ обложеній.

**
*

Чтобы создать себѣ представленіе о размѣрахъ предстоящаго надѣленія крестьянъ хуторскими участками на правахъ собственности и суммъ, которыя бы потребовались для ссудъ подъ залогъ этихъ участковъ, повторяемъ, прежде всего, что необходимо отрѣшиться отъ распространеннаго революціоннаго лозунга: — «Вся земля всему народу!», который самъ по себѣ не имѣетъ смысла, а на практикѣ не выполнимъ.

Въ самомъ дѣлѣ: въ дѣйствительности, хотя народъ нигдѣ не состоитъ изъ однихъ землепашцевъ, но онъ всюду и всегда жилъ и будетъ жить отъ земли, причемъ одна его часть обрабатываетъ землю, а другая, трудясь въ области промышленности и торговли, производитъ разные предметы, необходимые, какъ для самихъ же земледѣльцевъ, такъ и для остальнаго населенія.

Съ другой же стороны нельзя себѣ представить ничего болѣе нелѣпаго, какъ уподобленіе Россіи, или другого государства, шахматной доскѣ, раздѣленной на столько квадратовъ, сколько потребовалось бы земельныхъ участковъ для надѣленія всего, безъ исключенія, населенія, численность котораго размножается, вслѣдствіе чего чрезъ нѣсколько же лѣтъ потребовалось бы приступить къ новому передѣлу.

Заботы русскаго правительства о расселеніи на хутора должны прежде всего касаться коренныхъ землепашцевъ, стремящихся перейти отъ общиннаго, стаднаго землепользованія

на индивидуальное хозяйство, на правах земельных собственников, не исключая изъ этого числа и крестьянъ, уже расселившихся, по закону Столыпина, на отруба, которые, за недостаточными размѣрами предоставленныхъ имъ земельныхъ участковъ, обречены на нищенское существованіе.

Весьма понятно, что русскимъ крестьянамъ всего желательнѣе расселяться на хуторахъ вблизи ихъ родныхъ селеній, расположенныхъ главнымъ образомъ въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ Европейской Россіи; но такое желаніе ихъ трудно выполнимо, въ чемъ они на дѣлѣ и сами убѣдятся.

Въ самомъ дѣлѣ, если принять въ расчетъ необходимость сохраненія промышленныхъ хозяйствъ (плантацій свекловичныхъ, табачныхъ, чайныхъ, горчичныхъ, масляныхъ, лекарственныхъ и другихъ растений) и хозяйствъ съ *обязательнымъ* массовымъ производствомъ зерна для питанія населенія городского и фабрично-заводскаго, то не хватитъ удобныхъ для земледѣлія земель для надѣленія достаточныхъ размѣровъ участками даже всѣхъ домохозяевъ-общинниковъ, и, когда они на дѣлѣ сами въ этомъ убѣдятся, то имъ придется на мірскомъ сходѣ рѣшать, что лучше: стѣснить ли размѣры хуторскихъ участковъ и навѣки обречь все населеніе на нищенское существованіе, или же нарѣзать участки удовлетворительныхъ размѣровъ съ тѣмъ, чтобы извѣстному числу домохозяевъ, которымъ пришлось бы переселяться въ болѣе отдаленныя мѣста, — на сѣверъ или въ Сибирь?

Затѣмъ не слѣдуетъ забывать еще о томъ, что, помимо домохозяевъ-общинниковъ, имѣли бы претензіи на хуторскіе надѣлы и родные ихъ по боковой линіи, — братья и дядья, — которые весьма основательно сочли себя обиженными, когда при расселеніи домохозяевъ на отруба, по закону Столыпина, они оказались лишенными ихъ исконныхъ правъ общинныхъ, на землю, — и семейныхъ, — на усадьбу и хозяйство.

Но при тѣхъ льготныхъ условіяхъ, которыя должны быть установлены для переселенія вдаль такихъ коренныхъ хлѣбопашцевъ, положеніе ихъ будетъ не хуже, а во многихъ случаяхъ даже лучше, чѣмъ положеніе тѣхъ домохозяевъ, которымъ выпало бы счастье оставаться на родныхъ мѣстахъ.

Что же касается, вообще другихъ лицъ, которыя пожелали бы заниматься земледѣліемъ, то они должны будутъ подчиняться общему, существующему всюду порядку, на ос-

кованіи котораго всякому гражданину предоставляется удовлетворять свои желанія собственными средствами. Это, однако же, не избавляет государство от обязанности оказывать и такимъ лицамъ, *въ предѣлахъ возможности*, всякое содѣйствіе въ дѣлѣ устройства ихъ хозяйствъ на изложенныхъ условіяхъ.

Для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, до какихъ размѣровъ могли бы дойти суммы, которыя потребуются для ссудъ подѣ залогъ хуторскихъ участковъ и ихъ хозяйственнаго устройства, положимъ, что мы приняли въ расчетъ необходимость удовлетворить въ первую голову 16.800.000 домохозяевъ-общинниковъ, опредѣляя площадь каждаго участка, состоящаго изъ земель разнаго качества, отъ 8 до 11 десятинъ; затѣмъ, мы признали необходимымъ поравненіе этихъ участковъ, не по размѣрамъ ихъ площадей и не по рабочей силѣ семей, а *по равной ихъ стоимости*.

Спрашивается, во сколько же можно будетъ оцѣнивать на деньги каждый хуторской участокъ?

Точная предварительная расцѣнка ихъ, понятно невозможна и можетъ быть произведена только на мѣстахъ. Замѣтимъ также, что, когда мы настаиваемъ на томъ, чтобы распредѣляемые между домохозяевами - общинниками хуторскіе участки были *равноцѣнны*, то это касается только каждой группы устраивающихся въ той, или другой мѣстности хуторянъ, а отнюдь не всей Россіи, различные районы которой, по условіямъ климатическимъ, географическимъ и почвеннымъ, весьма разнообразны.

Замѣтимъ еще, что при равноцѣнности различныхъ группъ хуторскихъ участковъ, размѣры площади земельныхъ участковъ въ разныхъ районахъ могутъ быть весьма различны: если, на примѣръ, въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ хуторскіе участки состояли бы изъ земель, болѣе, или менѣе для земледѣлія удобныхъ, средней размѣръ каждаго участка былъ бы, примѣрно, въ 10 десятинъ, то участки, которые пришлось бы отводить изъ земель менѣе удобныхъ, или признаваемыхъ официально неудобными для земледѣлія (вырубки изъ подѣ лѣсовъ съ невыкорчеванными пнями, заросшіе моховыми кочками и кустарникомъ, или заболоченныя слегка пространства

и т. п.), при ихъ равноцѣнности, могли бы имѣть размѣры въ полтора, или два раза больше.

О размѣрахъ ссудныхъ операцій, которыя потребовались бы для расселенія крестьянъ-общинниковъ на хутора, можно составить себѣ хотя нѣкоторое представленіе изъ слѣдующихъ соображеній:

Если принять въ расчетъ постепенное распределеніе на хуторскіе участки только коренныхъ землепашцевъ-общинниковъ, представлявшихъ до революціи 16.800.000 дворовъ, или домохозяевъ, и для удобства подсчетовъ принять теоретическую примѣрную оцѣнку каждаго хуторского участка въ тысячу золотыхъ рублей, то общая стоимость всѣхъ хуторскихъ участковъ опредѣлится въ 16 миллиардовъ 800 миліоновъ рублей.

Размѣры потребующейся въ этихъ цѣляхъ суммы особенно пугать не должны, какъ потому, что на осуществленіе этой грандіозной операціи потребуется нѣсколько лѣтъ, покуда крестьяне-общинники разберутся въ расчетахъ между собою, такъ и потому еще, что во многихъ мѣстахъ сельско-общинный бытъ еще держится и крестьяне къ переходу на индивидуальное хозяйство еще недостаточно подготовлены.

Наличная выдача денежныхъ знаковъ по ссудамъ подъ хуторскіе участки, прежде всего, потребуетъ при залогѣ въ Имперскомъ Земельномъ Банкѣ земельныхъ участковъ, приобретенныхъ въ собственность хуторянами еще до революціи (40 милл. дес.), и крестьянскихъ надѣльныхъ земель выкупленныхъ, представляющихъ ихъ собственность (126 милл. дес.).

Что же касается хуторскихъ участковъ, имѣющихъ отводиться изъ земельныхъ запасовъ, захваченныхъ революціоннымъ порядкомъ, то операціи по выдачѣ ссудъ подъ нихъ ограничивались бы просто формальными записями въ книгахъ Банка и наложеніемъ запрещеній на закладываемые участки, да выдачею купчей крѣпости каждому хуторянину, въ обмѣнъ на закладную: денежной же суммы при этомъ никакой производить и не приходилось бы.

Та же постепенность соблюдалась бы и въ отношеніи ссуды второй категоріи, — подъ имѣющія производиться хуторянами постройки и разныя работы по хозяйственному устройству хутора и подъ обзаведеніе скотомъ и инвентаремъ, согласно утвержденнымъ Министерствомъ Земледѣлія смѣтамъ:

всѣ такія ссуды, хотя, въ общемъ, также составляютъ весьма значительныя суммы, но выдача ихъ производилась бы по мѣрѣ надобности, впродолженіе непредѣленно-длительнаго времени.

Изложенныя обстоятельства позволяютъ рассчитывать на то, что, хотя размѣры такихъ ссудныхъ операцій были бы и весьма значительны, но это не представляло бы опасности въ отношеніи чрезмѣрнаго наводненія рынка денежными знаками.

Съ точки зрѣнія доходности казны, интересы ея были бы вполне соблюдены, такъ какъ 3% сборъ за пользованіе денежными знаками поступалъ бы одинаково, какъ въ случаяхъ выдачъ по ссудамъ наличныхъ денегъ, такъ и въ случаяхъ залоговъ хуторскихъ участковъ, становящихся собственностью хуторянина одновременно съ совершеніемъ закладной.

Не будетъ преувеличеніемъ, если допустимъ, что устройство и обзаведеніе хутора обойдется не дешевле, чѣмъ покупная сумма земельного участка. Но, принимая во вниманіе, что коренные хлѣбопашцы, остающіеся на своихъ мѣстахъ и при хозяйствахъ на ходу, будутъ менѣ нуждаться въ денежной помощи, чѣмъ хуторяне, устраивающіеся на новыхъ мѣстахъ, ограничимся опредѣленіемъ размѣровъ ссудъ, требующихся въ этихъ цѣляхъ, только въ 10 миллиардовъ золотыхъ рублей, оговариваясь при этомъ, что она представляется намъ далеко недостаточною.

Если же принять въ расчетъ, что подобныя же громадныя суммы потребуются для выдачи подъ залогъ городскихъ и фабрично-заводскихъ недвижимостей, подъ залогъ биржевыхъ цѣнностей и по учету векселей, то можно себѣ представить, какое громадное количество денежныхъ знаковъ съ вполне обеспеченною валютностью, сразу же оказалось бы въ обращеніи на внутреннихъ рынкахъ обновляемой Россіи.

Таковы гигантская производительная сила и богатѣйшіе запасы частной собственности, которыми располагаетъ государство Россійское, и которые могутъ служить надежными обезпеченіями валютности выпускаемыхъ въ обращеніе денежныхъ знаковъ.

Валовой приходъ запаснаго капитала, по взиманію 3% за пользованіе выпускаемыхъ въ обращеніе денежныхъ знаковъ, при такой организаціи денежнаго обращенія, вскорѣ-же могъ бы оказаться свыше одного миллиарда золотыхъ рублей въ годъ.

Долгосрочныя, а тѣмъ болѣе безсрочныя ссуды подѣ недвижимости явятся главнѣйшимъ источникомъ этого 3% сбора; значительныя суммы образующіяся при этомъ, конечно, не останутся въ рукахъ владѣльцевъ недвижимостей, а израсходуются немедленно же на нужды, вызывающія такіе займы; массы денежныхъ знаковъ, такимъ образомъ, сразу же распространятся во всѣхъ слояхъ общества.

Едва ли послѣ перваго періода устроительной горячки, при экономическомъ возстановленіи Россіи, могло бы оказаться переполненіе денежныхъ знаковъ въ обращеніи, еще и потому, что всякій гражданинъ, имѣющій излишекъ ихъ, имѣлъ бы возможность вносить ихъ на текущій счетъ и получать за нихъ 3% годовыхъ; такое помѣщеніе денегъ будетъ настолько выгодно, что, какъ это было выяснено, оно и будетъ наилучшимъ *автоматическимъ регуляторомъ*, поддерживающимъ *эластичность* и равновѣсіе денежнаго обращенія.

Уплата же Банкомъ 3% по текущимъ счетамъ лицъ и учреждений, получившихъ денежные знаки, хотя и не отъ Банка, а изъ рыночнаго обращенія, нисколько не измѣняетъ такого положенія дѣла, такъ какъ за всѣ денежные знаки, распространившіеся въ обращеніи, уплачивались бы 3% лицами и учреждениями, которымъ они были авансированы, и Банку въ этихъ случаяхъ приходится только возвращать нѣкоторую часть общаго 3% сбора.

Твердость устойчивости валютности денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ предлагаемымъ порядкомъ, не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній, по слѣдующимъ основаніямъ:

1) Они предназначаются исключительно для внутренняго обращенія и, какъ это будетъ выяснено, биржевой котировкѣ подвергаться не должны.

2) Авансы ихъ производятся подѣ залогъ процентныхъ бумагъ и движимыхъ цѣнностей, опѣнчиваемыхъ по курсу дня на вѣсъ золота, а потому они сами по себѣ золото-валютны.

3) Авансы денежныхъ знаковъ подѣ залогъ недвижимостей, вообще, а въ особенности подѣ земельныя имущества, опѣнчиваемыя на вѣсъ золота, представляютъ собою операцію наиболѣе прочную, — такъ какъ обезпеченіе землею прочнѣе золота, ибо цѣны на землю постепенно и неуклонно повышаются, и паденіе ихъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ такихъ случаяхъ, когда окончательно рушится само государство; и

4) Денежные знаки, выпускаемые подъ залогъ недвижимостей, приносящіе при взносѣ ихъ на текущіе счета 3% годовыхъ, ничѣмъ не отличаются отъ *земельной ренты*, признаваемой экономистами наиболѣе прочною бумагою для помещенія наживаемыхъ трудомъ сбереженій.

Наличность въ обращеніи столь значительныхъ суммъ неомнѣнно оживить дѣятельность торговли и промышленности и возстановитъ мощное русское національное производство; экономическое возрожденіе Россіи, *если только этому не помѣшаютъ обстоятельства политическаго характера*, пойдетъ такимъ быстрымъ темпомъ, *какого никогда не могло бы получиться при интервенціи иностраннаго капитала*.

Вотъ какъ, въ общихъ чертахъ, представляется намъ схема финансированія колоссальной операціи по приобрѣтенію русскими хлѣбопашцами земельныхъ участковъ въ собственность и по устройству ихъ индивидуальныхъ хозяйствъ на хуторахъ, безъ затраты государствомъ крупныхъ капиталовъ и обходясь безъ иностранныхъ займовъ, а путемъ капитализаціи трудовъ земледѣльцевъ прилагаемыхъ къ землѣ.

При достигнутомъ современномъ уровнѣ развитія человечества, капиталъ есть результатъ труда; а трудъ, приложенный къ землѣ, представляющей собою мертвый капиталъ, оживляетъ, удваиваетъ и утраиваетъ этотъ капиталъ.

Трудъ, прилагаемый рабочимъ къ чужой землѣ, въ чужой землѣ и остается, увеличивая ея доходность; поработавшій на ней труженникъ уходитъ, получивъ въ расчетъ лишь столько, сколько было необходимо для его прожитія; при такихъ условіяхъ, онъ навѣки остается нищимъ.

Задача предлагаемой финансово - аграрной комбинаціи заключается не только въ томъ, чтобы бѣдныхъ землепашцевъ надѣлать хуторскими участками, а чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлять имъ средства на прожитіе, покуда они будутъ на нихъ устраивать хозяйство, чтобы они, такимъ образомъ, имѣли возможность воспользоваться плодами положенныхъ ими трудовъ, — увеличеніемъ доходности и стоимости ихъ земельныхъ участковъ.

Для частныхъ акціонерныхъ банковъ такая комбинація не интересна и не осуществима; для государства же она никакого риска не представляетъ: крестьяне, — это его дѣти,

и трудъ ихъ, съ государственной, отеческой точки зрѣнія, отнюдь не можетъ имѣть своимъ назначеніемъ обогащенія капиталистовъ и банковъ, а *долженъ капитализироваться въ землю*; такимъ образомъ, увеличивается народное благосостояніе и достигается экономическій расцвѣтъ государства.

По мѣрѣ успѣшнаго развитія сельско-хозяйственнаго производства и увеличенія достатка сельскаго населенія, успѣшно развивались бы торговля и промышленность, и росла бы экономическая и политическая мощь государства.

А вмѣстѣ съ тѣмъ создавался бы прочный, привязанный къ землѣ классъ зажиточныхъ хуторянъ, являющійся всюду самымъ надежнымъ оплотомъ порядка и соціального спокойствія, такъ какъ самыя условія ихъ жизни заставляютъ ихъ проникаться искреннимъ сознаниемъ того, что земля — родная мать ихъ, а государство — дорогое отечество.

Международная Расчетная Палата имѣла бы своимъ назначеніемъ организацію необходимыхъ условій для устранения колебаній валютности національнаго бумажнаго денежнаго обращенія.

Переживается историческій моментъ въ области мірового денежнаго обращенія: *для расчетовъ по международнымъ сдѣлкамъ устанавливается обязательное правило употреблять золото въ слиткахъ, на вѣсъ, а на внутреннихъ рынкахъ устанавливается денежное обращеніе бумажное, причемъ размѣнъ его на золото уже почти нигдѣ не производится.*

Условія возможнаго здороваго бумажнаго обращенія на внутреннихъ рынкахъ, съ соблюденіемъ устойчивости его валютности, были въ своемъ мѣстѣ достаточно выяснены.

Что же касается хожденія неразмѣняемыхъ на золото бумажныхъ денежныхъ знаковъ на иностранныхъ рынкахъ, то рассчитывать въ этомъ случаѣ на сохраненіе твердой устойчивости ихъ валютности, при новомъ положеніи вещей, рѣшительно невозможно: при расчетахъ по международнымъ сдѣлкамъ всегда и ранѣе отдавалось предпочтеніе золоту, или золотымъ девизамъ, а при современныхъ условіяхъ, когда расплачиваться по международнымъ сдѣлкамъ золотомъ въ слиткахъ стало обязательнымъ, всякій имѣетъ право отъ приѣма

бумажныхъ денежныхъ знаковъ категорически отказываться.

При такихъ условіяхъ, *обращеніе національныхъ неразмѣняемыхъ на золото бумажныхъ денежныхъ знаковъ на международныхъ рынкахъ представляетъ величайшую опасность*, и отъ него приходится безусловно отказаться по слѣдующимъ причинамъ:

1) Прѣжнее недовѣріе которое возбуждали бумажные денежные знаки на международныхъ рынкахъ, замѣняется отказомъ отъ пріема ихъ въ уплату по международнымъ сдѣлкамъ.

2) Обезпеченіе полноцѣнности и прочной валютности бумажныхъ денежныхъ знаковъ хранящимися въ Національномъ Эмиссіонномъ Банкѣ, оцѣненными на вѣсъ золота залогомъ, на международныхъ рынкахъ значенія имѣть не можетъ, такъ какъ реализація такихъ залоговъ можетъ быть произведена, напри- мѣръ, только въ Россіи на мѣстахъ ихъ храненія — да притомъ еще не на золото, а на денежные знаки.

Такое положеніе вещей обязываетъ оберегать валютную устойчивость русскаго національнаго бумажнаго денежнаго обращенія, сохраняя его исключительно для внутренняго рынка и *никоимъ образомъ не допуская его биржевой котировки*.

Въ общемъ, установленный принципъ разсчитываться по международнымъ сдѣлкамъ золотомъ въ слиткахъ (or en lingots), или золотыми девизами, нисколько не мѣшаетъ проведению въ жизнь предлагаемой бумажной монетной системы для внутренняго обращенія на внутреннихъ рынкахъ обновляемой Россіи; напротивъ того, необходимость этой системы, какъ бы вызывается такимъ новымъ положеніемъ международныхъ разчетовъ, она окажется тѣмъ болѣе удобною, что и на внутреннихъ рынкахъ Россіи, разчеты будутъ производиться, въ сущности, *на вѣсъ золота, такъ какъ національные билеты выпускаются подъ залоги, оцѣниваемые на вѣсъ золота*.

Золото въ слиткахъ, какъ товаръ, имѣя постоянную міровую котировку, опредѣляющую цѣну его на вѣсъ, можетъ служить стандартомъ, для расцѣнки принимаемыхъ Національнымъ Эмиссіоннымъ Банкомъ цѣнностей, подъ залогъ выпускаемыхъ имъ денежныхъ знаковъ.

А такъ какъ биржевая цѣнность лежащихъ въ Эмиссіонномъ Банкѣ залоговъ постоянно провѣряется и въ случаяхъ ихъ пониженія дополняются, или ликвидируются, то валют-

ность находящихся въ обращеніи денежныхъ знаковъ на внутреннихъ рынкахъ никакимъ колебаніямъ подвергаться не можетъ и останется постоянно на своемъ паритетномъ уровнѣ.

Золото на вѣсъ, такимъ образомъ, остается наилучшимъ признаваемымъ мировымъ монетнымъ стандартомъ, но въ то время, какъ при международныхъ расчетахъ стандартъ этотъ долженъ быть *товарный*, т. е. оплата должна производиться золотомъ въ слиткахъ, — на внутреннихъ рынкахъ достаточно того, чтобы стандартъ этотъ былъ *теоретический*, но обезпеченный полноцѣнными соответствующими залогами.

Но именно потому, что національные билеты, обезпечены не золотомъ въ слиткахъ, а оцѣненными на вѣсъ золота залогами, то, хотя они въ глазахъ населенія и совершенно равноцѣнны золотымъ девизамъ, *биржевыя котировки и вывозъ ихъ за границу должны быть безусловно запрещены*.

И вотъ, спрашивается, какимъ же образомъ при такихъ условіяхъ будетъ возможно для обновляемой Россіи, нуждающейся въ массѣ разныхъ предметовъ для восстановленія своего производства, создать золотые запасы, необходимые для выписки ихъ изъ-за границы?

Вопросъ этотъ несомнѣнно сложный, но разрѣшенъ онъ долженъ быть, никоимъ образомъ не нарушая установленнаго принципа запрещенія вывоза національныхъ билетовъ за границу и котировки ихъ на иностранныхъ биржахъ.

Конечно, вначалѣ придется, вѣроятно, прибѣгнуть къ нѣкоторымъ по возможности незначительнымъ займамъ и къ открытію за границую товарныхъ кредитовъ, обуславливая ихъ самыми осторожными условіями, помня, что, надѣтая петля на шею можетъ задушить Россію въ зачаткѣ ея возрожденія.

А для того, чтобы принципъ этотъ не нарушался, — сразу же долженъ быть установленъ законъ, на основаніи котораго *расчеты за вывозимые изъ Россіи товары и какіе бы то ни было предметы должны производиться золотомъ въ слиткахъ, точно также, какъ и расчеты за товары, которые она будетъ выписывать изъ-за границы*.

Принципально, что же можетъ быть справедливымъ? — Вопросъ только въ томъ, насколько возможно провести этотъ принципъ въ жизнь, и въ состояніи ли будетъ раззоренная Россія выдержать такое положеніе, при которомъ расчетный торговый балансъ обязательно долженъ заключаться безъ дефицита.

Разрѣшеніе этой важной задачи и должно быть поставлено Международною Разсчетною Палатою на первую очередь: достиженіе такого результата несомнѣнно дастся не легко.

Но какъ бы ни были тяжелы предстоящія жертвы и лишенія русскаго народа въ этихъ цѣляхъ они неизбѣжны, такъ какъ въ зависимости отъ соблюденія бездефицитнаго разсчетнаго баланса будетъ стоять, какъ экономическое благосостояніе самого народа, такъ и возрожденіе его Великаго Отечества. Неустойчивость валютности національной монеты, какъ извѣстно, имѣетъ своими неизбѣжными послѣдствіями чрезмѣрное повышение цѣнъ на выписываемые изъ-за границы товары и прогрессивное вздорожаніе цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ, какъ на продукты продовольствія, такъ и на транспортъ, на рабочія руки и вообще на жизнь; а при такомъ прогрессивномъ раззореніи, русскій народъ оказался бы обреченнымъ навсегда оставаться въ той нищетѣ, до которой его довели революція и большевизмъ. При устойчивой же валютности денежныхъ знаковъ и нормальномъ развитіи отечественныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, благодаря неисчерпаемымъ природнымъ богатствамъ Россіи и неимѣющей себѣ равной ея могучей рабочей силѣ, она быстро возродится изъ пепла и вскорѣ же, не только займетъ свое прежнее политическое мѣсто среди Великихъ Державъ, но и достигнетъ небывалаго ранѣе экономическаго благосостоянія.

Устойчивая валютность русскихъ денежныхъ знаковъ должна, во что бы то ни стало, поддерживаться бездефицитнымъ разсчетнымъ балансомъ. Разсчеты же за выписываемые изъ-за границы необходимыя машины и разные предметы для оборудованія національнаго производства должны производиться, установленнымъ порядкомъ, золотомъ въ слиткахъ, или золотыми девизами. Но, откуда же возьмутся такіе запасы золота или золотыхъ девизъ для удовлетворенія громадной потребности въ заграничныхъ предметахъ оборудованія, которая будетъ ощущаться въ Россіи при возстановленіи ея производства?

Ясно, что такіе запасы золота для оплаты выписываемыхъ изъ-за границы разныхъ необходимыхъ для Россіи предметовъ, могутъ образоваться только путемъ раціональной, оплачиваемой золотомъ ея вывозной торговли; а для того, чтобы сумма вывозной торговли могла покрывать значительную сумму, уплачива-

ему за выписываемые изъ-за границы предметы, необходимо, чтобы соблюдаемы были слѣдующія два условія:

1) Чтобы въ Россіи нашлось достаточно излпшкoвъ сырья и продукoвъ производства, для вывоза за границу и

2) Чтобы цѣны на предметы ея вывоза могли конкурировать на международных рынкахъ съ цѣнами другихъ поставщиковъ.

То, что Россія, обладая несмѣтными природными богатствами, и до войны могла вывозить массы хлѣба, лѣса, нефти, разнаго сырья и сельско-хозяйственныхъ продукoвъ, общеизвѣстно; а потому въ томъ, что при успѣшномъ развитіи ея производства въ предметахъ вывоза за границу недостатка быть не можетъ, сомнѣваться не приходится.

Что же касается второго условія, т. е. возможности конкурировать съ цѣнами другихъ поставщиковъ международных рынковъ, то достигнуто это можетъ быть только однимъ способомъ, а именно: путемъ планомѣрной организаціи такой системы вывозныхъ премій, которая давала бы возможность сбывать вывозимые изъ Россіи сырье и продукты на 5-10% дешевле продукoвъ и сырья, предлагаемыхъ на международных рынкахъ другими поставщиками.

Система вывозныхъ премій практиковалась до войны въ Россіи по отношенію къ сахару; а послѣ войны она вошла въ обыкновеніе и въ другихъ государствахъ. Въ Бельгіи, на примѣръ, за періодъ 1922-1927 г. г. израсходовано на вывозныя преміи 189,5 милліоновъ франковъ; въ Германіи за тотъ же періодъ — 57 милліоновъ золотыхъ марокъ; а въ Англіи эта система, хотя принципиально и признается и на этотъ предметъ государственной смѣтѣ въ 1921 году была ассигнована сумма въ 10 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, но о томъ, сколько въ дѣйствительности было издержано, свѣдѣній не имѣется.

Въ обновляемой Россіи вообще необходимо было бы систему вывозныхъ премій развить *въ самыхъ широкихъ размѣрахъ*; но система премированія предметoвъ вывоза изъ Россіи должна бы существенно отличаться отъ ея довоенной системы, сообразно съ разными цѣлами, имѣвшимися ввиду правительствомъ тогда, и имѣющимися ввиду въ настоящемъ трудѣ: тогда имѣлось ввиду премировать вывозъ изъ Россіи такихъ предметoвъ, производство которыхъ требовалось поощрять — какъ, на примѣръ, сахаръ.

Въ данномъ же случаѣ, не касаясь прежней цѣли, которая въ свое время не будетъ, конечно, оставлена безъ вниманія, мы имѣемъ ввиду другую, болѣе важную въ дѣлѣ восстановления экономическаго производства Россіи, при ея возрожденіи: *превращеніе неисчерпаемыхъ ея природныхъ богатствъ въ золото*, безъ котораго невозможны, ни правильная организація ея международной торговли, ни созданіе здоровой монетной системы для внутренняго обращенія; при этомъ имѣется ввиду, что, *какъ бы дорого золото для Россіи не обходилось предлагаемою системою вывозныхъ премій, оно все же обойдется дешевле, чѣмъ оно обходится государствамъ со стабилизированною монетою и, кромѣ того этою системою устранится необходимость прибѣгать къ крупнымъ иностраннымъ займамъ.*

Допуская, на примѣръ, что благодаря вывознымъ преміямъ было бы возможно продавать вывозимые изъ Россіи продукты и сырье на 5-10% дешевле конкурентовъ на международныхъ рынкахъ, съ полнымъ вѣроятіемъ можно будетъ рассчитывать, что убытокъ этотъ съ лихвою вознаградить за тѣ потери, которыя получились бы, если бы расчеты за выписываемые предметы изъ-за границы пришлось производить золотомъ въ долгъ, или обзцѣнивая свою, предназначенную для внутренняго обращенія національную монету.

Большое значеніе въ дѣлѣ достиженія такихъ возможностей имѣло бы въ обновляемой Россіи *установленіе дифференціального тарифа*, для облегченія расходовъ по транспорту и привлеченія къ вывозу за границу продуктовъ и сырья изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ необъятной Россіи.

Суммы, подлежація доплатѣ по транспорту въ такихъ случаяхъ выдавались бы желѣзно-дорожнымъ управленіямъ, чтобы оно отъ этой мѣры ничего не теряло, а между тѣмъ сырье и товары со всѣхъ мѣстностей прибывали бы на границу на равныхъ условіяхъ провоза, и это позволяло бы рассчитывать на то, что двинулись бы къ вывозу такія массы, о размѣрахъ которыхъ нельзя создать себѣ и представленія.

Конечно, для организаціи системы вывозныхъ премій въ такихъ широкихъ размѣрахъ при обновленіи Россіи потребуются *громадныя средства* и, спрашивается, откуда же найдутся у нея такія средства, если было бы рѣшено, что отъ производства иностранныхъ займовъ необходимо во что бы то ни стало отказаться?

Средства эти въ обновляемой Россіи найдутся, если будетъ принята организація въ ней предлагаемаго денежнаго обращенія.

Какъ это было упомянуто выше, — отъ взиманія 3% сбора за пользованіе авансируемыми имъ денежными знаками, ежегодно накапливались бы суммы, превышающія миллиардъ золотыхъ рублей, которыя мы назвали *запаснымъ капиталомъ*: эти суммы, главнымъ образомъ, и должны предназначаться на организацію вывозныхъ премій.

Если предположить, что изъ этого капитала на вывозныя преміи было бы израсходовано около миллиарда золотыхъ рублей, и этимъ была бы достигнута возможность получить за скидку 5-10% для удешевленія цѣнъ за проданныя за границею товары и сырье девять миллиардовъ рублей для образованія въ Международной Разсчетной Палатѣ золотого фонда, необходимо для оплаты выписываемыхъ изъ-за границы товаровъ, то это была бы весьма выгодная для Россіи комбинація.

Можетъ случиться, особенно въ первое время, что у Эмиссионнаго Банка не окажется въ извѣстный моментъ въ наличности необходимыхъ суммъ для выдачи вывозныхъ премій, — настолько требованія на нихъ были бы значительны. Но здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что всякія, разрѣшаемыя Государственнымъ Банкомъ ссуды въ этихъ цѣляхъ не были бы сопряжены ни съ какимъ рискомъ, такъ какъ онѣ были бы обезпечены золотомъ, имѣющимъ получиться Международною Разсчетною Палатою за вывозимые за границу товары и сырье. Поэтому *кредитъ на вывозныя преміи можетъ быть открытъ самый широкій, тѣмъ болѣе, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ оказывать огромное содѣйствіе успѣшному развитію русскихъ торгово-промышленныхъ предприятий и вообще національнаго производства*. Больше того: слѣдуетъ замѣтить, что такого рода внутренніе займы у націи безъ процентовъ, но подъ вѣрное обезпеченіе и съ автоматическимъ погашеніемъ, если это дѣло поставлено на строгихъ, здоровыхъ основаніяхъ, представляетъ собою наилучшій способъ для оказанія кредита на общественныя нужды и предприятия, сами себя окупающія и оплачивающія предоставленныя для ихъ осуществленія суммы: обезпеченіе, которое въ этихъ случаяхъ представить дѣло, на которое ссужаются капиталы, конечно, должно быть на-

столько солидно, чтобы оно могло вполне гарантировать валютность авансированных для его осуществления суммъ.

Все золото въ слиткахъ или золотыя девизы, получаемыя за вывезенныя за границу изъ Россіи и проданныя продукты и сырье, остаются въ распоряженіи Международной Разсчетной Палаты и предназначаются для оплаты выписываемыхъ изъ-за границы, съ разрѣшенія Правительства, предметовъ, необходимыхъ для Россіи.

Экспортеры, вмѣсто золота и золотыхъ девизъ получали бы расчетъ національными билетами, по паритетной стоимости на золото въ слиткахъ, а импортеры, за которыхъ Палата рассчитывается золотомъ, оплачиваютъ ей слѣдующую сумму точно также національными билетами.

Такимъ образомъ, чѣмъ чаще по мѣрѣ развитія международной торговли, Палата стала бы размѣнивать золото на національные билеты и обратно, національные билеты, по ихъ паритетной стоимости, на золото, тѣмъ тверже упрочивалась бы ихъ валютная устойчивость не только въ Россіи, но и въ глазахъ мировыхъ финансовыхъ дѣльцовъ.

И достигалось бы такое положеніе нормальнымъ порядкомъ, помимо контръ-спекулятивнаго фонда и интервенціи въ биржевую игру, какъ это имѣетъ мѣсто за границей; создавались бы естественнымъ порядкомъ твердая, незыблемо-устойчивая русская національная, золотовалютная монета и здоровое бумажное денежное обращеніе для внутреннихъ рынковъ.

Обращенія на иностранныхъ рынкахъ русскіе національные билеты не должны были бы имѣть не только потому, что вывозъ ихъ за границу и биржевая ихъ котировка будутъ запрещены, но и потому, что на нихъ на международныхъ рынкахъ не было никакого спроса.

Могутъ, конечно, быть такіе случаи, когда русскіе состоятельные люди, не имѣя возможности добыть золотыхъ девизъ для путешествія за границу, готовы будутъ оплачивать ихъ національными билетами съ значительнымъ отъ такой операціи убыткомъ. Но для предотвращенія такихъ исключительныхъ случаевъ, Палата могла бы завести у себя особый счетъ иностранцевъ, посѣщающихъ Россію и размѣнивающихъ золотыя девизы на русскіе національные билеты; изъ накапливаемыхъ такихъ золотыхъ девизъ могъ бы быть созданъ особый фондъ, изъ котораго и разрѣшалось бы отправляющимся

за границу размѣнивать національные билеты, на золотыя девизы. Возможно было бы и приобретение на русскихъ рынкахъ золота въ слиткахъ.

Въ первое время, вѣроятно, это было бы связано съ значительными затрудненіями, — и это будетъ однимъ изъ лишеній, которое придется переносить съ гражданскимъ мужествомъ; но со временемъ, надо полагать, что посѣщающіе Россію иностранцы начнутъ привозить столько золота, что его хватитъ и на многихъ отѣзжающихъ за границу.

Выѣздъ за границу по дѣламъ государственной важности, конечно, долженъ со стороны правительства найти должное содѣйствіе; но поѣздки за границу по частнымъ надобностямъ, а тѣмъ болѣе для удовольствія, куда русскія финансы не окрѣпнутъ, могутъ осуществляться только на частныя же средства: лица, обладающія лишними брилліантами и драгоценностями, въ крайнемъ случаѣ, найдутъ возможность сбыть ихъ за границей или, если ихъ не имѣется, то приобрести въ Россіи и увезти съ собою: такого рода жертвы и лишенія на первое время необходимы и, думается, что у людей, любящихъ свою родину и преданныхъ ей, найдется достаточно гражданского мужества, чтобы безропотно перенести такое положеніе, тѣмъ болѣе, что положеніе это будетъ временное.

Гораздо важнѣе будетъ для правительства озаботиться о тѣхъ полезныхъ въ дѣлѣ экономическаго возстановленія Россіи иностранцахъ, которые пожелаютъ въ ней работать: они свои сбереженія, конечно, пожелаютъ пересылать за границу, и отказывать имъ въ этомъ Международная Разсчетная Палата не будетъ имѣть никакихъ основаній: поэтому, приглашеніе иностранныхъ техникувъ должно производиться съ особою осторожностью и не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства.

Всѣ подобныя затрудненія и лишенія во что бы то ни стало необходимо вытерпѣть и пережить, помня, что Россія переживаетъ великій историческій моментъ; складывается ея великая исторія, перерождается русскій народъ, на выходѣ изъ дремучей лѣсной темноты на свѣтлый путь цивилизаціи, и создается вновь великое государство Россійское, его экономическій расцвѣтъ и его политическое, міровое значеніе въ дѣлѣ успѣшнаго развитія общечеловѣческаго благосостоянія.

**

Заканчивая эту главу, слѣдуетъ замѣтить, что предлагаемый посильный опытъ разрѣшенія сложной финансово-аграрной проблемы въ обновляемой Россіи отнюдь не имѣется ввиду представлять, какъ непогрѣшимый планъ для руководства призываемыхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ.

Поставлены только главные вѣхи, да и тѣ, смотря по обстоятельствамъ, придется, конечно, много разъ переставлять.

Важно поднять настоящій вопросъ, а дѣло опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ критиковать предлагаемый трудъ, выбрасывать все, носящее утопическій характеръ, и предлагать планы болѣе практическіе, а, главное, болѣе дѣйствительные для изнемогающаго въ нуждѣ и страданіяхъ русскаго народа, съ нетерпѣніемъ ожидающаго водворенія законнаго порядка и твердой власти.

Какая это будетъ власть, — конечно, никто впередъ предвидѣть не можетъ. Но въ основаніи предлагаемаго труда лежитъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что благоденствіе русскаго народа можетъ быть достигнуто отнюдь не путемъ борьбы классовъ и краснабайства, добывающихся власти политическихъ партій, а упорной работой въ области изысканія и установленія условий, необходимыхъ для социально-экономическаго благоустройства нашего Великаго Отечества.

Одно можно предугадать, — это то, что, какъ не озабочены многострадальный русскій народъ мыслями о томъ, какая социально - экономическая организація ожидаетъ его въ будущемъ, — но едва ли онъ окажетъ довѣріе программѣ какой либо революціонной политической власти: ему нужна твердая власть, которая оградитъ строгими законами освященные вѣками его убѣжденія, въ основаніи которыхъ лежатъ: *семья, религія и частная собственность.*

Религія и семейныя начала живутъ еще въ сердцахъ русскихъ народныхъ массъ, — несмотря на всѣ усилія диктатуры изувѣровъ. Что же касается принциповъ *частной собственности*, то они могутъ успѣшно развиваться только при обезпеченіи общаго равноправія всѣхъ гражданъ и свободы ихъ въ дѣлѣ напряженія индивидуальнаго труда и энергіи въ цѣляхъ улучшенія своего благосостоянія.

Въ этомъ направленіи и слѣдовало бы, не теряя времени,

готовиться, помня, что, быть может, завтра же потребуется проведение въ жизнь финансово-аграрной программы въ обновляемой Россіи, а потому, не зная ни дня ни часа, когда раздастся звонъ колокола, призывающаго къ осуществленію этого великаго дѣла, необходимо свѣтильники наши держать наготовѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

СУДЬБА РУССКИХЪ КРУПНЫХЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЙ.

Захватъ революціоннымъ порядкомъ земель признается свершившимся безповоротно стихійнымъ фактомъ. — Разразившаяся надъ Россіей катастрофа была, лишь, послѣднимъ актомъ длившейся со временъ крестьянской освободительной реформы ликвидаціи крупныхъ землевладѣній. — Гибель помѣстнаго дворянства, ближе всѣхъ стоявшаго къ крестьянскимъ массамъ, было величайшимъ несчастіемъ для Россіи. — Распространенное мнѣніе, что враждебно относившіеся между собою дворяне и крестьяне постоянно вредили другъ другу, неоновательно. — Неудачное хозяйство помѣщиковъ было одною изъ главнѣйшихъ причинъ развала Россіи. — Возможное вознагражденіе обездоленныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ связи съ изложенными въ предъидущихъ главахъ соображеніями, касающимися финансово - аграрной проблемы обновляемой Россіи, вообще, и спеціально распредѣленія между хуторянами земель, входившихъ въ составъ крупныхъ землевладѣній, нерѣдко ставится вопросъ о возможности для бывшихъ крупныхъ землевладѣльцевъ рассчитывать на нѣкоторое вознагражденіе за отнятыя у нихъ революціоннымъ порядкомъ земли.

Прежде, чѣмъ входить въ безпристрастное обсужденіе этого вопроса, установимъ слѣдующія положенія:

1) *Захватъ крестьянскими массами земель революціоннымъ порядкомъ признается безповоротно совершившимся стихійнымъ фактомъ, а потому вопроса о возвратѣ ихъ прежнимъ владѣльцамъ возникать не можетъ.*

2) *Ввиду беспорядочнаго революціоннаго распредѣленія захваченныхъ земель, — до справедливаго размежеванія ихъ мѣрскими стодами на равноцѣнные участки, для передачи хуторянамъ въ законное владѣніе на правахъ собственно-*

сти, все захваченныя земли остаются въ распоряженіи избраннаго угоднаго народу правительства.

3) Мѣра эта не лишаетъ возможности владельцевъ захваченныхъ земель продолжать обрабатывать ихъ и пользоваться ими, но такое пользованіе будетъ признаваться лишь временнымъ.

А такъ какъ захваченными революціоннымъ порядкомъ оказались земли, безъ различія, всякихъ категорій, и означенныя положенія ни для одной изъ нихъ не допускаютъ исключеній, то и крупныя землевладѣнія точно также должны будутъ войти въ составъ общей массы земель поступающихъ въ распоряженіе угоднаго народу правительства, для справедливаго распредѣленія ихъ между хуторянами и промышленными хозяйствами, а также между крупными хозяйствами съ обязательнымъ массовымъ производствомъ, необходимымъ для обезпеченія населенія городовъ и промышленныхъ центровъ земледѣльческими продуктами.

Относительно крупныхъ землевладѣній и спеціально землевладѣній дворянскихъ, слѣдуетъ замѣтить, что ликвидація ихъ безостановочно и неуклонно продолжалась ускоряющимся темпомъ, начавшись вскорѣ же послѣ освободительной реформы 1861 года и вплоть до революціи, о чемъ можно судить изъ слѣдующихъ цифръ:

	мил. дес.
Въ 1861 году площадь крупнаго землевладѣнія въ 50-ти губерніяхъ Россіи составляла.....	120
Въ 1877-78 г. г. она уже оказалась уменьшенной ...	102
Въ 1905 г. она дошла до	82
а въ 1916 г., по исчисленіямъ проф. Д. И. Пестержеца, крупное землевладѣніе упало до	63
причемъ изъ этого послѣдняго количества дворянскихъ имѣній числилось всего	45,5

Такой печальный некрологъ большинства имѣній изстрадавшихся и раззорившихся дворянъ, достойныхъ лучшей участи, представляетъ непоправимую катастрофу въ исторіи цивилизаціи Россіи, тѣмъ болѣе поразительную, что ихъ массовая гибель произошла не вслѣдствіе революціоннаго потрясенія, а въ мирное, нормальное время и притомъ съ неудер-

жимою послѣдовательностью, несмотря на принимавшіяся для ихъ спасенія правительственныя мѣры.

Глубоко ошибаются, однако же, тѣ, которые огульно приписываютъ трагическую гибель русскаго помѣстнаго дворянства его легкомыслію, стремленію къ роскоши и безразсчетному мотовству; были, конечно, и такіе дворяне, — но въ общемъ они представляли незначительное меньшинство. Большинство же ихъ погибло въ борьбѣ съ *обстоятельствами непреодолимыми*, — при той создавшейся обстановкѣ, въ которой послѣ реформы 1861 года оказались помѣщики, не имѣвшіе никакого понятія о рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ и никогда лично имъ не занимавшіеся, но вынужденные вести дѣло на совершенно для нихъ новыхъ коммерческихъ началахъ, для чего у нихъ не хватало ни знаній, ни опыта, ни необходимаго оборотнаго капитала.

Совершенно неподготовленные къ такому перевороту, многіе изъ помѣщиковъ, насколько могли, напрягали свои силы для организаціи своихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ; используя всѣ личныя средства въ этихъ цѣляхъ, они заложили свои имѣнія въ земельныхъ банкахъ, а когда вслѣдствіе ихъ неопытности и этихъ средствъ у нихъ не хватило, то задолжали частнымъ лицамъ по вторымъ закладнымъ, нерѣдко по безбожнымъ процентамъ; случалось, что продажа ихъ имѣній съ молотка уже не покрывала накопившихся долговъ, и они изгонялись изъ своихъ дворянскихъ гнѣздъ нищими; злѣйшій врагъ не придумалъ бы для нихъ болѣе горькой участи.

Много по этому поводу появлялось въ литературѣ произведеній, сквозящихъ смѣхомъ сквозъ слезы, но никто не отмѣтилъ того горестнаго факта, что постепенное исчезновеніе въ Россіи культурныхъ хозяевъ было и для нея самой величайшимъ несчастіемъ, имѣвшимъ самыя печальныя послѣдствія.

Трагедія заключалась въ томъ, что помѣщики, любя всею душою свои имѣнія, не сознавали того, что сельское хозяйство есть точная наука, которая для приложенія ея къ жизни требуетъ не только длительного теоретическаго изученія, но и практическаго опыта, которыми они не обладали. Самонадѣянно и бессознательно они направляли свой корабль на неизбежную гибель, — въ пучину, — и еле-живыми остались

сами: самонадѣянность эта и давала почву для злыхъ насмѣшекъ, не только въ литературныхъ произведеніяхъ, но и въ средѣ купечества и, въ особенности, въ средѣ крестьянства, которое, считая себя обиженнымъ освободительною реформою, благодаря дворянамъ, — злорадствовало ихъ неудачамъ и учитывало возможность завладѣнія вотчинами, когда они раззорятся окончательно; ни для кого не тайна, что крестьяне о *барахъ* и *господахъ*, не умѣвшихъ вести хозяйства, отзывались съ презрѣніемъ, и что неудачи ихъ были одною изъ главныхъ причинъ укоренившагося въ нихъ недовѣрія къ интеллигентнымъ классамъ и, вообще, къ наукѣ.

А между тѣмъ, сколько между раззорившимися дворянами было людей благонамѣренныхъ и образованныхъ, но погибшихъ по неопытности и по невѣдѣнію того, что они творили?..

Крестьяне не поняли, что длившаяся болѣе столѣтія ликвидація образованныхъ хозяевъ, лишая ихъ послѣдняго соприкосновенія съ культурными людьми, жестоко отразится на нихъ же самихъ, какъ не поняли и помѣщики, что не входя въ положеніе крестьянъ и не заинтересовавъ ихъ въ своихъ хозяйствахъ, они и сами не могли достигнуть даже сносныхъ результатовъ и были осуждены на неминуемое раззореніе.

Революція и большевизмъ однимъ ударомъ покончили съ длительною столь долго болѣзненною ликвидаціею дворянскаго крупнаго землевладѣнія.

Ударъ этотъ несомнѣнно поразилъ крупныхъ землевладѣльцевъ своею неожиданностью; но, вѣдь, онъ *одинаково* поразилъ и всѣ другіе имущіе классы русскаго населенія; онъ одинаково оказался неожиданнымъ даже и для другихъ богатѣйшихъ націй и въ значительной степени отразился, какъ на разстройствѣ ихъ финансовъ, такъ и на международной торговлѣ. Нечего и говорить, что ударъ этотъ болѣе всего отразился на судьбѣ самихъ же крестьянъ.

Дворянскія усадьбы еще до революціи постепенно заустѣли. Большинство крупныхъ землевладѣній перешло въ руки купцовъ и мѣщанъ, т. е. лицъ, не имѣвшихъ ни въ прошломъ, ни впослѣдствіи никакой идейной связи съ землею и крестьянствомъ, а интересы которыхъ имѣли въ своемъ основаніи цѣли чисто эгоистичныя и нерѣдко прямо спекулятивныя, раззорившія цѣлыя области.

Постепенно таявшее въ теченіе полустолѣтія помѣстное дворянство окончательно утратило свое прежнее вліяніе на крестьянскія массы.

Фактъ этотъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что русское передовое сословіе, — дворянство, — вмѣстѣ съ тѣмъ потеряло и то громадное вліяніе, которое оно ранѣе имѣло въ дѣлахъ государственныхъ.

Удержавшіяся между дворянами-земцами выдающіяся своими широкими взглядами и энергіею лица, хранившія либеральные завѣты дальнѣйшихъ шаговъ, намѣченныхъ освободительною реформою, хотя и сознавали ту грозную государственную опасность, которую представляло неудовлетворительное соціально - экономическое положеніе крестьянъ, — ихъ обнищаніе, земельное оскудѣніе, а, главное — ихъ гражданское безправіе, прогрессивно разжигавшее ихъ недовольство, но всѣ попытки такихъ просвѣщенныхъ земскихъ дѣятелей обратить должное вниманіе правителей на надвигающійся опасный аграрный кризисъ, не только не встрѣчали въ нихъ сочувствія, но признавались ими за крамольныя и неизмѣнно встрѣчали у нихъ непреодолимый отпоръ. Земское здоровое либеральное теченіе, такимъ образомъ, было постепенно заглушено.

Близорукое царское правительство надвигавшейся соціально-экономической катастрофы не предусмотрѣло. Утраченное вліяніе помѣстнаго дворянства на крестьянскія массы, которымъ царское правительство широко прежде пользовалось въ дѣлѣ народнаго управленія, было замѣнено планомѣрною организаціею административно-полицейскаго характера, которая считала своимъ назначеніемъ держать сельское населеніе въ ежовыхъ рукавицахъ чрезъ губернаторовъ, исправниковъ, земскихъ начальниковъ и многочисленныхъ полицейскихъ чиновъ.

Памятны сторонники такой организаціи, лица: Побѣдоносцевъ, гр. Толстой, Горемыкинъ, Сипягинъ, Шлеве, не говоря уже о другихъ окружавшихъ царя печальныхъ совѣтникахъ. Либеральные проекты и указанія признавались ими за попытки ограниченія охраняемаго ими самодержавія и представлялись монарху, какъ вредные для государственнаго спокойствія. Въ самомъ государѣ постоянно поддерживалось на-

строение, что тронъ его находился въ опасности, и что онъ держался только благодаря бдительной его охранѣ.

Наиболѣе же преданные, въ дѣйствительности, престолу и ближе стоявшіе къ землѣ и народу выдающіеся люди были отстранены: было создано непроницаемое между царемъ и народомъ средостѣніе, дѣйствія котораго вызывали всеобщее, постепенно возрастающее неудовольствіе.

Отрицать вообще дворянство и его значеніе въ успѣхахъ цивилизаціи и спетціально въ дѣлѣ соціально-экономическаго развитія сельскаго населенія, невозможно: это значило бы отрицать исторію.

Въ исторіи цивилизаціи народовъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, повсюду наблюдается фактъ естественнаго образованія аристократіи изъ наиболѣе выдающихся людей, отличающихся доблестью, честью, самоотверженіемъ и жертвовавшихъ своею жизнью, выполняя свой долгъ для блага населенія и отечества. Совершенно справедливымъ представлялось въ глазахъ народа, что за ихъ заслуги и подвиги они награждались потомственными привилегіями, и что такимъ образомъ создавался селекціонный классъ образованныхъ и достойныхъ людей, которымъ поручались наиболѣе отвѣтственные посты государственнаго управленія. Такая аристократія могла гордиться своимъ происхожденіемъ по праву, такъ какъ они не были выскочками, по протекціи, или по капризу властелина.

Но, какъ естественно создавалось почетное положеніе такой аристократіи, такъ естественно же оно могло и постепенно падать, когда она не умѣла удержаться на высотѣ и, мало-помалу, терялась почва для ея назначенія и дѣятельности.

Дворяне издавна признавались и въ Россіи представителями интеллигенціи, передовымъ сословіемъ и привилегированнымъ классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Они ближе всѣхъ стояли, какъ къ власти, такъ и къ крестьянамъ. Но они оказались не въ состояніи достойно выполнить своего соціального назначенія по отношенію къ развирію благосостоянія крестьянъ, — этой главной русской народной массы, кормившей Россію.

До отмѣны крѣпостнаго права, помѣщики занятые государственною службою, сами хозяйствомъ не занимались вовсе. Земли и рабочихъ было у нихъ много, но хозяйство велось на

мистровъ и старость изъ тѣхъ же крѣпостныхъ крестьянъ; ни о какихъ усовершенствованіяхъ культуры при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи.

Во время крѣпостного права они, такимъ образомъ, для просвѣщенія крестьянъ ничего не сдѣлали; послѣ же его уничтоженія, они стали держать себя еще болѣе далеко отъ нихъ.

На дворянъ царскимъ правительствомъ возлагались великія надежды въ отношеніи проведенія въ жизнь предположенныхъ послѣ освободительной реформы соціально-экономическихъ преобразованій, такъ какъ они были исключительными представителями интеллигенціи и крупными землевладѣльцами; кому же, какъ не имъ, стоявшимъ у земли и у народа, надлежало создать эру предстоявшаго возрожденія? — Но русское дворянство было осуждено, какъ и крестьянство, на гибель, и предположенные благія преобразованія остались неосуществленными; замѣнившія дворянъ административно-полицейскія силы, никакого отношенія ни къ землѣ, ни къ народу не имѣвшія, о такихъ преобразованіяхъ и думать не хотѣли: онѣ боялись ихъ.

Задача эта при созданныхъ освободительною реформою условіяхъ, совершенно порвавшихъ общіе интересы между дворянами и крестьянами, осталась невыполненною; вмѣсто ихъ сближенія, столь необходимаго, не только для просвѣщенія сельскаго населенія, но и для экономическаго благосостоянія всего государства, между ними была посѣяна рознь, которая впослѣдствіи перешла въ озлобленіе и дошла до ненависти, причемъ обѣ стороны взаимно обвиняли другъ друга въ своихъ несчастьяхъ и раззореніи.

Распространенное между поверхностными наблюдателями мнѣіе, что русскіе крестьяне были полны ненависти къ крупнымъ землевладѣльцамъ, помня еще ихъ произволь и злодѣйства при крѣпостномъ правѣ, совершенно невѣрны: послѣ уничтоженія крѣпостного права уже народилось нѣсколько поколѣній; крѣпостное право, если было не забыто, то уже заросло мохомъ давности.

Крестьяне знаютъ крѣпостное право, по рассказамъ отцовъ и дѣдовъ, которые свидѣтельствуютъ, что въ то время жилось сытнѣе, что экономически мужики были болѣе обезпечены, и что положеніе ихъ въ этомъ отношеніи послѣ

освобожденія измѣнилось не къ лучшему, а къ гораздо худшему.

Причины ненависти къ дворянамъ у крестьянъ были гораздо глубже: они обвиняли дворянъ въ условіяхъ произведенной по ихъ настояніямъ освободительной реформы, лишившей ихъ исконныхъ правъ на пользованіе вотчинными угодьями, какъ для надѣленія пахотной землею нарождающагося потомства, такъ и для выпасовъ общиннаго стада, а главное въ томъ, что ихъ замкнули въ сельскую общину съ воспрещеніемъ выхода изъ нея, вслѣдствіе чего они продолжали оставаться лишенными обще-гражданскихъ правъ, которыми пользовалось все остальное свободное населеніе.

Отрицать бѣдственныя послѣдствія освободительной реформы, какъ для крестьянъ, такъ и для дворянъ, конечно, невозможно; послѣдствія эти, какъ это выяснено въ своемъ мѣстѣ, были неизбежны.

Но распространенное мнѣніе, что несчастія, какъ крестьянъ, такъ и дворянъ, происходили вслѣдствіе того, что они всегда относились другъ къ другу враждебно и намѣренно, постоянно другъ другу вредили, совершенно неосновательно.

Крестьяне видѣли свое несчастіе въ томъ, что они не могли пользоваться обширными землями сосѣднихъ имѣній, а помѣщики видѣли свое несчастіе въ томъ, что они не могли пользоваться для своихъ работъ сосѣдними крестьянскими руками; но, въ общемъ, и тѣ, и другіе переносили свои несчастіе съ поразительнымъ стоицизмомъ. Конечно, у крестьянъ постепенно все болѣе и болѣе разгоралась зависть, глядя на сосѣднія, втунѣ гулявшія земли, а у помѣщиковъ не менѣе сильно развивались досада и негодованіе при ихъ раззореніи, глядя на массу крестьянскихъ рукъ, которыхъ они не могли привлечь къ работѣ, — но эти явленія вполнѣ естественны и всюду наблюдаются въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими и между классами богатыми и бѣдными.

Подъ вліяніемъ тлетворной пропаганды, дѣло дошло до того, что крестьяне вообразили, что царь-то и хотѣлъ бы произвести радикальную аграрную реформу въ цѣляхъ облегченія тягостнаго ихъ положенія, да мѣшали ему помѣщики, въ дѣйствительности уже потерявшіе всякое вліяніе.

Обвинялись крестьянами огульно всѣ дворяне, хотя дер-

жалась этого гибельнаго для судьбы Россіи направленія только окружавшая монарха ретроградная камарилья, изъ которой и выбирались лица, занимавшія высокіе, отвѣтственные государственные посты.

Царское правительство все же пробовало спасти дворянъ отъ окончательной гибели и удержать ихъ у земли (Дворянскій банкъ, дворянскій съ выигрышами заемъ и т. д.); но эти запоздавшія мѣры совершенно не соотвѣтствовали тому, что требовалось для исправленія недочетовъ реформы 1861 г., а потому и цѣли не достигли.

Спасти отъ раззоренія помѣщиковъ, предоставляя съ другой стороны крестьянамъ прозябать въ нищетѣ и невѣжествѣ, было въ дѣйствительности неосуществимо, такъ какъ благосостояніе, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, стояло въ прямой зависимости отъ общихъ успѣховъ сельскаго хозяйства, на которомъ судьба ихъ была неразрывно связана. А, кромѣ того, такое пристрастное отношеніе къ одной изъ сторонъ, — дворянамъ, — для крестьянъ казалось глубокою обидою, въ которой они опять-таки обвиняли дворянъ.

Раззореніе дворянъ въ глазахъ крестьянъ представлялось доказательствомъ полной ихъ неспособности къ сельскому хозяйству; по понятіямъ народа, земля кормитъ человѣка, и если человѣкъ, имѣя столько земли, сколько имѣли помѣщики, не въ состояніи былъ себя прокормить, *то куда же онъ идетъ?*

Такимъ образомъ, если крестьяне въ глазахъ дворянъ были сами виноваты въ своемъ обнищаніи, объясняющемся обыкновенно неспособностью, лѣнностью и пьянствомъ, то и дворяне, *по мнѣнію крестьянъ*, также сами виноваты въ своемъ раззореніи, нерѣдко по тѣмъ же самымъ причинамъ: но оба эти заключенія одинаково невѣрны.

Во всякомъ случаѣ, привилегіи, оказываемыя дворянамъ, *въ глазахъ народа* казались вопіющею несправедливостью. Русскимъ дворянамъ крестьяне, какъ извѣстно, оказывали извѣстную дань уваженія за заслуги ихъ на государственной службѣ, на полезной военной, экономической или научной дѣятельности, но ожидать отъ крестьянъ, чтобы они продолжали признавать за дворянами права на какія либо привилегіи, земельныя или общественныя уже не представлялось въ ихъ глазахъ **никакихъ основаній.**

Народъ долженъ быть единъ, и раздѣленіе его на сословія можетъ быть допущено только при томъ условіи, чтобы оно отнюдь не нарушало этого единства.

Сословіе же привилегированное, не имѣющее опредѣленнаго назначенія въ дѣлѣ развитія общаго народнаго благосостоянія, не только теряетъ свой смыслъ, но становится лишнимъ, тяжелымъ, ненавистнымъ бременемъ, въ *особенности для класса, лишеннаго обще-гражданскихъ правъ* и замкнутаго въ особую кастовую организацію, каковыми были русскіе крестьяне.

Подобное отношеніе крестьянъ къ цѣлому классу людей, въ числѣ которыхъ безъ всякаго сомнѣнія было не мало лицъ, заслуживавшихъ полнѣйшаго уваженія, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что *интеллигентные классы общества не имѣли никакихъ общихъ интересовъ съ крестьянами*, и крестьяне ихъ мало знали.

Такой печальной розни не было бы, если бы въ крупныхъ землевладѣніяхъ, послѣ освобожденія крестьянъ, были созданы обоюднo-выгодныя комбинаціи, для расчистки и совмѣстнаго использованія пустующихъ, бездоходныхъ площадей.

Мнѣ извѣстенъ примѣръ землевладѣльца, который вель все свое полевое и луговое хозяйство со временъ освобожденія съ крестьянскими обществами сообща; когда онъ умеръ, то оставилъ болѣе 700 десятинъ незаложенной земли, а получилъ отъ своего отца всего 150; крестьяне же отзывались о немъ съ большими похвалами и весьма сердечно.

Но такіе примѣры представляли собою рѣдкія исключенія. Въ общемъ же крупные землевладѣльцы не искали возможности сблизаться съ народомъ и заняться его культурою; всѣ предлагавшіяся въ этомъ смыслѣ комбинаціи не удостоивались даже внимательнаго разсмотрѣнія; разъ дѣло шло о томъ, чтобы вести хозяйство сообща съ крестьянами, въ большинствѣ случаевъ слышался такой отвѣтъ: — «Вотъ еще, станемъ мы опять съ мужиками *возиться!*».

А *возиться* съ крестьянами интеллигентнымъ классамъ между тѣмъ было необходимо, такъ какъ крестьяне представляютъ собою мощную, трудовую силу, безъ которой не можетъ обойтись никакое предпріятіе, а въ особенности сельское хозяйство.

Въ этомъ отношеніи крупные землевладѣльцы представля-

ли рѣзкую разницу въ сравненіи съ предпринимателями въ области торгово-промышленной.

Чѣмъ объяснить, напримѣръ, что по всѣмъ отраслямъ фабрично - заводскаго производства, получившаго со времени реформы 1861 года огромное развитіе, создано было изъ тѣхъ же крестьянъ столько прекрасныхъ рабочихъ и мастеровъ по разнообразнымъ спеціальностямъ?

А что же сдѣлали въ этомъ отношеніи русскіе крупные землевладѣльцы, поставившіе свои сельско - хозяйственныя предприятия на коммерческую ногу? Ровно ничего; никакого контингента рабочихъ они не создали, а довольствовались пришлыми неучами, бродящими съ одного мѣста на другое.

А между тѣмъ крестьяне, дѣйствительно, составляютъ подавляющую массу трудящагося населенія Россіи, и то, что интеллигентные классы игнорировали ихъ интересы, должно было неминуемо имѣть самыя печальныя послѣдствія.

Русскіе крестьяне представляли не только громадную экономическую производительную силу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несокрушимый оплотъ государственной власти.

Неудачное хозяйствованіе помѣщиковъ, слѣдовательно, приходится признать одною изъ главнѣйшихъ причинъ развала Россіи.

Искусственно безконечно поддерживаться такое натянутое, ненормальное положеніе русскихъ народныхъ массъ, задерживающее ихъ соціально-экономическое развитіе было невымыслимо. Зловѣщіе признаки недовольства народныхъ массъ и надвигавшейся соціальной катастрофы обнаружались за послѣдніе годы царскаго правительства вполне опредѣленно. Но большинство стоявшихъ у власти правителей оказались близорукими и не придали этому обстоятельству дѣйствительнаго его значенія; они не отдавали себѣ отчета въ томъ, что переживавшееся за послѣдніе годы въ Россіи до революціи счастливое время было затишьемъ передъ бурей: внезапно разразилась Великая Война и еще болѣе внезапно грянулъ громовой ударъ революціи и большевизма, потрясній и разрушившій казавшуюся незыблемою твердыню Россійской Имперіи.

Революція и большевизмъ, такимъ образомъ, были заключительнымъ актомъ печальной трагедіи длившейся болѣе полу столѣтія агоніи двухъ важнѣйшихъ, составлявшихъ мощь

Великаго Государства Россійскаго силъ: дворянства и крестьянства.

Освободительный актъ, — плодъ канцелярскихъ потугъ, — погубилъ, какъ крестьянъ, такъ и дворянъ, да и все успѣшное развитіе русскаго сельскаго хозяйства: онъ сразу же раздѣлилъ дворянъ на два враждебныхъ вооруженныхъ лагеря, и озлобленіе ихъ за истекшее послѣ того полустолѣтіе не только не было успокоено, а, наоборотъ, прогрессивно обострялось.

Такое ненормальное, непримѣрное въ исторіи другихъ народовъ, натянутое положеніе не могло длиться безконечно, и казавшаяся столь прочною административно - полицейская заграда, состоявшая изъ губернаторовъ, исправниковъ, земскихъ начальниковъ, становыхъ, урядниковъ, стражниковъ и прочихъ блюстителей порядка и спокойствія, не выдержала напора революціонной волны, была прорвана и разбилась въдребезги.

Погибла Россійская Имперія, вслѣдствіе недостаточныхъ и неудачныхъ мѣръ, принятыхъ царскимъ правительствомъ за послѣднія десятилѣтія для исправленія недочетовъ освободительной крестьянской реформы 1861 года, между тѣмъ какъ такіе недочеты за это время обнаружались съ особенною яркостью и совершенно затормозили дальнѣйшій ходъ социальноекономическаго развитія крестьянскихъ массъ.

Этими обстоятельствами и воспользовалась революціонная пропаганда. *Обманными обещаніями агитаторы привлекли народныя массы на свою сторону.*

Потерявшіе всякую связь съ классами культурными и подозрѣвая въ нихъ враговъ, настраивавшихъ противъ нихъ царя, крестьяне перешли на сторону революціонеровъ; такое положеніе вещей было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ дошедшей до ненависти сословной розни, подготовившей народныя массы къ социальному потрясенію, ужасы котораго превосходятъ все, что знала до сего времени исторія.

Много десятилѣтій проповѣдывались въ низахъ русскихъ народныхъ массъ черный передѣлъ, безвѣріе и нигилизмъ; и пропаганда эта на почвѣ крестьянскаго экономическаго неустройства и недовольства дала свои результаты. Большевики нашли для своей всеразрушительной дѣятельности благодарную почву; возвращеніе русской непобѣдимой арміи, позорное братаніе съ нѣмцами, избіеніе офицеровъ, анархія, не-

истовства аграрныхъ безпорядковъ, сопровождаемыя истязаніями людей и скота, убійствами и поджогами, — вотъ тѣ души раздирающіе ужасы, которые стряслись надъ нашимъ великимъ отечествомъ, и которые достаточно всѣмъ извѣстны, чтобы не останавливаться на нихъ дольше.

Если бы крестьяне продолжали вѣрить въ царя и въ его правительство, они не поддались бы соблазнамъ революціонеровъ, обѣщавшихъ отдать имъ всю помещичьи земли; ни сами они, ни войско, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ, не приняли бы участія въ революціи, и задуманный катастрофическій переворотъ при участіи однихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, конечно, не могъ бы удасться; Россія была бы спасена дворянами вмѣстѣ съ крестьянами и до сихъ поръ была бы цѣла.

Русскіе крестьяне долго и тщетно ждали царева слова, которое открыло бы имъ выходъ изъ ихъ невыносимо-тягостнаго положенія. Но слова этого не послѣдовало, и рассчитывать на него становилось для нихъ тѣмъ болѣе безнадежнымъ, что въ нихъ поддерживалась увѣренность, что царь то и хотѣлъ бы помочь имъ, да мѣшали ему дворяне, его окружавшіе его приспѣшники.

Одного этого обстоятельства уже было достаточно для того, чтобы наряду съ возраставшею ненавистью къ дворянамъ, дрогнула и глубокая вѣра русскаго народа во всемогущаго царя и въ его милость.

Фабрично-заводскіе рабочіе, какъ это наблюдается повсюду, были и въ Россіи подготовлены и расположены къ революціи; — но число ихъ было сравнительно ничтожно. Крестьяне же, — безъ участія которыхъ революція никоимъ образомъ не могла бы имѣть успѣха, — применили къ ней только вслѣдствіе окончательной потери ими надежды на то, что тяжелое соціально-экономическое ихъ положеніе могло быть измѣнено къ лучшему рѣшительными правительственными мѣрами.

Остается выяснить, что же во имя справедливости могло бы быть сдѣлано для удовлетворенія обездоленныхъ революціею крупныхъ землевладѣльцевъ? — Рассчитывать на то, что сами крупные землевладѣльцы, — не требуя обратнаго воз-

вращенія захваченныхъ революціоннымъ порядкомъ земель, могли бы полюбовно сойтись съ захватчиками, рѣшительно невозможно, да и недопустимо съ точки зрѣнія государственной, такъ какъ это не отвѣчало бы его цѣлямъ справедливаго на-дѣленія хуторянъ равноцѣнными земельными участками.

Нельзя же, кромѣ того, забывать, что оставшіяся въ Рос-сіи народныя массы о зарубежной интеллигенціи могутъ имѣть лишь весьма смутныя представленія, а потому являться въ Россію патріотамъ-бѣженцамъ безъ выработанной и заранее оповѣщенной планомѣрной программы ихъ намѣреній и дѣй-ствій, было бы крайне рискованно.

Оставшимся въ Россіи народнымъ массамъ совѣтскою вла-стью внушается, что бѣжавшая русская интеллигенція отка-залась окончательно отъ своего отечества и живетъ за грани-цею въ довольствѣ и припѣваючи; что куда же эта интелли-генція годна, коли она даже не могла защитить своего царя, **за** спиною котораго она благоденствовала? — что, если она и думаетъ возвратиться на родину, то только затѣмъ, чтобы отобрать отъ крестьянъ захваченныя ими революціоннымъ по-рядкомъ земли; — что, какой же въ ней толкъ, если она вмѣ-сто того, чтобы объединиться и заслужить за границу об-щее уваженіе и достойнымъ образомъ представлять Россію, — въ дѣйствительности не пользуется никакимъ довѣріемъ въ глазахъ иностранныхъ правительствъ? — что, вслѣдствіе это-го, даже союзныя державы, вмѣсто оказанія помощи Россіи въ дѣлѣ избавленія отъ большевиковъ, признали совѣтское правительство; — что зарубежная интеллигенція раздѣлилась на множество политическихъ партій, которыя другъ съ другомъ перессорились и никогда ни въ какомъ согласіи не придуть; и т. п.

Подобныя, распущенныя совѣтскою властью обвиненія, народными массами провѣрены быть не могутъ и, вѣроятно, въ нихъ глубоко укоренились.

Поэтому, какъ съ точки зрѣнія государственной, такъ и въ интересахъ самихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, всего осто-рожниѣе будетъ, какъ это сказано выше, разрѣшеніе этого слож-наго вопроса передать на усмотрѣніе имѣющаго установиться въ обновленной Россіи угоднаго народу правительства.

Какъ это было выяснено въ своемъ мѣстѣ, при распредѣ-леніи крестьянъ на хутора, участки ихъ могли бы образо-

ваться въ составѣ, какъ надѣльныхъ, выкупленныхъ ими земель, такъ и земель добавочныхъ: изъ государственныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ, крупныхъ землевладѣній и другихъ.

Какъ также было предположено, земельные участки передавались бы хуторянамъ въ собственность, но, при совершении купчей крѣпости, одновременно же совершалась бы безсрочная закладная на имя Имперскаго Земельнаго Банка въ суммѣ продажной цѣны, изъ 3% годовыхъ.

Стоило бы только выдѣлять при этомъ суммы, за которыя продавались бы хуторянамъ входящія въ составъ ихъ участковъ части отходящихъ къ нимъ земель изъ бывшихъ до революціи крупныхъ или другихъ землевладѣній и тогда, выпуская на эти суммы государственную, вѣчную 3% ренту, она могла бы имъ предоставляться въ возмѣщеніе ихъ убытковъ, съ того момента, какъ хуторяне, на основаніи закладной начинали бы уплачивать Банку проценты.

Такая комбинація имѣла бы существенныя преимущества передъ всякими другими, обязывающими правительство вознаграждать пострадавшихъ землевладѣльцевъ изъ средствъ Казны и обременяющихъ населеніе непосильными налогами.

Но справедливость заставляетъ принять при этомъ во вниманіе, что отъ захвата революціоннымъ порядкомъ имѣній пострадали также и держатели облигацій, выпущенныхъ Земельными Банками подъ залогъ этихъ имѣній.

Облигаціи эти распространены на значительныя суммы между людьми, вѣрившими въ прочность помѣщенія своихъ сбереженій и могущихъ болѣе претендовать на вознагражденіе, чѣмъ крупные землевладѣльцы.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о положеніи этого дѣла въ 1917 году, — начала аграрнаго хаоса; но вотъ какъ представляется эта картина по статистическимъ свѣдѣніямъ долгосрочнаго кредита въ 1902 г. (Изд. Голубева. Вып. II.).

Около 45% частнаго землевладѣнія въ Россіи заложено было въ разныхъ земельныхъ банкахъ; въ январѣ 1900 года картина эта представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

Общее число заложенныхъ владѣній было	96.987
Занимали они общую площадь въ дес.	44.993.744
Оцѣнка ихъ опредѣлена въ руб.	2.615.105.880
Выдано было подъ нихъ ссудъ: руб.	1.514.466.221
Остатокъ долга на нихъ въ руб.	1.422.755.565

Конечно, впередъ предусмотрѣть по какой цѣнѣ сравнительно съ довоенной банковской оцѣнкой будутъ проданы земли, входившія въ крупныя землевладѣнія, хуторянамъ, невозможно, какъ невозможно также предвидѣть, всѣ ли земли цѣликомъ будутъ распределены между хуторянами; во многихъ случаяхъ можетъ оказаться недостатокъ въ требующихся для отвода земельныхъ участкахъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ оказаться и остатки такихъ площадей, которыя, по своему неудобству, никому не будутъ нужны; все это подробности, обсужденіе которыхъ совершенно преждевременно.

Но казалось бы безспорнымъ, что если бы нашлись какіе либо источники для вознагражденія пострадавшихъ отъ революціи землевладѣльцевъ, то предназначаемыя въ этихъ цѣляхъ суммы должны распределяться между ними и держателями облигацій Земельныхъ Банковъ пропорціонально претензіямъ тѣхъ и другихъ.

На этомъ, казалось бы, и должны бы покончиться всѣ расчеты и забыться всѣ недоразумѣнія между дворянами и крестьянами; ожидается эра возрожденія Россіи, когда, какъ образованные классы, такъ и земледѣльцы, опомнятся и признаютъ, что они представляютъ составныя силы единого русскаго народа, одинаково другъ другу необходимыя, и что благосостоянія своего они могутъ достигнуть только, если они начнутъ работать рука объ руку, для чего, какъ это будетъ выяснено въ слѣдующей главѣ, и должна быть создана кооперативная сельско-хозяйственная комбинація обоюднo-выгодная для обѣихъ сторонъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ХУТОРЯНЪ.

Разсѣпанные на хутора невѣжественные хлѣбопашцы, безъ культурнаго просвѣщенія, изъ нищенскаго состоянія не выйдутъ. — Культурное просвѣщеніе ихъ лежитъ на обязанности образованныхъ классовъ. — Сознаніе необходимости просвѣщенія въ русскихъ крестьянахъ за послѣднія десятилѣтія стало просыпаться съ неудержимой силой. — Сельскія школы культурныхъ земледѣльцевъ не подготовляли. — Опытъ и знанія пріобрѣтаются земледѣльцами только на собственныхъ хозяйствахъ. — Наилучшими въ этомъ отношеніи организаціями представляются кооперативныя объединенія хуторянъ съ опытнымъ хозяиномъ администраторомъ. — Трудовыя сельско-хозяйственныя коопераціи могли бы обходиться безъ собственныхъ капиталовъ. — Распространеніе между хуторянами массоваго кооперативнаго производства земледѣльческихъ продуктовъ. — Опытный хозяинъ - организаторъ, наравнѣ съ хуторянами, долженъ бы пользоваться одинаковыми льготами, какъ по надѣленію земельнымъ участкомъ, такъ и по кредиту на оборудованіе своего дѣла. — Такая комбинація могла бы вполне удовлетворить, какъ русскихъ хуторянъ, такъ и русскіе интеллигентныя классы, готовящіяся посвятить свою дѣятельность на дѣло возрожденія Россіи. — Огромное значеніе Министерства Земледѣлія въ предстоящей дѣятельности по культурному просвѣщенію русскихъ хуторянъ.

Въ своемъ мѣстѣ было выяснено, что для того, чтобы невѣжественные, первобытные крестьяне, переходящіе отъ стадно-общиннаго землепользованія къ хозяйству индивидуальному, — хуторскому, могли превращаться въ зажиточныхъ земледѣльцевъ, имъ непремѣнно должна быть оказана значительная *помощь, какъ матеріальная, такъ и культурная.*

Все, что для русскихъ крестьянъ могло бы быть сдѣлано въ отношеніи *матеріальномъ*, подробно было выяснено въ предыдущихъ главахъ; остается разсмотрѣть вопросъ не менѣе

важный, — въ какой формѣ и кѣмъ можетъ быть оказана имъ необходимая помощь культурная.

Безъ практически-культурнаго просвѣщенія невѣжественныхъ хлѣбопашцевъ, сколько бы ихъ не надѣляли землею, — они вскорѣ же ее вытащутъ и вновь начнутъ плакаться на свою нищету.

Въ исторіи социальна-экономическаго развитія земледѣльческихъ народовъ всюду наблюдается этотъ повсюду повторяющійся фактъ: каждый народъ, — послѣ перехода отъ кочевого состоянія къ осѣдлому, но сохранившій патріархальный строй своей общинной организаціи, — начинаетъ обрабатывать землю всѣмъ обществомъ и самыми примитивными способами; затѣмъ приемы воздѣлыванія, хотя съ теченіемъ времени нѣсколько и совершенствуются, но далѣе трехполя успѣхи въ этомъ направленіи не идутъ; на этой системѣ хозяйства первобытные хлѣбопашцы-общинники и останавливаются. Мало того: наступаетъ моментъ, когда вслѣдствіе лишенія земельного простора, достигнутое благосостояніе сельской общины начинаетъ приходить въ упадокъ; продуктивныя силы почвы, подъ вліяніемъ размноженія населенія на ограниченной земельной площади, истощаются, и крестьяне начинаютъ терпѣть все болѣе и болѣе возрастающую нужду, не находя исхода изъ этого положенія.

Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что первобытные землепашцы одними собственными силами, при стадно-общинномъ землепользованіи, могутъ достигнуть лишь весьма незначительной степени экономическаго развитія.

Для организаціи же болѣе сложной системы хозяйства требуются болѣе совершенныя, чуждыя имъ приемы, основанныя на научныхъ познаніяхъ и на значительныхъ оборотныхъ средствахъ, которыхъ у нихъ нѣтъ.

Въ такомъ именно печальномъ состояніи невѣжественнаго востая и безвыходной бѣдности жили до сихъ поръ и русскіе крестьяне, замкнутые на ограниченной площади общинной земли, которой едва хватало на ихъ скудное питаніе.

Русское невѣжественное сельское населеніе одними собственными силами далѣе этой степени развитія своего хозяйства будучи не въ состояніи идти, уподоблялось пчеламъ, муравьямъ, бобрамъ и другимъ твореніямъ низшаго порядка,

которые, хотя также достигают известной степени развития социальной организации, но останавливаются на ней навсегда, — какъ въ заколдованномъ кругу.

Стадно-общинное землепользование на самомъ дѣлѣ и есть такой же заколдованный кругъ, строго охраняемый подъ игомъ мірскаго схода; не умѣя и не имѣя возможности усиливать продуктивность ограниченной площади земли, находящейся въ распоряженіи общины, соразмѣрно съ возрастающимъ числомъ кормящихся на ней жителей, население ея неизбежно обрекается на обнищаніе.

Выйти изъ такого коснаго положенія могутъ помочь первобытнымъ землепашцамъ только интеллигентные классы общества, а если землепашцы отъ этихъ классовъ оказались бы изолированными, какъ это и произошло въ Россіи, то безвыходное положеніе ихъ неизбежно должно было окончиться катастрофой.

Подобное же явленіе наблюдалось до послѣдняго времени и въ Ирландіи, гдѣ крупные землевладѣльцы, — Ландлорды, — проживая въ Англіи, сами хозяйствомъ не занимались, а сдавали свои имѣнія въ аренду грубымъ эксплуататорамъ, которые тянули соки, какъ изъ земли, такъ и изъ окружающаго сельскаго населенія, вслѣдствіе чего въ концѣ концовъ земля истощилась, крестьяне обнищали, и дѣло кончилось революціей.

Во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ изъ такого состоянія косности и неподвижности сельское населеніе выводилось образованными классами.

Но русскіе интеллигентные классы въ этомъ отношеніи ровно ничего не сдѣлали, и какъ только молодой человѣкъ получалъ, не только высшее но среднее, или даже низшее образованіе, то онъ о деревнѣ уже и слышать не хотѣлъ и настолько отдалялся отъ мужика, что становился для него чужимъ; они просто переставали понимать другъ друга, — настолько разнились ихъ потребности и образъ жизни, и если съ одной стороны мужику было трудно подняться до уровня понятій интеллигента, то съ другой, — и интеллигенту не представлялось ни желанія, ни надобности нисходить до уровня слабо-развитаго, примитивнаго мужика.

Русскіе крестьяне сами сознавали, что они «люди темные». Какъ и всякій другой народъ, жившій въ стадіи перво-

бытнаго, невѣжественнаго состоянія, они переносили свое невѣжество безсознательно, какъ нѣчто естественное, нормальное: — но могло продолжаться такое положеніе только до тѣхъ поръ, пока о другомъ, лучшемъ, положеніи они не имѣли понятія.

Многія первобытныя племена, не способныя къ воспріятію культуры, при соприкосновеніи съ народами цивилизованными, постепенно вымирають; но не таковъ Русскій народъ:

Онъ жаждетъ просвѣщенія, и крестьянскія массы продолжали прозябать въ рутинѣ и невѣжествѣ только потому, что они были прикрѣплены къ сельской общинѣ и были такимъ образомъ выдѣлены въ особую касту, лишенную возможности сообщаться съ развитыми классами общества.

При стадномъ укладѣ общиннаго замкнутого хозяйства, русскому крестьянину, какъ было выяснено въ своемъ мѣстѣ, не представлялось ни малѣйшаго интереса улучшать общественную землю; онъ поѣтому и не стремился къ полученію агрономическихъ знаній, да и не вѣрилъ въ нихъ.

Сознаніе необходимости культурнаго просвѣщенія у русскихъ крестьянъ начало просыпаться только за послѣднія десятилѣтія до революціи; оно развивалось одновременно съ разгоравшимся въ нихъ стремленіемъ переходить отъ общинно-стаднаго землепользованія къ индивидуальнo-хуторскому хозяйству.

Покуда же они держались еще сельско-общиннаго строя, ко всѣмъ новшествамъ, нарушавшимъ традиціонный порядокъ трехпольнаго сѣвооборота съ чернымъ паромъ, они относились не только съ упорнымъ недовѣріемъ, но и враждебно; слабые успѣхи окружавшихъ ихъ крупныхъ хозяйствъ не мало способствовали укорененію такого недовѣрія.

Только по мѣрѣ того, какъ изъ ихъ же среды выходившіе наиболѣе энергичные и сметливые крестьяне стали на собственные средства устраивать самостоятельныя доходныя хозяйства на хуторахъ, — а такихъ хозяйствъ, занимавшихъ около 40 милліоновъ десятинъ, насчитывалось до революціи около 6 милліоновъ, — рутинное настроеніе ихъ стало быстро измѣняться, а за послѣднія десятилѣтія до революціи они стали проявлять такую жажду къ практически-культурному просвѣщенію, которую удовлетворять не успѣвали, ни

Министерство Земледѣлія, ни Земства, ни сельско-хозяйственныя общества.

Фактъ этотъ является доказательствомъ неудержимаго стремленія русскаго крестьянина къ культурѣ, которое зарождается въ немъ, какъ только онъ попадаетъ въ условія, благоприятныя для развитія самостоятельной, индивидуальной дѣятельности. Судя по этому, можно себѣ представить, какая должна закипѣть работа въ области культурнаго просвѣщенія русскаго народа, какъ только въ Россіи водворятся покой и порядокъ.

Обстоятельство это доказываетъ, насколько слѣдуетъ твердо вѣрить въ успѣхи, которые могутъ быть достигнуты русскими крестьянами въ дѣлѣ интенсификаціи хуторскихъ хозяйствъ, если только имъ будетъ оказано надлежащее содѣйствіе со стороны правительства и интеллигентныхъ классовъ.

Русскія сельскія школы, вопреки ихъ главному назначенію, вовсе не подготовляли культурныхъ земледѣльцевъ, въ которыхъ Россія такъ нуждалась.

Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что до-революціонныя сельскія школы достигали цѣли совершенно обратной: онѣ извлекали изъ среды крестьянскаго населенія наиболѣе способную молодежь, которая, вмѣсто того, чтобы, по окончаніи курса, возвращаться въ деревню, спѣшила, пользуясь своею грамотностью, пристраиваться въ городахъ и въ промышленныхъ центрахъ конторщиками, приказчиками, рассыльными, почтальонами, телеграфистами, швейцарами и т. п., предпочитая землешеству и деревенской грязи и убожеству любое положеніе тамъ, гдѣ работа оплачивалась дороже, а жизнь была свободнѣе и веселѣе. Чѣмъ больше, такимъ образомъ, насаждалось сельскихъ школъ, — тѣмъ болѣе обездоливались деревенскія сельско-хозяйственныя производительныя силы.

Но такое положеніе вещей было фатально, такъ какъ при нищенскомъ общинномъ землепользованіи подъ игомъ мірскаго схода, — культурной молодежи оставалось только бѣжать изъ деревни.

Для того, чтобы деревенская молодежь не такъ соблазнялась городскою жизнью, необходимо прежде всего создать условія жизни въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ, сносныя, не говоря уже о полномъ довольствѣ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ забы-

вать, что когда грамотность, а до известной степени и образование деревенских дѣтей становятся повсюду обязательными, то и требованія ихъ къ условіямъ жизни увеличиваются, и что они съ жизнью, какую вели ихъ отцы и дѣды, не могутъ мириться; грязь и тѣснота, признаваемые въ деревнѣ явленіями нормальными, для современной деревенской молодежи невыносимы, и удержать ее въ деревнѣ при такихъ условіяхъ невозможно никакими силами.

Отливъ деревенской молодежи въ города, конечно, наблюдался не только въ Россіи, но наблюдается повсюду, во всѣхъ государствахъ, гдѣ торгово-промышленная дѣятельность достигаетъ такой степени развитія, что она, несмотря на высокую заработную плату, начинаетъ испытывать въ рабочихъ рукахъ недостатокъ.

Но не таково было и долго еще будетъ положеніе Россіи, если хуторяне могли бы устроить свою жизнь съ нѣкоторыми удобствами: какъ бы быстро ни развивалась ея торгово-промышленная дѣятельность, сельскому хозяйству надолго еще суждено оставаться главнѣйшимъ источникомъ не только существованія многомилліоннаго класса земледѣльцевъ, но и вывоза его продуктовъ за границу: обусловливается это обстоятельство двумя причинами: 1) растущою необходимостью западно-европейскихъ государствъ, за недостаткомъ своего хлѣба, выписывать его изъ-за границы и 2) географическимъ, континентальнымъ положеніемъ необъятной Россіи.

Классныя занятія въ деревенскихъ школахъ подготовляли грамотную молодежь, которая вся утекала въ города и фабрично-заводскіе центры, а для улучшенія крестьянскаго хозяйства не дали ничего: одною теоріею, да показательнымъ опытнымъ полемъ создать опытныхъ земледѣльцевъ невозможно; чтобы достигнуть реальныхъ успѣховъ, землепашецъ долженъ изучать практическіе приемы интенсивной культуры на опытѣ, на собственномъ хозяйствѣ.

Для того же, чтобы русскій народъ, послѣ испытаннаго имъ потрясенія воспрялъ духомъ, оправился экономически и оказался бы въ силахъ не только удовлетворять насущныя нужды продолжающаго быстро размножаться русскаго населенія, но, кромѣ того, достигнуть такихъ успѣховъ національнаго производства, чтобы выбрасывать на иностранные рынки значительные излишки своихъ продуктовъ, нужно известное время,

впродолженіе котораго онъ могъ бы постепенно воспринимать культурное просвѣщеніе и техническіе приемы обработки земли до соотвѣтствующей, высокой степени.

Пережитое русскимъ крестьянствомъ лихолѣтіе будетъ отмѣчено исторіей, какъ переломъ въ его социальнo-экономической жизни; какъ крутой поворотъ съ направленія его многовѣкового пути; какъ рѣшительный шагъ отъ стадно-общиннаго натуральнаго землепользованія къ индивидуальному труду; какъ выходъ изъ темнаго, закоснѣлаго невѣжества къ свѣту просвѣщенія, безъ котораго онъ долѣше жить уже не могъ; и какъ проявленіе во всей силѣ личныхъ способностей и энергіи въ качествѣ полноправныхъ гражданъ, — земледѣльцевъ-собственниковъ на хуторахъ.

Предстоящее въ Россіи разрѣшеніе аграрнаго вопроса, такимъ образомъ, тѣсно связано съ необходимостью выясненія возможныхъ условій для безотлагательной организаціи культурнаго просвѣщенія разселяющихся на хутора крестьянъ, безъ чего не можетъ быть надежды на постепенный ростъ продуктивности ихъ хозяйствъ и на поднятіе ихъ благосостоянія, такъ какъ безъ пріобрѣтенія въ этихъ цѣляхъ необходимыхъ знаній и опыта, при ихъ невѣжественномъ пользованіи землею, они ее быстро истощатъ и будутъ безконечно прозябать на нищенскомъ положеніи.

Пріобрѣтать же и усваивать себѣ необходимыя практическія знанія хуторяне должны, не въ школахъ и не по учебникамъ или по совѣтамъ изрѣдка встрѣчаемыхъ агрономовъ, а только на практикѣ, на своемъ же дѣлѣ, причемъ въ успѣшномъ развитіи ихъ хозяйства и усиленіи продуктивности ихъ хозяйствъ былъ бы заинтересованъ, на примѣръ, сосѣдь, тоже хозяинъ, но знающій и опытный.

И надо при этомъ, чтобы такой сосѣдь, — опытный хозяинъ, — не только хорошо велъ собственное хозяйство, на которое окружные хуторяне могли ходить — поглядѣть и полюбоваться; необходимо, чтобы такой опытный хозяинъ реально самъ былъ бы заинтересованъ въ томъ, чтобы у окружныхъ хуторянъ хозяйство шло хорошо, и чтобы участіе его въ ихъ хозяйствахъ было выгодно, какъ для него самого, такъ и для хуторянъ, т. е. другими словами, — чтобы такое дѣло было организовано на кооперативныхъ началахъ.

Въ переживаемый періодъ социальнo-экономическаго раз-

витія, наблюдается прогрессивный ростъ кооперативныхъ предприятий; объясняется этотъ фактъ тѣмъ, что значеніе труда, какъ одного изъ важныхъ факторовъ производства, сравнительно съ другимъ такимъ же его факторомъ, — капиталомъ, — постепенно возрастаетъ, и не далеко, быть можетъ, то время, когда трудъ вытѣснитъ капиталъ на второе мѣсто, а самъ займетъ въ дѣль производства мѣсто преобладающее.

Наиболѣе подходящею и обоюдно-выгодною, какъ для хуторянъ, такъ и для образованнаго хозяина, организаціею для созданія какого нибудь спеціальнаго производства въ области земледѣлія, скотоводства или молочнаго хозяйства, отвѣчающею культурно - просвѣтительнымъ цѣлямъ, представляется намъ кооперація; но кооперація производительная — трудовая — а не такая, которая ограничивается только торговыми оборотами, по снабженію, на примѣръ, сельскаго населенія всевозможными предметами необходимости.

Для такихъ трудовыхъ кооперацій, конечно, должны быть точно установлены права и обязанности обѣихъ сторонъ: какъ трудящихся хуторянъ, такъ и принимающаго участіе знаніемъ, опытомъ въ дѣлѣ организаци и веденія хуторскаго хозяйства спеціалиста по производству какой либо отрасли сельскаго хозяйства.

Для организаци такихъ трудовыхъ сельско - хозяйственныхъ кооперацій нѣтъ надобности, чтобы образованный хозяинъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ, или чтобы онъ обладалъ крупными капиталами; достаточно было бы того, чтобы онъ былъ такимъ же мелкимъ землевладѣльцемъ, какъ и другіе мѣстные хуторяне, такъ какъ ему своего большого хозяйства вести будетъ некогда, да и нѣтъ смысла, если онъ будетъ получать нѣкоторую пользу отъ каждаго хуторянина, производящаго вмѣстѣ съ нимъ общіе для всѣхъ участниковъ сельско - хозяйственные продукты. При проведеніи въ жизнь изложенной въ предыдущихъ главахъ финансово-монетной системы, въ капиталахъ недостатка быть не можетъ, и прочное, здоровое предпріятіе можетъ постепенно развиваться безъ основнаго капитала.

Въ отдаленныя времена, когда денежныхъ капиталовъ еще не было, производство обходилось безъ капиталовъ: сельскія общины въ дѣлѣ сельско - хозяйственнаго производства

представляютъ въ этомъ отношеніи яркій примѣръ, такъ какъ члены ихъ производили все необходимое собственными средствами.

Наиболѣе же характернымъ примѣромъ трудовой коопераціи въ чистомъ ея видѣ представляютъ собою русскія артели, — но артели не торгово-биржевыя, въ которыхъ каждый участникъ вноситъ пай, — а артели, въ составъ которыхъ входитъ нѣсколько труженниковъ разнаго возраста и неравныхъ способностей (староста, рядовые рабочіе, подростки-ученики, кашеваръ, кухарка и т. п.) — для выполненія отрядно разныхъ работъ (плотники, землекопы, каменщики, молотильщики и т. п.), причемъ каждый изъ участниковъ получаетъ изъ прибыли особое паевое вознагражденіе по предварительному уговору, сообразно съ его способностями и пользою для общаго дѣла. Въ такихъ коопераціяхъ капиталъ никакой роли не играетъ, и каждый участвующій имѣетъ опредѣленное съ общаго согласія число паевъ, смотря по его способностямъ.

Паевой капиталъ денежный образовался сравнительно недавно, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія міровой товарно-промышленной дѣятельности, развилось и паевое участіе въ предпріятіяхъ въ видѣ акцій.

Развитіе міровыхъ торговыхъ оборотовъ потребовало увеличенія въ обращеніи денежныхъ знаковъ, золотыхъ или замѣняющихъ золото, которое издавна было стандардомъ оцѣнки товаровъ и всякихъ предметовъ торговаго оборота.

На деньги стали расцѣпываться всевозможныя цѣнности, а въ томъ числѣ земля и трудъ, которые ранѣе не были предметами торговли.

Земля и прочія недвижимости стали продаваться и отдаваться внаймы (аренда); трудъ сталъ, если не продаваться, то также отдаваться внаймы (работники); установился также и наемъ денегъ (заемъ изъ процентовъ).

Но при двухъ важнѣйшихъ факторахъ, обуславливающихъ производство, — капитала и труда, — бываютъ примѣры, какъ это мы видѣли, что производство можетъ обходиться безъ капитала (сельскія общины и русскія трудовыя артели); но такихъ примѣровъ, чтобы какое нибудь производство могло обойтись безъ труда, нѣтъ и быть не можетъ.

Изъ этого выводится заключеніе, что:

Если, съ одной стороны, капиталистическое производ-

ство можетъ съ успѣхомъ осуществляться путемъ наемнаго труда, то, съ другой стороны, и трудовая кооперація, состоящая изъ подобранныхъ здоровыхъ участниковъ, можетъ точно съ такимъ же успѣхомъ осуществлять нѣкоторыя предприятия, при помощи наемнаго капитала.

Принципъ этотъ и вошелъ въ основаніе при созданіи изложеннаго примѣрнаго финансоваго организаціоннаго плана распредѣленія русскихъ крестьянъ на хутора (капитализація труда, прилагаемаго къ землѣ).

Этотъ же принципъ какъ нельзя болѣе подходитъ и къ организаціи трудовыхъ кооперацій русскихъ хуторянъ съ опытными хозяевами.

Въ своемъ мѣстѣ былъ описанъ примѣръ кооперативнаго хозяйства (*métayage*), практикующагося и до сихъ поръ во Франціи и Италіи, на договорныхъ началахъ между крупными землевладѣльцами и земледѣльцами, въ иныхъ случаяхъ продолжающихся нѣсколько сотъ лѣтъ и сохранившихся со времени крѣпостнаго права: сеньоры тогда еще нашли выгоднымъ замѣнить барщину хуторскимъ хозяйствомъ, при которомъ домохозяева надѣлялись участками двойного размѣра, и подъ руководствомъ сеньора, снабжавшаго ихъ племеннымъ скотомъ, земледѣльческими орудіями, отборными сѣмянами и искусственными удобреніями, на дѣлѣ, практически просвѣщаль ихъ и доводилъ ихъ хозяйство до такой доходности, благодаря которой, при распредѣленіи прибылей пополамъ, обѣ стороны богатѣли, и крестьяне съ теченіемъ времени выкупали на собственные средства обрабатывавшіеся сообща съ сеньоромъ участки...

Конечно, при измѣнившихся въ настоящее время социальнo-экономическихъ условіяхъ, комбинація эта является архаически-устарѣвшею: нѣтъ, ни сеньоровъ, ни крѣпостныхъ крестьянъ, — нѣтъ надобности для трудовой коопераціи съ хуторянами въ богатыхъ крупныхъ землевладѣніяхъ, — да и работа хозяина — специалиста, принимающаго участіе въ такой трудовой коопераціи значительно сложнѣе: русскіе крестьяне, хотя и находятся еще въ состояніи полнаго невѣжества, но они превращаются въ хуторянъ-собственниковъ и въ полноправныхъ гражданъ.

При такихъ условіяхъ, устанавливаемые между ними и хозяиномъ-специалистомъ трудовыя кооперативныя отношенія

должны быть основаны не на властномъ распоряженіи его надъ хуторянами, а на точно опредѣленныхъ коммерческихъ расчетахъ въ получаемыхъ каждою изъ сторонъ отъ такого предпріятія выгодахъ.

Поселяющагося на собственномъ хуторѣ земледѣльца невозможно сравнивать съ рутиннымъ землепашцемъ крѣпостнымъ, или общиннаго типа, который безразлично коснѣлъ въ бѣдности и невѣжествѣ, мирясь съ своимъ положеніемъ.

Современныя потребности крестьянъ совершенно иныя: они уже не могутъ довольствоваться только тѣмъ, что будутъ потреблять продукты собственного производства, а стремятся пользоваться всѣми преимуществами современныхъ экономическихъ успѣховъ: кумачи, ситцы, чай, сахаръ, керосинъ, табакъ и другіе предметы городской торговли уже давно носятъ общее названіе «крестьянскаго товара»; спросъ на такіе товары и ранѣе былъ громадный, но онъ могъ развиваться лишь постольку, поскольку деревня оказывалась въ состояніи выбрасывать на рынки въ обмѣнъ на эти товары, продукты своего производства, что до сего времени вообще было довольно слабо, — сравнительно съ тѣмъ, что возможно при успѣшной интенсификаціи хуторского хозяйства.

Соображенія эти доказываютъ, насколько условія, на которыхъ могли бы создаваться кооперативныя трудовыя кооперации между опытными хозяева-спеціалистами, должны отличаться отъ тѣхъ, которыя устанавливались въ средніе вѣка между сеньорами и крѣпостными крестьянами: опытный хозяинъ-спеціалистъ, не сеньоръ, а такой же труженикъ, какъ и окружающіе его хуторяне; онъ не можетъ, подобно сеньору, предоставлять хуторянамъ въ пользованіе земельные участки, нарѣзывая ихъ изъ своихъ обширныхъ владѣній и не можетъ вносить въ общее дѣло столько же скота, птицы и прочаго, сколько ихъ имѣлось у крестьянина; онъ не можетъ, подобно сеньору замѣнять барщину кооперативнымъ хозяйствомъ и вмѣсто полагавшихся трехъ дней въ недѣлю ея отбыванія, считать себя вправѣ отбирать въ свою пользу половину урожая.

При современныхъ условіяхъ кооперативнаго хозяйства, хозяинъ-спеціалистъ, — самъ такой же хуторянинъ, какъ и окружающіе его земледѣльцы-собственники; онъ вступаетъ съ ними въ добровольное соглашеніе на основаніяхъ чисто коммерческихъ, — предоставляя имъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ

богаты, — т. е. специальными знаниями и опытом, — и взимая съ нихъ за это уже никакъ не половину урожая, а лишь скромный комиссионный процентъ съ оборотныхъ суммъ каждаго хуторского хозяйства, выручаемыхъ отъ продажи чрезъ него земледѣльческихъ продуктовъ и приобретаемыхъ чрезъ него же всевозможныхъ предметовъ, необходимыхъ для хозяйства: скота, птицы, инвентаря, сѣмянъ, химическихъ удобрений и т. п.

Едва ли нужно доказывать, что разъ хуторяне будутъ относиться къ своему руководителю-специалисту съ полнымъ довѣріемъ и, кромѣ того, будутъ сознавать, что онъ, не только въ состояніи покупать по оптовымъ цѣнамъ требующіеся предметы значительно лучшаго качества и дешевле, чѣмъ они сами, а съ другой стороны, что онъ и самъ лично заинтересованъ въ томъ, чтобы приобретаемые предметы непременно способствовали поднятію доходности хозяйства и сбыту земледѣльческихъ продуктовъ по наиболѣе выгоднымъ цѣнамъ, то въ отношеніи такого скромнаго и справедливаго его вознагражденія никакихъ сомнѣній и затрудненій быть не можетъ, такъ какъ сами хуторяне на такія торговыя операціи не способны, а накладные расходы по розничнымъ сдѣлкамъ купли-продажи несомнѣнно обошлись бы имъ гораздо дороже.

Весь успѣхъ дѣла въ этомъ случаѣ зависитъ только отъ того, чтобы расчеты велись точно и аккуратно, чтобы они не возбуждали никакихъ сомнѣній, и чтобы они не давали повода для какихъ либо недоразумѣній.

При условіяхъ такого практическаго культурнаго просвѣщенія, и русскіе хуторяне вскорѣ же сумѣютъ довести свое производство до того, чтобы, не только удовлетворять внутренніе рынки, но и вывозить значительное количество зерна и другихъ продуктовъ за границу: это соображеніе не требуетъ доказательствъ, такъ какъ оно блестяще доказано на опытѣ.

На этомъ фактѣ и основывается наше твердое убѣжденіе въ скоромъ возрожденіи Великой Россіи.

Другой фактъ, подтверждающій это убѣжденіе, это тотъ, что русскіе крестьяне, стремящіеся къ разселенію на хутора, сознаютъ свое невѣжество и чувствуютъ свою беспомощность; а то, что они и при переживаемомъ ими лихолѣтїи объединяются уже вокругъ кулаковъ, доказываетъ, что они охотно под-

чиняются опытному, хотя и мало отличающемуся от нихъ руководителю и организатору, который, если не въ состоянїи научить ихъ многому, то дорогъ уже тѣмъ, что можетъ учредить порядокъ и дисциплину, а въ случаѣ надобности оказать и нѣкоторую матеріальную помощь.

Въ отдаленныхъ углахъ Россіи мужикъ еще покуда только о томъ и мечтаетъ, чтобы у него было столько земли, чтобы онъ могъ отъ нея прокормиться: его требованія, въ большинствѣ случаевъ, покуда еще болѣе, чѣмъ скромны. Поэтому онъ довольствуется руководителемъ изъ своей же необразованной среды, но мужикомъ болѣе самостоятельнымъ, распорядительнымъ и обладающимъ нѣкоотрыми средствами позволяющими рассчитывать на то, что въ случаѣ нужды, или несчастія, онъ могъ бы выручать его изъ бѣды.

Принимая во вниманіе такое первобытное состояніе русскихъ крестьянъ, слѣдуетъ признать, что для первыхъ шаговъ въ дѣлѣ ихъ культурнаго просвѣщенія, особыхъ агрономическихъ познаній отъ хозяина для руководства извѣстною группою хуторянъ, не потребуется, а нужны знаніе и практическій опытъ по избранной спеціальной отрасли сельскаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ организаторскія способности, умѣнье внушать къ себѣ довѣріе со стороны хуторянъ и способность ладить съ ними.

Опытный организаторъ-хозяинъ, задающійся мыслью насажденія какого нибудь спеціального производства, долженъ прежде всего, выбрать подходящую мѣстность, гдѣ бы близко знакомое ему сельско-хозяйственное производство могло успѣшно развиваться, какъ по ея географическимъ и почвеннымъ условіямъ, такъ и по характеру мѣстнаго населенія.

Нечего и говорить, что въ степныхъ губерніяхъ наиболѣе подходящими спеціальностями будутъ относящіяся до зерновыхъ продуктовъ и, вообще, до земледѣлія, между тѣмъ какъ въ центральныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ преимущество должно быть отдано продуктамъ скотоводства и молочнаго хозяйства.

Для примѣрнаго описанія дѣятельности опытнаго организатора-хозяина, въ дѣлѣ насажденія какого-нибудь массоваго производства между значительною группою хуторянъ, мы беремъ скотоводство и молочное хозяйство, какъ наиболѣе ярко отражающіе реальную возможность достиженія успѣховъ,

тѣмъ болѣе, что русскіе крестьяне, въ общемъ, о правильномъ веденіи скотоводства никакого понятія не имѣютъ.

А между тѣмъ скотоводство есть главная основа хуторского хозяйства, и земледѣліе безъ достаточнаго количества скота осуждено на гибель: русскіе крестьяне это вполне сознаютъ, а потому хуторянь ничѣмъ нельзя болѣе заинтересовать, какъ возможностью обзавестись хорошимъ скотомъ, свиньями, птицею и т. п.

И, вотъ, если хозяинъ-организаторъ начнетъ съ того, что укажетъ хуторянамъ, какъ слѣдуетъ устраивать скотные дворы и, при помощи оказываемаго имъ кредита Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ, выберетъ для cadaго изъ нихъ по двѣ порядочныхъ дойныхъ коровъ, а самъ, между тѣмъ, съ помощью того же Банка, обзаведется высокою породы быкомъ и коровою, для улучшенія молочнаго скота въ будущемъ, — это уже будетъ краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе созидаемаго дѣла, который произведетъ на хуторянь наилучшее впечатлѣніе и возбудитъ въ нихъ полное довѣріе къ строителю и массу надеждъ на будущее.

Затѣмъ, если хозяинъ-организаторъ въ случаяхъ возможности сбыта молока въ расположенныхъ по близости городахъ, или промышленныхъ центрахъ устроить у себя пріемъ молока, контроль его, разливъ въ бутылки и организуетъ развозку его на мѣста, — то это уже будетъ второй крупный шагъ въ предпринятомъ дѣлѣ.

Въ случаяхъ же отдаленности расположенія хуторянь отъ городовъ и промышленныхъ центровъ, хозяинъ-администраторъ можетъ устроить у себя маслобойку, или сыроварню, по образцамъ артельныхъ маслобоенъ и сыроваренъ, уже извѣстныхъ въ Россіи.

Еще важнѣе будетъ по своимъ результатамъ моментъ, когда коровы хуторянь начнутъ покрываться высокопороднымъ быкомъ хозяина-администратора и хуторяне стануть обзаводиться телками улучшенныхъ породъ: конечно хозяину-администратору придется періодически смѣнять быка, но избѣжаніе перерожденія, но расходы по этому дѣлу, будутъ вполне возмѣщаться хуторянами, путемъ устанавливаемой за всѣ оказываемыя имъ услуги съ общаго согласія таксы.

Успѣшное развитіе такого дѣла будетъ стоять въ прямой

зависимости отъ того, насколько хозяину-организатору быстро удастся приучить хуторянъ къ правильному уходу и кормленію молочнаго скота и къ расчетливому веденію ихъ хозяйства: записи задаваемыхъ раціоновъ кормовъ и получаемыхъ соотвѣтственно удоевъ, соблюденіе абсолютной чистоты и т. п.

А такъ какъ въ такихъ успѣхахъ хуторянъ хозяинъ-организаторъ будетъ самъ заинтересованъ, то онъ, конечно, найдеть расчетъ добиваться такихъ успѣховъ всевозможными способами: онъ можетъ, на примѣръ, брать къ себѣ на практику, по очереди, членовъ семей-хуторянъ, начиная съ наиболее способныхъ, недѣли на двѣ, или на три, и, какъ только польза отъ приобретаемыхъ знаній и опыта станутъ обнаруживаться въ ихъ хозяйствахъ, то остальные хуторяне, глядя на нихъ начнутъ перенимать полезные приемы другъ отъ друга.

Комбинаціи массоваго кооперативнаго производства въ этомъ родѣ могутъ быть весьма разнообразны: свиноводство, — съ раздачею крестьянамъ матокъ, или поросятъ для выкормки на продажу или на племя; выкормка каплуновъ и цулярдъ; садоводство, путемъ снабженія крестьянъ саженцами и наблюденія за уходомъ фруктовыхъ деревьевъ, производящихъ высокосортные яблоки, груши, сливы и т. д.; плантаціи свекловичныя, горчичныя и ягочныя, хмѣлеводство, табаководство и т. п.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже сами крестьяне прицѣлились за какую нибудь специальную культуру, конечно, слѣдуетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы такую специальную культуру, находящуюся еще въ зачаточномъ состояніи, развить до надлежащей степени совершенства.

Въ Россіи и до революціи можно было наблюдать отдѣльные районы, въ которыхъ ярко опредѣлялось предпочтеніе мѣстнымъ сельскимъ населеніемъ какой нибудь излюбленной специальной культуры.

Съ незапамятныхъ временъ, на примѣръ, сельское населеніе Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда занимается исключительно огородничествомъ; хлѣба не сѣютъ, а производятъ огурцы, зеленый горошекъ, цикоріи, пряныя растенія и аптекарскія травы. Ежегодное производство сухого зеленого горошка достигло 30 тысячъ пудовъ, и эти продукты, не только шли на потребленіе Россіи, но и отправлялись за границу.

Но, какъ извѣстно,, огородный промыселъ этотъ разви-

вался по старинкѣ, на рутинныхъ началахъ, а потому и продукты получались невысокаго качества.

А между тѣмъ производство это разрослось до того, что вызвало въ этомъ районѣ устройство перерабатывающихъ мѣстныхъ заводовъ: — цикорныхъ, мятныхъ, крахмальныхъ, паточныхъ и т. п. Но и заводы эти носили примитивный характеръ: техника была несовершенная, сушка плохая, и, если бы въ этомъ дѣлѣ приняли участіе специалисты, изучившіе эту отрасль хозяйства, то дѣло это несомнѣнно въ скоромъ времени расцвѣло бы и обогатило бы мѣстное сельское населеніе.

Замѣчательно, что достигнутые успѣхи огороднаго хозяйства въ Ростовскомъ уѣздѣ обязаны женщинамъ, коотрыя однѣ и ведутъ его, научаясь ему съ дѣтства, преемственно отъ матерей. Мальчики же, уже начиная съ 15-лѣтняго возраста идутъ на отхожій промыселъ, нанимаясь въ огородники въ разныхъ мѣстностяхъ, не только въ Россіи, но и въ Финляндіи и даже въ Германіи.

Невозможно себѣ представить, какого широкаго и блестящаго развитія могла бы достигнуть эта интересная отрасль сельско-хозяйственнаго производства, если бы въ помощь уже естественно и самостоятельно развивающейся дѣятельности мѣстныхъ крестьянъ были предоставлены необходимыя средства, специальныя культуръ-техническія знанія и надлежащая практическая организація для массоваго производства и сбыта огородныхъ продуктовъ и фармацевтическихъ и лечебныхъ травъ и растений.

По мѣрѣ успѣховъ такой системы веденія дѣла, устарѣвшія понятія крестьянъ стали бы отходить въ вѣчность, и они стали бы примѣнять свою энергію и силы, не только въ лѣтнюю пору, но и зимою. Молочный скотъ потребуетъ постояннаго ухода и неустанныхъ заботъ, чего они не знали, пока скотъ держался только для навоза. А если хуторяне займутся другими отраслями хозяйства, — свиноводствомъ, куроводствомъ и т. д. то, подъ руководствомъ опытнаго хозяина-специалиста, они будутъ продавать яйца, перо, пухъ, откормленныхъ цыплятъ, пулярдъ, поросятъ и т. п.; тогда у нихъ и зимою будетъ работы по горло, и вмѣсто того, ч тобы продать въ зимнее время то, что заготовили лѣтомъ, они, тру-

дясъ круглый годъ, весьма быстро достигнуть значительной степени благосостоянія.

Но, для того, чтобы изъ первобытнаго пахаря образовать опытнаго земледѣльца, отъ хозяина-организатора требуется громаднѣйшее терпѣніе, добиваясь, чтобы крестьянинъ повѣрилъ въ пользу предлагаемыхъ ему новыхъ пріемовъ и условий интенсивной культуры.

Общая черта крестьянина-земледѣльца всюду одинакова; покажите ему прекрасное, отборное зерно, для посѣва: онъ его будетъ разглядывать, попробуетъ на ощупь, на вкусъ, а потомъ, если согласится, что оно хорошо, то все же усомнится въ томъ, что такое прекрасное зерно можетъ быть произведено въ другомъ мѣстѣ, кромѣ тѣхъ чудесныхъ мѣстъ, откуда оно вывезено; онъ не вѣритъ, ни словамъ, ни книжкамъ, а вѣритъ только своему опыту: когда онъ самъ посадитъ зерно и выраститъ продуктъ, — да когда и сосѣди сдѣлаютъ то же самое, чтобы онъ могъ сравнивать различные результаты и усвоить себѣ, почему у однихъ они получились лучше, а у другихъ хуже, — только тогда онъ проникнется справедливостью предлагаемыхъ ему улучшеній и усвоитъ ихъ навсегда.

Для крестьянина, вступающаго въ новую жизнь, настоятельно необходимо имѣть постоянную возможность получать вѣрное указаніе, объясненіе, или толковый совѣтъ отъ человѣка, который будетъ къ нему стоять близко, и съ которымъ онъ можетъ быть въ постоянномъ общеніи. Хозяинъ-руководитель непременно долженъ, поэтому, быть «своимъ человѣкомъ» переживающимъ со всѣмъ населеніемъ, какъ счастливыя времена, такъ и періодическія невзгоды.

«Своимъ человѣкомъ» хуторяне сочтутъ хозяина-организатора, когда они поймутъ, что дѣятельность его имѣетъ въ своемъ основаніи, не честолюбіе и повышеніе по службѣ, а его личную выгоду, и когда они будутъ на него смотрѣть, не какъ на чиновника, или начальство, а какъ на опытнаго знатока специальной отрасли хозяйства, приносящаго пользу ихъ общему дѣлу, т. е. какъ на участника въ немъ на артельныхъ принципахъ коопераціи.

Вплоть до революціи интеллигенты для крестьянъ были людьми совершенно чужими, которыхъ они плохо и понимали: хозяину-специалисту надо будетъ сумѣть освоиться съ ними, а добиться этого можно скорѣе всего на общемъ дѣлѣ;

и если хозяинъ-спеціалистъ будетъ заинтересованъ въ результатахъ успѣховъ культуры хуторянина и въ усиленіи доходности его хозяйства, то это и будетъ *общее дѣло*, взаимная польза отъ котораго установить между ними тѣсныя отношенія на самыхъ твердыхъ основаніяхъ.

Такой хозяинъ-спеціалистъ заслужить со стороны окружающихъ хуторянъ необходимый авторитетъ только въ томъ случаѣ, если добьется удачныхъ результатовъ на ихъ же земельныхъ участкахъ: это будетъ не легко, но тогда уже довѣріе къ нему будетъ, полное, безграничное; и такой хозяинъ создастъ себѣ въ округѣ почтенное положеніе и завидную общественную карьеру.

Изъ сказаннаго можно заключить, насколько такой хозяинъ-спеціалистъ будетъ для хуторянъ полезнѣе, чѣмъ тотъ простой мужикъ-кулакъ, къ покровительству котораго крестьяне прибѣгаютъ по необходимости, хотя онъ нерѣдко эксплуатируетъ невѣжественное и бѣдствующее населеніе.

Хозяинъ-спеціалистъ разъясняетъ будущимъ хуторянамъ выгоду массоваго производства избраннаго съ общаго согласія сельско - хозяйственнаго продукта. Доказать же сходство выгоды производства предлагаемаго чрезъ землеустроительную комиссію спеціальнаго продукта будетъ тѣмъ болѣе не трудно, что для успѣшнаго развитія его хуторяне могли бы рассчитывать на необходимыя для этого ссуды Имперскаго Земельнаго Банка; для разрѣшенія же такихъ ссудъ потребуются согласіе мѣстныхъ Землеустроительныхъ Комиссій и Министерства Земледѣлія, которыя и при обсужденіи этого вопроса должны будутъ сообразоваться съ мнѣніемъ такого хозяина-спеціалиста; а обстоятельство это въ глазахъ хуторянъ поднимаетъ его значеніе.

И надо замѣтить, что какъ бы не были велики труды хозяина - организатора въ этомъ направленіи, они будутъ щедро вознаграждены самимъ же дѣломъ. Русскіе крестьяне могли требовать даровой помощи отъ правительства, когда оно водило ихъ на помочахъ; но за всякую полезную услугу частнымъ лицамъ они всегда были готовы платить, по мѣрѣ ихъ силъ. Въ данномъ же случаѣ ничего сверхъ силъ хуторянъ не потребуется, такъ какъ платить имъ придется только за реально полученную ими выгоду или услугу; за покупаемые предметы или продаваемые продукты по порученію

хуторянь, они охотно будутъ платить ему комиссіонный процентъ; за пользованіе тракторомъ, молотилкою, косилкою, жнею и другими земледѣльческими машинами и орудіями они будутъ вносить установленную по общему уговору таксу и т. п. Въ общемъ, если бы подъ руководствомъ хозяина-организатора было около ста хуторовъ, то это уже было бы большое дѣло, и хозяину-организатору могъ бы очищаться значительный доходъ, главнымъ образомъ, отъ массовой продажи производимаго спеціального продукта.

Дѣло это, какъ выяснено выше, должно быть основано на принципѣ трудовой коопераціи, въ которой трудятся хуторяне и трудится также хозяинъ-спеціалистъ. Денежныя средства, — капиталъ, — какъ той, такъ и другой сторонѣ, авансируетъ Имперскій Земельный Банкъ, подъ залогъ хуторскаго участка, хозяйственнаго устройства, скота и инвентаря каждаго изъ нихъ.

Изъ сказаннаго видно, что на изложенныхъ условіяхъ его дѣятельности хозяину-спеціалисту нѣтъ надобности въ обширномъ участкѣ земли; онъ, наравнѣ съ другими хуторянами можетъ вполнѣ довольствоваться участкомъ одинаковыхъ, скромныхъ размѣровъ; на его приобрѣтеніе и на хозяйственное устройство его точно также могутъ быть авансированы необходимыя суммы Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ, но не иначе, какъ по утвержденію Министерствомъ Земледѣлія плана его дѣятельности и смѣты на производство расходовъ, какъ по сооруженію построекъ и по обзаведенію всѣмъ необходимымъ для его работы: племеннымъ скотомъ, машинами и орудіями для предоставленія ихъ въ пользованіе хуторянамъ, лабораторными аппаратами, устройствомъ небольшого показательнаго поля и т. д. Необходимыя суммы по мѣрѣ надобности могли бы ему выдаваться, какъ и хуторянамъ, изъ 3% годовыхъ.

Точно также и для покупки, *по порученію хуторянь*, скота, земледѣльческихъ орудій, посѣвныхъ сѣмянъ, химическихъ удобреній, — необходимыя средства также могли бы авансироваться ему на руки, но распределены на банковскіе счета хуторянь, согласно съ ихъ ходатайствами.

До сихъ поръ сельское хозяйство въ Россіи было обставлено условіями настолько неблагопріятными и невыгодными, что люди способные и энергичные отъ него бѣжали и предпочитали трудиться въ области торговли и промышленности; бро-

сали свои имѣнія и образованные землевладѣльцы, бросали землю и крестьяне, переселяясь въ города и промышленные центры.

Всѣ лучшія силы сельскаго населенія переселялись въ города, на фабрики и заводы, а въ деревнѣ оставались косить въ общинѣ старики, да дураки, которымъ городскіе и фабрично-заводскіе рабочіе еще обязаны были высылать деньги, подѣ страхомъ невыдачи паспорта и возвращенія по этапу на родину. Расселеніе крестьянъ на хутора должно положить конецъ такому несообразному положенію вещей; довольно же, въ самомъ дѣлѣ, сельская община надѣляла города, фабрики и заводы своими лучшими силами; на хуторахъ природные земледѣльцы получаютъ, наконецъ, возможность выказать свою энергію и силу на собственныхъ хозяйствахъ.

Русскій крестьянинъ еще не имѣлъ возможности выкачать всю свою мощь въ дѣлѣ хлѣбопашества и скотоводства. Земледѣлецъ, вся энергія котораго тратилась только на то, чтобы отъ земли кормиться, былъ навѣки осужденъ оставаться въ состояніи убожества и невѣжества.

Въ верхнихъ слояхъ русскаго общества знали, что русскіе крестьяне производятъ настолько мало, что они отъ земли и сами едва могли кормиться, а въ неурожайные годы не могли обходиться безъ правительственной помощи. Фактъ этотъ чаще всего объяснялся ихъ лѣнностью, нерадѣніемъ, тупостью и пьянствомъ; но того, что въ той общинной обстановкѣ и при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ крестьяне прозябали, отъ нихъ и требовать больше было нельзя, — этого, за рѣдкими исключеніями, не поняли.

Новая эра наступитъ въ жизни мужика только съ того момента, когда онъ окажется въ состояніи производить больше того, что ему нужно для своего пропитанія, и выбрасывать излишки своихъ продуктовъ на рынокъ, чтобы на вырученные деньги пріобрѣтать, помимо предметовъ необходимости и всего нужнаго для усовершенствованія его хозяйства, еще и предметы удобства и прихотей.

Хозяйство хуторянина при правильной постановкѣ можетъ превратиться въ настоящую копилку, въ которой накапливались бы трудовыя деньги, откладываемыя отъ получаемаго хорошаго дохода.

Постепенное подготовленіе для этого русскихъ крестьянъ,

при изложенныхъ условіяхъ совершалось бы — не теоретически, въ школѣ — а практически, на дѣлѣ, — на собственномъ хуторѣ. Мало ли что мужики и ранѣ слышали, и какіе совѣты имъ давали? Мало ли чему учили ихъ дѣтей въ школахъ? Но толку изъ этого для земледѣлія вышло очень мало.

Ограничиваться одними совѣтами и классными занятіями для культурнаго просвѣщенія хуторянъ послѣ перенесеннаго Россією потрясенія, уже не приходится: пережитое до революціи прошлое доказало, насколько такіе теоретическіе методы безрезультатны.

Для возрожденія русскаго сельскаго хозяйства остается одно: чтобы интеллигентныя силы Россіи сплотились съ силами крестьянскими въ единое, общее дѣло и начали работать вмѣстѣ.

Примѣрная комбинація такой работы сообща и изложена выше для молодыхъ поколѣній, жаждущихъ посвятить себя просвѣтительной дѣятельности въ Россіи.

Русская сельско-хозяйственная промышленность должна достигнуть той же высокой степени развитія, какъ и та, которая наблюдалась въ другихъ отрасляхъ русской промышленной дѣятельности.

Но сельско-хозяйственное производство въ Россіи не развивалось до сихъ поръ съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ промышленность и торговля; въ самомъ дѣлѣ, въ каждой отрасли промышленнаго производства въ Россіи создались замѣчательные, опытные и дорого оплачиваемые спеціалисты, — инженеры и техники; благодаря такимъ спеціалистамъ, нѣкоторыя отрасли промышленнаго производства, не только могли по качеству и красотѣ, соперничать съ заграничными, но превосходили ихъ (шелковыя издѣлія Сапожниковыхъ, полотняныя ткани Третьякова и Коншина, ситцы, кумачи, хлопчато-бумажныя издѣлія и т. п.); а что же было сдѣлано въ Россіи въ отношеніи сельско-хозяйственной промышленности, которая, по своимъ размѣрамъ и оборотамъ и по своему разнообразію всевозможныхъ отраслей производства, имѣла столь же важное, если не большее значеніе въ дѣлѣ экономическаго государственнаго развитія?

Въ Россіи агрономовъ-практиковъ по разнымъ спеціаль-

ностямъ не существовало; русскій агрономъ долженъ былъ знать все: и всю необъятную Россію съ ея разнообразными мѣстными климатическими, почвенными и другими условіями, — и технику всевозможныхъ, разнообразныхъ видовъ сельско-хозяйственного производства. Польза отъ нихъ, при ихъ малочисленности и скудной оплатѣ ихъ трудовъ, въ сравненіи съ тою громадною задачею, которая представлялась на ихъ разрѣшеніе, была ничтожная, и шло сельское хозяйство, какъ у крестьянъ, такъ и у большинства крупныхъ землевладѣльцевъ, кое-какъ.

Въ предлагаемой комбинаціи кооперативнаго хозяйства, въ основу котораго входитъ объединеніе трудовъ и интересовъ хуторянъ съ сельско-хозяйственными знаніями и опытомъ интеллигентныхъ хозяевъ, для агрономовъ открывається въ Россіи широкое поле дѣятельности.

Каждый изъ молодыхъ людей, готовящійся работать въ этой области, заранѣе можетъ по своему усмотрѣнію выбрать и изучать ту спеціальную отрасль сельско-хозяйственной промышленности, которую онъ считалъ бы подходящею для насажденія въ той или другой мѣстности Россіи, съ тѣмъ, чтобы, въ качествѣ хозяина-организатора, и съ помощью кредита, который бы былъ ему оказанъ правительствомъ, развить массовое производство по этой спеціальности и создать для себя обезпеченное, почтенное положеніе.

Всѣ надежды наши въ осуществленіи великаго дѣла поднятія народнаго хозяйства возлагаются на молодыхъ поколѣнія, — на ту массу русской молодежи, которая вынесла на себѣ тяжкія страданія пронесшейся надъ Россіею разрушительной бури, и которая жаждетъ примѣнить свои силы къ возрожденію разоренаго отечества: мы указываемъ ей на ожидающую ее ту благородную дѣятельность, съ которою не можетъ сравниться ни одна изъ свободныхъ профессій, ни карьера служебная, ни политическая, ни перспективы спеціальной дѣятельности инженеровъ, артистовъ и научныхъ дѣятелей. Высокое назначеніе культурнаго хозяина-землевладѣльца воплощаетъ въ себѣ идею безкорыстия и справедливости, на основаніи которыхъ только и можетъ создаться въ Россіи народное благосостояніе.

Россія была и будетъ житницею Европы, если только крестьянамъ будетъ дана возможность, расселившись на хуто-

ра, сдѣлаться самостоятельными хозяевами и набираться при помощи интеллигенціи техническихъ знаній и опыта для интенсификаціи ихъ культуры.

Земля и сила народная, вотъ два главныхъ источника русскаго богатства. Только на нихъ и можно строить расчеты возстановленія продуктивныхъ силъ Россіи, ея могущества и величія. Но на помощь русскому народу, — крестьянамъ, — въ выполненіи этой исторической его задачи должны придти всѣ любящіе свое отечество, опытные въ земельныхъ вопросахъ и свѣдующіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ люди и, чѣмъ существеннѣе будетъ эта помощь, тѣмъ быстрѣе будетъ проведена въ жизнь предстоящая землеустроительная реформа.

Предлагаемая комбинація практическаго культурнаго просвѣщенія первобытныхъ землепашцевъ-общинниковъ, переходящихъ на индивидуальное хуторское хозяйство, основывается на томъ же, выясненномъ въ предыдущихъ главахъ принципѣ, — капитализація прилагаемыхъ трудовъ къ земледѣлю; при кооперативномъ сочетаніи знаній и опыта съ работою земледѣльца, разрѣшается важнѣйшая социаль-но-экономическая проблема одновременнаго поднятія благосостоянія земледѣльца и его культурнаго просвѣщенія.

При достигнутомъ современномъ уровнѣ развитія человѣчества, трудъ — это источникъ капитала, такъ какъ капиталъ есть результатъ труда; а трудъ, приложенный къ землѣ, въ результатѣ создаетъ капиталъ, который удваивается и утраивается при ихъ кооперативномъ сочетаніи.

Трудъ, прилагаемый рабочимъ къ чужой землѣ, — въ чужой землѣ и остается, увеличивая въ пользу землевладѣльца ея доходность; рабочій же уходитъ, получивъ въ расчетъ лишь столько, сколько, пока онъ работалъ, было необходимо для его прожитія; такъ дѣло обстоитъ и въ сельско - хозяйственныхъ и въ торгово - промышленныхъ предпріятіяхъ.

Задача предлагаемой финансово - аграрной коопераціи заключается, какъ это выяснено въ своемъ мѣстѣ, не только въ томъ, чтобы русскихъ первобытныхъ землепашцевъ надѣлать хуторскими участками, а чтобы дать имъ средства на прожитіе, покуда они будутъ вкладывать свой трудъ въ землю и будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщаться съ тѣмъ, чтобы въ результатѣ они могли воспользоваться плодами своихъ тру-

довъ, т. е. увеличеніемъ, какъ доходности, такъ и торговой стоимости ихъ земельныхъ участковъ.

Для частныхъ акціонерныхъ банковъ такая комбинація не интересна и не осуществима; для государства же она въ высшей степени полезна и никакого риска не представляетъ; крестьяне — это его дѣти и трудъ ихъ, съ государственной, отеческой точки зрѣнія, отнюдь не можетъ имѣть своимъ назначеніемъ обогащеніе частныхъ коммерческихъ банковъ, а долженъ капитализоваться въ землѣ, увеличивая народное благосостояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ обогащая и само государство.

По мѣрѣ успѣшнаго развитія сельско-хозяйственнаго производства и увеличенія достатка сельскаго населенія, успѣшно развивались бы торговля и промышленность, и росла бы экономическая и политическая мощь государства.

А вмѣстѣ съ тѣмъ создавался бы прочный, привязанный къ землѣ классъ зажиточныхъ хуторянъ, являющійся всюду самымъ надежнымъ оплотомъ порядка и соціального спокойствія, такъ какъ самыя условія ихъ жизни заставляютъ ихъ проникаться искреннимъ сознаниемъ того, что земля — родная мать ихъ, а государство — дорогое отечество.

Заканчивая эту главу, замѣтимъ, что все вышеизложенное, относительно расселенія русскихъ крестьянъ на хутора, было бы не полно, если бы мы не обратили подробнѣе вниманія на то громадное значеніе, которое должно бы имѣть въ этомъ важномъ дѣлѣ *живое участіе Министерства Земледѣлія*; ни организація рациональнаго кредита Имперскаго Земельнаго Банка, ни осмысленная организаторская дѣятельность хозяина-специалиста, ни желательное направленіе дѣятельности сельскихъ земледѣльческихъ школъ и цѣлой сѣти кооперативовъ, не могли бы успѣшно достигать намѣченныхъ цѣлей, безъ верховнаго рациональнаго руководительства и бдительнаго контроля въ лицѣ Министерства Земледѣлія.

Значеніе дѣятельности Министерства Земледѣлія въ дѣлѣ успѣшнаго развитія сельскаго хозяйства въ такомъ государствѣ, какъ Россія, несомнѣнно безгранично велико.

Къ сожалѣнію, до послѣднихъ лѣтъ царскаго режима, дѣятельность его была крайне стѣснена съ одной стороны от-

пускомъ для осуществленія намѣчаемыхъ имъ цѣлей необходимыхъ средствъ, а съ другой — обязанностью считаться съ признаваемой Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ необходимостью сохраненія, — по соображеніямъ административно-полицейскаго характера, — кастоваго сельско-общиннаго быта русскихъ крестьянъ, которое и было основною причиною ихъ коснѣнія въ невѣжествѣ и нищенскаго прозябанія.

Благія намѣренія Министерства Земледѣлія при такихъ условіяхъ не находили ни возможности ихъ осуществленія, ни даже сочувственнаго отклика со стороны главнѣйшихъ правительственныхъ вѣдомствъ, отъ которыхъ зависѣла судьба русскихъ хлѣбопашцевъ.

При проведеніи же въ жизнь предлагаемаго при обновленіи Россіи государственнаго землеустройства, которое, казалось бы, отвѣчало успѣшному насажденію и развитію крестьянскихъ хуторскихъ хозяйствъ, для культуръ-технической дѣятельности Министерства Земледѣлія предстояло бы широкое поле: если для осуществленія необходимыхъ въ этихъ цѣляхъ мѣропріятій средства безпрепятственно получались бы отъ Имперскаго Земельнаго Банка, а съ другой стороны постепенно исчезало бы бессмысленное общинное землепользованіе, главнѣйшія препятствія, тормозившія успѣхи народнаго хозяйства были бы устранены.

Задача Министерства Земледѣлія въ дѣлѣ расселенія русскихъ крестьянъ на хутора и перехода ихъ отъ рутиннаго трехполья къ многопольному интенсивному хозяйству, главнымъ образомъ, состояло бы въ заботахъ объ организаціи подготовки того значительнаго штата технического персонала, который потребуется какъ для успѣшной дѣятельности сельскихъ земледѣльческихъ школъ, такъ и для образованія опытныхъ хозяевъ-администраторовъ, необходимыхъ для развитія массоваго производства земледѣльческихъ продуктовъ на кооперативныхъ началахъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Землеустроительные комитеты, какъ мѣстные, такъ и центральные, должны понятно быть въ вѣдѣніи Министерства Земледѣлія; завѣдующіе комитетами назначаются имъ, но въ составъ ихъ должны бы также входить окружный земскій агрономъ и стоящіе во главѣ кооперативныхъ хуторскихъ производствъ хозяева-спеціалисты.

Съ другой стороны и при Имперскомъ Земельномъ Банкѣ долженъ былъ бы состоять постоянный представитель Министерства Земледѣлія, который принималъ бы участіе въ засѣданіяхъ по разрѣшенію ссудъ и давалъ бы свое мнѣніе, при разсмотрѣніи условій и смѣтъ на устройство и оборудованіе вкладываемыхъ хуторскихъ хозяйствъ.

Если же, кромѣ того, принять еще во вниманіе, что изложенныя въ этой главѣ планы отнюдь не слѣдуетъ понимать, какъ предполагаемую организацію русскаго сельско-хозяйственнаго производства въ образѣ исключительно мелкаго хуторскаго землевладѣнія на правахъ собственности, а что, наряду съ нимъ обязательно должно быть предоставлено широкое мѣсто для капиталистическаго хозяйства, столь необходимаго для приведенія въ культурный видъ огромной части пространства, занимаемаго Россією, то можно себѣ представить, какая громадная работа выпадаетъ въ будущемъ на долю Министерства Земледѣлія.

При современныхъ успѣхахъ науки и техники, неудобныхъ для земледѣлія мѣстъ нѣтъ, — пески, болота и масса, вообще, пустующихъ площадей въ одной только Европейской Россіи ждуть своей очереди для превращенія ихъ въ заселенныя, области, оживленныя промышленными хозяйствами и другими предпріятіями.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Большевицкій чумный яд излѣчимъ. — Съ разбойниками и поджигателями, послѣ паденія Совѣтской диктатуры, крестьяне сами сумѣютъ расправиться. — Русское сельское население не вышло еще изъ своего первобытнаго состоянія: но культурность его не подлежитъ сомнѣнію. — Совѣтская диктатура не представляетъ собою избраннаго народомъ правительства. — Насажденіе коммунизма, какъ организациі политической, есть абсурдъ. — Беззавѣтную привязанность крестьянъ къ землѣ и къ традиціямъ предковъ слѣдуетъ признать обстоятельствомъ благоприятнымъ для возрожденія Россіи. — Задержка совѣтскою диктатурою нормальнаго хода социальна - экономическаго развитія русскаго народа, лишь временно. — Безъ опытныхъ руководителей выходъ русскихъ крестьянъ изъ ихъ косности представляется невозможнымъ. — Задача превращенія русскаго невѣжественнаго хлѣбопашца въ опытнаго земледѣльца лежитъ на обязанности русской интеллигенціи. — Въ этомъ направленіи заранѣе должна быть составлена программа для ознакомленія русскихъ крестьянъ съ намѣреніями лицъ, готовящихся поработать въ этой области. — Мировой опытъ неудачнаго насажденія коммунизма въ Россіи раскроетъ глаза и у другихъ народовъ на нелѣпость теорій социализма и большевизма. — Историческая будущность русскаго народа огромна.

И, вотъ, поневолѣ напрашивается вопросъ, сохранится ли, послѣ переживаемаго русскимъ народомъ большевицкаго лихолѣтія, прежній, симпатичный, здоровый типъ русскаго крестьянина? Не развращенъ ли весь великій русскій народъ тлетворною пропагандою социализма и большевизма въ конецъ и безвозвратно? . .

На значительной части русскаго населенія, а главное, на его молодомъ поколѣннѣи, большевицкая зараза несомнѣнно отразится разлагающимъ образомъ.

Многіе изъ молодежи, конечно, оказались не въ силахъ

устоять противъ безнравственной, разрушительной пропаганды, въ корень подрывающей основы семейныя и религіозныя и отвергающей уваженіе частной собственности: отравленною этимъ коммунистическимъ ядомъ окажется, главнымъ образомъ, значительная часть молодого поколѣнія.

Такое положеніе вещей, для будущаго представляетъ, конечно, мало успокоительнаго. Отрицаніе религіи, семьи и правъ собственности, настойчиво проповѣдуемое, какъ сельскому, такъ и городскому населенію, хотя и не обращаетъ крестьянъ и рабочихъ въ коммунистовъ, но несомнѣнно въ корень подтачиваетъ во многихъ изъ нихъ здравыя основы социальноекономическаго развитія и искажаетъ здоровыя, естественныя стремленія крестьянъ къ созданію благосостоянія въ образѣ интенсивнаго хуторскаго хозяйства съ уютнымъ домашнимъ очагомъ.

Но надо надѣяться, что страшныя разрушительныя послѣдствія революціоннаго яда, безпримѣрныя опустошенія, не заслуженныя страданія десятковъ милліоновъ изувѣченныхъ и погибшихъ отъ этого яда жертвъ, въ концѣ концовъ заставятъ народъ образумиться, и онъ будетъ искать выхода изъ этого положенія.

И, какъ это оказывается въ дѣйствительности, большевицкій ядъ, хотя и заразителенъ особенно для молодежи, но послѣ 20-тилѣтняго возраста онъ слабѣетъ: — у людей перешедшихъ этотъ возрастъ большевицкій пылъ остываетъ, и здоровыя натуральныя чувства берутъ верхъ; въ зрѣломъ возрастѣ люди становятся степенными и домовитыми хозяевами; въ дѣйствительности Совѣтская власть своимъ воспитаніемъ, хотя и можетъ развращать дѣтей и своею пропагандою превращать молодежь въ разбойниковъ, но нелѣпыхъ принциповъ коммунизма народу она привить не можетъ; въ зрѣломъ возрастѣ продолжаютъ, подъ лозунгами коммунизма свои злодѣянія люди, въ глазахъ народа считающіеся простыми разбойниками и душегубами, съ которыми въ все время сумѣетъ расправиться.

Нельзя, кромѣ того, упускать изъ виду и то огромное значеніе, которое непременно должна оказать въ дѣль пробужденія въ русскомъ народѣ совѣсти и нравственныхъ силъ, гонимая Совѣтскимъ правительствомъ религія; гоненія эти будутъ имѣть тѣ же спасительныя послѣдствія, какъ и го-

ненія происходившія въ первые вѣка христіанства; чѣмъ больше они будутъ жестоки, тѣмъ тверже Христова вѣра будетъ укрѣпляться въ души изстрадавшихся массъ.

Уже въ настоящее время, какъ извѣстно, православныя церкви переполняются небывалымъ числомъ молящихся, и молитвенное народное настроеніе доходитъ до такого же экстаза, какой наблюдается на тонущемъ въ бурномъ океанѣ кораблѣ, когда надежда на спасеніе возлагается на одного Бога: стоитъ появиться Подвижнику, или вождю, въ котораго народъ увѣруетъ, и за нимъ, не щадя жизни, двинутся миллионы массы, и Россія, не въ первый разъ, будетъ спасена, какъ бы чудомъ.

Разбой, грабежи, поджоги и всякаго рода неистовства могутъ продолжаться и послѣ паденія Совѣтской власти; и положить предѣлъ такому катастрофическому положенію можетъ только самъ русскій народъ; только сами же крестьяне, сознающіе, что для спокойнаго воздѣлыванія ихъ нивъ, имъ прежде всего необходимо будетъ избавиться отъ созданныхъ большевизмомъ изувѣровъ, они безжалостно станутъ истреблять тѣхъ изъ нихъ, которые, вмѣсто покорности и раскаянія, будутъ оказывать сопротивленіе.

Кто же, кромѣ самаго народа, можетъ сладить съ такимъ, напимѣръ, Ленинскимъ наслѣдіемъ, какъ семь миллионныхъ, потерявшихъ человѣческой ликъ полунагихъ, голодныхъ, безпризорныхъ подростковъ, — озлобленныхъ, озвѣрѣвшихъ, вусаящихся, наводящихъ страхъ на населеніе городовъ и сель, рыскающихъ по всей Россіи, распространяющихъ всевозможныя болѣзни и снискивающихъ себѣ пропитаніе воровствомъ и разными хитростями?

Кто, кромѣ самаго народа, можетъ справиться съ зараженными до мозга костей Совѣтскою пропагандою массами голы перекатной, не признающей, ни Бога, ни отечества, ни отца, ни матери, ни совѣсти, ни собственности?

Какова бы ни была въ обновляемой Россіи учрежденная, угодная народу твердая власть, она можетъ только всячески содѣйствовать стремленіямъ народа къ установленію законнаго порядка и защиты гражданскихъ правъ населенія, но избавиться отъ этой забольшевизованной, нравственно погибшей части населенія могутъ только сами крестьяне, такъ какъ для того, чтобы очистить окончательно Россію отъ этой чум-

ной заразы нуженъ единодушный, героическій подъемъ народнаго духа, безъ котораго правительственная власть можетъ оказаться безсильюю.

И русский народъ, — крестьяне, — несомнѣнно справятся съ этой задачею быстро и толково, — безъ чего невозможно осуществленіе стихійнаго ихъ стремленія къ спокойному хуторскому хозяйству, на правахъ собственниковъ.

Бываетъ и въ нормальное, спокойное время, что, народъ, не дожидаясь помощи полицейскихъ властей, самъ расправляется съ ненавистными ему злодѣями: таковы слуправляется съ ненавистными ему злодѣями: таковы случаи расправы русскихъ крестьянъ съ конокрадами; такова же будетъ ствовать противъ народной воли: въ такихъ случаяхъ спокойный на видъ русскій крестьянинъ становится мстителемъ, звѣрски беспощаднымъ.

Какъ бы ни были чудовищны происходяція при социальныхъ беспорядкахъ неистовства, винить въ нихъ цѣлый народъ, отнюдь не приходится: *неистовствуетъ разнузданная, сорвавшаяся съ цѣпи толпа*, какъ только административныя и полицейскія власти перебиты; толпа эта, при всей ея кажущейся многочисленности, представляетъ собою самую незначительную часть населенія и увлекаетъ за собою также только немногихъ, сравнительно, буяновъ и сорванцовъ.

Народъ же, по самой своей природѣ, состоитъ изъ людей мирныхъ, трудящихся, уважающихъ семейныя начала, религію и частную собственность: въ революціонныхъ лихолѣтіяхъ народъ самъ является главнымъ страдальцемъ и искупительною жертвою; и, какъ только взбаломученное море успокоится и войдетъ въ свои берега, — русскій народъ непременно окажетъ самое энергичное содѣйствіе въ томъ, чтобы возстановить законный порядокъ и вновь вступить на твердый путь, ведущій къ нормальному социально-экономическому развитію.

Русскія крестьянскія массы далеко еще не вышли изъ своего первобытнаго состоянія, и въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ городовъ и промышленныхъ центровъ сохраняютъ еще характерныя остатки, какъ кочевого *пастушескаго типа* (янеподвижность, праздное препровожденіе времени и т.

п.), такъ и кочевого типа разбойныхъ ордъ (молодецкая удаля, отчаянная храбрость и т. п.).

Но, въ общемъ, русскій народъ необыкновенно культуренъ и никакъ не можетъ сравниться съ иными коснѣющими въ неподвижности народностями, застывшими на своемъ уровнѣ первобытнаго состоянія, продолжающемся съ незапамятныхъ временъ и, подобно социальнымъ существамъ низшаго порядка (пчеламъ, муравьямъ, бобрамъ и другимъ), не обнаруживающимъ при этомъ ни малѣйшаго желанія имѣнія своей социальной организаціи.

Русскій народъ обладаетъ весьма устойчивыми характерными признаками своей самобытной національности; онъ, не только самъ способенъ воспринимать высшую цивилизацію опередившихъ его народовъ и вырабатывать собственныя оригинальныя образцы произведеній литературы, наукъ, искусствъ и всевозможной техники, но онъ обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательною способностью ассимилировать себѣ низшія расы народностей, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе.

Отрицать самобытность и творческую гениальность русскаго народа, зная исторію его социальна-экономическаго и политическаго развитія, не приходится.

То, что онъ образовался изъ многочисленныхъ, разноплеменныхъ, слившихся въ одно цѣлое народностей, сплетавшихся въ одну могущественную націю, является яркимъ доказательствомъ его самостоятельности и замѣчательной колонизаторской способности, ставящей его неизмѣримо выше тѣхъ націй, которыя, при покореніи народовъ, коснѣющихъ въ первобытномъ состояніи, относятся къ нимъ безсердечно и свысока и, вмѣсто цивилизаціи, доводятъ ихъ до порабощенія, вымиданія и гибели.

Русскій народъ еще далеко не сложился; процессъ ассимиляціи входящихъ въ составъ его различныхъ народцевъ далеко еще не законченъ и, конечно, будетъ продолжаться еще много лѣтъ; ассимиляціи русскому народу мирнымъ путемъ подвергаются, не только племена низшихъ расъ, но и проживающіе въ Россіи долгое время западные иностранцы; много проживало въ Россіи потомковъ инотранцевъ, превратившихся въ совершенно русскихъ, даже забывшихъ свой родъ-

ной языкъ, а между тѣмъ носящихъ фамиліи не только татарскія, калмыцкія и финскія, а и нѣмецкія, шведскія, голландскія, швейцарскія и французскія.

Съ другой же стороны, русскіе выходцы, проживающіе столѣтіями въ иностранныхъ государствахъ, сохраняютъ крѣпко свою самостоятельность: таковы, напримѣръ Русины въ Галиціи, Старовѣры въ Румыніи (150.000 человекъ) и духоборы въ Канадѣ.

Необыкновенная способность русскаго народа ассимилировать себѣ первобытные народы, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе, объясняется отчасти слабою степенью развитія его самого, легче воспринимаемою племенами низшихъ расъ, тогда какъ рѣзкій переходъ на болѣе высокую степень цивилизаціи оказался бы для нихъ совершенно недоступнымъ и непонятнымъ.

Но, главнымъ образомъ, счастливые результаты, достигаемые колонизаціей русскимъ народомъ, объясняются его добродушіемъ, вѣротерпимостью, снисходительностью и доброжелательствомъ, съ коотрымъ онъ относится къ своимъ низшимъ братьямъ, не считая ихъ врагами, а близкими соотечественниками.

Такимъ образомъ, только культурностью и самобытною гениальностью русскаго народа и объясняется замѣчательный историческій фактъ, что въ теченіе одного тысячелѣтія, крохотное, едва замѣтное языческое, примитивное Славянское племя создало необъятное по своей территоріи многомилліонное, могучее Государство Россійское.

А насколько велика воспріимчивость русскаго народа въ отношеніи успѣховъ западной цивилизаціи, не теряя при этомъ характера своихъ національныхъ спообностей, доказывается распространенными во всемъ образованномъ мірѣ его оригинальными произведніями, литературными, художественными и техническими.

Выбиты русскія крестьянскія массы съ нормальнаго, здороваго направленія ихъ соціально-экономическаго развитія, не впервые: то, что они были при ихъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, замкнуты въ сельскую общину, съ воспрещеніемъ выхода изъ подъ ига мірскаго схода навсегда, —

вмѣсто того, чтобы быть распределенными на хутора и превратиться въ полноправныхъ гражданъ, — было обстоятельствомъ, надолго парализовавшимъ ихъ свободную эволюцію. Но многіе изъ нихъ все же сумѣли собственными силами вырваться изъ этого заколдованнаго круга и стали расселяться на приобретаемыхъ ими на собственные же средства земельныхъ участкахъ въ личную собственность.

Также точно, собственными силами, русскія крестьянскія массы освободятся и отъ ненавистнаго имъ ига большевизма.

По свѣдѣніямъ большевистской прессы, несмотря на терроръ, совѣтскому правительству удалось перевести подъ коммунистическія хозяйства не болѣе 3% всей крестьянской земли.

Советское правительство не представляетъ собою твердой власти признаннаго народомъ правительства. Большевики, хотя и подчинили себѣ элементы городского и фабрично-заводскаго населенія, подъ страхомъ голода и террора, но крестьяне власть эту терпятъ только въ силу необходимости, — до времени.

Громадныя же пространства съ рѣдкимъ сельскимъ населеніемъ, удаленныя отъ административныхъ центровъ, отъ власти совѣтовъ, понятно, ускользаютъ, и всею русскою землею въ дѣйствительности владѣютъ не большевики, а крестьяне; большевики же посылаютъ отъ времени до времени по деревнямъ свою дружину, — красную армію, — какъ во времена Игоря и Святослава, собирать дань.

Численность коммунистической партіи, какъ это извѣстно изъ совѣтскихъ оффиціальныхъ источниковъ, въ сущности, весьма незначительна: на 1-ое января 1927 года членовъ коммунистической партіи состояло всего 733.174 человекъ, и въ томъ числѣ 147.513 женщинъ.

По сообщеніямъ же корреспондента англійской газеты «Observer» въ сентябрѣ 1928 года, по статистическимъ совѣтскимъ даннымъ, коммунистовъ числилось 800 тысячъ, и кандидатовъ въ эту партію 500 тысячъ, что, въ общемъ, представляетъ менѣе одного процента всего населенія. Комсомоль же утверждаетъ, что у него числится болѣе двухъ милліоновъ членовъ, изъ коихъ 459 тысячъ рабочихъ, 150 тысячъ сельско-хозяйственныхъ труженниковъ и 95.500 служащихъ въ красной

арміи и флотѣ. Женщинъ же въ коммунистической партіи числилось всего 157 тысячъ.

А если при этомъ принять во вниманіе, что большинство партіи составляютъ совѣтское правительство, многочисленные совѣтскіе служащіе и только нѣкоторая часть фабрично-заводскихъ рабочихъ, то ясно, что огромное большинство русскаго народа и, главнымъ образомъ, крестьяне, ничего общаго съ коммунистами не имѣютъ; въ высшей степени странно, *поэтому, что, какъ въ правительственныхъ органахъ и прессѣ, такъ и въ публикѣ за границею, до сихъ поръ смѣшиваютъ понятія о Россіи и русскомъ народѣ съ совѣтскими республиками.*

Русскій народъ сладилъ и освоился съ природными силами своего отечеста, казавшимися другимъ народамъ непреодолимыми; онъ перенесъ и свергнулъ татарское иго; онъ разсѣялъ Наполеоновскую армію; а что такое большевизмъ? — Это для него лишь болѣзнь, — та же чума, которая въ свое время также унесла массу русскихъ жертвъ, — но народа не погубила; Русскій народъ устоялъ противъ этихъ великихъ бѣдъ, онъ устоитъ и противъ большевизма.

*Комунизмъ и диктатура пролетаріата для русскаго крестьянина непонятны: онъ въ началѣ революціи смотрѣлъ на дѣло прямо въ корень: — дадутъ социалисты или большевики ему землю или нѣтъ? — Когда его увѣрили, что ему землю дадутъ, если онъ опрокинетъ и разобьетъ всѣ затрунявшія это дѣло препятствія, — онъ все опрокинулъ и все разрушилъ: но когда, вмѣсто ожидаемаго вѣчнаго потомственнаго владѣнія землею, ему предложили комунизмъ, то онъ сразу же понялъ, что его обманули и въ настоящее время *смотритъ на совѣтское правительство и на большевиковъ, какъ на своихъ злѣйшихъ враговъ, отъ которыхъ ему, во что бы то ни стало, необходимо избавиться.**

Совѣтское иго превзошло по своему жестокому абсолютизму все, что знала до сихъ поръ исторія челоѣчества: крѣпостнымъ крестьянамъ и даже невольникамъ жить было легче, чѣмъ трудящимся классамъ совѣтской Россіи, такъ какъ тѣ работали, не надрывая своихъ силъ, а хлѣбъ и кровь для нихъ и

для ихъ потомства были обезпечены. Коммунистическая же трудовая система внушаетъ *товарищамъ*, что они, будто бы, работаютъ *для себя*, чтобы они работали, не жалѣя своихъ силъ, *въ потъ лица*; а затѣмъ плоды ихъ трудовъ отбираются *въ общую пользу*, причемъ самимъ труженникамъ не остается даже самаго необходимаго для ихъ скуднаго прожитія.

Навязать русскимъ крестьянамъ такое насильственное отбирание продуктовъ земледѣлія большевикамъ не удалось: русскіе крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, сократили свои запашки до послѣдней степени необходимаго для собственного потребленія. Никакія жесточайшія мѣры не могли заставить крестьянъ отказаться отъ такого пассивнаго сопротивленія, и побѣжденной совѣтской власти пришлось уступить.

Съ тѣхъ поръ, годъ отъ году все выпуклѣе становились признаки того, что русскіе крестьяне, послѣ разразившагося надъ ними потрясенія, стали, наперекоръ большевизму, строить свою жизнь по своему; они несомнѣнно торжествуютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ размножаются и крѣпнуть ихъ исполинскія силы: рождаемость въ ихъ средѣ уже приняла такіе размѣры, что двадцати-милліонная потеря человѣческихъ жертвъ въ періодъ переживаемаго лихолѣтія уже покрыта, и населеніе продолжаетъ неудержимо расти.

Моментъ избавленія несомнѣнно наступитъ въ Россіи рано или поздно.

Совѣтская власть не долговѣчна. Безуспѣшно истощивъ террористическія мѣры для насажденія коммунизма, напрасно растративъ огромныя награбленныя богатства, она оказалась безъ силъ и безъ всякихъ средствъ для дальнѣйшаго своего существованія.

Уже имѣются налицо несомнѣнные признаки того, что несчастный русскій народъ приходитъ въ себя послѣ своего революціоннаго затемнѣнія, что онъ одумывается и проникается ужаснымъ сознаніемъ того, насколько онъ былъ жестоко обманутъ лъстивою пропагандою социалистовъ-революціонеровъ и большевиковъ.

Плачевные результаты, достигнутые цѣною много-милліонныхъ жертвъ, моря пролитой крови и полнаго раззоренія, какъ народа, такъ и всего государства Россійскаго, вызываютъ противъ узурпаторовъ ненависть, не только въ крестьянскихъ массахъ, но и среди фабрично - заводскихъ рабочихъ,

бывшихъ зачинщиками революціоннаго движенія; наблюдаются волненія даже и въ красной арміи, — остающейся единственною опорой совѣтской власти; враждебныя настроенія начинаютъ выражаться реально въ видѣ возстаній, которыя приходится подавлять вооруженною силою, но, чѣмъ болѣе при этомъ проявляется жестокости, тѣмъ это становится труднѣе.

Недопустима мысль, чтобы Россія могла погибнуть, подобно тому, какъ погибли цивилизаціи древнихъ народовъ, оставивъ послѣ себя замѣчательные памятники своего расцвѣта; погибла ихъ цивилизація вслѣдствіе того, что народы эти ослабли, изнѣжились и въ конецъ развратились; народныя массы древняго Рима, напримѣръ, дошли до того, что перестали работать, предпочитая существовать на счетъ порабощенныхъ народовъ; когда же рабы окрѣпли, они возстали и применили къ нашествію варваровъ, которые и овладѣли всѣмъ государствомъ.

Россія же перенесетъ свое лихолѣтіе, какъ великую революцію перенесла въ свое время Франція; Русская цивилизація еще только начинала зацвѣтать; объ изнѣженности и избалованности русскаго народа, не можетъ быть и рѣчи; колоссальная рабочая сила Россіи, не только не была ослаблена, но не находила для своей энергіи достаточнаго примѣненія; русскій народъ молодъ и силенъ, но его постигла страшная болѣзнь; болѣзнь эту онъ, однако же, перенесетъ и переживетъ, какъ пережилъ такую ужасную анархію и коммунизмъ въ древнія времена Китай.

Насажденіе коммунизма, какъ политической соціальной организаціи, слѣдуетъ вообще, признать абсурдомъ.

Коммунизмъ представляетъ собою идеальную соціальную организацію, если онъ учреждается по добровольному соглашенію входящихъ въ ея составъ членовъ, но тогда такая организація будетъ не политической, а духовнаго, сектантскаго порядка.

Въ первыя времена христіанства было, какъ извѣстно, образовано послѣдователями Христа не мало такихъ коммунистическихъ организацій, но всѣ онѣ въ своей основѣ имѣли пламенную вѣру во Христа и въ его ученіе, а, главное, — добровольное самоотверженное отреченіе отъ всѣхъ земныхъ благъ, и въ томъ числѣ отъ правъ личной собственности.

Но когда идея коммунизма переносится въ область по-

литическую и когда она насаждается революціоннымъ порядкомъ, насильственно ниспровергая выработанный въками соціальный строй, не останавливаясь въ этихъ црляхъ, ни предъ какими жестокостями и изуверствами, то какъ это также свидѣтельствуемъ исторія, идея коммунизма является, не только абсурдомъ, но и не имѣющимъ себѣ равнаго, возмущающимъ душу преступленіемъ.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, дали и могли дать, напримѣръ, Ленинъ и его послѣдователи, взаимнѣ лишенія населенія возможности добывать себѣ средства для улучшения своего благосостоянія?

Они соблазнили невѣжественныя русскія массы лживыми обѣщаніями, заставили ихъ подѣ страхомъ террора переносить неисчислимыя бѣдствія, пролили море крови, раззорили богатѣйшую въ мірѣ страну, но въ концѣ концовъ сами оказались въ критическомъ положеніи.

Русскія крестьянскія массы применили къ революціи, только изъ за безвыходнаго положенія на почвѣ аграрной. Но послѣ безумнаго возбужденія, окончившагося отчаяннымъ разочарованіемъ, Русскій народъ пришелъ уже въ себя, одумался и горитъ желаніемъ установленія твердой власти, которая обезпечила бы страну порядокъ, дисциплину, уваженіе религии и семьи и неприкосновенность частной собственности, т. е. всѣ условія, необходимыя для спокойной работы индивидуально трудящагося земледѣльца.

Революція и большевизмъ застали русскія народныя массы на порогахъ важнаго соціологическаго переживанія, его постепеннаго перехода отъ общиннаго, стаднаго, землепользованія къ индивидуальному, хуторскому хозяйству; и переходу его къ этой высшей ступени его соціально-экономическаго развитія не можетъ помѣшать никакая сила.

Переходъ земледѣльческихъ народовъ отъ сельско - общиннаго быта къ индивидуальному, хуторскому хозяйству, на правахъ собственности, является естественнымъ шагомъ впередъ на пути ихъ соціально-экономическаго развитія; сельская же община какъ временный бытовой періодъ, только подготовляетъ крестьянъ къ такому переходу; русское крестьянство за

послѣдніе годы уже обнаружило во многихъ мѣстахъ непреодолимое, стихійное стремленіе къ переходу отъ общиннаго хозяйства къ хозяйству индивидуальному, хуторскому, что доказываетъ тѣмъ, что, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, до революціи, уже около 40 милліоновъ десятинъ было занято хуторскими хозяйствами, созданными крестьянами и мѣщанами самостоятельно, на собственные средства, причемъ хозяйства эти давали наилучшіе результаты.

Случаи самостоятельнаго расселенія крестьянъ-общинниковъ на отруба, до закона 9-го ноября, встрѣчались сравнительно рѣдко, вследствие громадныхъ затрудненій, съ которыми было связано требовавшееся для этого согласіе со стороны мірскихъ сходоу, ввиду препятствій, которыя для этого представляли круговая порука и вопросъ о разверсткѣ недоимокъ, числившихся за нецсправными крестьянами, имѣвшими одинаковыя права на ихъ часть общественной земли.

Какъ одну изъ особенностей рѣшеній мірскихъ сходоу, слѣдуетъ отмѣтить принятый почти повсемѣстно обычай добиваться рѣшеній единогласныхъ, несмотря на то, что по Положенію о Крестьянахъ требовалось для вступленія ихъ въ силу, лишь большинство голосоу, и только для нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ вопросовъ большинство двухъ третей.

Поэтому ввиду трудности добиться единогласія, пререканія на мірскихъ сходахъ бывали очень шумны, продолжительны и кончались нерѣдко ссорами и даже драками; и только такими энергичными мѣрами большинство могло иногда заставить меньшинство примкнуть къ намѣченному рѣшенію.

Попытки крестьянъ нѣкоторыхъ обществъ добиваться освобожденія отъ деспотизма «міра», путемъ ли выкупа своего отдѣльнаго надѣла, или же путемъ раздѣла общественной земли между наличными домохозяевами, удавались въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Имѣется нѣсколько примѣровъ такого раздѣла въ Тульской, Тверской, Нижегородской, Могилевской и Смоленской губерніяхъ, — но т. к. противъ него всегда были кулаки и мироуды, эксплуатировавшіе бѣдность, то обсужденія по такому важному вопросу обыкновенно тянулись годами, причемъ въ большинствѣ случаевъ единогласія не получалось, и пререканія не приводили ни къ чему.

Первобытный уровень соціально-экономическаго развитія русскихъ крестьянъ, сохраненіе имъ патріархальныхъ

нравовъ въ укладъ сельской общины и беззаветную ихъ привязанность къ землѣ и къ традиціямъ предковъ слѣдуетъ отнести къ непреодолимымъ препятствіямъ для насажденія коммунизма и къ солиднѣйшимъ основаніямъ для возрожденія Россіи.

Жизненная сила русскихъ крестьянъ начинаетъ просыпаться во всю ея мощь, и торжество этой силы надъ насиліемъ узурпаторовъ становится день ото дня все очевиднѣе: крестьяне стали монополистами сельско-хозяйственного производства, являющагося въ настоящее время единственнымъ источникомъ существованія всего русскаго народа и вѣрнѣйшимъ залогомъ предстоящаго возрожденія Государства Россійскаго.

Побѣднымъ торжествомъ русскаго крестьянства надъ большевизмскимъ насиліемъ предвѣщается культурное, историческое назначеніе русскаго народа: наперекоръ выдвигающимся революціоннымъ ученіямъ, распространяющимся по всему свѣту, стремящимся поколебать и уничтожить семейныя и религіозныя начала и частную собственность, русскій народъ доказалъ всему міру, что безъ семьи и религіи не можетъ быть выработана общественная мораль, а безъ признанія частной собственности, являющейся плодомъ индивидуальнаго труда, немислимо достиженіе экономического благосостоянія человѣчества.

Русскій мужикъ — коренной землепашецъ, — онъ до сихъ поръ смотритъ на городскую жизнь, не съ завистью, а съ негодованіемъ: разсудокъ говоритъ ему, что богатство въ дѣйствительности одно, — это земля, а деньги и все остальное, — это тля, — пустое. Городской суетѣ онъ предпочитаетъ жизнь деревенскую, скромную, хотя и тяжелую и сопровождающуюся въ неурожайные годы крайними лишеніями, а иногда и голодомъ, — но зато — праведную; между тѣмъ, какъ городская жизнь представляется ему развратомъ: установившаяся за время большевизма вражда между деревней и городомъ, вполне подтверждаетъ такое положеніе вещей.

Между крестьянами и городскимъ населеніемъ, какъ извѣстно, установился страшный антагонизмъ вслѣдствіе того, что городскіе жители большевизму подичились, тогда какъ крестьяне ему упорно сопротивлялись; — и вслѣдствіе того еще, что деревня кормила городъ, между тѣмъ, какъ кре-

стьяне отъ города не получали даже самаго необходимаго. Но городъ безъ хлѣба обойтись не можетъ; онъ его добивается всѣми силами; отчаянная борьба эта несомнѣнно завершится побѣдой крестьянъ; крестьяне уже сознаютъ свою силу и съ большевистскою властью ни за что не примирятся.

Процессъ социальна-экономической эволюціи совершается по естественнымъ, непреложнымъ законамъ, отвѣчающимъ природѣ и врожденнымъ стремленіямъ тѣхъ, или другихъ племенъ и народовъ, вотъ почему задержать силою стремление русскихъ крестьянъ къ земельной собственности большевики могли только временно, но уничтожить это стремление не въ состояніи никакая сила, и на немъ большевики уже сломили свои копья.

Спасетъ Россію, главнымъ образомъ, то, что русский народъ сохранилъ свое стихійное тяготѣніе къ землѣ: въ то время какъ въ другихъ государствахъ послѣ войны наблюдается тревожный съ точки зрѣнія социальна-экономической фактъ усиленнаго переселенія сельскаго населенія въ города и забрасыванія крестьянами земледѣлія, въ Россіи, наоборотъ, крестьяне и подъ игомъ большевизма, остались до раболѣпія привязанными къ землѣ, и рабство это они считаютъ не за насиліе, а за вполнѣ естественное чувство, подобное чувству сосущаго грудь матери малыша, полного любви и признательности: обстоятельство это слѣдуетъ признать за вѣрнѣйшій залогъ того, что *Россія жива* и послѣ паденія большевизма возродится во всей своей силѣ и во всей своей красѣ.

Хотя задержанъ советскою диктатурою нормальный ходъ естественнаго социальна-экономическаго развитія русскаго народа лишь временно, но русскимъ крестьянамъ въ ихъ первобытномъ, невѣжественномъ, беспомощномъ состояніи, для дальнѣйшаго хода социальна-экономическаго развитія, опытные руководители необходимы.

Освободительная крестьянская реформа порвала социальна-экономическую связь между крупными землевладѣльцами и сельскимъ населеніемъ, состоявшимъ исключительно изъ коснѣвшихъ въ невѣжествѣ хлѣбопашцевъ. Сельское населеніе было лишено того земельного простора, безъ котораго при стад-

но-общинномъ землепользованіи, оно не могло кормиться, по мѣрѣ размноженія своего потомства; а помещики были лишены рабочихъ рукъ, — барщины, безъ которой они не знали, какъ использовать свои обширныя помѣстья; *прежняя социаль-но-экономическая организація была высочайшею волею от-мнена, безъ всякой къ тому предварительной, постепенной подготовки*; вотчины, кормившія, какъ бояръ, такъ и крестьянъ, раскололись навсегда на двѣ части и одна безъ другой погибли. Такимъ образомъ, *крестьяне не нашли руководителей, ни въ лицѣ помещиковъ, въ эпоху крѣпостной зависимости, ни въ лицѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ періодъ, истекающій послѣ ихъ освобожденія.*

Къ такому крупному шагу впередъ въ дѣлѣ ихъ цивилизаціи, какъ переходъ отъ стадно-общиннаго землепользованія къ самостоятельному, хуторскому хозяйству въ другихъ, опередившихъ Россію государствахъ, подготовка крестьянъ - общинниковъ продолжалась задолго до ихъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости.

Во Франціи, на примѣръ, какъ объ этомъ было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, сеньоры нашли полезнымъ, вмѣсто отбываемой крѣпостными крестьянами барщины, *организовать кооперативное совмѣстно съ ними хуторское хозяйство (mé-tayage)*, которое явилось для невѣжественныхъ хлѣбопашцевъ *практическою школою*, пробудившею въ нихъ сознаніе громад-ныхъ преимуществъ *индивидуальнаго трудового хозяйства* передъ первобытнымъ стадно-общиннымъ землепользованіемъ.

Комбинація эта, въ сущности, была проста и выгодна для обѣихъ сторонъ. Она состояла въ томъ, что крѣпостному крестьянину отводился въ пользованіе хуторской участокъ, — вмѣсто нормальнаго, — двойного размѣра, причемъ сеньоръ удваивалъ составъ домашняго скота, лошадей и птицы, добавляя въ кооперативное хозяйство столько головъ скота, лошадей и столько птицы, сколько ихъ было у крестьянина; затѣмъ былъ установленъ порядокъ, на основаніи котораго сѣмена, выдаваемые на посѣвъ, и расходы на искусственныя удобренія, вычитались изъ получаемаго урожая, а остальная часть урожая дѣлилась между сторонами пополамъ.

Въ изданныхъ мною трудахъ, являвшихся результатами моихъ многолѣтнихъ изслѣдованій по крестьянскимъ и земельнымъ вопросамъ, постоянно проводилась идея необходимости

созданія общности интересовъ между крупными землевладѣльцами и крестьянами на почвѣ чисто экономической: безъ установленія такой общности интересовъ, по моему мнѣнію, нельзя было и рассчитывать на достиженіе благосостоянія ни крестьянъ, ни самихъ землевладѣльцевъ.

Верхніе слои русскаго населенія еще съ легкой руки Великаго Петра, подъ вліяніемъ западно-европейской культуры, быстро онѣмечились и офранцузились, отказались отъ своего національнаго прошлаго, откололись отъ народныхъ массъ и превратились въ ихъ глазахъ въ чужихъ, — иностранцевъ.

Сельское же населеніе, какъ коснѣло въ невѣжествѣ, такъ и продолжало, предоставленное само себѣ, по прежнему коснѣть въ полной темнотѣ, не имѣя никакихъ точекъ соприкосновенія и ничего общаго съ интеллигентными классами.

Въ сознаніи такого безпомощнаго своего состоянія, русскіе крестьяне, въ переживаемое лихолѣтіе, стали выполнять, навязываемые имъ совѣтскимъ правительствомъ порядки только для видимости; но, движимые здравымъ смысломъ, они стали организовываться, на основаніи добровольныхъ соглашеній, *въ сельско - хозяйственныя объединенія*, подъ руководствомъ выдающагося между ними же, наиболѣе опытнаго и способнаго организатора, — хозяина-кулака; *создается, такимъ образомъ, то самое недостававшее у нихъ подготовительное, переходное состояніе, которое имъ нужно для пріобрѣтенія опыта и познанія практическихъ приѣмовъ, необходимыхъ при самостоятельномъ и индивидуальномъ хуторскомъ хозяйствѣ.*

По подсчетамъ совѣтскаго спеца Ларина, въ такихъ объединеніяхъ насчитывается около 20 тысячъ дворовъ.

Большевики испробовали на дѣлѣ опыты проведенія въ жизнь всѣ разновидности утопическихъ программъ социализаціи земли и ея воздѣлыванія и потерпѣли на этомъ полное пораженіе: на дѣлѣ оказалось, что земля безъ хозяина родить не будетъ, и, какъ ни добивались совѣты уравнивать крестьянское землепользованіе, вскорѣ-же изъ общей массы начали выдѣляться хозяева-кулаки, т. е. имѣющіе, по совѣтской регистраціи, болѣе трехъ головъ скота.

Пусть такой хозяинъ-руководитель называется кулакомъ, эксплуататоромъ, ростовщикомъ: — за неимѣніемъ лучшаго,

невѣжественнымъ хлѣбопашцамъ приходится довольствоваться и этимъ.

Деревенскій кулакъ въ глазахъ крестьянъ, въ дѣйствительности, никогда не представлялся человекомъ вреднымъ, иначе они всегда могли бы отъ него избавиться; онъ считался, наоборотъ, своимъ человекомъ, — полезнымъ, необходимымъ, и безъ котораго невозможно было обойтись. Поэтому крестьяне его уважали и завидовали ему, и въ душѣ каждый крестьянинъ за счастье считалъ бы самому сдѣлаться кулакомъ. Поэтому-же они кулака, какъ и прежнихъ кабатчиковъ — отъ нападковъ правительственныхъ властей всегда защищали и выгораживали, говоря: — «Намъ безъ него жить невозможно. Когда случится бѣда, — безъ него, кто-же намъ поможетъ?»

А то, что между крестьянскими кулаками найдется не мало замѣчательно способныхъ организаторовъ, одаренныхъ природнымъ умомъ и удивительною сметливостью, не подлежить никакому сомнѣнiю.

Конечно, на первыхъ порахъ невѣжественные хлѣбопашцы, расселившись на хуторахъ, будутъ продолжать обрабатывать свои участки тѣми же рутинными приѣмами, которые примѣнялись ими при стадно-общинномъ землепользованiи, т. е. заведутъ трехпольное хозяйство съ чернымъ паромъ: но ничего другого организовать невозможно, покуда они не будутъ имѣть возможности постепенно просвѣщаться, подъ руководствомъ опытныхъ, администраторовъ-хозяевъ.

Въ лицѣ мужиковъ-кулаковъ найдется, вѣроятно, немало толковыхъ организаотровъ, которые сумѣютъ установить въ образующихся вокругъ нихъ сельско-хозяйственныхъ объединенiяхъ извѣстный порядокъ и необходимую дисциплину, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно кооперативное предпрiятiе. Достаточно будетъ того, что при *такихъ условiяхъ въ хуторянахъ постепенно начнетъ вырабатываться сознание лежащей на каждомъ изъ нихъ ответственности за его поведение и дѣйствiя*; въ нихъ пробудится убѣжденiе въ томъ, что результаты ихъ трудовъ будутъ стоять въ прямой зависимости, какъ отъ степени проявленiя каждымъ изъ нихъ физическихъ усилiй, такъ и отъ ихъ такихъ моральныхъ качествъ, какъ заботливость, предусмотрительность, усердiе, сметливость, экономiя и т. п., которыя при стадно-общинномъ

землепользованію особаго значенія имѣть не могли, а при индивидуальномъ хозяйствѣ будутъ болѣе всего отражаться на успѣшномъ достиженіи благосостоянія хуторянина.

Такая подготовка невѣжественныхъ хлѣбопашцевъ - общинниковъ къ хуторскому хозяйству не только полезна, но и крайне необходима.

Фактъ созданія добровольныхъ организацій сельско-хозяйственныхъ объединеній, доказываетъ, насколько русскій народъ жизнеспособенъ и талантливъ; несмотря на пережитыя имъ невѣроятныя муки и на полное раззореніе, со свойственными ему выносливостью и неисчерпаемою энергіею онъ уже начинаетъ организовываться социальнo-экономически вновь.

Вокругъ заслуживающихъ общаго довѣрія организаторовъ, добровольно объединяется крестьянская бѣднота, и создаются кооперативныя хозяйства крупнаго масштаба; при условіяхъ общей выгоды для всѣхъ участвующихъ, и кулаку-хозяину выгоднѣе, чтобы крестьянскія хозяйства не раззорялись, а улучшались, чтобы скота у хуторянъ было больше, чтобы земля удобрялась вдоволь, и чтобы урожаи были обильнѣе; да и бѣднаго хуторянина съ его семьей положеніе становится обезпеченнѣе, живется сытнѣе, чѣмъ онъ жилъ въ обнищавшей сельской общинѣ, подъ игомъ мірскаго схода, безъ всякой надежды на выходъ изъ нищенскаго состоянія.

Если бы русскимъ крестьянамъ и въ дальнѣйшемъ удалось продолжать ихъ социальнo-экономическое развитіе въ этомъ направленіи, то это были бы несомнѣнно тѣ, наиболѣе благоприятныя условія, при которыхъ быстро возстановилось бы въ морально испорченныхъ массахъ населенія *уваженіе религіи, семьи и частной собственности.*

Оригинальныя сельско-хозяйственныя объединенія, несмотря на первобытныя приемы обработки земли, осуществляютъ необходимое для Россіи усиленіе производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и способствуютъ накопленію крестьянскими массами необходимыхъ средствъ, въ цѣляхъ обезпеченія необходимыми для улучшенія хозяйства оборудованіемъ и инвентаремъ.

Съ точки же зрѣнія социологической, бытовой, изъ этого факта усматривается, что, несмотря на жестокія совѣтскія притѣсненія, *совершается величайшій, историческаго значенія, процессъ перехода русскихъ крестьянъ отъ натурального,*

стадно - общиннаго землепользованія, къ индивидуальному трудовому, хуторскому хозяйству.

Создаваемые на основаніи свободныхъ соглашеній крестьянскія хозяйственныя объединенія, ничего общаго не имѣютъ съ насильственно насаждаемыми совѣтскимъ правительствомъ колхозами: потому-то именно и преслѣдуются *такія крестьянскія объединенія, что они могутъ въ недалекомъ будущемъ образовать настолько крѣпкую, непреодолимую силу, что съ нею не справится и самый жесточайшій терроръ, и что эта именно сила и свергнетъ тяготящее надъ Россіею иго большевизма.*

Создающіяся при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ крестьянскія хозяйственныя объединенія вокругъ наиболее энергичныхъ и способныхъ организаторовъ, принадлежащихъ къ той же, крестьянской средѣ, являются доказательствомъ того, что для созданія такихъ организацій изъ окрестныхъ хуторянъ, достаточно лишь того, чтобы внушать довѣріе окружающему сельскому населенію.

Интенсификація культуры, при хуторскомъ хозяйствѣ несомнѣнно можетъ достигать весьма высокой степени, а снабженіе хлѣбомъ и другими сельско-хозяйственными продуктами городовъ и городскихъ центровъ можетъ быть и при хуторскомъ хозяйствѣ съ теченіемъ времени настолько же обеспеченнымъ, какъ и при массовомъ производствѣ крупныхъ образцовыхъ хозяйствъ..

Въ своемъ трудѣ «Мелкое землевладѣніе въ Россіи и его нужды», А. И. Чупровъ говоритъ, что урожаи въ странахъ мелкаго хозяйства такихъ, какъ Бадень и Гессенъ, по всѣмъ родамъ хлѣба, выше, чѣмъ средніе урожаи Германіи, вообще, а также, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ крупными землевладѣніями, въ восточной Пруссіи; при этомъ онъ замѣчаетъ, что несмотря на острый ростъ населенія Германіи, ростъ хлѣбнаго производства въ ней обогналъ прогрессивное размноженіе ея населенія. I. Д. Бруцкусъ въ своей книгѣ, «Крестьянское хозяйство на Западѣ», говоритъ, съ другой стороны, что въ Даніи и Голландіи, гдѣ крестьянское хозяйство находится на высшемъ культурномъ уровнѣ, оно идетъ впереди хозяйствъ капиталистическихъ. *Однако же достигаются подобные результаты, не сразу, а въ продолженіи длительного періода,*

необходимаго для преобразованія невѣжественныхъ хлѣбопашцевъ въ культурныхъ земледѣльцевъ.

Если же при обновленіи Россіи опытный, внушающій къ себѣ довѣріе образованный организаторъ былъ бы, хотя и мелкимъ землевладѣльцемъ, но пользовался бы у правительства кредитомъ, то онъ могъ бы, насаждая между хуторянами какое нибудь спеціальное, массовое сельско-хозяйственное производство, въ скоромъ же времени обогатить цѣлый край: болѣе подробно эта комбинація была выяснена въ предыдущей главѣ.

Надо надѣяться, что, наконецъ, и въ области сельскаго хозяйства начнутъ создаваться этимъ способомъ великолѣпныя русскіе земледѣльцы, такіе же мастера своего дѣла, какіе уже давно созданы во всѣхъ другихъ отрасляхъ русской промышленности.

Ввиду предстоящаго дальнѣйшаго соціально-экономическаго развитія русскихъ крестьянъ, важно и необходимо поэтому, чтобы молодая русскія интеллигентныя силы ближе ознакомились съ настроеніями русскихъ народныхъ массъ, — и въ особенности крестьянъ, — такъ какъ безъ полнаго согласія съ ихъ настроеніями, выхода изъ хаотическаго состоянія, въ которомъ окажется Россія послѣ паденія совѣтской власти, найдено быть не можетъ.

Русскій народъ съ радостью приметъ твердую, угодную ему власть и покорно ей подчинится, такъ какъ безъ ея защиты его законныхъ правъ на землю и безъ спокойнаго труда, жить ему было бы невозможно.

Одной собственной увѣренности русской интеллигенціи въ той пользѣ, которую она могла бы принести русскому народу, еще недостаточно: ей необходимо кромѣ искренняго желанія поработать на его пользу заранѣе возбудить къ себѣ его довѣріе: она (русская интеллигенція), хотя и представляетъ собою духовныя силы русскаго народа, — но, какъ бы ни были даровиты ея представители, если русскимъ народнымъ массамъ не дано будетъ заблаговременно разобратся въ ихъ направленіи, то онѣ предпочтутъ пойти за своимъ братомъ мужикомъ, хотя бы и необразованнымъ, но понимающимъ ихъ настроеніе и, поэтому, заслуживающимъ довѣріе болѣе, чѣмъ люди неизвѣстные, или подозрительнаго направленія.

Необходимо, поэтому, чтобы интеллигентныя силы, намъ превающіяся посвятить свою дѣятельность возрождаемой Россіи, составили опредѣленную, въ духъ народномъ программу своихъ намъреній и дѣйствій, чтобы народъ могъ отличить своихъ желательныхъ соотечественниковъ отъ другихъ, — нежелательныхъ: въ программѣ этотъ крестьянскій, земельный вопросъ, конечно, долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ, такъ какъ вопросъ этотъ, съ одной стороны, касается подавляющаго большинства русскаго населенія, а, съ другой, — онъ представляетъ собою тотъ Гордіевъ узелъ, который не удалось распутать до революціи, и который, хотя революціоннымъ порядкомъ и разрубленъ, но настолько безобразно, что безъ того, чтобы заранѣе намѣтить какъ предполагается въ этомъ хаосѣ разобраться, зарубежной русской интеллигенціи являться въ Россіи будетъ не съ чѣмъ.

Въ Россіи предстоитъ великая соціально - экономическая реформа: превращеніе первобытнаго, нечужественнаго хлѣбопашца-общинника, жившаго до сего времени стаднымъ порядкомъ, подъ игомъ мірскаго схода, въ индивидуальнаго труженика-земледѣльца, — полноправнаго гражданина; хуторское хозяйство на правахъ самостоятельной земельной собственности явится тогда одною изъ главныхъ отраслей русскаго производства, — *сельско-хозяйственной промышленности*.

Достигнуть такого благопріятнаго положенія русскіе крестьяне могутъ только послѣ длительного и настойчиваго пріобрѣтенія сельско-хозяйственныхъ познаній и опыта, необходимыхъ для усиленія продуктивности обрабатываемыхъ ими хуторскихъ участковъ настолько, чтобы они могли отъ своихъ трудовъ, не только сами кормиться, но и выбрасывать на рынокъ излишекъ получаемыхъ продуктовъ и отъ продажи ихъ выручать достаточно денегъ, для улучшенія своего благосостоянія.

Рациональное разрѣшеніе этой великой задачи и лежитъ на обязанности русской интеллигенціи: выполненіе ея возстановитъ экономическую мощь Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ создастъ для дѣятелей въ этой области обеспеченное, почтенное общественное положеніе.

Совѣтскимъ правительствомъ пролито море крови, и Россія подверглась полному раззоренію, но совершенно напрасно. Крестьяне не получили никакого земельного удовлетворенія, а

потому въ совѣтской Россіи еще болѣе осложнился вызвавшій революцію соціально-экономическій кризисъ, выхода изъ котораго, покуда будетъ держаться диктатура большевиковъ, не предвидится: послѣ же ихъ паденія аграрный вопросъ опять окажется на первомъ планѣ.

Стремленіе русскихъ крестьянъ къ земельной собственности и есть тотъ шагъ впередъ въ ходѣ ихъ соціально-экономической эволюціи, отвѣчающій ихъ природѣ и выражающій созрѣвшую въ нихъ необходимость перейти отъ первобытнаго стадно-общиннаго землепользованія къ хозяйству индивидуальному.

Новая соціально-экономическая организація, къ которой стремятся русскіе крестьяне, послѣ пережитаго ими періода сельско-общиннаго быта, имѣетъ въ своемъ основаніи индивидуальную гражданскую самостоятельность, а источникомъ существованія — личный трудъ.

Иностранцамъ, посѣщавшимъ Россію, нѣтъ возможности, ни видѣть, ни даже подозрѣвать, насколько велико и могуче оказываемое русскимъ народомъ пассивное сопротивленіе большевизму, скрывающееся за кажущимся спокойнымъ его настроеніемъ: искусно организованная система шпіонства и доносовъ заставляеть каждого бояться, хотя чѣмъ либо обнаружить свое недовольство, или тѣмъ болѣе враждебность, большевизму, — въ особенности передъ иностранцами, для которыхъ устраиваются Потемкинскія декораціи.

Произведенный въ Россіи опытъ большевизма доказалъ, что какъ бы покоренъ и терпѣливъ ни былъ народъ, но насаждать свои идеи путемъ террора революціонные диктаторы могутъ только до извѣстнаго предѣла: никакая сила, никакія насильственныя мѣры не въ состояніи навязать ему неприемлемыя для него теоріи. Придетъ время, когда измученный произволомъ большевиковъ терпѣливый русскій народъ соберется съ силами и стряхнетъ ихъ иго: тогда насажденные большевиками соціальныя иллюзіи исчезнутъ, какъ кошмарный сонъ.

Хаосъ, конечно, можетъ продолжаться нѣкоторое время и послѣ паденія большевизма; могутъ появиться разбойныя шайки, вродѣ Пугачева и Стеньки Разина; но бѣдствія эти также будутъ временными, такъ какъ ужиться съ такими явленіями ни одна соціальная организація не можетъ.

Верхи правительственные могутъ еще много разъ смѣняться, покуда организуется прочная, угодная народу власть. — Русскій же народъ останется незыблемъ, какъ скала, и не сдвинется съ предназначеннаго ему пути въ исторіи его великаго будущаго.

Всему бываетъ конецъ, и наступитъ моментъ, когда и эти остатки большевизма утрясутся, разнузданныя страсти улягутся, и водворится желанное для русскаго мирнаго населенія успокоеніе.

Мировой урокъ большевизма въ Россіи со временемъ раскроетъ глаза и у другихъ народовъ; но русскій народъ, которому достался въ удѣлъ этотъ трагическій опытъ уже прозрѣлъ; онъ уже окрещенъ огнемъ и мечомъ; онъ цѣною крови заплатилъ за свое легковѣріе; онъ уже очистился отъ злой проказы коммунизма и въ онтошеніи революціонной пропаганды будетъ отнынѣ неуязвимъ.

Преимущество русскаго народа предъ народами не переболѣвшими большевизмомъ, въ томъ и заключается, что вѣроломно расписанная завѣса, изображавшая предъ его глазами прелести коммунизма, уже спала, и что онъ воочию увидѣлъ и на собственной шкурѣ испыталъ, насколько онъ былъ жестоко обмануть; онъ на дѣлѣ убѣдился въ томъ, насколько беззащѣтныя авантюристы, подстрекающіе простецовъ льстивыми рѣчами къ разрушенію существующаго соціального строя, сами создать ничего прочнаго не въ состояніи и къ государственному управленію совершенно неспособны.

Когда, и какая установится въ Россіи угодная народу твердая власть послѣ паденія совѣтской власти, впередъ, конечно, никто предсказать не можетъ.

Но горе Россіи, если бы овладѣть настроеніемъ и довѣріемъ русскихъ народныхъ массъ — опять удалось бы беззащѣтнымъ политическимъ реформаторамъ, и перенеслась бы въ нее зарубежная рознь русской интеллигенціи: тогда, вмѣсто успокоенія и вмѣсто ожидаемаго достиженія намѣченныхъ соціально-экономическихъ цѣлей, — опять разовьются партійныя ссоры, рознь, вражда, ненависть и классовая борьба.

Въ результатъ такого положенія вещей, переживаемое Рос-

сією лихолѣтіе могло бы втянуться еще на многіе годы: *безконечно же дѣлящееся состояніе безправія, произвола и междоусобій могло бы довести народныя массы до рѣшенія, подобнаго тому, къ которому пришли, по свидѣтельству летописца, въ 862 году мирные Славяне-хлѣбопашцы, призавшіе, для прекращенія междоусобій, для водворенія порядка и для организаціи объединенной защиты противъ набѣговъ кочевыхъ разбойныхъ ордъ, варяжскихъ князей съ ихъ дружинами, — откуда русская земля и пошла есть.* Героевъ же, готовыхъ воспользоваться беспомощнымъ положеніемъ русскаго народа, найдется сколько угодно.

Надо, однако же, надѣяться, что послѣ пережитаго русскимъ народомъ большевистскаго лихолѣтія, революціоннымъ авантюрамъ марксистскаго порядка въ Россіи не будетъ мѣста, и умиротвореніе народныхъ массъ изъ области политики перенесется въ область соціально-экономическую, изъ которой ему никогда не слѣдовало и выходить.

И въ самомъ дѣлѣ, спрашивается, какая будетъ надобность русскимъ крестьянамъ, — слушать революціонныхъ проповѣдниковъ соціализма, когда почти вся земля уже не въ ихъ рукахъ, и когда вмѣсто общаемаго укрѣпленія за каждымъ земледѣльцемъ правъ собственности на воздѣлываемый имъ участокъ, революціонеры всегда начинаютъ съ того, что отнимаютъ у земледѣльцевъ и тѣ собственные участки, которые были ими пріобрѣтены на собственные средства, нажитыя долгимъ и упорнымъ трудомъ?

Великая будущность государства Россійскаго обезпечена сочетаніемъ обширнѣйшей въ мірѣ территоріи съ немнѣющею себѣ равной громадною рабочею силою.

Въ Россіи имѣются огромныя пространства, входившія преимущественно въ составъ земель государственныхъ имуществъ, которыя въ настоящемъ ихъ видѣ для земледѣлія совершенно неудобны; для превращенія ихъ въ культурныя потребовались бы усовершенствованные техническіе способы; которые потребуютъ затраты значительныхъ капиталовъ, а потому для хуторянъ они совершенно недоступны.

Сюда относятся громадныя пространства, занимаемыя песками, тундрами и непроходимыми болотами, не приносящими никакого дохода.

При современныхъ усовершенствованныхъ пріемахъ пре-

вращенія самыхъ неудобныхъ пространствъ, — болотъ и псковъ, неудобныхъ земель для земледѣлія, вообще, не существуетъ, а все зависитъ отъ размѣровъ, необходимыхъ для превращенія такихъ земель въ культурныя, затратъ капиталовъ и труда.

То, что болота могутъ превращаться въ превосходныя пастбища и распахиваться подъ поля, доказано блестящимъ образомъ на опытахъ, произведенныхъ и въ Россіи. Но за такія грандіозныя предпріятія могутъ браться только предприниматели, не только обладающе необходимыми техническими знаніями и опытомъ, *но и значительными капиталами*. Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ широкое поле для сельско-хозяйственной дѣятельности концессионной, на условіяхъ, облегчающихъ и поощряющихъ организацію сельско-хозяйственныхъ предпріятіи съ массовымъ производствомъ продуктовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ успѣшнаго ихъ развитія, они будутъ увеличивать и доходы казны.

Что же касается *неимѣющей себѣ равной русской рабочей силы*, то сила эта до сего времени коснѣеть въ невѣжествѣ и дремлетъ неиспользованною безъ дѣла, — между тѣмъ, какъ неисчерпаемыя природныя богатства Россіи во многихъ случаяхъ остаются нетронутыми. Для того, чтобы сдвинуть съ мѣста эту рутину, необходимо объединеніе массовой силы труда съ знаніемъ: русская рабочая сила ждетъ этою знанія, и преподнести это знаніе русской рабочей силѣ должны грядущія поколѣнія русской интеллигенціи.

Было бы большою ошибкою предполагать, что міровое производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ будетъ безконечно увеличиваться. Сѣв.-Амер. Соед. Штаты представляютъ изъ себя далеко не вѣчный, неисчерпаемый источникъ, изъ котораго могли бы удовлетворяться міровыя требованія на хлѣбъ, каковы бы они не были: массовое *производство хлѣба*, въ С. А. С. Штатахъ, *хотя и усовершенствованными механическими способами, слѣдуетъ признать, лишь результатомъ первѣйшихъ силъ и энергіи, проявленныхъ создавшейся въ Новомъ Свѣтѣ новой націи*. Но дѣйствиныя земли знаменитаго Фаръ-Веста уже распаханы и истощаются.

Подобно другимъ народамъ, какъ только американцы начали себя чувствовать въ отношеніи хлѣба вполне обеспеченными, они стали направлять свои силы и энергію на развитіе

другихъ отраслей производства, болѣе выгодныхъ и представляющихъ для жизни при меньшей затратѣ физическаго труда, болѣе удобствъ и комфорта, сравнительно съ земледѣліемъ.

По расчетамъ профессора Гейнриха Тайлора, капиталъ населенія С. А. С. Штатовъ, занимающагося земледѣліемъ, въ періодъ 1920-26 годовъ, уже былъ въ 20 милліоновъ долларовъ, т. е. на 25% ; а, если принять то вниманіе то, что этотъ періодъ, какъ разъ, совпадаетъ съ временемъ гигантскаго развитія промышленности и вывозной торговли С. А. Штатовъ, то становится яснымъ, что населеніе ихъ начинаетъ забрасывать земледѣліе, какъ это происходитъ и въ европейскихъ государствахъ и переселяется въ города и промышленные центры, гдѣ трудъ оплачивается дороже, и жизнь веселѣе.

Фактъ этотъ подтверждается слѣдующими цифрами: переселеніе деревенскихъ жителей въ города въ С. А. С. Штатахъ опредѣляется уже ежегодно въ одинъ милліонъ; а стоимость забрасываемыхъ, заложенныхъ въ банкахъ земель уже упала болѣе, чѣмъ на 30%.

Такого явленія, при массовомъ производствѣ земледѣльческихъ продуктовъ, организованныхъ на кооперативныхъ началахъ хуторскихъ хозяйствъ, какъ это нами предлагается для обновленной Россіи, быть не можетъ.

Заманчивое значеніе жизни въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, сравнительно съ жизнью деревенской, благодаря замѣчательному развитію въ С. А. С. Штатахъ торгово-промышленной дѣятельности, не можетъ, конечно, продолжаться вѣчно: предѣлъ такому положенію вещей будетъ положенъ уже ясно опредѣляющимся на горизонтѣ *спектра мірового перепроизводства всевозможныхъ фабрично-заводскихъ продуктовъ*, отсутствіемъ рынковъ сбыта и уменьшеніемъ покупательной способности населенія, вслѣдствіи возрастающей дороговизны жизни: обстоятельство это было выяснено съ большою силою Г. Гендерсономъ, однимъ изъ видныхъ лидеров *Labour Party*, на многолюдномъ митингѣ углекоповъ, въ цѣляхъ выясненія имъ, что кризисъ безработицы, которымъ страдаютъ многія государства, угрожаетъ въ будущемъ усиленіемъ, а отнюдь не сокращеніемъ.

Но такъ какъ земледѣліе всегда было и будетъ, сравнительно съ другими предпріятіями занятіемъ несравненно болѣе тяжелымъ и менѣе прибыльнымъ, то какъ это доказываетъ

опытъ, городскіе и фабрично-заводскіе рабочіе, избалованные болѣе легкою и веселою жизнью, никогда къ плугу возвращаться не будутъ и по прежнему будутъ предпочитать нищенствовать въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, чѣмъ скучать въ деревнѣ.

Россіи же, въ силу ея географическаго, континентальнаго положенія, навѣки суждено оставаться страной, по преимуществу земледѣльческою, причемъ, быть можетъ въ недалекомъ будущемъ ей будетъ предназначено самою судьбою выбрасывать на иностранные рынки громадныя массы всевозможныхъ земледѣльческихъ продуктовъ.

Одного этого соображенія уже достаточно для того, чтобы сознать, насколько важно будетъ, при обновленіи Россіи озаботиться объ организаціи наиболѣе, по возможности, благоприятныхъ условій для удержанія ея сельскихъ массъ у земли, путемъ созданія сносной жизни въ деревнѣ: безъ обезпеченія сельскаго хозяйства обиліемъ живущихъ въ довольствѣ рабочихъ рукъ, оно не можетъ процвѣтать, ни въ мелкомъ хуторскомъ масштабѣ, ни въ крупныхъ хозяйствахъ съ массовымъ производствомъ зерна и другихъ продуктовъ.

Когда наступитъ успокоеніе, прежде всего необходимо было бы создать благоприятныя условія для проведенія въ жизнь социальнo-экономической организаціи, которая соотвѣтствовала бы выработанному вѣками мировоззрѣнію Русскаго народа и унаслѣдованнымъ имъ исторически сложившимся традиціямъ.

Предлагаемый трудъ отнюдь не имѣетъ ввиду плана какой нибудь политической реформы, для проведенія его въ жизнь послѣ паденія большевизма.

Авторъ этого труда ограничивается скромнымъ желаніемъ *намѣтить въ общихъ чертахъ* тѣ социальнo-экономическія условія, безъ соблюденія которыхъ великая задача возстановленія благосостоянія русскаго народа и возрожденія политической мощи Россіи оказались бы неосуществимыми, даже и тогда, когда послѣ бури въ ней наступитъ затишье и взбаломученное море войдетъ въ свои берега.

Заканчивая нашъ трудъ повторяемъ соображенія, позволяющія рассчитывать на близкое возрожденіе Россіи, и имѣющія слѣдующія основанія:

1) *Русскій народъ, — крестьяне, — еще держится пат-*

риархальныхъ нравовъ: онъ религіозенъ и уважаетъ семейныя начала.

2) *Въ немъ созрѣло уже основаніе необходимости перехода отъ первобытнаго сельско-общиннаго состоянія къ индивидуальному труду и къ расселенію на хутора.*

3) *Онъ беззапятно привязанъ къ землѣ, какъ къ кормилицѣ - матери.*

4) *Онъ ждетъ твердой власти, которая организовала бы государственный порядокъ и законную защиту правъ частной собственности.*

5) *Большевики окрестили его огнемъ и мечомъ, и онъ сталъ въ отношеніи революціонной пропаганды неуязвимъ.*

6) *Онъ ждетъ просвѣщенія, и всякое практическое содѣйствіе въ этомъ отношеніи приметъ съ благодарностью.*

Историческая будущность русскаго народа огромна.

Русскія крестьянскія массы переживаютъ тотъ историческій періодъ Древняго Рима, когда народъ стоявшій на той же первобытной степени цивилизаціи, на которой проживаютъ наши хлѣбопашцы, — также фанатически требовалъ земли, и, для его удовлетворенія были изданы противъ патриціевъ Лициніевы законы съ героической энергіей защищавшіеся знаменитыми трибунами Тиберіемъ и Каемъ Гракхами.

Россія такихъ трибуновъ на свѣтъ не произвела. Но счастье ея заключается въ томъ, что она и не дожила до того пережитаго Древнимъ Римомъ періода, когда тотъ же народъ, развращенный безпечною городскою жизнью, и ея развлеченіями, отвыкнувъ отъ труда, отсталъ отъ земли, забросилъ ее, и дѣло дошло до того, что никакія поощрительныя мѣры правительства уже не могли поднять упавшаго земледѣлія, такъ какъ для этого не доставало самаго главнаго: *трудолюбиваго сельскаго населенія.*

До такого трагическаго положенія, чтобы граждане отказывались отъ родной земли, русскія крестьянскія массы не только не дошли, но никогда и не дойдутъ; въ этомъ и заключается вѣрнѣйшій залогъ того, что Россія, послѣ паденія совѣтской диктатуры — *если только тому не помѣшаютъ внутренніе раздоры политическихъ партій,* — быстро возстановится во всемъ своемъ прежнемъ величіи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Взеденіе — А. В. Карташева	5
Къ читателямъ — Автора	9
Глава I. Коренныя причины развала Россійской Имперіи	17
> II. Роковыя послѣдствія освободительной реформы 1861	30
> III. Принципы здороваго государств. землеустройства ..	81
> IV. Перенаселеніе русскихъ сельскихъ общинъ	99
> V. Распредѣленіе русскихъ крестьянъ-общинниковъ на хутора	129
> VI. Эволюція мірового денежнаго обращенія	145
> VII. Финансово - аграрная проблема	159
> VIII. Судьба крупныхъ землевладѣній въ Россіи	209
> XI. Культурное просвѣщеніе хуторянъ	225
> X. Заключение	251